…ОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАФЕДР МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Доклады и лекции

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ НАУКА»

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ при СНК СССР

Всесоюзное совещание руководителей кафедр марксизма-ленинизма

ДОКЛАДЫ и ЛЕКЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ НАУКА“

МОСКВА ★ 1941

1—15 июля 1939 г. в г. Москве состоялось Первое всесоюзное совещание руководителей кафедр марксизма-ленинизма высших учебных заведений, обсудившее итоги преподавания курса «Основы марксизма-ленинизма» в вузах и наметившее конкретные мероприятия по улучшению политического воспитания студенчества, вооружению его марксистско-ленинской теорией и дальнейшему развертыванию идейно-политической и организационно-методической работы кафедр марксизма-ленинизма вузов.

После обсуждения итогов преподавания курса для участников совещания были организованы лекции по основным вопросам марксистско-ленинской теории, а также по актуальным политическим вопросам.

Идя навстречу пожеланиям кафедр марксизма-ленинизма, Комитет по делам высшей школы при СНК СССР издает стенограммы прочитанных для участников совещания докладов и лекций, отдельным сборником.

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ПРЕПОДАВАНИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

С. В. КАФТАНОВ

Председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР

1938/39 учебный год был годом подъема всей работы высшей школы нашей великой родины. Можно сказать, что он был переломным годом в деле улучшения организации и руководства высшим образованием в нашей стране, улучшения работы всех звеньев высшей школы.

Для нас, работников высшей школы, огромное значение имело Первое всесоюзное совещание работников высшей школы, происходившее в мае 1938 г., выступление на этом совещании главы Советского правительства товарища Молотова, прием участников совещания в Кремле членами правительства и руководителями нашей партии и особенно речь на этом приеме вдохновителя и организатора наших побед — великого Сталина.

Работники высших учебных заведений и советское студенчество, вдохновленные речью товарища Сталина, развернули большую работу по проведению в жизнь его гениальных указаний о передовой науке и о ее кадрах. Большую работу провели за истекший период работники высшей школы по осуществлению указаний ближайшего соратника товарища Сталина, главы Советского правительства В. М. Молотова.

Во всех высших учебных заведениях Союза развернулась научно-исследовательская работа, растут и крепнут новые кадры передовой советской науки, кадры советской интеллигенции.

Одним из самых важных событий в жизни высшей школы за истекший период является перестройка преподавания марксистско-ленинской теории на основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», на основе решений ЦК партии о партийной пропаганде.

Успехи нашей работы являются неотъемлемой частью исключительного политического подъема в стране, который с особой силой развернулся в связи с работой и решениями XVIII съезда ВКП(б).

XVIII съезд партии подвел итоги грандиозных побед советско-

го народа, достигнутых под руководством гения и вдохновителя строительства социализма в нашей стране, лучшего друга и учителя советского народа и трудящихся всего мира — великого Сталина.

XVIII съезд партии явился великой исторической вехой в жизни нашей страны и трудящихся всего мира. Грандиозный план третьей Сталинской пятилетки, принятый XVIII съездом ВКП(б), стал программой победоносного движения Советского Союза по пути полной победы коммунизма в нашей стране. Доклад товарища Сталина на этом съезде как могучий прожектор осветил наше движение вперед, подвел итоги и открыл новую страницу в истории нашей борьбы за коммунизм. Решения XVIII съезда ВКП(б) и доклад товарища Сталина дали развернутую программу постепенного перехода нашей страны от социализма к высшей фазе — коммунизму.

Доклад товарища Сталина является новым вкладом в богатейшую сокровищницу марксизма-ленинизма, дальнейшим развитием марксистско-ленинской науки, обобщением гигантского опыта диктатуры рабочего класса в нашей стране, обобщением итогов более чем 20-летнего существования советского государства.

Товарищ Сталин поднял на новую, высшую ступень учение марксизма-ленинизма о социалистическом государстве и его основных задачах и функциях в условиях капиталистического окружения, исчерпывающе разработал вопрос о значении и роли социалистического государства в достижении полной победы коммунизма.

В своем докладе товарищ Сталин дал непревзойденный анализ изменения облика нашей интеллигенции, процесса нарождения и складывания у нас новой, советской социалистической интеллигенции, вышедшей из народа и готовой служить народу верой и правдой. Учение товарища Сталина о советской народной интеллигенции, руководящих кадрах советского государства, об их роли в борьбе за победу коммунизма является обобщением грандиозного опыта борьбы нашей партии, развитием марксистско-ленинской теории в новых условиях.

XVIII съезд партии поставил перед нами величайшую задачу — в кратчайший исторический срок, в ближайшие 10—15 лет, догнать и перегнать передовые капиталистические страны также и в экономическом отношении. Огромная роль в разрешении этой задачи принадлежит советской интеллигенции. Велика роль советской интеллигенции и в разрешении основной задачи третьей Сталинской пятилетки — в коммунистическом воспитании трудящихся и ликвидации пережитков капитализма в сознании людей. Это обязывает нас, работников высшей школы, работников кафедр марксизма-ленинизма, всей своей деятельностью оправдать доверие советского народа, доверие нашей партии, поручившей нам воспитание молодой советской интеллигенции. Для того чтобы лучше выполнить эту задачу, оправдать это высокое доверие, мы должны в своей работе всегда руководствоваться гениальны-

ми указаниями наших великих учителей Ленина и Сталина о подготовке кадров для Советского государства, об идейно-политическом воспитании советской интеллигенции.

Указание товарища Сталина о кадрах, как о золотом фонде нашей партии, об их марксистско-ленинском воспитании, об их значении для социалистического строительства является программой нашей работы, выполнение которой стало решающим фактором всех дальнейших успехов нашей страны.

Отмечая огромную роль кадров, товарищ Сталин в 1935 г. в своей рече на выпуске академиков Красной Армии говорил:

> «Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все». Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, — наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров — будем хромать на обе ноги».

Наша партия и советское правительство провели колоссальную работу по подготовке новых кадров социалистического строительства. Армия советской интеллигенции в настоящее время выросла до 9 591 тыс. человек. В числе этой многомиллионной армии советской интеллигенции имеется свыше 400 тыс. специалистов с высшим образованием, выпущенных из стен высших учебных заведений за истекшие годы — со дня речи товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии. В борьбе за кадры в СССР народилась и сложилась

> «...многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой» (Сталин).

Достижения нашей страны на фронте подготовки кадров советской интеллигенции являются результатом повседневной заботы партии большевиков, непосредственного руководства товарища Сталина делом высшего образования в нашей стране.

На каждом этапе социалистического строительства товарищ Сталин, на основе глубочайшего марксистско-ленинского анализа действительности, дает партии и советскому народу лозунги, являющиеся путеводными указаниями в творческой работе всей страны.

В годы первой пятилетки, когда осуществлялась техническая реконструкция народного хозяйства, товарищ Сталин дал партии и советскому народу лозунг овладения техникой. В последующий исторический период — во вторую пятилетку, когда в СССР была создана новая советская техника, товарищ Сталин дал

новый лозунг — **кадры, овладевшие техникой, решают все.**

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. товарищ Сталин в своем докладе о недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников дополнил лозунг о кадрах, овладевших техникой, лозунгом **об овладении большевизмом.** На этом пленуме товарищ Сталин говорил:

«Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу до верху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач».

На основе этих указаний товарища Сталина в нашей стране развернулась большая работа по политическому воспитанию кадров.

На XVIII съезде партии товарищ Сталин снова с исключительной силой подчеркнул роль и значение политического воспитания наших кадров. Он говорил:

«Нет необходимости, чтобы специалист-медик был вместе с тем специалистом по физике или ботанике и наоборот. Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнувшегося, скажем, в математику, ботанику или химию, и не видящего ничего дальше своей специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки, — он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной. Это будет, конечно, дополнительной нагрузкой для большевиков специалистов. Но это будет такая нагрузка, результаты которой окупятся с лихвой».

Эти указания товарища Сталина для нас, работников высшей школы, воспитывающих кадры советской интеллигенции, имеют исключительное значение. Все наши силы, вся энергия должны быть направлены на то, чтобы с честью выполнить эти указания.

Товарищ Сталин не только поставил задачу овладения большевизмом, — он вооружил нас своими замечательными теоретическими трудами, являющимися дальнейшим развитием марксистско-ленинской теории. При его непосредственном участии создано мо-

гучее идейное оружие большевизма «Краткий курс истории ВКП(б)».

«Краткий курс истории ВКП(б)» и постановление ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде вооружили нашу партию и многомиллионные кадры советской интеллигенции оружием величайшей силы. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» обобщен всемирно-исторический опыт великой партии Ленина—Сталина, опыт борьбы партии против всех врагов марксизма. Он вооружает наши кадры знанием законов общественного развития и политической борьбы, знанием движущих сил революции. «Краткий курс истории ВКП(б)» является острейшим оружием в руках наших кадров в борьбе за полную победу коммунизма.

Глубокое изучение этой великой сокровищницы марксизма-ленинизма должно быть положено в основу всей нашей работы по политическому воспитанию кадров специалистов для всех отраслей народного хозяйства.

* * *

Советская высшая школа является кузницей, готовящей кадры советской интеллигенции, кадры командиров, руководящих работников нашей великой социалистической родины. Советское студенчество представляет собой один из отрядов нашей советской народной интеллигенции, готовящейся в стенах вузов к руководящей работе. Высшая школа готовит кадры для всего народного хозяйства: инженеров, врачей, агрономов, учителей, художников, ученых, руководителей государственных органов, командиров Красной Армии и Флота. Коммунистическое воспитание советского студенчества, вооружение его марксистско-ленинской теорией является первоочередной, важнейшей задачей высшей школы.

Постановление ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде с исключительной силой вскрыло недостатки в преподавании марксистско-ленинской теории в вузах. Эти недостатки, как известно, заключались, главным образом, в отрыве преподавания марксизма от ленинизма, диалектического и исторического материализма от истории партии. Политическая экономия, диалектический и исторический материализм, история партии и ленинизм, преподававшиеся раньше в вузах, преподносились студентам нередко как совершенно не связанные друг с другом дисциплины. Основы марксизма-ленинизма не находили должного отражения ни в учебниках, ни в лекциях, читавшихся в вузах.

В программах и учебниках, в преподавании марксизма-ленинизма теоретические вопросы часто ставились и разрешались абстрактно, схоластически, в отрыве от жизни нашей партии, вне связи с современностью.

В постановлении ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде даны не только глубокий анализ недостатков, но и ясная, четкая программа

работы по перестройке преподавания марксистско-ленинской теории в высшей школе.

Каковы итоги выполнения этого исторического постановления? Каковы результаты работы вузов в этой области?

Прежде всего нужно подчеркнуть, что решение ЦК партии воодушевило всех работников, профессорско-преподавательский состав, студенчество вузов на глубокое изучение марксистско-ленинской теории.

На основе введения курса «Основы марксизма-ленинизма» был ликвидирован разрыв в преподавании между марксизмом и ленинизмом, между диалектическим и историческим материализмом и историей партии. Введение курса «Основы марксизма-ленинизма» обеспечило изучение студентами марксистско-ленинской теории в неразрывном единстве всех ее составных частей. Это — главный итог работы высшей школы в перестройке преподавания теории марксизма-ленинизма.

За это время в вузах сложился и окреп квалифицированный коллектив преподавателей основ марксизма-ленинизма. Серьезным достижением этого коллектива является большая работа, проделанная преподавателями в ликвидации ими односторонности своей подготовки и теоретической отсталости.

Читая лекции по основам марксизма-ленинизма, овладевая богатейшим идейным содержанием «Краткого курса истории ВКП(б)», преподаватели истории партии, политэкономии, философии значительно повысили свой идейно-политический уровень, свою деловую квалификацию. Однако все это — только начало большой творческой работы по дальнейшему теоретическому и политическому росту кадров преподавателей марксизма-ленинизма.

Исключительно важным итогом работы вузов является повышение идейно-политического уровня подготовки и рост политической активности студенчества, нашедшие свое яркое выражение в усилившейся тяге передовой части учащихся высшей школы в партию, комсомол, в серьезном изучении, в овладении теорией марксизма-ленинизма, в активном участии студентов вузов во всех важнейших политических событиях, во всех важнейших государственных мероприятиях, проводившихся в нашей стране за последнее время.

Значительное повышение уровня подготовки, серьезные знания студентов в области марксистско-ленинской теории показали и прошедшие в вузах экзамены по курсу «Основы марксизма-ленинизма».

С удовлетворением следует отметить также рост политической активности профессоров и преподавателей высшей школы, огромную тягу их к изучению марксистско-ленинской теории. Многие высококвалифицированные старые специалисты, до выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» не занимавшиеся систематически изучением марксизма-ленинизма, теперь проявили исключительный интерес к этому делу, стали активными участниками проводив-

шихся в вузах конференций по вопросам марксизма-ленинизма, регулярно посещают лекции и консультации по истории партии, философии.

Яркой иллюстрацией этого может служить, например, Московский институт стали им. Сталина. В этом институте в работах конференции по книге В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» приняли участие 56 профессоров, преподавателей и научных работников. В конференции участвовали такие ученые, как заслуженный деятель науки и техники доктор технических наук проф. Минкевич, член-корреспондент Академии наук СССР проф. Капустинский, профессора Поспелов, Старк, Белопольский, Миркин и др.

На высоком уровне, при большой активности профессорско-преподавательского состава проходили конференции в Московском университете, в Ленинградском политехническом институте, в Азово-Черноморском сельскохозяйственном институте и многих других вузах Советского Союза.

На основе выполнения постановления ЦК ВКП(б) о пропаганде в вузах широко развернулась работа кафедр марксизма-ленинизма. Многие кафедры, например, кафедры марксизма-ленинизма Московского геологоразведочного института, Института прокуратуры, Ленинградского политехнического института, Ленинградского института советской торговли, Свердловского педагогического института, Горского сельскохозяйственного института, Ижевского медицинского института и другие, стали за истекший период серьезной учебно-педагогической силой в своих вузах.

Остановлюсь на отдельных вопросах преподавания курса «Основы марксизма-ленинизма» в высшей школе.

Решающим условием успеха преподавания любой дисциплины, а для курса «Основы марксизма-ленинизма» это имеет особенное значение, является состав преподавательских кадров, состав лекторов.

Какими кадрами располагала высшая школа к моменту опубликования постановления ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде?

На 1 октября 1938 г. в наших вузах насчитывалось 1232 преподавателя социально-экономических дисциплин. С тех пор состав преподавателей марксизма-ленинизма в вузах значительно пополнился новыми кадрами, подготовленными через вузы и аспирантуру, а также за счет товарищей, пришедших с партийной и общественной работы.

Важное значение в деле подготовки кадров преподавателей марксизма-ленинизма имеет аспирантура по социально-экономическим дисциплинам. В 1938/39 учебном году эта аспирантура насчитывала в своем составе до 300 человек. За истекшие два года было вновь принято в аспирантуру по этим дисциплинам свыше 500 человек, причем значительно увеличилось количество принятых в аспирантуру по специальности «История ВКП(б)».

Таким образом, в настоящее время в аспирантуре по социально-

экономическим дисциплинам состоит свыше 800 человек. Это серьезная сила. Если иметь в виду, что на 1 сентября 1938 г. в социально-экономической аспирантуре насчитывалось не больше 25—30 чел. по всем вузам, то станет ясно, какой огромный шаг вперед сделан в вузах за последние годы в области подготовки высококвалифицированных кадров преподавателей марксизма-ленинизма для высшей школы.

Как обстоит дело с теоретической подготовкой, научной квалификацией работающих в вузах преподавателей основ марксизма-ленинизма?

В последние годы мы имели, хотя и небольшой, теоретический рост наших преподавательских кадров. Для того, чтобы показать, что кадры преподавателей марксизма-ленинизма растут (*правда*, этот рост еще не достаточен), приведу следующие данные.

В 1937 г. Высшая аттестационная комиссия ВКВШ утвердила всего 24 человека в ученых званиях и степенях, в 1938 г. число преподавателей марксизма-ленинизма, аттестованных в ученых степенях и званиях, возросло уже до 315 человек, из которых 33 преподавателя были утверждены в ученом звании профессора; в 1939 г. утверждены в ученых званиях 353 человека, из них 38 человек — в звании профессора; в 1940 г. — около 400 человек. Значительно увеличилось количество преподавателей, защитивших диссертации и получивших в связи с этим ученые степени. Так, только за один 1939 г. преподавателями защищено свыше 80 докторских и кандидатских диссертаций.

Свидетельствуя о росте теоретической квалификации наших кадров, приведенные цифры говорят также и о том, что научная, теоретическая подготовка преподавателей социально-экономических наук еще не отвечает полностью запросам высшей школы.

Из сказанного нужно сделать вывод, что нашим вузам предстоит еще большая работа по повышению квалификации кадров преподавателей марксизма-ленинизма, ибо от кадров, от качества их теоретической и политической подготовки зависит постановка преподавания марксизма-ленинизма, проведение этой работы в полном соответствии с указаниями Центрального Комитета нашей партии.

От подбора и воспитания кадров преподавателей марксизма-ленинизма в вузах в первую очередь зависит качество преподавания, качество лекций и семинаров. Как же руководители кафедр и преподаватели марксизма-ленинизма справились с чтением лекций по курсу?

Комитет по делам высшей школы обследовал в 1939—1940 гг. работу кафедр марксизма-ленинизма более чем в 80 вузах. Был также проведен ряд совещаний работников вузов и кафедр по вопросам преподавания марксистско-ленинской теории. Кроме того, Комитет проанализировал полученные отчеты о работе кафедр и об итогах экзаменов по курсу «Основы марксизма-ленинизма».

Данные, которыми располагает Комитет по делам высшей

школы, дают основания сделать вывод, что лекции по курсу «Основы марксизма-ленинизма» читались в основном удовлетворительно. Преподаватели марксизма-ленинизма много и упорно работали над собой, стремясь дать высококачественные лекции. Руководители кафедр также проделали большую работу и в основном справились с поставленной перед ними задачей.

Но мы не должны останавливаться на достигнутом, не должны самообольщаться. Для всех преподавателей, работающих в настоящее время на кафедрах марксизма-ленинизма, основными задачами были и остаются упорная работа над овладением искусством большевистской пропаганды, выработка умения преподать великие идеи марксизма-ленинизма на основе исторических фактов и опыта классовой борьбы пролетариата.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является классическим произведением марксистско-ленинской теории, образцом искусства пропаганды теории и практики марксизма-ленинизма. Он является вместе с тем и замечательным методическим руководством для преподавателей, — предельная ясность и четкость формулировок, простота и доступность языка сочетаются в нем с глубокими научно-теоретическими обобщениями.

В процессе работы в высшей школе выявилось немало работников кафедр марксизма-ленинизма, которых можно с полным правом квалифицировать как хороших лекторов. К числу таких преподавателей относятся, например, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Московского университета т. Маурер, руководитель кафедры марксизма-ленинизма Ленинградского института советской торговли т. Марыганов, руководитель кафедры Среднеазиатского университета т. Мирошхина, руководитель кафедры Свердловского педагогического института т. Чесноков и многие другие.

Лекции этих преподавателей, как правило, проходили с большим подъемом, слушались студентами с напряженным вниманием. По общему отзыву студентов, эти лекции облегчали им дальнейшую самостоятельную работу по изучению теории и истории большевистской партии. В лекциях этих преподавателей умело и глубоко разъясняется идейное содержание «Краткого курса истории ВКП(б)», важнейшие события излагаются и анализируются ярко, просто, изложение их органически увязывается с развитием идей марксистско-ленинской теории. Лекции этих преподавателей и методически строятся образцово. Приступая к чтению лекции, преподаватель дает краткую характеристику вопросов, на которых он предполагает остановиться, после каждого раздела лекции подводит итоги сказанного по данному вопросу, а в конце лекции дает заключение по теме и отвечает на вопросы студентов.

Как видим, методы, избранные передовыми преподавателями марксизма-ленинизма, весьма просты, но они вместе с тем свидетельствуют о правильном, глубоком подходе к изложению мар-

ксистско-ленинской теории. Вот это сочетание простоты и глубины изложения в результате упорной работы над «Историей ВКП(б)» и обеспечило успех лекторской работы этих преподавателей.

Наряду со старыми, опытными преподавателями марксизма-ленинизма, неплохую работу и неплохие результаты показали и некоторые молодые педагоги, из которых можно указать, например, на преподавателя Московского педагогического института т. Виноградову, преподавателя Горьковского индустриального института т. Соснову и др.

Высшая школа за истекший период провела большую и плодотворную работу. Главные итоги этой работы состоят в том, что преподавание марксистско-ленинской теории в высшей школе поставлено теперь на правильные рельсы, под него подведена мощная идейно-политическая основа, какой является «Краткий курс истории ВКП(б)» — богатейшая сокровищница марксистско-ленинской теории.

Задача преподавателей марксизма-ленинизма— удвоить и утроить силы и энергию, чтобы и дальше совершенствовать свои знания, повышать уровень своей квалификации и бороться с теми недостатками, которые еще имеются в работе кафедр.

* * *

Большим недостатком еще многих преподавателей является неумение в ясной и доступной форме на основе анализа исторических фактов ярко и просто изложить сущность идей марксистско-ленинской теории. Еще не все преподаватели ведут свой курс на достаточно высоком идейно-политическом уровне.

Часто преподавание марксизма-ленинизма в вузах недостаточно увязывается с фактами современной жизни, современной борьбы и деятельности советского народа, деятельности нашей партии. Многие преподаватели не всегда умеют заинтересовать аудиторию своими лекциями, сбиваются на простой пересказ содержания «Краткого курса истории ВКП(б)». Были случаи (в начале преподавания курса), когда отдельные преподаватели Киевского сельскохозяйственного института начали свою преподавательскую деятельность с того, что дословно перепечатали учебник, причем не без ошибок, и потом читали его на лекциях. Конечно, такие лекции не могли заинтересовать студентов, большинство которых уже читало учебник и ждало от лектора глубокого разъяснения его содержания на конкретном историческом материале.

Примером неудовлетворительных лекций являлись лекции, читавшиеся в Московском фармацевтическом институте преподавателем Бариновым. Например, читая лекцию на тему «Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии», т. Баринов ограничился простым цитированием основных положений «Краткого курса истории ВКП(б)» и соответствующих

текстов из произведений классиков марксизма-ленинизма, Так, говоря о коренной противоположности метода Маркса методу Гегеля, т. Баринов привел лишь соответствующую цитату из послесловия Маркса ко 2-му изданию «Капитала», не разъяснив всей глубины вопроса. Касаясь в своей лекции философии Фейербаха, т. Баринов ограничился приведением известного положения о том, что Фейербах — материалист снизу, идеалист сверху, не разъяснив студентам и этого вопроса. А ведь лекция читалась студентам первого курса!

В результате плохой подготовки отдельные преподаватели допускали в своих лекциях небрежные, нечеткие формулировки, а иногда серьезные ошибки и извращения. В отдельных случаях преподаватели допускали вульгаризацию, упрощенчество. Все это говорит о том, что в преподавании марксизма-ленинизма в высшей школе еще не везде ликвидированы недостатки и извращения, осужденные постановлением ЦК ВКП(б) о пропаганде.

Ярким примером недопустимого упрощенчества и вульгаризации, приводящих к политически неправильному, вредному толкованию основных вопросов марксистско-ленинской теории, являлись лекции преподавателя Московского текстильного института т. Петрякова. Так, объясняя закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма, т. Петряков сравнивал развитие капиталистических стран с движением вагонов поезда, допустил ряд других грубых, упрощенческих аналогий, которые не только не разъясняли сущность, а, наоборот, запутывали студентов в понимании этого важного вопроса.

Одним из больших недостатков наших преподавателей является бедность, неудовлетворительность их языка. Преподаватели еще мало работают над культурой речи. Между тем для лектора это — важное средство добиться высокого качества лекций, сделать их доступными и понятными.

Крупным недостатком значительной части преподавателей является скучное, монотонное изложение ярчайших событий из истории нашей партии, что снижает интерес к лекции, засушивает ее. История нашей партии полна бурной и страстной борьбы, которая не может не захватить, не может не увлечь нашу молодежь. Для того чтобы опыт нашей партии был полностью усвоен советской молодежью, чтобы молодежь воспитывалась в духе беззаветной преданности партии и родине и ненависти к врагам, нужна не бесстрастная регистрация событий, а глубокий научный анализ их, нужен живой, яркий показ этих событий, выражающих великую правду, за которую боролись большевики. Преподаватель марксизма-ленинизма должен быть трибуном, страстным проводником идей большевистской партии; он должен в простых, ярких, убедительных словах разъяснять учащимся великие идеи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Преподаватели должны серьезно взяться за овладение искусством пропаганды великих идей марксизма-ленинизма. В этой ра-

боте надо брать пример с непревзойденных мастеров — пропагандистов, классиков марксизма-ленинизма — с великих вождей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. У них надо учиться большевистскому искусству пропаганды.

В 1847 г. Маркс прочитал ряд лекций для рабочих в Брюссельском рабочем союзе на тему «Наемный труд и капитал». Высокий научный уровень его лекций сочетался с удивительной простотой и ясностью изложения. И с точки зрения методики лекции Маркса являлись классическим образцом.

Блестящие образцы проведения лекций дают нам Ленин и Сталин. Их лекции в Свердловском университете, доклады и беседы служат примером высокой идейности, четкости построения, ясности и конкретности изложения, примером умения владеть аудиторией. Вместе с тем их лекции отличаются глубокой простотой, популярностью и убедительностью. «Максимум марксизма, максимум простоты и популярности», — учил Ленин.

Характеризуя ленинские выступления, товарищ Сталин отмечал следующие их основные черты:

> «Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление...»
>
> У Ленина, отмечает товарищ Сталин, «каждая фраза не говорит, а стреляет». (И. Сталин, О Ленине, Партиздат, 1937, стр. 26, 27—28).

У Ленина и Сталина величайшая простота изложения сочетается с глубочайшей образностью и силой. Они широко используют образы античной мифологии, образы мировой художественной литературы: Шекспира, Сервантеса, Пушкина, Гоголя, Щедрина. Надо учиться у Ленина и Сталина большевистскому стилю пропаганды, образному, увлекательному изложению лекций.

Овладение культурным стилем пропаганды является одной из главных задач наших пропагандистов — преподавателей марксизма-ленинизма.

Нет сомнения в том, что преподаватели, ликвидируя недостатки в своей работе, с большевистской страстностью возьмутся за улучшение качества лекций и добьются высокого идейно-политического уровня их.

В деле обеспечения хорошей организации лекций решающее значение имеет, наряду с индивидуальной работой преподавателей, работа коллективов кафедр марксизма-ленинизма.

Со времени введения в вузах курса «Основы марксизма-ленинизма» многие кафедры сумели развернуть большую методическую работу, большую работу по оказанию помощи преподавателям. Коллективы этих кафедр систематически обсуждали планы лекций, стенографировали их. Застенографированные лекции разбирались на заседаниях кафедры как с точки зрения методики, так и с точ-

ки зрения того, насколько лектор правильно освещает вопросы, достаточно ли уделяет времени важнейшим моментам данной темы.

Там, где кафедры хорошо работали, где хорошо был поставлен контроль и помощь коллектива отдельным преподавателям, мы имели, как правило, и высокое качество преподавания. Но эта работа проводилась далеко не во всех вузах, причем часто причиной плохой постановки дела являлась неправильная оценка роли кафедры в борьбе за качество лекций, за качество преподавания марксизма-ленинизма. Некоторые говорят, будто коллективное обсуждение планов лекций подавляет индивидуальные особенности лектора, накладывает определенный штамп, суживает инициативу и т. д. Это, конечно, неправильно. Речь идет о том, чтобы п о м о ч ь лектору правильно построить лекцию, определить основные вопросы, характер и порядок изложения их в лекции.

Много недостатков в преподавании марксизма-ленинизма в вузах порождается неправильным еще в ряде случаев планированием лекций. Лекции должны помочь студентам в самостоятельном изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» и трудов классиков марксизма-ленинизма. Особое внимание лектор должен уделять тем вопросам, которые труднее усваиваются студентами. Поэтому такие вопросы, как обсуждение плана лекции, имеют большое значение, в особенности на тех кафедрах, где работает много товарищей, пришедших в вузы с партийной или другой работы и не имеющих еще достаточного преподавательского опыта.

Мы имеем немало недостатков в результате слабого контроля кафедр за работой отдельных преподавателей. Наблюдались, например, случаи, когда преподаватели долго задерживались на первых главах курса, уделяли им больше времени, чем полагалось по плану. Отступления, конечно, возможны, но в некоторых вузах они были настолько значительными, что примерно 70% времени уходило на дооктябрьский период истории партии. Конечно, это не могло не отразиться отрицательным образом на изучении послеоктябрьского периода истории ВКП(б).

Большим недостатком в работе значительной части кафедр марксизма-ленинизма являлась плохая организация лекционных потоков. В ряде высших учебных заведений имели место случаи объединения в один поток всех четырех курсов, причем во имя сохранения потока срывались занятия на всех курсах, когда один из них уходил на производственную практику.

Важнейшим условием повышения качества преподавания марксизма-ленинизма в вузах является развертывание научной работы преподавателей. Недостатки, которые имеют место в преподавании марксизма-ленинизма в вузах, часто коренятся в неудовлетворительной научной подготовке преподавателей. Приведенные выше данные о научной квалификации преподавателей основ марксизма-ленинизма говорят об этом с особой наглядностью и убедительностью. Вот почему развитие научной работы кафедр марксизма-ленинизма должно быть в центре внимания.

Постановление ЦК ВКП(б) о пропаганде поставило перед пропагандистскими, теоретическими кадрами партии большие задачи. В постановлении ЦК с исключительной ясностью и четкостью отмечается значение научно-исследовательской работы в деле повышения квалификации научных кадров нашей страны. Подготовка специалистов всех отраслей должна стоять на уровне требований современной науки. Эта подготовка немыслима без глубокого развертывания научно-исследовательской работы.

В вузах, где научно-исследовательской работе уделялось необходимое внимание, кафедры марксизма-ленинизма сумели добиться успехов. Многие преподаватели этих вузов уже выполнили различные теоретические работы, написали и защитили диссертации. Так обстоит дело, например, в Среднеазиатском университете, в Горьковском индустриальном институте, в Горском сельскохозяйственном институте, в Ленинградском финансово-экономическом институте и ряде других вузов нашей страны.

На Всесоюзном совещании руководителей кафедр марксизма-ленинизма вопрос о научно-исследовательской работе кафедр и преподавателей был поставлен с особой силой. Участники совещания, характеризуя научную работу кафедр своих вузов, приводили факты, говорящие о том, что соответствующих условий для научной работы преподавателей в целом ряде вузов создано не было. В ряде вузов со стороны директоров не было должного внимания к этому делу.

Выступавшие на совещании руководители кафедр указывали, что преподавателям в ряде случаев не предоставлялись научные командировки для окончания работы над диссертациями, что в отдельных вузах на кафедрах не ставились научные доклады преподавателей, в ряде городов не были организованы теоретические семинары и т. д. А между тем интерес к научной работе со стороны преподавателей за последнее время необычайно возрос.

Серьезное значение для развития научной работы кафедр имеет руководство и помощь преподавателям, работающим над диссертациями. Всесоюзный комитет по делам высшей школы внес в это дело порядок. Ряд вузов, располагающих квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами, получил право приема диссертаций к защите, право приема кандидатских испытаний по социально-экономическим дисциплинам. В ряде вузов, например в Московском институте истории, философии и литературы, эта работа развернулась широко. Десятки товарищей, подготовивших диссертации, защитили их при этом институте. В настоящее время подготовлено к защите большое количество новых диссертаций.

Однако не все вузы развернули в должной мере эту работу. К числу их относится, например, Московский университет, где работа по обслуживанию диссертантов поставлена еще слабо. Вузам, работающим с диссертантами, необходимо решительно улучшить свою работу, своевременно обслуживать диссертантов консульта-

циями, рецензированием написанных работ, помогать в выборе тем диссертаций и т. д. Эта работа является общим делом всех нас.

Постановление ЦК ВКП(б) о пропаганде поставило перед нашими кадрами задачу ликвидации ими своей теоретической и политической отсталости. Над разрешением этой задачи должны и дальше активно работать все преподаватели, все кафедры, все вузы.

В связи с этим необходимо особо остановиться на вопросе о темах диссертаций. Материалы, которыми располагает Комитет по делам высшей школы, говорят о том, что внимание преподавателей нередко все еще направлено на исследование вопросов истории философии, истории политэкономии и т. д. Преподавателям необходимо больше работать над актуальными вопросами истории ВКП(б), диалектического и исторического материализма, политэкономии социализма, над актуальными теоретическими вопросами по обобщению опыта социалистического строительства в нашей стране, стахановского движения и т. д.

Современная борьба и деятельность нашей партии, борьба за построение коммунизма в нашей стране являются неистощимыми источниками для научного обобщения, развития научной мысли наших кадров. В своих теоретических трудах мы должны отразить наши победы, наши достижения, которые из года в год умножаются нашим великим народом под руководством нашей партии, под руководством величайшего теоретика нашей эпохи, величайшего организатора наших побед — товарища Сталина.

Работая над теоретическим обобщением богатого практического опыта социалистического строительства в СССР, преподаватели марксизма-ленинизма тем самым обеспечивают ликвидацию своей теоретической и политической отсталости, создают условия для повышения качества своей педагогической работы.

Разумеется, в теоретическом росте наших кадров большую роль должна сыграть помощь преподавателям со стороны Комитета по делам высшей школы и наркоматов. Эта помощь должна выразиться в организации консультаций, предоставлении научных командировок преподавателям, в правильной организации приема диссертаций к защите и т. д. Необходимо создать на местах все условия для ведения научной работы и подготовки преподавателями диссертаций к защите.

Нет сомнения, что, усилив внимание к этому делу, преподаватели марксизма-ленинизма, и в первую очередь руководители кафедр, покажут образцы преподавания марксистско-ленинской теории в вузах, образцы теоретической, научно-исследовательской работы, поднимут на необходимый уровень свою научно-педагогическую квалификацию.

Крупным недостатком в организации преподавания основ марксизма-ленинизма в вузах является все еще слабый контроль за самостоятельной работой студентов.

В предстоящем учебном году в вузах развернутся семинарские

занятия по курсу «Основы марксизма-ленинизма». Студенты вузов широким фронтом приступят к изучению основных первоисточников марксизма-ленинизма. Организационное и методическое руководство проведением семинарских занятий по курсу потребует от кафедр и учебного руководства вузов большой, умелой и настойчивой работы. В центре внимания должны будут встать организация, руководство и контроль за самостоятельной работой студентов.

Семинарские занятия по курсу «Основы марксизма-ленинизма» должны быть организованы в полном соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) о пропаганде, т. е. на них должно развертываться живое обсуждение поставленных вопросов, должна обеспечиваться творческая работа каждого студента, товарищеская дискуссия по теоретическим вопросам. Семинарские занятия должны организовываться лишь после тщательного изучения студентами соответствующего текста «Краткого курса истории ВКП(б)» и указанного к семинару первоисточника.

В связи с этим следует особо отметить роль партийных, общественных организаций вузов в развертывании самостоятельной работы студентов. Они должны помочь кафедре привить студентам вкус к систематическому изучению теории марксизма-ленинизма.

Партийные, общественные организации вуза должны быть постоянно в курсе того, как идет работа по преподаванию «Основ марксизма-ленинизма», в какой мере студенты самостоятельно работают над изучением «Краткого курса истории ВКП(б)» и произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Партийные, общественные организации должны мобилизовать студенчество на углубленную систематическую работу по овладению марксистско-ленинской теорией, должны всемерно помогать кафедрам марксизма-ленинизма в их большой и ответственной работе. Необходимо чаще ставить на заседаниях партийных и общественных организаций **конкретные вопросы** преподавания марксизма-ленинизма в вузе, вскрывать недостатки в этой работе, обеспечивать быструю и решительную их ликвидацию.

* * *

Центральный Комитет нашей партии вооружил нас, работников высшей школы, энциклопедией марксизма-ленинизма — «Кратким курсом истории ВКП(б)» и в своем постановлении о партийной пропаганде дал развернутую программу борьбы за овладение большевизмом.

Советская высшая школа, являющаяся кузницей специалистов высшей квалификации, должна показать образцы выполнения постановления ЦК партии о партийной пропаганде, образцы теоретической работы, глубокого изучения основ марксизма-ленинизма. Успех высшей школы в решении этой задачи зависит в первую очередь от руководителей кафедр марксизма-ленинизма, от преподавателей, от тех людей, кому партия и советский народ поручили исключительно важную и почетную работу — работу по поли-

тическому воспитанию, формированию мировоззрения советского студенчества. Руководителям кафедр марксизма-ленинизма, преподавателям этих кафедр доверено политическое воспитание кадров советской интеллигенции. Это высокое доверие требует от них всемерного повышения идейно-политического уровня всей их работы.

При преподавании марксистско-ленинской теории в вузах всегда надо помнить указания величайшего теоретика и организатора нашей партии товарища Сталина о том, что

> «...чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и наоборот, — чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение».

В этих мудрых словах товарища Сталина с предельной ясностью и полнотой сформулирована великая роль марксистско-ленинской теории и ее значение для победы коммунизма. Эти слова товарища Сталина должны явиться путеводной звездой в нашей работе. Марксистско-ленинскую теорию, являющуюся наукой всех наук, мы должны сделать достоянием каждого интеллигента, каждого окончившего советский вуз специалиста. Мы должны привить нашим студентам вкус к марксистско-ленинской теории, всемерно повышать идейно-политический уровень своей работы, поставить на должную высоту пропаганду идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Великий основоположник научного коммунизма, гений человечества Карл Маркс в своей работе «К критике гегелевской философии права» писал, что идея, если она овладевает массами, становится материальной силой. Идеи марксизма-ленинизма, овладев широкими массами нашей великой родины, стали непобедимой силой коммунизма. Вокруг этих идей и их гениального творца товарища Сталина, высоко несущего знамя Маркса—Энгельса—Ленина, непобедимо сплотился весь советский народ, идущий к новым победам коммунизма.

Нет никакого сомнения, что советская высшая школа справится с возложенными на нее задачами, воспитает советское студенчество в духе беззаветной любви и преданности великому делу партии Ленина—Сталина, делу коммунизма. Порукой этому является широко развернувшаяся в вузах работа по овладению марксистско-ленинской теорией. Порукой этому является тот энтузиазм и та ответственность, с которыми взялись за это дело преподаватели основ марксизма-ленинизма. Порукой этому является то, что делом преподавания марксизма-ленинизма в вузах руководит величайший теоретик и организатор нашей партии, творец новых идей и новой жизни — великий Сталин.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ О НАУЧНОМ ПРЕДВИДЕНИИ

Проф. Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВ

Не раз перед общественной наукой вставал вопрос о перспективах развития общества и государства, классов и партий. Социологи, буржуазные политики много раз безуспешно скрещивали оружие в спорах по этому вопросу. Однако прогнозы о перспективах общественной жизни, о будущем человечества, делавшиеся буржуазной наукой, оказались ложными.

Объясняется это тем, что наиболее сложная область знаний — учение о законах общественного развития — требует для проникновения в их сокровенный смысл бесстрашного и до конца последовательного обобщения всего опыта мировой истории, полного преодоления препятствий для научного исследования, порождаемых частными, корыстными интересами эксплоататорских классов.

Уже в середине прошлого столетия появилась партия, оказавшаяся способной проникнуть в глубочайший смысл общественного развития, оказавшаяся способной поставить познанные ею законы развития общества и государства на службу революционной практике. Эта партия не только предвидела ход событий, но, организуя борьбу рабочего класса против капиталистического рабства, достигла желаемых результатов. Это была партия марксизма, партия коммунистов, партия рабочего класса.

С тех пор не было года, который не принес бы новых подтверждений глубокой правдивости и полной истинности марксистского понимания исторического развития. Особенно яркий характер эти подтверждения носят в наше время.

Возьмите, к примеру, нынешнюю международную обстановку. Обратите внимание на ту безудержную панику, тревогу и разброд, которые царят в правительственном лагере буржуазных стран.

Откуда эта паника, эта неуверенность господствующих классов буржуазных стран и их правительств? Почему никто из их среды не может поручиться за судьбы завтрашнего дня?

Это объясняется исторически временным, преходящим, уже изжившим себя характером буржуазного общества. Это объясняется также и вытекающим отсюда следствием: невозможностью для буржуазных социологов, политиков, общественных деятелей

не только овладеть и управлять общественными событиями, но и последовательно-научно познать их.

С другой стороны, в мире буржуазных политиков и дипломатов вызывает крайнее удивление спокойствие и величие нашей страны в столь неспокойное и мрачное для буржуазных стран время.

Объясняется это прежде всего исторической ролью рабочего класса и партии Ленина—Сталина, тем, что только трудящимся принадлежит полностью завтрашний день истории, что поэтому только большевистская партия способна научно проникнуть как в действительный смысл прошлых столетий, так и в смысл грядущего развития.

Объясняется это последовательно-научным характером нашего марксистско-ленинского мировоззрения, всей стратегии, тактики, политики нашей партии. Отсюда умение партии Ленина—Сталина всегда видеть перспективу развития, цель и путь борьбы.

С непревзойденной силой вскрыл товарищ Сталин в своем докладе «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» одну из самых важных особенностей мировоззрения нашей партии.

> «Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения, — говорил товарищ Сталин. — Мы не можем строить без перспектив, без уверенности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить. Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. Мы не можем жить по рецепту Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». Мы, наоборот, как революционеры должны подчинять свое движение вперед, свою практическую работу — основной классовой цели пролетарского строительства. Без этого — в болото оппортунизма, неминуемо и безусловно» [1].

Так ставил вопрос товарищ Сталин об этой особенности деятельности нашей партии, нашего развития.

Почему же эта особенность присуща только нашей партии? Почему этой особенностью не обладает ни одно буржуазное государство, ни одна буржуазная партия, ни один класс кроме пролетариата?

Стоит обратиться к историческим фактам, чтобы ответить на этот вопрос.

Известно, что смысл деятельности всех представителей общественной науки на протяжении двух с половиной тысяч лет ее развития, от так называемого «идеального государства» Платона до последних реакционных измышлений Бергсона и Шпенглера, состоит в том, чтобы проникнуть так или иначе в смысл происходящих общественных явлений и уметь, хотя бы частично, управлять ими.

Но была ли осуществлена эта задача общественной науки?

До возникновения научного социализма ни философы, ни поли-

---

[1] Сталин, Сборник «Об оппозиции», стр. 361.

тические деятели, ни ученые не смогли последовательно-научно предвидеть ход развития общественной жизни.

Возьмете ли вы учение греческого философа Платона об «идеальном» устройстве общества, в котором люди разбиты на касты, где запрещен переход людей от одной общественной группы к другой, где каждой общественной группе определена своя мера пользы и счастья, возьмете ли средневековых социологов типа Квинтилиана, мечтавшего об общественном устройстве, приближающемся к идеальному «потустороннему» миру, возьмете ли вы социологов нового времени и среди них даже таких глубоких ученых, каким был, например, Томас Гоббс, — все они стремились объяснить историю общества таким образом, чтобы принципы, при помощи которых объясняется это общественное устройство, не противоречили основным устоям государства и интересам класса, представителями которых выступали эти теоретики. А поскольку основным устоем рабовладельческого государства, представителем которого выступал Платон, была частная собственность, постольку и его учение об «идеальном» государстве не могло противоречить этому принципу; поскольку принципом буржуазного государства, представителем которого выступал Томас Гоббс, являлась точно так же частная собственность, постольку частная собственность выступала в учении английского философа критерием для оценки не только всей прошлой истории, но и для проникновения в смысл жизни грядущих поколений. Это и наложило неизгладимую печать на все попытки и стремления прежних ученых и деятелей открыть законы общественного развития.

До тех пор, пока эти ученые представляли прогрессивную линию в развитии общества, их догадки о развитии общества часто приносили науке плодотворные результаты. Но с тех пор, как государства, которые они представляли в теории, перестали играть прогрессивную роль в общественной жизни, идеи прежней науки стали тормозить развитие общественной жизни.

Ярким примером глубокой ограниченности современной буржуазной общественной науки является исследование общественных явлений Фрейбургской школой неокантианцев и, в частности, главой этой школы Риккертом.

Неспособность буржуазной науки познать законы общественного развития была возведена современными последователями и «обновителями» учения немецкого философа Канта в особую теорию, в принцип. Эти люди до всякого изучения общественных явлений заранее провозглашают, с одной стороны, отсутствие какой-либо закономерности в общественной жизни, с другой стороны, они пытаются доказать бессилие человеческого разума перед такими сложными явлениями, как общественная жизнь.

Из чего исходят эти лжеученые, неокантианцы, отвергая возможность науки об обществе? Видный представитель этого направления в буржуазной социологии Риккерт пытается доказать следующую мысль: есть два рода принципиально, в корне отлич-

ных друг от друга явлений — явления естественные, природные и явления общественные. В естественных, природных явлениях можно наблюдать повторяемость событий, явлений: день сменяется ночью, зима — весной, повторяется появление химических и физических свойств тел в одних и тех же условиях. Раз в природе есть повторяемость, следовательно, есть и закономерность. Задача ученого в том и состоит, чтобы открыть эту закономерность, проследить связь между фактами. Наука о природе и фиксирует эти законы, связи. А как обстоит дело с обществом? Какое бы общественное явление вы ни взяли, заявляет Риккерт, каждое из них строго индивидуально; к какой бы эпохе ни обратились, каждая эпоха строго отлична от другой. В истории человеческого общества нет двух фактов и двух событий, сходных между собой, а следовательно, нет повторяемости в общественной жизни. Там же, где нет повторяемости, нет никакой закономерности. Где же нет закономерности, там нет науки об обществе. Таков ход рассуждений реакционного представителя современного буржуазного толкования общественной жизни.

В основе этой борьбы современных мракобесов против общественной науки лежит серьезная политическая подоплека.

В самом деле. Если в общественной жизни нет закономерности, нет повторяемости, то и все стремления открыть направление общественной жизни, ход исторического процесса, предвидеть, как пойдет дальнейшее развитие общества, — тщетны. Отсюда ясно, что взгляды такого рода «ученых» есть неприкрытая защита врагов научного коммунизма, направленная на то, чтобы уничтожить все научные прогнозы о будущем строе общественной жизни, более совершенном, более высоком и развитом, чем все прошлые общества. Эти взгляды чужды и враждебны научному пониманию общественного развития.

Общественная буржуазная наука, начав с попыток описывать исторические факты и ставить их в связь друг с другом, открыть хотя бы некоторые закономерности развития общества, закончила свое развитие полным отрицанием каких бы то ни было возможностей научного прогноза, научного познания общественной жизни.

Таковы плачевные результаты деятельности социологов и политиков эксплоататорских классов.

Даже такие замечательные мыслители, социалисты-утописты, как Кампанелла, Оуэн, Фурье, Чернышевский и другие, не могли научно проникнуть в будущее. Все они строили прекрасные планы жизни будущих поколений, но никто из них не вышел за пределы отдельных, хотя часто и гениальных, догадок. Великие социалисты-утописты страстно желали наступления радостного общества будущего. Своей деятельностью, направленной на просвещение трудящихся, они стремились приблизить это будущее. Но они не были в состоянии научно доказать исторически неизбежное наступление лучшего будущего, открыть пути и средства борьбы за него.

Возьмем для примера знаменитую книгу Чернышевского «Что делать?». В этом романе мечта Чернышевского о будущем устрой-

стве человеческого общества нашла яркое воплощение. Представительница будущего общества рассказывает героине романа:

«...Моя работа теперь идет быстро; все быстрее с каждым годом, но все-таки ты еще не войдешь в это полное царство моей сестры; по крайней мере, ты видела его, ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести»[1].

Такие идеи можно найти не только у Чернышевского. Все социалисты-утописты писали о победе будущего строя, все они называли этот будущий строй счастливым, светлым, радостным, в отличие от современного им строя. И это было правильно. Но в том и состояла беда этих догадок, что в них не было последовательно-научного обоснования закономерности и необходимости победы нового общественного строя, не были указаны настоящие практические средства, введя в действие которые можно достигнуть осуществления этого прекрасного нового общества.

Но если социалисты-утописты не могли выработать правильные взгляды на общественную жизнь, то еще меньше имели возможностей добиться этого буржуазные социологи и политики.

Вот почему можно сказать как о буржуазных социологах, так и об утопистах-социалистах, что их догадки и отдельные проникновения в характер грядущего развития, их стремления предвидеть ход общественной жизни не являлись строго научными. Тем более не могут научно предвидеть ход общественных событий буржуазные политики. Как правило, они свой анализ общественных явлений подчиняют преходящим, корыстным целям своего класса. Известен, например, в истории буржуазной дипломатии и политики человек, в течение жизни много раз предававший различные буржуазные партии, десятки раз переходивший налево и направо, бравший взятки со своих врагов и друзей, — таков выдающийся французский дипломат конца XVIII и начала XIX века Талейран. Если иметь в виду, что Талейран считал своим жизненным принципом положение, согласно которому «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли»; если к тому же учесть, что он учил молодых дипломатов: бойтесь первого движения души, потому что оно обыкновенно самое благородное; если Талейран стремился очистить политику от всего правдивого, что в ней еще было, и вовсе не считался с элементарной честностью, то вполне понятно, каков мог быть характер предвидения со стороны отца современной буржуазной дипломатии. Он

[1] **Чернышевский**, Что делать?, стр 265, 1906 г.

был дальновидным, т. е. умел предвидеть, как будут складываться различные интриги и переплетения дипломатической игры на протяжении ближайшего времени. Но дальше ни Талейран, ни другие буржуазные политики не были способны пойти. Подтверждением этому служат и факты нашего времени. Премьер-министры крупнейших буржуазных стран неоднократно делали попытки предвидеть события и постоянно попадали в смешное положение. Это же можно сказать и о реакционных лидерах ряда современных социалистических партий. Если вспомнить, как Ленин характеризовал различные «теоретические» домыслы Карла Каутского, когда тот пытался предвидеть грядущее, то ясны будут социальные и гносеологические причины невозможности со стороны буржуазных теоретиков последовательно-научно оценивать общественные события.

Например, Ленин, вскрывая в измышлениях Каутского «либеральную болтовню, одурачивающую рабочих», устанавливает, что Каутский пускает «ученый песок в глаза рабочим», сознательно обманывает массы, скрывает от них заведомую историческую правду, до смешного искажает факты в угоду меньшевистским предрассудкам. О «прогнозах» Каутского, о его потугах доказать устойчивость империализма Ленин заметил, что столь гнусную ложь мог говорить только негодяй, продавшийся буржуазии. Разве можно с таких позиций предвидеть направление общественного развития? Такая возможность абсолютно исключена, ибо одним из решающих условий научного предвидения является правдивость, жизненность, истинность теории, с точки зрения которой оцениваются факты, события.

То же самое можно сказать и о различных лженаучных, антиреволюционных, антибольшевистских течениях, боровшихся против нашей партии и разгромленных нашей партией, течениях, которые неоднократно делали попытки «предвидеть» те или иные события в общественной жизни. Известно из истории большевистской партии, что каждый раз эти попытки кончались полным провалом для людей, стремившихся предвидеть события с антиреволюционных, антибольшевистских позиций.

Все неудачи буржуазных социологов и политиков в изучении ими общественных явлений, несостоятельность их прогнозов не могут быть объяснены какими-либо случайными обстоятельствами. Объясняются они коренными особенностями, ограниченностями всех эксплоататорских классов. В самом деле, поскольку цели и программные установки буржуазных и мелкобуржуазных партий выражали уже сложившиеся буржуазные общественные отношения, консервировали и оправдывали их, постольку неизбежно деятельность этих партий вступала в противоречие со всем прогрессивным в общественной жизни, постольку идеология этих реакционных партий и классов была вынуждена всеми средствами оправдывать сложившийся, но уже изживший себя общественный строй. Понятным поэтому становится тот факт, что буржуазные идеологи

никогда не могли правдиво и всесторонне раскрыть смысл законов общественной жизни и тем более не могли поставить знание законов развития общества на службу своей борьбе.

Буржуазные ученые всячески искажали и искажают исторические факты, тенденциозно обобщают сведения о политических событиях из истории народов, создают неправильное представление о перспективах развития общества, о его будущем, восстают против тех деятелей науки и культуры, которые ведут борьбу за дело рабочего класса, против господствующих, эксплоататорских классов. Буржуазная общественная наука перестала, по существу, быть наукой в силу того, что она искаженно, неправильно объясняет исторический процесс.

По поводу стремлений буржуазных социологов, политиков, реакционных деятелей проникнуть в смысл законов общественной жизни и овладеть этими законами можно вспомнить слова Данте из его «Божественной комедии», начертанные перед входом в ад: «Оставь надежду навсегда!»

Если идеологи и политики эксплоататорских классов, изучавшие общественную жизнь, не смогли создать последовательно-научного взгляда на развитие общества, то ученые, исследовавшие развитие природы, добились бо́льших успехов.

Открывать законы природы и использовать их в своей жизни, предвидеть развитие в природе люди научились значительно раньше, чем они добились этого по отношению к обществу.

Чем объясняется такое различие в изучении законов природы и законов общественной жизни прежней, домарксистской, и современной буржуазной наукой?

Для правильного, научного ответа на этот вопрос следует обратиться к выяснению своеобразия законов развития природы и человеческого общества.

В сочинении «Немецкая идеология» Маркс указал, что по существу есть лишь одна наука — история.

«Рассматривая историю с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; поскольку существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга»[1].

И действительно, единство истории природы и общества уже вытекает из единства материального мира, из их объективности. И там и здесь мы имеем диалектическое развитие различных форм материи, обнаруживающих себя в развитии как естественно-исторический процесс. Единство природы и человека, по Марксу, состоит также в том,

«что ограниченное отношение людей к природе обусловливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу — их ограниченное отношение к природе»[2].

Однако наиболее глубокое и действенное единство человеческой

[1] Маркс, Соч., т. IV, стр. 8.
[2] Там же, стр. 21.

и природной истории выступает в промышленности. С тех пор как возникло человеческое общество, это единство всегда выступало в производстве, ибо именно здесь человек наиболее глубоко проникает в тайны природы, познает ее законы, изменяет природу и самого себя.

Как известно, процесс производства может произойти лишь при условии, если в единстве и взаимодействии находятся все элементы производительных сил общества —

«Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества»[1].

Уже одно указание на содержание производительных сил показывает, насколько глубоко взаимодействие людей, их труда как важнейшей стороны общественной жизни с орудиями труда, а также с природным материалом, изменяемым при их помощи. Это единство не было раскрыто до Маркса, ибо никто не смог до него создать последовательно-материалистическое понимание истории. Наконец, и сам человек не только использует законы природы, но и подчиняется им. Поэтому нелепо разрывать эти две стороны истории, они объективно даны в единстве. Некоторые историки общественной жизни и естествоиспытатели противопоставляют природу истории общества на том основании, что будто бы законы природы носят неисторический характер, они вечны и неизменны, в то время как общество изменяется. Это мнение также не выдерживает критики, ибо человек имеет перед собой всегда историческую природу.

Законы природы носят сугубо исторический характер. Твердые, жидкие и газообразные состояния материи имеют свои особые законы изменения. Земля наша прошла эти состояния. Каждый из этих периодов был характерен своими законами. Историзм, следовательно, присущ не только законам человеческого общества.

И сам человек есть не только общественное существо, но в известном смысле и продукт природы. Маркс считал даже в указанном смысле историю общества частью истории природы. Когда же естествознание полностью охватит свой предмет, писал Маркс, будет одна наука. И чем правильнее познает человек законы природы, раскрывая их в активной производственной деятельности, тем больше он сознает свое единство с природой. Маркс писал об этом:

«Человеческая сущность природы существует только для общественного человека: только в обществе природа является для него связью с человеком, бытием его для другого и другого для него, только в обществе природа является

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 550, изд. 11-е

основой его собственного человеческого бытия. Только в обществе его естественное бытие есть его человеческое бытие, а природа становится для него человеком. Таким образом, общество есть законченное существенное единство человека с природой...»[1].

Но в том и заключается одна из особенностей метафизического подхода к изучению общественной жизни, что обычно рассматривалась лишь одна сторона дела: или отождествляли историю людей с историей природы, или коренным образом противопоставляли их друг другу. Лишь марксизм-ленинизм дал последовательно-научное решение этого вопроса.

Еще Людвиг Фейербах, философский предшественник Маркса и Энгельса, протестовал против отождествления законов природы и общества. Если человек — часть природы и природа начинает через человека осознавать самое себя, то отсюда, по выражению Фейербаха, не следует, что десять заповедей написаны тою же рукой, которая посылает громовые стрелы. Однако Фейербах, будучи метафизическим материалистом, да к тому же идеалистически понимая общественное развитие, не мог правильно решить этот вопрос. Только Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин показали, что то, что наиболее глубоко соединяет развитие природы и общества, наиболее глубоко и отличает их. Таким условием, выделившим общество в качественно особую область развития материального мира, явилась промышленность, производственная деятельность людей, их труд.

Вторая особенность законов общества в сравнении с законами природы состоит в том, что если в природе основным содержанием развития органического мира, мира живых существ, является борьба за существование, то основным содержанием человеческой истории, с тех пор как люди разделились на классы, является борьба классов. Борьба классов — основное содержание истории человеческого общества от разложения и гибели родовой общины до наших дней.

И, наконец, третьей существенной особенностью общественного процесса является целесообразная деятельность людей в сравнении со стихийной и слепой игрой сил в природе. Через труд человек раскрывает закономерность природы. Благодаря производственной деятельности, труду человек не только изменяет природу, но одновременно и познает ее.

Для всех очевидно огромное значение для жизни и борьбы людей знания законов развития природы и общества.

Не зная законов развития природы, человек не смог бы использовать ее богатств в своей жизни, не смог бы правильно ориентироваться в ее явлениях, не смог бы организовать свой труд. Познание явлений природы, ее законов, стремление людей еще на заре человеческой истории научиться предвидеть развитие природы

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 623.

объясняется решающим значением этого знания для существования людей. От знания явлений природы, от умения ориентироваться в них, использовать их зависела вся жизнь человека. Это было вопросом жизни или смерти для людей.

В жестокой и длительной борьбе с суровой природой общественный человек выделился из животного мира. В многовековой деятельности благодаря труду он постепенно научился понимать явления природы, предвидеть их развитие. Именно этим жизненно-решающим обстоятельством объясняется такая непреодолимая тяга человека ко все более совершенному и точному знанию законов природы, стремление поставить эти познанные законы развития природы на службу своей жизни, своему труду.

Но ведь и познание законов общественного развития имеет не меньшее значение для людей, однако результаты здесь были достигнуты значительно меньшие! До возникновения марксизма люди не имели правильного, последовательно-научного представления об историческом процессе развития человеческого общества. На все это есть свои глубокие причины.

С необходимостью иметь элементарные сведения о явлениях природы сталкиваются все люди без исключения. Деятельность человека немыслима без вошедших в его быт, в его жизнь и сознание сведений о смене времен года, дня и ночи и т. п. Такие элементарные сведения людей о природе совершенствовались, уточнялись, становились полнее по мере накопления опыта общественного человека в производстве, в работе, по мере использования явлений природы для нужд человека.

И чем полнее и точнее становилось это знание о природе, тем, в свою очередь, успешнее были результаты производственной деятельности человека. Только после того как человеческое общество распалось на противоположные классы, дальнейшее развитие знаний человека о природе все более сосредоточивалось у имущих, эксплоататорских классов, монополизировавших умственный труд, часто облекавших это знание в ненаучную, религиозную форму.

Несколько иное положение с познанием истории человеческого общества, законов общественного развития.

Иное положение здесь возникло потому, что с первых же своих шагов рабовладельцы, помещики, фабриканты, отчаянно борясь с правдивым, верным пониманием общественной жизни, искажали исторические явления, замалчивали невыгодные для них, ослаблявшие их политическое могущество исторические факты, подгоняли знание об обществе под свои частные, корыстные, хищнические интересы. Это и понятно, ибо верное понимание законов общественной жизни не может содействовать укреплению устоев общества, основанного на частной собственности и эксплоатации, показывает его временный, преходящий характер, увеличивает шансы победоносной борьбы трудящихся против своих угнетателей. Если к тому же иметь в виду, что лишь эксплоататорские классы имели возможность заниматься изучением истории, изучением особенностей

общественного развития, то станет понятным отставание общественной науки от наук о природе.

Но и подлинная наука о природе, освобожденная от всяких ограничений и всевозможной мистики, руководствующаяся в объяснении явлений природы единственно научным мировоззрением — диалектическим материализмом, развивается дальше только под благотворным влиянием марксизма-ленинизма.

Насколько важно для общественной жизни знать законы развития природы, уметь научно предвидеть развитие природы, говорят многочисленные факты.

Фридрих Энгельс в своей классической работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» замечательно показал, что и предвидение в области природы станет во всех отношениях научным и последовательным, когда оно соединится со знанием законов общественной жизни. До этих же пор людям не следует слишком обольщаться своими победами над природой. Очень часто действия людей в этой области кончаются для них совершенно неожиданными, непредвиденными результатами. Энгельс приводит примеры. Люди, населявшие Месопотамию, Грецию, Малую Азию, добывая пахотную землю путем выкорчевывания лесов, совсем не думали, что этим они разоряют и опустошают свои страны. А это было именно так, ибо вместе с лесами они уничтожали центры собирания и хранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубили хвойные леса на южном склоне гор, они также не предвидели, что это нанесет непоправимый удар их скотоводству, лишит воды все горные источники на большую часть года. Не знал и Колумб, открывая Америку, что его открытие вновь вызовет к жизни институт рабства.

> «Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, — пишет Энгельс, — выжигавшим леса на склонах гор и получившим в золе от пожара удобрение, хватавшее на одно поколение очень доходных кофейных деревьев, — какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный верхний слой почвы, оставляя после себя обнаженные скалы! При теперешнем способе производства считаются — по отношению к природе, как и к обществу, — главным образом лишь с первым осязательным успехом» [1].

Положение меняется коренным образом, когда хозяевами общества становятся трудящиеся, когда явления природы используются в интересах всего общества. Люди становятся способными вскрывать, предугадывать не только близкие, непосредственные, осязательные, но и отдаленные результаты своего воздействия на природу. Достаточно указать на создание Большого Ферганского канала трудящимися Ферганской долины, на строительство «Большой Волги» с самыми мощными в мире электростанциями, на выдающиеся открытия советских ученых — Мичурина, Павлова, Лысенко,

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 464.

Вильямса, колхозников — участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, чтобы убедиться, насколько меняется в условиях социалистической страны познание природы, предвидение результатов деятельности человека, направленной на изменение природы.

Пример творческой деятельности народов СССР убедительно показывает, что настоящее предвидение законов развития природы, предвидение, опирающееся на опыт и деятельность всего народа и направленное на его благо, возможно только там, где оно соединяется с научным пониманием общественного развития, где господствует социалистический строй, где законы природы не используются больше в частных, корыстных, хищнических целях.

Ввиду огромной важности наук о природе для жизни и борьбы людей великие учители и вожди трудящихся Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин учат трудящихся овладевать всеми знаниями, накопленными человечеством, знать как законы развития общества, так и законы развития природы, уметь использовать это знание в строительстве коммунистического общества.

* * *

В чем причины того, что для всех прежних ученых и общественных деятелей оказалось недоступным знание законов общественной жизни, последовательно-научное предвидение? Прежде всего в том, что на определенной ступени исследования общественных явлений ход общественной жизни, тенденции общественного развития вступают в противоречие с узкими, ограниченными интересами эксплоататорского класса и его идеологов. Создается непреодолимое препятствие для правильного понимания законов общественного развития. Так, например, вся история свидетельствует о преходящем характере частной собственности. Но ни один буржуазный социолог не может стать на позиции бесстрашного и последовательного доказательства этого вывода, вытекающего из истории. История свидетельствует о том, что постепенно в движении общества от одной общественной формации к другой вырастают все большие реальные возможности для борьбы трудящихся против эксплоатации. Но может ли бесстрашно и научно-последовательно притти к этому выводу хотя бы один буржуазный социолог? Нет и еще раз нет! Ибо стоит встать на эти позиции, как выводы буржуазного социолога стали бы колебать, ослаблять позиции той самой буржуазной науки, представителем которой он является. И, наоборот, именно потому, что рабочий класс свободен от всех исторических ограниченностей, присущих эксплоататорским классам, вместе с его формированием как класса возникли объективные социальные условия для последовательно-научного объяснения общественных явлений.

Раскрывая историческую роль рабочего класса, Маркс писал: «Дело в том, чтó такое пролетариат и чтó он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое действие самым ясным и неоспоримым

образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» [1].

Маркс учил, что пролетариат — единственный класс в мировой истории, который видит выход из капиталистического рабства для себя и всего общества не в прошлых формах общественного устройства, а в будущем, который заинтересован вместе со своими союзниками в том, чтобы как можно быстрее наступило это будущее. Он является единственным классом, который способен до конца использовать все возможности для борьбы за светлое будущее, за социализм.

Маркс писал, что пролетариат возводит в принцип общества то, что общество уже возвело в его принцип, т. е. отсутствие частной собственности на средства производства. А, как известно, именно частная собственность на средства производства, интересы частных собственников в конечном счете являлись главным препятствием для научного познания законов общественного развития и овладения этими законами.

И благодаря тому, что в середине прошлого века возник и развился в самостоятельную историческую силу рабочий класс, возникла революционная партия, созданная Марксом и Энгельсом, была подготовлена реальная объективная возможность для создания подлинной науки об обществе, для познания законов развития общества, для научного, правильного предвидения хода общественной жизни.

Великая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они с точки зрения рабочего класса обобщили все завоевания мировой науки и культуры, разработав единственное, до конца последовательное научное мировоззрение — диалектический и исторический материализм. Обобщая итоги развития всех областей знания, ставя их на службу революционной борьбе рабочего класса, Маркс и Энгельс исходили из того гениально верного заключения, что

> «чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих» [2].

Эту замечательную идею Маркса и Энгельса всесторонне развили и обосновали Ленин и Сталин. Товарищ Сталин с особой силой подчеркнул в своем докладе на XVIII съезде партии значение большевистского знания законов общественной жизни для партии, советского народа, для победы коммунизма. Только это знание оказывает могущественное влияние на борьбу рабочего класса, колхозников, интеллигенции за еще более радостное общество будущего.

Все это полностью объясняет, почему только марксист-ленинец, только диалектический материалист в учении об обществе может

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 56.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 677—678.

быть воинствующим оптимистом. Марксист-ленинец рассматривает общество таким, каково оно есть на самом деле. Марксист-ленинец прекрасно раскрывает смысл крылатой фразы голландского мыслителя Бенедикта Спинозы о том, что философ при изучении реальных исторических фактов должен прежде всего не смеяться, не плакать, а понимать. Но именно потому, что последовательный диалектический материализм не фантазирует беспочвенно о будущем обществе, не просто догадывается о нем, не интуитивно проникает в смысл надвигающихся событий, а рассматривает его как закономерный результат исторического развития, — именно поэтому он может правильно ориентироваться как в характере настоящего, так и в основном направлении будущего развития общества, он знает историческую неизбежность победы прогрессивного будущего.

Замечательны, например, слова Ленина, полные революционного пафоса, научного оптимизма, гениально раскрывшие исторические пути развития общественной жизни в России, когда он еще в 1894 г. предвидел, что рабочий класс, поднявшись во главе всех демократических элементов страны, свалит ненавистный абсолютизм и пойдет

> «прямой дорогой открытой политической борьбы к **победоносной коммунистической революции**»[1].

А. М. Горький видел основную черту характера Ленина в воинствующем оптимизме материалиста. Этот великий научный оптимизм, вытекающий из материалистического понимания истории, характерен для всей нашей партии, для всего героического народа нашей страны.

Партия Ленина—Сталина осуществляет великое соединение знания законов общественного развития с организованной классовой борьбой рабочих, трудящихся. Из особенностей нашей партии, ее опыта, ее борьбы, ее связи с народом вытекает не только возможность научного предвидения, но и реальная возможность полного осуществления научного прогноза.

История свидетельствует, что вера в светлое будущее быстро меркла, оптимизм исчезал, прогнозы оставались в области чистого умозрения, пока научные идеи не сделались достоянием народа, пока в результате борьбы коммунистической партии эти научные идеи не сплотили под своими знаменами трудящихся, которые в соединении с наукой являются решающим условием, движущей силой исторического развития общества.

Наша великая, овеянная славой трех революций большевистская партия может научно предвидеть ход исторического развития общества также и потому, что она выражает будущее этого развития.

Партия большевиков исторически может и должна видеть дальше всех. Она видит глубже и точнее, она находится впереди масс трудящихся, ее идеи выражают и представляют будущее человечества.

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 200.

Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» именно так характеризует особенности мировоззрения великой партии Ленина—Сталина. «Краткий курс истории ВКП(б)», развивая учение Ленина и Сталина о значении революционной теории, прекрасно показал силу этой теории, состоящую в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понимать внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и раскрывать закономерный характер развития событий не только в настоящем, но и в будущем.

Партия рассматривает развитие событий в их тенденции. Правильно же понятая общая линия исторического развития общества ярко подтверждает то замечательное положение материалистического понимания истории, что побеждает в общественном развитии прогрессивное, передовое и что в победе этого нового, передового жизненно заинтересованы рабочий класс и наша партия. Наша партия является поэтому единственной, о которой можно сказать, что чем всестороннее, точнее, объективно вернее, истиннее, чем глубже и богаче будут познаны ею исторические события, тем с большей плодотворностью, с бо́льшим результатом эти знания могут быть использованы для нашей борьбы за коммунизм. Вот почему наша партия глубоко заинтересована в том, чтобы до конца и бесстрашно сделать все выводы, вытекающие из познания исторического развития.

Она не может не согласиться со словами поэта:

> Надо
> вырвать
> радость
> у грядущих дней.

Вся история нашей партии прекрасно подтверждает эти положения, ибо она является историей борьбы за осуществление перспектив, намечаемых и достигаемых партией.

Этим именно и объясняется, почему события никогда не заставали нашу партию врасплох, почему то, что для буржуазных политиков кажется в современной жизни громом, ударившим среди ясного неба, то для партии большевиков вполне объясняется ходом развития общества, борьбы общественных классов. Этим же объясняется, почему в самые сложные этапы человеческой истории, когда буржуазные политики теряют голову и не способны правильно ориентироваться в общественных событиях, в эти самые моменты партия Ленина—Сталина особенно ярко проявляет свою прозорливость, свою бдительность, особенно точно раскрывает характер предстоящей борьбы.

Товарищ Сталин говорил о Ленине:

«...никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится

в наших партийных кругах, что «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде».

Отсюда «поразительная» ясность тактических лозунгов и «головокружительная» смелость революционных замыслов Ленина»[1].

Научная прозорливость партии большевиков с исключительной яркостью сказывается в периоды взлета революции, в сложнейшие периоды общественного развития, когда заканчивает жизнь старое общество и рождается новое, более развитое общество. Ориентироваться в сложном переплете революционных событий, в этом узловом пункте человеческой истории, быть ясновидцем именно в этот период человеческой истории, отчетливо видеть основной путь и зигзаги будущего развития революции — это значит полностью раскрыть великую, всепобеждающую силу теории нашей партии.

Великая сила революционной теории партии большевиков состоит в том, что она научно вскрывает законы общественной жизни, безошибочно видит основное направление ее развития даже в самые бурные, сложные, узловые, переходные моменты человеческой истории. Наша партия на длительном и сложном опыте революционной борьбы блестяще доказала, что она умеет всесторонне и правильно ориентироваться как в периоды революционного подъема, так и в периоды, когда требуется временно отступить, когда революция временами терпела поражение, когда силы старого общества на время оказывались победителями. Ведь известно, что именно в такие моменты особенно легка возможность потерять перспективу, впасть в уныние, потерять веру в победу прогрессивной линии общественного развития. Но и в эти периоды общественной жизни наша партия никогда не теряла выдержки, спокойной уверенности в победе, последовательно-научной ориентации в событиях. Ленин писал об этой особенности борьбы нашей партии:

«Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами»[2].

Развивая, обогащая указанные идеи Маркса и Ленина, товарищ Сталин учит, что партия большевиков, правильно ориентируясь в самые сложные времена человеческой истории, уже показала на историческом своем опыте, что она может не только правильно ориентироваться сама, но также ориентировать и весь народ в его борьбе за свое счастье. Благодаря этому дела и идеи партии большевиков становятся близкими, доступными и родными для всех трудящихся, для всего народа. Опыт строительства социализма в СССР показал, что когда партия большевиков ведет под своим

---

[1] Сталин, О Ленине, стр. 24, 1938.
[2] Ленин, Соч., т. XII, стр. 126.

великим знаменем трудящихся, когда сливаются в одно неразрывное целое коммунизм и народ, тогда наступает то великое ускорение общественного развития, которое не могло быть даже мыслимо в прошлом.

Товарищ Сталин учит, что

«сидеть у руля и глядеть, чтобы ничего не видеть, пока обстоятельства не уткнут нас носом в какое-либо бедствие, — это еще не значит руководить. Большевизм не так понимает руководство. Чтобы руководить, надо предвидеть. А предвидеть, товарищи, не всегда легко. Одно дело, когда десяток—другой руководящих товарищей глядит и замечает недостатки в нашей работе, а рабочие массы не хотят или не могут ни глядеть, ни замечать недостатков. Тут есть все шансы на то, что наверняка проглядишь, не все заметишь. Другое дело, когда вместе с десятком—другим руководящих товарищей глядят и замечают недостатки в нашей работе сотни тысяч и миллионы рабочих, вскрывая наши ошибки, впрягаясь в общее дело строительства и намечая пути для улучшения дела» [1].

Известна неустанная забота товарища Сталина и нашей партии о том, чтобы в общее дело строительства коммунизма впряглись все трудящиеся, чтобы вся советская общественность понимала и намечала путь для улучшения нашего дела, для более быстрой победы на этом пути к коммунизму.

Все это дает возможность сделать вывод о том, что недостаточно, опираясь на все выводы мировой науки, проникнуть в характер законов общественной жизни, недостаточно только знать, как сложатся события в ближайшем будущем, как будет протекать борьба общественных классов в ближайшие годы исторического развития. Задача состоит в том, чтобы организовать деятельность народа, революционного класса, направить ее на путь борьбы за осуществление намеченной партией конечной цели. История партии большевиков — яркое свидетельство того, что и эта черта является внутренне присущей нашей партии. Только о нашей партии, партии большевиков, можно смело сказать, что она не только научно сознает, что она делает, но и делает то, что научно сознает.

Это единство между словом и делом, между организацией действия, направленного на достижение цели, и научным раскрытием этой цели является важнейшей и неотъемлемой особенностью жизни и борьбы нашей партии.

Отсюда ясна вся важность и замечательная глубина указания товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) о том, чтобы каждый большевик овладел знанием законов общественной жизни, чтобы каждый большевик воспринимал линию партии как свою собственную линию, был бы способен умело бороться за нее и защищать ее.

---

[1] Сталин, О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), стр. 12—13, ГИЗ, 1928.

* * *

Когда мы, опираясь на опыт истории и политики партии Ленина—Сталина, изучаем вопрос о научном предвидении нашей партии, то следует решительно подчеркнуть, что речь идет здесь не о предвидении частных, единичных, случайных, побочных черт развития человеческого общества. Речь идет прежде всего о предвидении генеральной линии исторического развития, направления, хода истории. В этом общем направлении развития человеческого общества партия различает основные ступени исторического развития, основные его фазы, рубежи. Партия раскрывает темпы, основные исторические сроки развития человеческой культуры и общества в целом. Партия определяет основные движущие силы человеческого общества на разных ступенях его развития.

Именно потому, что для партии большевиков благодаря материалистическому пониманию истории ясна общая линия исторического развития общества, наша партия уверенно раскрывает и характер отдельных, частных событий и стадий борьбы.

Что должен иметь в виду марксист-ленинец, когда он, опираясь на тщательное, всестороннее изучение фактического развития человеческого общества, стремится раскрыть главную, решающую линию исторического развития, его направление, ход, его ступени, фазы, темпы, исторические сроки и движущие силы человеческой истории?

На какие научные данные опирается наша партия, правильно оценивая характер прошлого развития человеческого общества и основное направление, тенденцию предстоящей борьбы?

Партия Ленина—Сталина в своем анализе законов общественной жизни, в разработке своей политики исходит из того основного положения исторического материализма, согласно которому реальным основанием всего общественного здания во все периоды истории являлась и является совокупность отношений людей, сложившихся в общественном производстве и вырастающих на определенном уровне развития производительных сил общества. Анализ основных исторических фактов, относящихся к этому вопросу, красноречиво убеждает в том, что человеческое общество в целом развивается поступательно, по восходящей, прогрессивной линии.

Марксистско-ленинское понимание истории раскрывает поступательное, прогрессивное движение всей человеческой культуры и общественной жизни, научно показывает, что в истории общества всегда в конечном счете побеждало прогрессивное над реакционным, новое над старым. Побеждал тот общественный класс, которому принадлежит будущее. Так было с победой феодалов над рабовладельцами. Так было с победой буржуазии над феодалами. Так было с победой трудящихся СССР над буржуазией. Именно это прежде всего и учитывает большевистская партия, когда ставит вопрос о предвидении направления и характера исторического развития.

Марксизм, разгромив все виды идеалистического понимания истории, признает основной движущей силой общественного развития, творцами действительной истории людей, участвующих в производстве, в создании материальных благ. Марксизм рассматривает историю человеческого общества как историю народов, как историю трудящихся масс. Это особенно важно иметь в виду, ибо вся история общества свидетельствует также о том, что по мере перехода жизни людей от одной общественной формы к другой между трудящимися устанавливается все более значительная, многосторонняя и глубокая связь. Это положение марксистской исторической науки вытекает из всего опыта исторического развития. Понятно поэтому, насколько обоснован, насколько точен вывод нашей партии о том, что неизбежно победит тот общественный строй, где общественная связь людей, производящих материальные блага, а также тружеников в области культуры и науки становится наиболее тесной, глубоко разносторонней, где достигается морально-политическое единство общества, где сливаются в одно целое народ и коммунизм. Отсюда ясно, почему последовательно-материалистическое объяснение общественной жизни дает партии возможность единственно правильно ориентироваться в ходе человеческой истории, в ее направлении.

Если история человеческого общества есть прежде всего история трудящихся масс, история народов, их деятельности и борьбы, то содержанием этой борьбы, с тех пор как общество раскололось на противоположные классы, явилось стремление трудящихся уничтожить эксплоатацию. Марксизм-ленинизм в своем учении о законах развития общества исходит из того, что вся история человеческого общества ведет к уничтожению эксплоатации человека человеком, что, переходя от одной ступени общественной жизни к другой, трудящиеся создают все больше и больше возможностей для борьбы против эксплоататоров, пока, наконец, социализм не уничтожает окончательно всякую эксплоатацию человека человеком.

Партия исходит из того, что, как показывает весь исторический опыт, победит тот общественный строй, который обеспечивает высшую производительность труда. Стахановское движение в СССР — ярчайший образец этой высшей производительности труда социализма по сравнению с капитализмом.

Коммунистическая партия в своей политике, в своей борьбе исходит также из того, что в развитии общества происходит не только материальный, но и культурный прогресс, что каждая следующая ступень жизни людей является более высокой, более развитой и совершенной. А это означает, что будущее принадлежит культуре социалистического общества, возвышающейся над всеми достижениями мировой культуры.

Именно на все эти особенности исторического развития общества обращает внимание наша партия, каждый марксист-ленинец при учете общего направления исторического процесса.

Все сказанное о марксистско-ленинском понимании исторического процесса развития общества, о законах развития общества дает достаточные основания для одного в высшей степени важного вывода: марксистско-ленинское, материалистическое понимание истории раскрывает общую картину, ведущую линию, основное направление исторического процесса, ясно указывает его тенденцию и тем самым дает партии большевиков проверенное на огромном историческом опыте, в огне бурных и многочисленных классовых битв верное теоретическое оружие для последовательно-научного предвидения развития общества, а следовательно, и для правильного руководства борьбой рабочего класса за коммунизм.

На VII съезде нашей партии Ленин говорил:

> «Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу (речь шла о создании новой программы партии — Г. А.), характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму. Это общая всемирно-историческая перспектива, и основы социализма забывать не следует».

Нужно обратить внимание на исключительно важное указание Ленина на связь вопроса о познании всемирно-исторических перспектив с «основами социализма». Ленин говорил дальше:

> «Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы ни были, как бы много частных зигзагов нам ни пришлось преодолеть (а их будет очень много, — мы видим на опыте, какие гигантские изломы делает история революции, и только еще у нас; дело куда как пойдет сложнее и быстрее, темп развития будет более бешеным, и повороты будут более сложными, когда революция превратится в европейскую), — для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, — в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной, — чтобы не затеряться в этих изломах, чтобы в периоды шагов назад, отступлений, временных поражений или когда нас история, или неприятель отбросит назад, чтобы не затеряться, важно на мой взгляд и теоретически единственно правильно будет старую основную программу нашу не выкидывать» [1].

Такова замечательная ленинская постановка вопроса о значении марксистского познания исторического процесса для предвидения развития общества, для научного руководства борьбой трудящихся за победу коммунизма.

Ленин показал, что история полна примерами отступлений от про-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 350.

грессивной, поступательной линии развития, временных шагов назад, зигзагов в сторону от общей тенденции развития общества. Однако, для того чтобы ясно видеть основной путь исторического развития, марксисту-ленинцу совершенно незачем следовать за всеми зигзагами, всеми частными, единичными, побочными и случайными явлениями в истории общества, хотя часто учет этих явлений крайне необходим. Там, где человек пошел бы по пути полного описания всех черт, явлений исторического процесса, там он никогда не мог бы предвидеть развитие этого процесса. Его анализ утонул бы в массе ненужных, играющих в общем направлении несущественную роль мелочей.

Следовательно, задача марксистско-ленинской общественной науки состоит не в простом описании всего, что происходит в истории, а в том, чтобы при анализе освободить исторический процесс от всего побочного и наносного, случайного, не имеющего коренного, решающего влияния на исторический процесс, сосредоточив в то же время внимание на открытии главных законов развития общества, главных движущих сил этого развития.

Без понимания этих особенностей марксистско-ленинской науки об обществе нельзя уяснить, почему только марксизм-ленинизм дает правильное, подлинно научное предвидение хода общественного развития.

Одновременно следует подчеркнуть, что нельзя рассматривать марксистско-ленинскую науку об обществе как некую догму, заучив которую, можно уже легко решать все вопросы общественного развития. Следует всегда помнить, что вся теория, вся политика и тактика нашей партии основаны на точном и всестороннем изучении истории, всех сторон современной общественной жизни, на глубоком знании фактов. Приведенные ленинские мысли — яркое свидетельство действенности, активности, великой творческой силы нашего мировоззрения, чуждого всякой пассивности и созерцательности.

История марксизма-ленинизма содержит огромное количество фактов гениального проникновения в будущее, борьбы за осуществление прогрессивной тенденции общественного развития, полных научного оптимизма, исключительных по глубине и точности предсказаний будущих классовых битв.

В статье «Пророческие слова» Ленин ярко развернул картину ближайшего исторического развития. Он писал, что сколько бы ни каркали «социалистические» хлюпики, сколько бы ни злобствовала и бешенствовала буржуазия, только люди, закрывающие глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не замечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки. На Советскую страну выпали «тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов». И у нас «все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее».

«Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем,

что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания, и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства»[1].

Можно привести другой, не менее яркий пример такого же проникновенного, исключительного по силе предвидения. Я имею в виду гениальное предвидение Маркса и Энгельса о создании «Российской Коммуны». Маркс и Энгельс писали, что когда Парижская Коммуна была подавлена после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители меньше всего думали о том, что после борьбы, быть может длительной и жестокой, общественное развитие «в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской Коммуны»[2].

Гениальное пророчество Маркса и Энгельса целиком сбылось. По силе научного предвидения мы не имеем в истории общественной науки, до возникновения марксизма, таких фактов беспримерного по точности и захватывающей смелости проникновения в будущее народов.

На VI съезде РСДРП(б) товарищ Сталин, развивая учение Ленина о возможности победы социализма в одной стране и невозможности победы социализма одновременно во всех странах, разоблачая троцкистско-бухаринскую мразь, боровшуюся против социалистической революции, говорил:

> «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»[3].

Замечательным классическим примером марксистского предвидения является учение товарища Сталина о колхозном строительстве в СССР. Опираясь на учение Ленина о победе социализма в одной стране и развивая его дальше, товарищ Сталин показал историческую необходимость, реальную возможность, практические пути и средства перевода мелких, индивидуальных крестьянских хозяйств на путь социалистического развития.

Товарищ Сталин в начале массового колхозного движения указал на сельскохозяйственную артель как на основную, главную форму колхозного движения на данной стадии развития. И, действительно, весь дальнейший ход событий показал гениальную силу этого предвидения. Колхозный строй у нас победил потому, что партия под руководством товарища Сталина правильно избрала путь развития социалистического сельского хозяйства, обеспечила победу колхозного строя.

Товарищ Сталин с ленинской мудростью раскрыл активную роль

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 109.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 552.
[3] Сталин, Речи на VI съезде РСДРП (большевиков), стр. 33—34.

диктатуры рабочего класса, раскрыл роль большевистской партии в организации колхозного движения. Переход к коллективному хозяйству не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства, говорил товарищ Сталин.

«Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело» [1].

Перспектива развития сельского хозяйства в СССР, начертанная товарищем Сталиным еще в 1928—1929 гг., получила блестящее подтверждение в ходе успешного развития социалистического строительства. Особенно важно было указание товарища Сталина об активной роли диктатуры рабочего класса, большевистской партии в организации колхозного движения.

Стоит внимательно изучить путь развития колхозного хозяйства за последние годы, чтобы убедиться в гениальной прозорливости приведенных указаний товарища Сталина.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» — яркое свидетельство великой мудрости, силы предвидения товарища Сталина о необходимости увеличить руководящую роль партийных организаций, необходимости решительной борьбы с самотеком, стихийностью в колхозном строительстве.

Некоторые руководители местных партийных и советских организаций не учли этих указаний товарища Сталина, забыли о них. Положившись на стихийный ход событий, они не смогли предвидеть результатов такого положения вещей, и, не будучи в состоянии предвидеть события в колхозной жизни, эти товарищи оказались не в состоянии правильно руководить строительством колхозов. Благодаря этому во многих колхозах страны был нарушен второй пункт устава сельскохозяйственной артели о нормах приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора. Эта норма была незаконно расширена путем разбазаривания и расхищения общественных земель колхоза в пользу личного хозяйства колхозника. Многие местные руководители не смогли разгадать, предвидеть, куда может привести такая оппортунистическая практика. Ведь если пустить на самотек дело колхозной жизни, когда стало приобретать широкое распространение разбазаривание колхозных земель в пользу личного приусадебного хозяйства, то через некоторое количество времени серьезно пострадало бы все дело строительства коммунизма. А не сумев этого предвидеть, многие местные работники не смогли и правильно руководить сельским хозяйством. Вот почему ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своем решении от 27 мая 1939 г. отметили:

«Все эти извращения основ политики партии в области колхоз-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 402, изд. 11-е.

ного строительства создались на основе неправильного, небольшевистского руководства колхозами со стороны местных районных и областных партийных и советских организаций. Вместо того, чтобы стоять на страже общественного хозяйства колхоза и ограждать основной источник силы и крепости колхозного строя—общественную землю колхоза—от посягательств частнособственнических элементов, местные партийные и советские руководители предоставили решение важнейших вопросов колхозной жизни самотеку и нередко, идя на поводу рваческих элементов из колхозников, сами брали на себя инициативу нарушения устава сельхозартели».

К таким результатам приводит отсутствие у некоторых товарищей на местах большевистского предвидения, а следовательно, и большевистского руководства в таком серьезном и важном деле, как колхозное строительство.

Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 г., опираясь на учение Ленина и Сталина о колхозном строительстве, вынес огромной важности решения, выполнение которых еще более укрепит колхозный строй в СССР.

Ярчайшим образцом марксистско-ленинского научного предвидения явился анализ международного положения, данный товарищем Сталиным в докладе на XVIII съезде партии.

В период, когда ни одно буржуазное правительство не могло уверенно смотреть в завтрашний день, не могло твердо обещать мир и спокойный труд своему народу, товарищ Сталин с изумительной силой глубочайшего проникновения в характер международных отношений раскрыл путь, по которому пойдет мировое развитие.

Может быть нет еще такой отрасли общественных знаний, где ленинско-сталинское научное предвидение так блестяще проявило свои особенности, как область современных международных отношений, противоречий между капиталистическими странами и анализ перспектив будущей войны.

Приведем для примера из этой неисчерпаемой по богатству вопросов области лишь одну иллюстрацию. Имея в виду глубочайшие непримиримые противоречия, существующие между Советским Союзом и капиталистическим окружением, имея также в виду постоянное желание некоторых граничащих с СССР капиталистических государств поживиться за счет территории и богатств нашей родины, Ленин и Сталин многократно предупреждали партию, советский народ, что мы должны постоянно учитывать эти противоречия и возможности военного нападения на Советский Союз, неизбежность войны капиталистических государств против Советского Союза.

В письме к комсомольцу Иванову, товарищ Сталин вновь обращает внимание советского народа на это обстоятельство. Товарищ Сталин говорил тогда:

«...было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и возстановить буржуазный строй».

Товарищ Сталин приводил здесь исторические примеры, подтверждающие правильность этой глубокой и важной мысли. Он говорил о Деникине и Колчаке, которые восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй, и отмечал, что фашисты, конечно не лучше Деникина или Колчака.

Сейчас в наши дни, когда все более возрастает напряжение возрастают противоречия в международных отношениях, указания наших вождей, дающих ясную перспективу подготовки Советского Союза к будущим военным действиям против врагов советского социалистического строя, должны быть положены в основу всей нашей работы.

Такой научный прогноз, предвидение одновременно является лозунгом для нашей деятельности, для укрепления нашей родины.

* * *

С исключительной яркостью сила научного предвидения нашей партии проявляется также там, где явление схватывается в его зародыше, где раскрывается путь развития явления при самом его возникновении. Вопрос об умении брать события в их зародыше, в перспективе, имеет для нас, большевиков, огромное политическое и теоретическое значение. Эта особенность научного познания является одной из самых замечательных сторон деятельности Ленина, деятельности товарища Сталина по руководству международным рабочим движением и строительством коммунизма в СССР. Товарищ Сталин специально отмечал, что «Ильич умел брать в зародыше новые события и давать лозунги, предупреждавшие события» [1].

Эта особенность деятельности Ленина и Сталина, деятельности нашей партии ярко проявляется как при решении больших, имеющих общегосударственное и общенародное значение вопросов, так и частных вопросов нашей борьбы и работы.

Наша партия именно потому, что она рассматривает историю общества как прогрессивное, поступательное развитие, где исторически неизбежна победа прогрессивного над реакционным, нового над старым, нарождающегося над умирающим, может раскрывать явления в их зародыше и правильно показывать их развитие.

[1] Сталин. Сборник «Об оппозиции», стр. 74.

При рассмотрении общественных явлений в их зародыше возникают серьезные трудности исследования, предвидения. Дело в том, что явление в этом случае только возникает. У него еще нет истории. Часто здесь нельзя сослаться на исторический опыт, так как явление еще не развито, оно только возникло, событие почти целиком находится еще в будущем и неизвестно, какие его стороны разовьются, а какие потеряют значение.

Далее. Изучаемое явление, поскольку оно берется в зародыше, носит единичный характер. Но останется ли оно единичным или разовьется и приобретет всеобщее значение — все это особенно трудно предрешить, когда явление рассматривается в его зародыше. Несмотря на всю сложность раскрытия перспектив развития явления, находящегося в зародыше, марксистско-ленинская наука блестяще решает и эти сложные вопросы. Обратимся к некоторым примерам.

Мудрым светом большевистской теории озарил товарищ Сталин на XV съезде партии первый опыт МТС имени Шевченко, обслуживавшей своими тракторами окружающие колхозы, раскрыв великое преобразовательное значение этого опыта для продвижения высокой техники в социалистическое сельское хозяйство.

Партия пошла по пути, указанному товарищем Сталиным, и победила. МТС стали гигантской, мощной организацией, основным каналом технического вооружения колхозов. И теперь советское сельское хозяйство — самое передовое, самое крупное, вооруженное высшей техникой. Этот пример прекрасно показывает все значение раскрытия явления в его зародыше.

Исключительное значение имеет предвидение товарищем Сталиным развития стахановского движения в СССР и его роли в продвижении нашей страны к коммунизму. Товарищ Сталин обратил внимание на единичный в то время опыт стахановского труда — опыт, осуществленный Стахановым и его товарищами, и раскрыл в этом единичном событии будущее великое всенародное движение. Товарищ Сталин с гениальным мастерством величайшего диалектика взял стахановский труд в его зародыше и показал, как оно, это явление, будет развиваться. Всему миру известно, к каким результатам привело осуществление этого предвидения товарища Сталина.

В своей книге о Ленине Максим Горький привел интереснейшее высказывание Ленина о мире, вечно обновляющемся; в нем всегда зарождается новое, которое нужно видеть, чтобы успешно бороться за него.

Горький рассказывает, что одно время он весьма скептически относился ко всякой философии. Для него, для Горького, «мир только что начинался, «становился», а философия шлепала его по голове и совершенно неуместно, несвоевременно спрашивала:

«Куда идешь? Зачем идешь? Почему — думаешь?»

Некоторые же философы просто и строго командовали:

«Стой!»

Кроме того, я уже знал, что философия, как женщина, может быть очень некрасивой, даже уродливой, но одета настолько ловко и убедительно, что ее можно принять за красавицу. Это рассмешило В. Ильича.

— Ну, это — юмористика, — сказал он. — А что мир только начинается, становится, — хорошо! Над этим вы подумайте серьезно, отсюда вы придете, куда вам давно следует притти»[1].

Для правильного понимания марксистско-ленинского учения о предвидении общественных явлений весьма важно вдуматься в ленинские положения, вытекающие из всего его мировоззрения: мир следует рассматривать как вечно обновляющийся, становящийся, как находящийся в развитии от низшего к высшему, от старого к новому. Именно это дает возможность проникнуть в характер начинающегося явления и организовать всю борьбу партии и трудящихся так, чтобы была обеспечена победа нового, прогрессивного над старым, реакционным.

Указанная особенность марксизма делает нашу партию способной и всесторонне подготовленной к преодолению трудностей в борьбе за победу прогрессивного в общественном развитии.

Борьба за победу прогрессивного над реакционным всегда полна трудностей, ибо история не представляет собой прямого пути развития. Если же история общества, как об этом говорит Ленин, не представляет прямого пути развития, а мы боремся за самый быстрый, кратчайший путь, ведущий к коммунизму, то вполне понятно, какие огромные препятствия нужно было преодолевать большевикам в борьбе с реакционными классами и их агентурой и последышами за победу прогрессивного над реакционным, нового над старым. Здесь вполне прав был Маяковский, когда писал:

> Это время —
> трудновато для пера,
> Но скажите,
> вы,
> калеки и калекши,
> Где,
> когда,
> какой великий выбирал
> путь,
> чтобы протоптанней
> и легше?

Наша партия — единственная, которая не боится трудностей, которая научно предвидит пути их разрешения и успешно их разрешает.

Исторический опыт показал, что для настоящего научного предвидения и для борьбы за осуществление целей и решений партии недостаточно знать общую тенденцию данного исторического развития. Огромное значение здесь приобретает вопрос о предвидении темпов, исторических сроков победы прогрессивного над реакционным, нового над старым.

[1] Горький, В. И. Ленин, стр. 19.

Как следует подойти к сложному вопросу о предвидении темпов, исторических сроков будущего развития?

Факты говорят, что темпы развития общественной жизни всегда определялись направлением и характером самого исторического развития общества. Так, например, каково бы ни было своеобразие буржуазного развития, скажем, в крупнейших странах Европы, однако для победы в этих странах нового, буржуазного, строя над старым, феодальным, требовалось часто свыше 100 лет. В такой примерно исторический срок укладывался переход от общества феодального к обществу буржуазному в указанных странах.

Великий исторический опыт нашей страны показал, что с завоеванием политической власти рабочим классом наступают совершенно иные, чем прежние, темпы развития общества, другие исторические сроки выявления преимуществ нового общества перед старым. Товарищ Сталин, раскрывая преимущество социализма перед капитализмом и разоблачая троцкистских выродков, боровшихся против социализма за реставрацию капитализма в нашей стране, а для вида утверждавших, будто для победы социалистического общества над капиталистическим потребуется 50—100 лет, говорил по этому вопросу:

> «Не ясно ли после всего этого, что оперировать тут перспективой в пятьдесят и в сто лет, — это значит страдать суеверной верой запуганного мещанина во всемогущество капиталистической системы хозяйства?» [1].

Одни эти примеры служат ярчайшим подтверждением той мысли, что темпы развития всех сторон общественной жизни предопределены типом, характером самого общественного строя. Раз благодаря материалистическому пониманию истории открыты направление и характер развития общественной жизни, — это дает реальную возможность предвидеть основные темпы развития наступающих событий.

Для чего большевику, марксисту-ленинцу требуется знать не только общий путь будущего развития общества, но также и сроки наступления новой формы общественной жизни или следующей ступени общественного развития?

Этот вопрос потому так остро затрагивает интересы всех передовых людей нашего времени, что от более быстрого или менее быстрого развития общества по пути прогресса зависит быстрота осуществления конечных целей нашей партии. Кроме того, научное познание темпов исторического развития дает возможность правильно учесть моменты перехода от одной ступени общественной жизни к другой, а также моменты изменения стратегических и тактических лозунгов партии.

Но и открытием темпов исторического развития далеко не исчерпывается подлинно большевистское познание развития общественной жизни. Известно, что большевики тем и отличаются, что,

[1] Сталин, Сборник «Об оппозиции», стр. 538.

предвидя темпы, исторические сроки общественного развития, умеют *энергично влиять своей деятельностью на эти темпы и сроки*, в значительной мере умеют быть хозяевами этих темпов и исторических сроков развития общества, борются за сокращение исторических сроков достижения конечного результата борьбы рабочего класса.

Раз перспектива развертывающихся событий познана, дальнейшая задача партии состоит в том, чтобы сократить исторические сроки приближения конечного результата нашей борьбы, ускорить темпы общественного развития. Все прежние, в свое время прогрессивные классы, борясь до завоевания политической власти за более быстрые темпы общественного развития, после этого завоевания были чаще всего заинтересованы уже в *замедлении* этих темпов, а иногда даже в полном приостановлении исторического развития. Это вытекало из стремления всех прежних господствующих классов уничтожить господство других эксплоататоров и *увековечить* свое собственное господство.

Рабочий же класс и его партия представляют в этом отношении полную противоположность. Они всегда заинтересованы в том, чтобы общество развивалось более быстро. Маркс в своей замечательной работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал, что все для рабочего класса находится в будущем, хотя он организует борьбу за это будущее, опираясь на прошлое. Вполне понятно, что партия рабочего класса содействует более быстрой победе этого будущего. Маркс писал, что *рабочий класс действует по сокращенной*, т. е. *революционной, методе*. Ленин в своих работах часто возвращался к обоснованию необходимости *сократить* сроки исторического развития, выбрать самый короткий, самый результативный путь, ведущий к победе. И поскольку история общества складывается из деятельности людей, следовательно, от деятельности партии в известной мере зависят характер и сроки развития общества. Партия большевиков активно, энергично борется за изменение мира, руководя борьбой трудящихся, направляет ход строительства коммунистического общества в СССР.

Вопрос о предвидении темпов, исторических сроков развития общества имеет тем большее значение, что партия на своем историческом опыте в борьбе с врагами рабочего класса показала, какой огромный вред могли бы принести люди, если бы их попытки спутать все карты в вопросе о темпах и сроках исторического развития увенчались успехом. Известны указания Ленина в период введения нэпа о том, как важно для партии не только открыть, но и осуществить прохождение всех нужных для нашего развития к коммунизму фаз, ступеней.

Нельзя вычеркнуть необходимые ступени движения из развития общества. В этой связи важно помнить, как партия боролась с людьми, которые пытались перепрыгнуть через определенные ступени развития нашей революции, которые, например, весной 1917 г.

пытались дать лозунг вооруженного восстания и пойти на это восстание. Партия провела большую борьбу против матерых врагов социализма — троцкистов и их последышей, против левацких извращений линии партии в колхозном строительстве, против перепрыгивания через артельную форму колхозного движения. Известна решительная и последовательная борьба нашей партии против правых и их различных последышей, против тех, которые добивались замедления темпов исторического развития, которые в своей лютой ненависти к социализму, трудящимся нашей родины, вместе с троцкистами запродавшись иностранным разведкам, вредили, шпионили, убивали из-за угла, устраивали диверсии, и все это для восстановления капитализма в СССР.

Партия, трудящиеся нашей страны решительно очистили советскую землю от кровавой банды троцкистско-бухаринских выродков, подлых наемников иностранных разведок.

Весь опыт истории борьбы нашей партии свидетельствует о том, какое огромное значение имеет для жизни всего общества вопрос о предвидении основных исторических сроков, темпов общественного развития, о правильной ориентации в этих темпах и сроках, умение ускорить эти темпы, правильно разобраться, когда наступил исторический момент для перехода от одной полосы общественного развития к другой, более высокой, более развитой.

Все сказанное говорит о том, что предвидение в истории нашей партии всегда связывалось с признанием необходимости самой активной, энергичной и неутомимой деятельности партии и народа.

Общеизвестна формула Маркса: философы до сих пор лишь объясняли мир, задача же в том, чтобы изменить его. Не все наши пропагандисты и товарищи, самостоятельно изучающие марксистско-ленинскую теорию, проникают в ее замечательный смысл.

Эта формула Маркса в эпоху социалистической революции и диктатуры пролетариата приобрела еще большее значение для нашей теории, для нашей борьбы. На эту формулу Маркса надо посмотреть с точки зрения всего достигнутого нашей партией опыта. Наша партия, руководствуясь в своей борьбе замечательным учением Маркса о революционном изменении мира, развила и обогатила это учение, ибо показала конкретные пути, формы, основные ступени и средства уничтожения старого, буржуазного и построения нового, социалистического общества. Новое, радостное социалистическое общество, основной план устройства которого теоретически начертали еще Маркс и Энгельс, высится на непоколебимой основе Сталинской Конституции. Социализм стал жизнью, творческой деятельностью народов нашей великой родины.

Опыт истории нашей партии ярко и убедительно показывает, как нужно бороться последовательно-революционной партии, чтобы добиться действительного изменения мира. Этот опыт имеет неоценимое значение для трудящихся всех стран. Ленин замечательно показал это, когда говорил:

«Идеи становятся силой, когда они овладевают массами.

И именно теперь большевики, т.-е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами»[1].

Товарищ Сталин гениально раскрыл глубочайшую историческую связь, всегда существовавшую между научной политикой партии и борьбой народа. В своих классических произведениях товарищ Сталин показал, почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс, двигающих вперед революцию, показал, как и почему большевикам удавалось «убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа».

Товарищ Сталин доказал, что изменить, коренным образом перестроить общественную жизнь могут лишь партия, народ, завоевавшие власть, знающие законы исторического развития, умеющие использовать знание законов развития природы и общества на благо народа. Отсюда вытекает вся важность глубокого знания законов общества, законов пролетарской революции, законов строительства коммунизма всей партией, всем советским народом. В этом же свете нужно рассматривать коммунистическое воспитание трудящихся как важнейшую политическую задачу, стоящую сейчас перед нашей партией. Товарищ Сталин в своем замечательном докладе на XVIII съезде партии с гениальной прозорливостью раскрыл значение дела коммунистического воспитания трудящихся и овладения теорией нашими кадрами для успешного строительства коммунизма. Товарищ Сталин говорил:

«Нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и наоборот, — чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение. Можно с уверенностью сказать, что, если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры всех отраслей работы и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми марксистами-ленинцами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, — то мы имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными»[2].

С гениальной прозорливостью вскрыл товарищ Сталин значение знания законов общества для каждого большевика. Только зная эти законы, член великой партии Ленина — Сталина может глубоко понимать политическую линию партии.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 279.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 598, изд. 11-е.

Что означает гениальное сталинское положение о том, что большевик должен правильно понимать политическую линию партии, воспринимать ее как свою собственную линию, должен быть готовым провести ее полностью в жизнь, должен уметь осуществлять ее на практике, должен быть способным отвечать за нее, защищать ее, бороться за нее? Эта великая идея, высказанная товарищем Сталиным на XVIII съезде партии, воплощающая в себе огромный исторический опыт развития нашей партии, означает, что вся политика и многосторонняя деятельность партии основаны на строго научных началах. Чтобы бороться за линию партии, последовательно, безошибочно и страстно осуществлять и защищать ее, надо знать научные основы политической линии нашей партии.

Таким образом, внутренне воспринять линию партии, уметь защищать и проводить ее означает прежде всего овладеть марксистско-ленинской теорией, знать законы развития общества, законы строительства коммунизма, знать исторический опыт борьбы за победу социализма, уметь предвидеть общественные события.

Ленин и Сталин, двинув далеко вперед марксистскую науку об обществе, разработав дальше учение Маркса и Энгельса о научном предвидении общественных явлений на опыте мирового рабочего движения, на опыте революций и строительства социализма в нашей стране, проникновенным светом большевистского знания озарили историческую необходимость и конкретную форму революционного изменения мира. Они указали основные пути, средства, движущие силы этого творческого процесса, поднявшего к новой жизни миллионы трудящихся, исторические сроки и темпы коренного преобразования самых основ и всех сторон общественной жизни. Вполне понятно, что этим самым наша партия еще более обогатила великое историческое содержание слов Маркса об изменении мира.

Из всей истории нашей партии и всего международного опыта марксистской политической и теоретической мысли самым ярким примером научного предвидения являются решения XVIII съезда нашей партии. Здесь мы видим, как партия гениально осветила работу советского народа по завершению строительства социалистического общества, мудро выбрала тот исторический момент, когда следовало начать могучее постепенное движение к коммунизму. Партия раскрыла путь нашего будущего движения, исторические сроки строительства коммунизма, практические средства этого строительства.

Наша партия в своей истории неоднократно с ленинской мудростью решала вопрос о перспективах борьбы и общественного развития. Так, например, в 1925 г. в СССР «со всей силой вставал вопрос о перспективах, о характере нашего развития, нашего строительства, вопрос о судьбах социализма в Советском Союзе»[1].

Вполне понятно, что без ясных, понятных всему народу, научно обоснованных ответов на возникшие вопросы практическая ра-

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 259—260.

бота партии и государства по строительству социализма была бы «работой без перспектив, работой вслепую, работой впустую».

На все эти вопросы партия дала ясные и определенные ответы[1].

Товарищ Сталин дал гениальное решение этой задачи, теоретически обосновал, идейно-политически и организационно подготовил построение социализма в СССР.

Под водительством товарища Сталина в ожесточенной борьбе с врагами народа социализм у нас построен. Неоценимо велико политическое и теоретическое значение этого нового великого открытия товарища Сталина о возможности построения коммунистического общества в СССР и путях постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В результате построения в основном первой фазы коммунизма в СССР перед нашей партией встал вопрос о перспективах нашего дальнейшего развития к коммунизму. Еще раз подтвердились гениальные слова Ленина, что

> «...нигде, ни в какой другой стране не интересовалось так трудящееся население вопросом о превращении капитализма в социализм, как теперь у нас. Об этом у нас думают гораздо больше, чем в какой-нибудь другой стране. Неужели же партия не должна дать ответа на этот вопрос? Мы должны научно показать, как эта коммунистическая революция пойдет»[2].

И партия на своем XVIII съезде показала, как этот процесс коммунистического строительства пойдет, она вскрыла реальные возможности построения полного коммунистического общества в СССР в условиях капиталистического окружения. Она исходила здесь из того, что в нашей стране есть все необходимые условия, реальные возможности для построения коммунизма. В нашей стране имеются достаточные природные богатства для полного удовлетворения нужд трудящихся нашей родины; наша страна имеет власть, которая сумела двинуть природные богатства страны на пользу всего народа; у нас есть великая поддержка этой власти со стороны народных масс; у нас есть строй, свободный от неизлечимых болезней капитализма, способный до конца использовать материальные возможности строительства коммунизма; у нас есть знание законов общественной жизни, которые убедительно говорят об исторически неизбежной победе коммунизма; у нас есть, наконец, наличие первой фазы коммунистического общества, опираясь на которую, народам Советского Союза под руководством партии большевиков можно двинуться дальше к коммунизму, по пути, начертанному партией. И наша партия раскрыла эти реальные возможности перехода к следующей фазе нашего развития, раскрыла движущие силы советского общества, реализующие эти возможности.

Товарищ Сталин с ленинской мудростью открыл законы строительства коммунизма, теоретически обосновал, идейно-политически подготовил и организовал великую творческую работу народов

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 260.
[2] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 149.

СССР по завершению строительства социализма и постепенный переход к коммунизму в СССР.

Не случайно поэтому с именем товарища Сталина связываются сейчас не только в нашей стране, но и во всем мире все прогрессивные завоевания человечества. И это действительно так. Народ, который желает добиться освобождения от капиталистического рабства, не может пройти мимо путей этого освобождения, открытых и обоснованных Лениным и Сталиным. Народ, который хочет добиться материального и культурного подъема своей жизни, не может не следовать путям, предуказанным в работах Ленина и Сталина, — путям, встав на которые, трудящиеся СССР под руководством великой партии большевиков уже добились этого подъема. Все честные, мыслящие люди современности, действительно жаждущие победы подлинного прогресса, беззаветно объединяются под знаменем партии Ленина — Сталина, не только предсказавшей победу социализма, но и приведшей к нему народы СССР. С именем товарища Сталина связываются сейчас не только в нашей стране, но и во всем мире все самые передовые и прогрессивные завоевания и устремления человечества. Вот почему неисчерпаемо глубока искренняя любовь народов всего мира к товарищу Сталину.

> «История его жизни, — это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей, — писал о товарище Сталине Анри Барбюс. — Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила — это несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей.
>
> После смерти человек живет только на земле. Ленин живет всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин — это Ленин сегодня»[1].

Когда товарищ Сталин характеризовал умение Ленина предвидеть исторические события и направлять внимание, волю, энергию, деятельность миллионов людей по прогрессивной линии общественного развития, он говорил о Ленине как о величайшем марксисте нашего времени, глубочайшем теоретике и опытнейшем революционере. Это же повторяют передовые люди всего мира о Сталине.

Пройдет много десятилетий и веков в развитии общества, и люди будут всегда с восторгом изучать наше героическое время, в котором живет и творит великий продолжатель дела Маркса и Ленина товарищ Сталин.

---

[1] Барбюс, Сталин, стр. 343—344, ГИХЛ, 1936 г.

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА—СТАЛИНА О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Акад. А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Великие основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, открыв законы развития общества, впервые дали подлинно научное объяснение происхождения и сущности государства.

До Маркса и Энгельса всякие определения государства — его природы, его задач и целей — представляли собой сознательное, в отдельных случаях бессознательное запутывание этого важнейшего вопроса.

Буржуазия, выступив на историческую арену, изображала себя представителем всего общества. Она и государство изображала так, чтобы это наиболее соответствовало основной задаче охраны и защиты классовых интересов буржуазии. Вот почему идеологи буржуазии направляют свои усилия на то, чтобы тщательно скрыть классовую природу государства и представить государство чем-то надклассовым. Так, например, Руссо называет государство «народом, как таковым». Согласно Руссо, законодатели в буржуазном обществе — это будто бы выразители общей воли.

Яркий пример идеализации капиталистического государства представляют рассуждения другого идеолога буржуазии, Кондорсе, который, скрывая тот факт, что буржуазное государство есть орудие эксплоатации трудящегося населения, утверждает, что государство будто бы несет возложенные на него обязанности одинаково и в равной мере по отношению ко всем гражданам, независимо от их классового положения.

По Гегелю, государство — это разум в себе и для себя; государство — средство реализации людьми тех благ, которые без государства существуют только потенциально, в идее.

Эта линия буржуазной идеологии в вопросе о государстве продолжается и дальше, до последнего времени. Это можно видеть, если проследить состояние новейших идей в области буржуазного государственного права и обратиться к более поздним представителям буржуазной, так называемой, науки. Они утверждают, что «государство — это вся нация...», и всячески уходят от вопроса

о том, что государство есть орудие в руках господствующего класса для осуществления определенных классовых политических и экономических задач. Один из них — Гумплович, чтобы лучше скрыть подлинную природу буржуазного государства, определяет его как «культурштаат», как «культурное государство», стараясь отвлечь внимание от выполняемой буржуазным государством действительной и главной функции — внутреннего военного подавления эксплоатируемых масс.

Такова основная линия буржуазной «науки» в вопросе о государстве, которую проводят буржуазные философы, юристы и публицисты и которая так же далека от подлинной науки, как небо от земли.

Есть только одна подлинно научная теория государства — это теория, созданная Марксом и Энгельсом и развитая дальше Лениным и Сталиным.

Основное положение марксистско-ленинского учения о государстве заключается в признании того, что государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, что оно существует не извечно, а возникло на определенной ступени развития человеческого общества, вместе с разделением общества на классы, и явилось в руках эксплоататорских классов орудием угнетения трудящихся, средством держать в подчинении эксплоатируемые массы народа.

Выражением чего является государство в классовом обществе, для каких целей оно необходимо в обществе, разделенном на антагонистические классы, — об этом Энгельс в своей замечательной брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» писал следующее:

> «Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое двигается в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплоататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплоатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии» [1].

Учение Маркса и Энгельса о государстве — о его сущности и природе — тесно связано со всем мировоззрением марксизма — с диалектическим и историческим материализмом. Оно есть результат распространения диалектического материализма на познание обще-

---

[1] Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 42—43, Госполитиздат, 1938 г.

ственных явлений, результат применения исторического материализма к изучению материальных условий жизни общества, его политических учреждений и форм сознания. Маркс и Энгельс благодаря открытому ими материалистическому пониманию истории впервые установили тот факт, что политические учреждения, равно как и правовые идеи и все другие формы общественного сознания коренятся в материальных условиях жизни общества — в его экономической структуре. Исходя из этого положения и применив его к изучению возникновения и развития государства и права, в особенности к изучению капиталистического строя, его государственных форм и политических учреждений, Маркс и Энгельс гениально вскрыли подлинную сущность государства как орудия в руках эксплоататорских классов для угнетения и подавления эксплоатируемых. Учение Маркса и Энгельса о государстве ярко обнажило, таким образом, всю ложь и фальсификацию буржуазной, так называемой науки, все устремления которой направлены на то, чтобы скрыть эксплоататорскую сущность капиталистического государства. Из теории Маркса и Энгельса о государстве вообще, в частности и в особенности о буржуазном государстве, и вытекло их учение о том, каково же должно быть отношение пролетариата к буржуазному государству.

Маркс и Энгельс в своих работах не раз указывали, что пролетариату необходимо сломать, разбить (zerbrechen) буржуазную государственную машину.

К этому взгляду Маркс и Энгельс пришли в результате изучения и обобщения огромного опыта классовых революционных битв пролетариата против буржуазии.

В своей знаменитой книге «Государство и революция» Ленин показывает, как развивались взгляды Маркса и Энгельса на государство, как марксизм и в этом вопросе — в вопросе о государстве — рос и обогащался на основе новой исторической практики.

В 1847 году, когда Маркс и Энгельс создавали свой «Манифест коммунистической партии», вопрос о сломе буржуазной государственной машины ставился еще отвлеченно. В «Манифесте коммунистической партии» даны гениальные, но все же лишь общие указания о том, что пролетариат не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы не уничтожить в прах всю надстройку из слоев, образующих официальное общество.

На основе уроков революции 1848—1851 гг. и особенно Парижской Коммуны (1871 г.) Маркс и Энгельс приходят к выводу о необходимости для пролетариата сломать старую буржуазную государственную машину.

Но, доказывая необходимость слома, «разбития» буржуазного государственного аппарата, Маркс и Энгельс решительно выступили против анархистского требования «взрыва» государства и обосновали положение, что на место разбитой государственной машины буржуазии пролетариат должен создать свое, новое государство, которое необходимо пролетариату в его революции для того,

чтобы подавить врагов пролетарской революции. Энгельс писал в письме к Ван-Паттену:

«Анархисты ставят вопрос на голову. Они говорят, что пролетарская революция должна **начать** с упразднения (Энгельс подчеркивает это слово «начать». — *А. В.*) политической организации государства. Но после победы пролетариата именно государство является единственной организацией, которую рабочий класс находит готовой для использования. Пусть это государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. Но разрушить его совсем в такой момент означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов — капиталистов — и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа неминуемо закончилась бы поражением и массовой резней рабочих, как это было после Парижской Коммуны»[1].

Основная мысль Энгельса здесь совершенно ясна: анархисты полагают, что пролетарская революция начинается с упразднения политической организации государства, но марксизм решительно отвергает это вреднейшее для дела пролетарской революции рассуждение анархистов. Пролетарская революция не может начинаться с упразднения политической организации государства, ибо государство нужно пролетариату в его борьбе против свергнутых эксплоататоров.

На основе уроков Парижской Коммуны Маркс и Энгельс указывают, что все революции усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы ее разбить. Это было громадным шагом вперед, который сделала марксистская теория со времени «Манифеста коммунистической партии».

Без своего государства пролетариат не сможет завершить свою победу, не сможет удержать свою власть, не сможет подавить своих врагов — капиталистов, — не сможет произвести и ту перестройку общества, которую призвана совершить социалистическая революция.

* * *

Гениальные положения Маркса и Энгельса о государстве развили дальше Ленин и Сталин. Ленин и Сталин нанесли сокрушительные удары оппортунистам из II Интернационала, которые всячески извращали и фальсифицировали марксизм с целью прикрыть марксизмом свою оппортунистическую предательскую практику.

В борьбе против оппортунистов Ленин и Сталин отстояли подлинное учение марксизма, доказав, что главное в марксизме — это учение о диктатуре пролетариата.

Но Ленин и Сталин не только восстановили великую идею

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 304.

Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, но развили ее дальше, обогатили марксизм рядом новых гениальных положений.

Они разработали дальше учение Маркса и Энгельса о необходимости диктатуры пролетариата как государства переходного периода от капитализма к коммунизму. Ленин и Сталин разработали гениальное учение о союзе рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса, обосновав то положение, что этот союз есть высший принцип диктатуры пролетариата. В вопросе об отношении пролетарской революции к государству Ленин и Сталин развили дальше марксистское учение о необходимости слома буржуазной государственной машины и создания нового государства — государства пролетарской диктатуры.

Развивая дальше идею Маркса и Энгельса о необходимости слома буржуазного государственного аппарата, Ленин и Сталин исчерпывающе показали, в чем именно должен заключаться этот слом. Эти указания были полностью претворены в жизнь Великой Октябрьской социалистической революцией под гениальным руководством партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным.

Как проходил этот процесс слома старой буржуазной государственной машины, ярко показал товарищ Сталин.

«Мы теоретически знали, — говорил товарищ Сталин в 1920 году в своем докладе на торжественном заседании Бакинского совета, — что пролетариат не может взять просто старую государственную машину и пустить ее в ход. Это наше теоретическое приобретение, данное Марксом, целиком подтвердилось на фактах, когда мы встретились с целой полосой саботажа со стороны чиновников, служащих и верхних слоев пролетариата, полосой, полной дезорганизации государственной власти.

Первый и самый главный аппарат буржуазного государства, старая армия и ее генералитет, были сданы на слом. Это обошлось дорого. В результате этого слома нам пришлось временно остаться без всякой армии и подписать Брестский мир. Но другого выхода не было, никакого другого пути для освобождения пролетариата история нам не давала.

Далее был разрушен, сдан на слом, другой столь же важный в руках буржуазии аппарат — аппарат чиновничий.

В области хозяйственного управления страной наиболее характерное — это изъятие из рук буржуазии основного нерва хозяйственной жизни буржуазии — банков. Банки были изъяты из рук буржуазии, и последняя была оставлена, так сказать, без души. В дальнейшем идет работа по слому старых аппаратов хозяйственной жизни и экспроприация буржуазии — отобрание у нее фабрик и заводов и передача их в руки рабочего класса; наконец — слом старых аппаратов продовольствия и попытка построить новые, могущие собрать хлеб и распределить его среди населения. В заключение ликвидация Учредилки. Вот все те, приблизительно, меры в порядке разрушения старых аппаратов

капиталистического мира, которые Советская Россия вынуждена была провести в этот период»[1].

Но поистине всемирно-историческое значение имеет гениальная идея Ленина о советах как наиболее целесообразной и совершенной форме политической организации общества в переходный период от капитализма к коммунизму.

Величайшей заслугой Ленина является то, что он, исходя из теории марксизма и опираясь на опыт двух русских революций, открыл советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата.

Выступая против «новожизненцев», Ленин писал:

> «Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат не может. Но он может разбить все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место свой, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»[2].

Это положение Ленина в учении о государстве явилось новым, открывшим и новые перспективы в практике государственного строительства в условиях победившей пролетарской революции. Учение Ленина о советах является исключительно важным и с точки зрения решения вопроса о перспективах развития пролетарского государства и его исторических судьбах.

Советское государство явилось новой формой государственной власти. Учение о советском государстве явилось учением о новом типе государства, которое принципиально отличается от буржуазного государства.

> До Ленина «марксистские теоретики считали парламентарную республику лучшей политической формой перехода к социализму. Теперь Ленин предлагал заменить парламентарную республику республикой Советов, как наиболее целесообразной формой политической организации общества в переходный период от капитализма к социализму»[3].

Это — огромный шаг вперед. Только советы могли явиться подлинными представителями всего народа, единственными массовыми организациями, обнимающими всех трудящихся, и наиболее могущественными органами революционной борьбы масс.

> «Республика Советов, — говорил товарищ Сталин, — является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма»[4].

Величайшее значение в учении Ленина — Сталина о советском государстве как о государственной форме диктатуры пролетариата

---

[1] И. Сталин, Три года пролетарской диктатуры, Сборник «Ленин и Сталин», т. II, стр. 327, Партиздат, 1936.

[2] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 257.

[3] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 177.

[4] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 35, 11-е изд.

имеет развитое ими положение о том, что братский союз народов есть одно из важнейших условий укрепления советской власти и диктатуры пролетариата.

Это положение нашло свое полное отражение и в Сталинской Конституции и во всей организации советского государственного строя, во всей организации новых советских государственных правовых отношений.

Свое учение о государстве Ленин и Сталин отстояли в решительной борьбе против оппортунистов из II Интернационала, против меньшевиков, эсеров, анархистов.

В особенности на долю товарища Сталина выпала борьба против врагов социализма, врагов рабоче-крестьянского государства, орудовавших внутри самой партии. Троцкисты и бухаринцы, поставившие себе целью восстановить в СССР капитализм, в своей борьбе против советского народа пытались также отравить его сознание ядом враждебных интересам пролетарской диктатуры взглядов по вопросу о советском государстве, которые, по замыслу троцкистов-бухаринцев, должны были способствовать ослаблению мощи пролетарской диктатуры.

В 1925 году Бухарин выступил со статьей «К теории империалистического государства», в которой он занял анархистскую, враждебную позицию по отношению к пролетарскому государству. Характерно отметить, что статья была напечатана в юридическом журнале «Революция и право», выходившем под редакцией разоблаченного впоследствии врага народа Пашуканиса. Это было не случайное сотрудничество, как это позднее обнаружилось, когда была раскрыта преступная деятельность этих врагов народа.

Бухаринцы и троцкисты, борясь за реставрацию капитализма в нашей стране, всеми средствами стремились подорвать диктатуру пролетариата. В систему их вредительской, подрывной работы входили и эти выступления по вопросу о государстве, которые были направлены на то, чтобы внушить мысль о ненужности для пролетариата советского государства, чтобы попытаться расшатать его крепость.

Сейчас, разумеется, объясняя все эти враждебные ленинизму выступления со стороны Бухарина и других, мы не можем ограничиваться анализом одной «теории», мы не можем отрешиться от факта участия Бухарина в контрреволюционной и шпионско-разведывательной работе в интересах одной из иностранных разведок, что накладывает определенный отпечаток на всю его так называемую теоретическую деятельность.

Речь товарища Сталина «О правом уклоне в ВКП(б)», произнесенная 11 лет назад, на апрельском пленуме ЦК ВКП(б), завершила идейный разгром правого уклона, до конца вскрыла антиленинский характер системы взглядов правых оппортунистов, подчеркнула, что «отказаться от борьбы с правым уклоном значит п р е д а т ь рабочий класс, п р е д а т ь революцию». В этих словах товарища Сталина с особой силой указывается та острота, которая

характеризовала в тот период борьбу партии против правых, в частности и по вопросу о государстве. Не случайно товарищ Сталин уделил в этой речи специальное внимание разоблачению антиленинских взглядов Бухарина в вопросе о государстве.

Товарищ Сталин уже тогда показал, что политическая сущность бухаринской группировки сводится к подрыву социалистического строительства, к сдаче позиций капиталистическим элементам, к предательству революции, к реставрации капитализма.

Товарищ Сталин, вскрывая контрреволюционное, реставраторское существо всякого рода «платформ» троцкистов и бухаринцев, одновременно разоблачил контрреволюционное существо их выступлений в области теории, в первую голову по вопросам пролетарской диктатуры и советского государства.

Товарищ Сталин, разоблачая врагов социализма, врагов СССР, неустанно звал и зовет партию крепить мощь диктатуры рабочего класса, крепить силу социалистического государства — его армии и флота, его карательных и разведывательных органов.

К этому зовут и те новые гениальные идеи о социалистическом государстве, которые товарищ Сталин развил в своем отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) и которые, завершая учение Маркса—Энгельса—Ленина о государстве, представляют собой величайший вклад в нашу науку о развитии общественных и государственных отношений, в марксистско-ленинскую методологию.

* * *

В своем учении о социалистическом государстве товарищ Сталин показал всю силу и значение диалектического анализа, дал блестящий образец того, что значит подлинно научное отношение к теории, к теоретическим формулам, дал новый гениальный образец творческого марксизма в противоположность марксизму догматическому.

Прежде чем изложить основные положения сталинского учения о социалистическом государстве, необходимо обратить внимание и на ряд важнейших и имеющих исключительное значение методологических положений, которыми пронизано учение товарища Сталина о государстве. Их можно кратко сформулировать в следующих нескольких пунктах.

Первое — правильное понимание тех или иных теоретических положений невозможно в отрыве от исторических условий, в каких эти положения вырабатываются.

Второе — правильное понимание роли и значения государства при социализме, в переходный период от социализма к коммунизму и при коммунизме возможно лишь при учете всех условий и всей обстановки, в которых живет и развивается данное государство.

Третье — общие теоретические формулы при всей своей правильности не могут иметь безусловного, раз навсегда данного значения.

Четвертое — общие формулы марксизма о государстве при коммунизме, бесспорные в качестве общих руководящих положений, не исключают самостоятельной разработки теории Маркса—Энгельса применительно к особенностям разных стран и периодов. Теория государства, как и всякая научная теория, требует учета конкретно данных исторических условий, учета практического опыта, конкретизации на его основе и улучшения общих теоретических положений.

Пятое — учение о государстве должно исходить из неизбежности изменения и развития государственных форм, из необходимости изменения самих задач и функций государства.

В сталинском учении о государстве важное место занимает вопрос о механизме государства, о материальных силах государства. Одна из важнейших заслуг товарища Сталина в разработке теории социалистического государства заключается в том, что он особое внимание обратил на механизм государства, его рычаги, его методы и приемы государственного управления.

Товарищ Сталин дополнил указания Маркса и Энгельса об орудиях власти государства указанием конкретно на разведку, которая наряду с армией, карательными органами характеризует понятие о государстве. Без ясного представления о механизме капиталистических государств невозможно разоблачение коварных методов их подрывной, интервенционистской деятельности. Товарищ Сталин учит нас познавать материальные силы и средства враждебного нам капиталистического окружения, предостерегая нас от недооценки механизма враждебных нам государств.

Не случайно троцкистско-бухаринские бандиты как раз всячески стремились тормозить изучение таких вопросов, как вопрос о механизме капиталистического государства и его наиболее острых органов, какими являются карательные органы и в первую очередь разведка. Факты, вскрывшиеся в ходе нашей борьбы по выкорчевыванию троцкистско-бухаринских, буржуазно-националистических и прочих агентов разведок некоторых иностранных государств, говорят о большой роли, которую играют эти разведки во враждебной деятельности соответствующих государств против СССР, в их коварных планах подготовки ударов в спину.

Товарищ Сталин также обратил особое внимание на роль и значение механизма нашего социалистического государства и его разведки.

Товарищ Сталин по-новому поставил вопрос о развитии социалистического государства, по-новому поставил вопрос о функциях государства. Учение товарища Сталина о функциях социалистического государства является гигантским шагом вперед в развитии марксистско-ленинской теории государства. Товарищ Сталин показал, что всем предшествующим государствам — рабовладельческому, феодальному, капиталистическому — присущи две основные функции: внутренняя — держать в узде эксплоатируемое большинство и внешняя — расширять территорию своего господствующего

класса или защищать свою территорию от нападения враждебных государств. При этом внутренняя функция есть главная функция, а внешняя — второстепенная, не главная.

Товарищ Сталин, опираясь на принципы марксизма, с исключительной, гениальной отчетливостью формулирует учение о функциях всякого вообще государства и об особых функциях социалистического государства.

Товарищ Сталин, говоря о необходимости разрушения победившим пролетариатом старой буржуазной государственной машины, подчеркивает, что из этого факта не вытекает отсутствие у нового государства некоторых функций старого государства, хотя и измененных применительно к потребностям пролетарского государства.

Нельзя представлять себе дело так, что у социалистического государства нет функций, внешне сходных с функциями капиталистических государств. Это повлекло бы за собой грубую ошибку, в частности по вопросу о разведке. Это привело бы к такому выводу, что методы, которые применяются иностранными государствами и их разведками, не могут быть применимы в советском государстве. Но это неправильно. Некоторые методы, которые применяют капиталистические разведки против Страны советов, может применять советское государство против своих врагов. Принципиальное различие между нашим и буржуазным государством не исключает возможности сохранения в новом государстве некоторых функций старого государства, хотя и в измененном виде.

Товарищ Сталин на XVIII съезде партии говорил:

> «Чтобы свергнуть капитализм, необходимо было не только снять с власти буржуазию, не только экспроприировать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину буржуазии, ее старую армию, ее бюрократическое чиновничество, ее полицию, и поставить на ее место новую пролетарскую государственность, новое социалистическое государство. Большевики, как известно, так именно и поступили. Но из этого вовсе не следует, что у нового пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого государства, измененные применительно к потребностям пролетарского государства. Из этого тем более не следует, что формы нашего социалистического государства должны остаться неизменными, что все первоначальные функции нашего государства должны полностью сохраниться и в дальнейшем. На самом деле формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки».

Это указание товарища Сталина в высшей степени важно. Ленин предвидел, что переход от капитализма к коммунизму не может не дать разнообразия политических форм при одной и той же сущности — диктатуре пролетариата. Это подчеркивает и товарищ Сталин. Но, продолжая дальше мысль Ленина, товарищ

Сталин показывает, как изменяются политические формы пролетарской диктатуры, как изменяются функции социалистического государства.

Сравните функции социалистического государства во второй его фазе с его функциями в первой фазе, и вы увидите здесь весьма важные различия.

Если функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов не получила в первой фазе еще серьезного развития, то, наоборот, во второй фазе она получает полное развитие. Теперь, как указывает товарищ Сталин, основная задача нашего государства внутри страны состоит в хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе.

Далее, во второй фазе вместо функции военного подавления внутри страны, которая была одной из основных функций советского государства первой фазы, появилась функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Функция военной защиты страны от нападений извне сохранилась полностью. Деятельность органов военной защиты сочетается с деятельностью карательных и разведывательных органов, которые своим острием обращены не вовнутрь страны, а вовне ее, против внешних врагов.

Некоторые склонны думать, что вторая фаза уже исчерпана, поскольку товарищ Сталин, характеризуя ее, говорит, что она определяется временем от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции.

Так думать было бы неправильно, так как вторая фаза развития советского государства еще далеко не исчерпана. Товарищ Сталин, заканчивая анализ советского государства во вторую фазу, говорит: «Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы» [1].

Ясно, что в настоящее время мы имеем еще вторую фазу нашего социалистического государства.

Все функции, которыми характеризуется вторая фаза в развитии социалистического государства, — функция внешней защиты, функция охраны социалистической собственности, функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы — должны неустанно укрепляться нами изо дня в день.

В своем учении о государстве товарищ Сталин дал исчерпывающий ответ на важнейший вопрос об условиях отмирания государства. В нашей периодической литературе в прошлом нередко встречались заявления, что пролетарское государство начинает отмирать с первых же дней Октябрьской революции. Такие выступления, конечно, шли только на пользу врагам советского государ-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 606, изд. 11-е.

ства. Нам необходимо всемерное укрепление государства. Нужно всячески бороться с протаскиванием вражеских для нашего дела идей о немедленном отмирании государства.

В нашей периодической литературе вопрос обычно трактовался так, что высшая фаза коммунизма при всех и всяких условиях несовместима с существованием государства. Товарищ Сталин дал на этот счет ясные и отчетливые указания, полностью исчерпывающие этот вопрос.

В докладе на историческом XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин сказал:

«Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне. При этом понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим.

Так обстоит дело с вопросом о социалистическом государстве».

Маркс и Энгельс, говоря об отмирании государства, исходили из правильной для того времени перспективы об одновременной победе социализма в важнейших капиталистических странах. При разрешении вопроса об отмирании государства не ставился в силу этого вопрос о капиталистическом окружении, не принимался во внимание по той же причине и международный фактор.

Маркс и Энгельс, решая вопрос об отмирании государства, исходили из условий внутреннего развития социалистического общества, из такого положения, при котором рост производительных сил этого общества, высокий уровень культурного развития его граждан, изобилие продуктов, отсутствие классовых различий, коммунистическая сознательность людей обеспечат возможность обходиться без внешних принудительных органов регулирования общественных отношений. В таком обществе некого будет подавлять как класс. В таком обществе не нужно будет и государство.

Ленин, открыв закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в условиях империализма, вывел из этого закона положение о невозможности одновременной победы социализма во всех странах и о возможности и неизбежности первоначально победы социализма в одной или нескольких странах.

В своих статьях «Военная программа пролетарской революции» и «О лозунге «разоружения» Ленин делает указание на то, что пролетариат сможет выбросить на слом всякое свое оружие, следовательно и государство, лишь после того, как он обезоружит буржуазию во всем мире.

Как указывает товарищ Сталин, Ленин имел в виду во второй

части своей знаменитой книги «Государство и революция» разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования советской власти в нашей стране. Но смерть помешала Ленину выполнить эту задачу.

Эту задачу блестяще выполнил великий продолжатель дела Ленина — Иосиф Виссарионович Сталин.

В новых условиях борьбы советского государства против своих врагов на основе гигантского обобщения практики социалистического строительства товарищ Сталин по-новому поставил вопрос о государстве, его значении и роли в социалистическом строительстве, в организации коммунистического общества, о значении государства в переходный период от социализма к коммунизму и в период коммунизма.

Энгельс в «Эльберфельдских речах» писал:

> «В коммунистическом обществе никому не придет в голову думать о постоянной армии. Да и зачем? Для охраны внутреннего спокойствия страны? Но мы уже видели, что никому и в голову не придет нарушать это внутреннее спокойствие»[1].

Энгельс говорил о ликвидации при коммунизме постоянной армии, о ненужности ее, ибо оборонительную войну, если такая понадобится, будет с энтузиазмом вести сам вооруженный народ. Это правильно, конечно. Борьба, которую ведет СССР с нарушающими наши границы врагами, говорит о том, что энтузиазм свободного народа — это величайшая сила. Но в наших условиях из этого обстоятельства нельзя делать вывод, что нам не нужна постоянная армия. Наоборот, постоянная армия необходима потому, что изменилась самая военная техника и военное искусство требует к себе иного отношения. Сейчас военное искусство требует к себе отношения как к серьезной и большой специальности, серьезной и сложной профессии.

Товарищ Сталин, подводя итог анализу общей формулы Энгельса об условиях отмирания государства, говорит, что

> «...нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне, которая не может ввиду этого отвлекаться от международной обстановки и которая должна иметь в своем распоряжении и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку, следовательно, должна иметь свое достаточно сильное государство, — для того, чтобы иметь возможность защищать завоевания социализма от нападения извне»[2].

Величайшей заслугой товарища Сталина является то, что он создал цельное учение о социалистическом государстве, о фазах его

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 277, ГИЗ, 1929.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 603, 11-е изд.

развития, о его задачах, о методах его деятельности, о его функциях. Учение товарища Сталина о социалистическом государстве представляет собой замечательный всемирно-исторического значения вклад в марксистско-ленинскую науку вообще, в марксистско-ленинскую науку о государстве в частности.

Товарищ Сталин поднял на новую высоту марксистско-ленинское учение о государстве и вооружил нашу партию, весь наш народ, трудящиеся массы всего мира великолепным победоносным теоретическим оружием, пользуясь которым, мы победим в строительстве нашего коммунистического общества.

О ПОСТЕПЕННОМ ПЕРЕХОДЕ ОТ СОЦИАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

Акад. М. Б. МИТИН

Социалистическое строительство в СССР вступило в новый период — период завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В докладе товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) были подведены итоги более чем 20-летнего развития Страны советов, были раскрыты особенности нового этапа, в который вступил СССР. С совершенной очевидностью были показаны на съезде все преимущества мира социализма, который создан у нас, по сравнению с миром капитализма, миром нищеты, бесправия, миром ярма и угнетения, горя и слез народных.

С исключительной теоретической глубиной определил товарищ Сталин существо и особенности нового исторического этапа в развитии СССР и наметил перспективы движения нашей страны к сияющим вершинам коммунизма, научно обосновав положение о завершении построения социализма и о постепенном переходе от социализма к коммунизму.

* * *

Учение Ленина и Сталина о социализме и коммунизме представляет собой разработку великих идей Маркса и Энгельса о революционном переходе от капитализма к коммунизму.

Основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, опираясь на открытые ими законы общественного развития, доказали, что между капитализмом и коммунизмом должен существовать переходный период. В «Критике Готской программы» Маркс писал:

> «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, и госу-

дарство этого периода не может быть ничем иным, кроме как **революционной диктатурой пролетариата**»[1].

В другой своей работе — «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» — Маркс, обращаясь к рабочим, писал, что они должны пережить 15—20—50 лет гражданских войн и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству.

Опираясь на эти положения Маркса и Энгельса, Ленин и Сталин создали стройное, цельное учение о переходе от капитализма к коммунизму на путях диктатуры рабочего класса.

Определяя существо переходного периода от капитализма к коммунизму, товарищ Сталин в лекциях «Об основах ленинизма» говорил:

> «...Диктатуру пролетариата, переход от капитализма к коммунизму нужно рассматривать не как мимолетный период в виде ряда «революционнейших» актов и декретов, а как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений, упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений. Эта историческая эпоха необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых — воспитать и закалить себя как силу, способную управлять страной, во-вторых — перевоспитать и переделать мелкобуржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства»[2].

Товарищ Сталин продолжает и развивает в этих положениях идеи Маркса относительно переходного периода. На основе материалов, которые дает уже новая эпоха, Ленин и Сталин обогатили, всесторонне развили марксистское учение о переходном периоде. Они создали и разработали учение о нэпе, об индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, о ликвидации эксплоататорских классов.

Теперь этот переходный период в основном закончен. Под руководством товарища Сталина социализм в нашей стране в основном построен. XVIII съезд большевистской партии, подытоживая результаты социалистического строительства, записал в своих решениях, что СССР вступил в новую историческую полосу своего развития — в полосу завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Рассматривая эту классическую сталинскую формулу, необходимо прежде всего выяснить, какая теоретическая установка лежит

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 283.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 28, изд. 11-е.

в ее основе, что освещает, указывает путь и перспективы партии, всему советскому народу в этот новый исторический период в развитии нашей социалистической родины.

Во всей своей огромной строительной работе, во всей своей деятельности по построению социализма наша большевистская партия руководствовалась и руководствуется ленинско-сталинской теорией построения социализма в нашей стране, ленинско-сталинской теорией социалистической революции.

Как известно, Ленин еще в 1915 г. сделал величайшее открытие — создал учение о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране и невозможности одновременной победы социализма во всех странах. Эта теория Ленина вооружила большевистскую партию неоценимым оружием, дала рабочему классу ясную цель и ясную перспективу.

Товарищ Сталин, руководя гигантской социалистической стройкой, опираясь на ленинское учение, развил, обогатил его на основе нового опыта, который давали практика социалистического строительства и международное революционное движение. Под руководством товарища Сталина это учение претворено в жизнь — социализм является фактом нашей действительности.

Однако этим не ограничивается величайшая историческая заслуга руководителя и вождя большевистской партии товарища Сталина. Он завершил ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной стране учением о возможности победы коммунизма в одной стране, находящейся в условиях капиталистического окружения.

С первых лет революции товарищ Сталин в целом ряде своих работ рассматривает этот вопрос, разрабатывая различные его стороны. Особую актуальность приобрел этот вопрос теперь, когда социализм в нашей стране построен и потребовалось наметить программу дальнейшего продвижения вперед. И, отвечая на поставленный ходом социалистического строительства вопрос, товарищ Сталин в своем докладе на XVIII съезде партии дает законченную теорию о возможности победы коммунизма в одной стране в капиталистическом окружении, учение о том, что мы имеем в нашей стране все возможное, все необходимое для построения коммунистического общества и в том случае, если сохранится капиталистическое окружение.

Вот именно это указание товарища Сталина о возможности победы коммунизма в нашей стране даже при наличии капиталистического окружения освещает путь, открывает перспективы нашему дальнейшему движению вперед, к коммунизму.

Подобно тому как в свое время ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране развязало революционную инициативу рабочего класса в России и вселило в его ряды уверенность в победе пролетарской революции, так сегодня указание товарища Сталина о возможности победы коммунизма в нашей

стране, являющееся развитием и конкретизацией учения о победе социализма в одной стране, вооружает партию и народ великим научным предвидением, вселяет непоколебимую уверенность в победе коммунизма.

В решениях XVIII съезда партии говорится, что переход от социализма к коммунизму будет происходить постепенно.

В связи с этим встает вопрос: что значит постепенный переход от социализма к коммунизму, как надо понимать этот переход?

Для того чтобы разобраться в этой формуле, надо вкратце напомнить о той разнице между социализмом и коммунизмом, которая впервые была научно установлена в общих чертах Марксом в «Критике Готской программы».

Маркс указывал, что социализм и коммунизм — это две ступени в развитии одного и того же нового общественного строя: социализм — низшая, коммунизм — высшая ступень этого строя. На чем базируется это установленное Марксом различие между социализмом и коммунизмом? На том, что социализм — такое общество, которое только что вышло из недр старого общества и поэтому носит еще на себе отпечаток старого общества и в экономическом, и в культурном, и в нравственном отношениях.

Социализм не может еще быть целиком свободен от следов и традиций капитализма. При социализме еще имеются многие пережитки капитализма, особенно в сознании людей. Опыт нашей страны показал, как глубоко проницателен был взор великого основоположника научного коммунизма, взор Карла Маркса.

В СССР уже завоеваны, созданы устои, которые характерны для нового общественного строя — для социализма. Это, во-первых, уничтожение эксплоататорских классов и эксплоатации человека человеком; это, далее, ликвидация безработицы и нищеты народных масс; господство социалистической собственности на средства производства — на фабрики и заводы, шахты, рудники и железные дороги; господство принципа «кто не работает, тот не ест»; установлены и зафиксированы в статьях новой Конституции право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости и т. д. Все эти устои социализма в дальнейшем нашем движении, в процессе дальнейшего развития коммунизма будут укрепляться, совершенствоваться, развиваться.

Социалистический принцип распределения — «от каждого по его способностям, каждому по его труду»; коммунистический же принцип, как известно, гласит: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Чтобы совершить переход от социалистического принципа распределения к коммунистическому принципу распределения, для этого требуется, как говорил Маркс, не только всестороннее развитие индивидуумов, но и колоссальный рост производительных сил и изобилие богатств.

Сразу перескочить от капитализма к коммунизму нельзя. В апреле 1917 г. Ленин писал:

«От капитализма человечество может перейти непосредствен-

но только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям»[1].

Таким образом, еще до победы Октябрьской революции, в апреле 1917 г., Ленин говорил о великой задаче перехода к коммунистическому обществу. Вместе с тем Ленин подчеркивал, что переход от победившего социализма к коммунизму будет происходить постепенно.

Но тогда Ленин мог ставить этот вопрос только в общей форме, ибо практически вопрос о переходе от социализма к коммунизму еще не стоял и не мог стоять. Теперь же, когда социализм в нашей стране победил, этот вопрос встал во всей его конкретности, встал как практическая задача сегодняшнего дня.

Великая заслуга товарища Сталина состоит в том, что он развил эти положения Ленина в цельное и стройное учение о завершении построения социализма и постепенном переходе от социализма к коммунизму. Доклад товарища Сталина на XVIII съезде партии и решения XVIII съезда партии представляют собой грандиозную программу завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В настоящее время часто задают такие вопросы: что значит постепенный переход? Значит ли, что постепенный переход от социализма к коммунизму — это есть медленный или замедленный по своим темпам переход? Отвечая на эти вопросы, надо с самого же начала сказать, что постепенный переход от социализма к коммунизму отнюдь не означает замедления темпов нашего продвижения вперед. Наоборот, в результате победы социализма в нашей стране развертываются колоссальные, невиданные раньше возможности развития, возможности убыстрения этого развития. Ленин указывал, что

> «только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»[2].

Иначе и быть не может, ибо социализм пробуждает все народные силы, которые раньше давил и мял капитализм. Помножьте вызванную к жизни энергию народных масс — рабочих, крестьян, интеллигенции, — энергию пробужденных к творческой жизни народов, помножьте эту энергию на невиданные возможности, беспредельные просторы для развития производительных сил, которые таит в себе социализм, и вы получите те темпы, тот размах социалистической строительной работы, которые характерны для нашего строя.

---

[1] Ленин, Соч., т. XX, стр. 132.
[2] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 439.

В докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин указывал, что социалистическая система хозяйства дала нам возможность в течение нескольких лет переоборудовать всю нашу промышленность на базе новой, современной передовой техники, что такие убыстренные сроки возможны только при социализме, при социалистическом строе. Темпы нашего роста и развития несравнимы с темпами движения при капитализме. Товарищ Сталин привел на XVIII съезде известную табличку, характеризующую темпы роста Советской страны по сравнению с темпами движения, которые имеют место даже в главных капиталистических странах. По сравнению с 1913 г. наша промышленность выросла больше чем в 9 раз, в то время как главные капиталистические страны топчутся вокруг довоенного уровня, превышая его всего лишь на 20—30%.

В необычайно короткие, невиданные в истории сроки одержана победа нового, социалистического строя в нашей стране. Для победы рабовладельческого способа производства над первобытно-общинным строем потребовалось примерно от 200 до 500 лет. Для победы феодального общества над рабовладельческим в разных странах потребовалось приблизительно около 200 лет. Для победы буржуазного строя над феодальным — около 100 лет. Социалистическая же система производства показала все свои преимущества, более высокий тип развития во всех областях общественной жизни в течение 20 лет. Это говорит не только об огромном усилении всего темпа жизни, это говорит в первую очередь о великих возможностях, которые заложены в социалистическом устройстве общества, о несоизмеримом преимуществе социалистической системы хозяйства по сравнению с капиталистической.

Именно благодаря преимуществам советского, социалистического строя в нашей стране успешно решается задача экономического соревнования социализма с капитализмом. Как известно, наша страна, которая раньше являлась отсталой, теперь является передовой, а по темпам роста, по уровню техники производства стоит впереди любой капиталистической страны.

На XVIII съезде партии товарищем Сталиным была поставлена дальнейшая гигантская задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны и в экономическом отношении.

Постановка товарищем Сталиным этой задачи является составной неотъемлемой частью его учения о постепенном переходе от социализма к коммунизму. Товарищ Сталин учит, что разрешение этой задачи, задачи экономического соревнования с капитализмом, необходимо нам для завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Это есть одно из тех основных звеньев, ухватившись за которое, мы успешно справимся и со многими другими задачами и получим возможность совершить переход от социализма к коммунизму.

«Только в том случае, — говорил товарищ Сталин, — если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы

можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»[1].

В чем состоит новизна постановки этой задачи? Раньше речь шла о задаче догнать и перегнать капитализм в технико-экономическом отношении. В результате нашей строительной работы на протяжении двух сталинских пятилеток достигнуты большие успехи в деле решения этой задачи.

К настоящему времени мы обогнали самые передовые капиталистические страны по технике производства, далеко обогнали передовые капиталистические страны по темпам своего развития. Но этим мы не решили еще всей задачи, которую мы должны решить. Для того чтобы коммунизм победил, мы должны догнать и перегнать главные капиталистические страны также и в экономическом отношении, т. е. в отношении размеров промышленного производства на душу населения. Объем этой работы поистине грандиозен, если учитывать, сколь грандиозна наша страна, если учитывать огромное, многомиллионное население нашей социалистической родины.

В 1938 г. мы произвели чугуна 15 млн. тонн, в то время как Англия произвела только 7 млн. тонн. По абсолютным цифрам производства чугуна мы оставили далеко позади себя Англию. Однако это не значит, что мы перегнали Англию в экономическом отношении, т. е. в смысле размеров производства чугуна на душу населения. Для того чтобы перегнать Англию в экономическом отношении, в смысле размеров производства чугуна на душу населения, нужно произвести не 15 млн. тонн, а 25 млн. тонн. Для того чтобы догнать и перегнать в экономическом отношении Германию, нам чугуна нужно произвести 40—45 млн. тонн. Для того чтобы догнать и перегнать в экономическом отношении, т. е. в смысле размеров промышленного производства на душу населения, США, нам чугуна надо произвести 50—60 млн. тонн.

Отсюда ясно, какие еще перед нами в этом отношении стоят грандиозные задачи.

Для того чтобы произвести эту работу, нам нужно двигаться и двигаться довольно быстро. Но это движение есть постепенный переход в том смысле, что решение такой огромной задачи не может быть нами проведено в какие-либо 2—3 года. Требуется, говорил товарищ Сталин, 10—15 лет для того, чтобы мы прошли этот путь. Но это ни в какой мере не означает замедления темпов нашего развития.

Поставив задачу — догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны, товарищ Сталин указал, что высокие темпы развития являются одним из необходимых условий решения этой задачи:

«Что требуется для того, чтобы перегнать экономически глав-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 578—579.

ные капиталистические страны? Для этого требуется, прежде всего, серьезное и неукротимое желание итти вперед и готовность пойти на жертвы, пойти на серьезные капитальные вложения для всемерного расширения нашей социалистической промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, далее, наличие высокой техники производства и высоких темпов развития промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, наконец, время»[1].

Товарищ Сталин, таким образом, подчеркивает, что высокие темпы развития социалистической промышленности являются одним из наиглавнейших условий в разрешении нашей основной экономической задачи, а следовательно, и в разрешении задачи постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Итак, постепенный переход от социализма к коммунизму отнюдь не означает медленное развитие.

Может быть, постепенный переход от социализма к коммунизму означает движение вперед без борьбы? Такое представление является в высшей степени неверным, противоречащим жизни, противоречащим практике, противоречащим нашему великому мировоззрению — мировоззрению нашей партии, диалектическому материализму. Строя социализм, мы двигались вперед все время в порядке борьбы, в порядке преодоления противоречий. Большевистская партия, зная законы общественного развития, законы диалектики, никогда не замазывала и не замазывает противоречий, а наоборот, вскрывает их для того, чтобы их преодолевать, преодолевать в порядке борьбы. На всех этапах нашей стройки, на всех величественных путях социалистического строительства товарищ Сталин вскрывал и вскрывает эти противоречия, учит преодолевать их, находить пути, по которым наилучшим образом эти противоречия могут быть преодолены.

История нашей партии, история социалистического строительства богаты прекрасными образцами того, как наша партия преодолевала эти противоречия. Например, в первый период существования советской власти, до того как была проведена индустриализация нашей страны, у нас существовало противоречие между самым передовым политическим строем и отсталой технико-экономической базой. Мы получили в наследство от капитализма отсталую в экономическом отношении страну. Эта отсталость нашей страны была вековой. Не раз в истории нашей родины делались попытки преодолеть эту вековую экономическую отсталость. Еще Петр I делал своеобразные попытки выскочить из этой отсталости, строя фабрики, флот и т. д. Однако ни феодальная аристократия, ни капиталисты, ни помещики не могли даже сколько-нибудь решительно поставить вопроса о преодолении этой вековой отсталости нашей страны, тем более не могли его разрешить. Только дикта-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 579.

тура рабочего класса смогла со всей основательностью поставить и решить на путях победы социалистического строя эту великую задачу — вырвать нашу страну из вековой отсталости.

В 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) в докладе об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б) товарищ Сталин говорил:

«Мы пришли к власти в стране, техника которой является страшно отсталой. Наряду с немногочисленными крупными промышленными единицами, более или менее базирующимися на новой технике, мы имеем сотни и тысячи фабрик и заводов, техника которых не выдерживает никакой критики с точки зрения современных достижений... И вот, — продолжал он, — выходит, что, с одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовую власть во всем мире, советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, представляющей базу социализма и советской власти. Думаете ли вы, что можно добиться окончательной победы социализма при наличии этого противоречия? Что нужно сделать, чтобы ликвидировать это противоречие? Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран»[1].

Это противоречие между передовым политическим строем в лице советской власти и вековой технико-экономической отсталостью нашей страны было преодолено на путях сталинской индустриализации нашей страны. Сталинская индустриализация нашей страны входит в историю борьбы рабочего класса за социализм как одна из величественных страниц. Социалистическая индустриализация вырвала страну из вековой отсталости. Борясь за преодоление этих противоречий, партия не скрывала их. Наоборот, она выявляла противоречия и мобилизовывала творческую энергию рабочих и крестьян для того, чтобы эти противоречия разрешить.

Далее, пока СССР оставался страной, в которой преобладало мелкое крестьянское хозяйство, существовало известное противоречие между двумя основами, на которых базировалась советская власть, — крупной социалистической индустрией и единоличным сельским хозяйством. Партия и здесь не замазывала этих противоречий, наоборот, она вскрывала их, показывала, в чем они заключаются, и указала путь, по которому надо идти, для того чтобы эти противоречия решить.

«Можно ли, — писал товарищ Сталин, — в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух р а з н ы х основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства?»

И отвечал:

---

[1] С т а л и н, Вопросы ленинизма, стр. 358, изд. 9-е.

«Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства»[1].

Наша партия, видя это противоречие и следуя указаниям Ленина и Сталина, поставила задачу — преодолеть его на путях коллективизации сельского хозяйства. И именно таким путем это противоречие было решено. Коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса — это величественная страница в жизни большевистской партии, в жизни Советской страны. Таким образом была решена труднейшая задача социалистической революции. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указывается, что это был глубочайший революционный переворот, равнозначный по своим последствиям октябрьскому революционному перевороту 1917 года.

Вот примеры того, как в нашей стране под руководством партии Ленина—Сталина разрешались противоречия. Решать эти противоречия было нелегко. Классовые враги оказывали яростное сопротивление мероприятиям пролетарской диктатуры. Противоречия эти решались в огне классовой борьбы путем беспощадного подавления сопротивления классовых врагов.

Теперь социализм в нашей стране построен, и мы вступили в период завершения построения социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму. В нашем советском обществе уже нет больше антагонистических классов, наше общество теперь состоит из двух дружественных друг другу классов — из рабочих и крестьян — и трудовой интеллигенции.

Значит ли это, что у нас противоречий больше не будет, значит ли это, что на путях постепенного перехода от социализма к коммунизму нет и не будет никаких противоречий, никакой борьбы? Ни в коем случае! Так рассуждать могут только метафизики. Только враги изображали социалистическое общество как какое-то сонное царство лени, спячки и пр. В действительности же социалистический строй—это строй, который развивается и преодолевает на путях своего развития возникающие противоречия. В этой связи необходимо напомнить одно место из доклада товарища Сталина на XV съезде партии. Товарищ Сталин там говорил:

> «Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 277—278, изд. 11-е.

свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития»[1].

Эта борьба между старым и новым, между отмирающим и рождающимся имеет место у нас и теперь, в эпоху социализма, в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Так например, у нас есть известное противоречие между недостаточностью экономического уровня нашей промышленности в смысле производства продуктов на душу населения и потребностями перехода к коммунизму. Отсюда и вытекает экономическая задача СССР — в ближайшие 10—15 лет преодолеть это противоречие, догнать и перегнать в экономическом отношении передовые капиталистические страны и создать базу для перехода к полному коммунистическому обществу.

У нас есть противоречие между положением людей в обществе и их сознанием. Сознание людей часто отстает от положения людей. Наши люди — рабочие, крестьяне и советская интеллигенция — живут в условиях социалистической системы производства, работают на социалистических предприятиях. Но можем ли мы сказать, что сознание всех трудящихся полностью соответствует этому их социалистическому положению в обществе? Нет, мы этого сказать еще не можем. Мы имеем много случаев нарушения трудовой социалистической дисциплины (рвачество, лодырничество, прогулы и т. д.) на наших государственных предприятиях, на фабриках и заводах. Мы имели серьезные извращения устава колхозной жизни со стороны определенной, отсталой части колхозников. Эти извращения были вскрыты на майском 1939 г. пленуме ЦК ВКП(б). Таким образом сознание отстает от положения людей. Это противоречие надо преодолеть, и мы можем преодолеть его на базе решения задачи коммунистического воспитания трудящихся нашей страны. Именно поэтому задача коммунистического воспитания была поставлена на XVIII съезде партии как решающая задача нашего периода.

На XVIII съезде партии товарищ Сталин говорил:

> «Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе»[2].

Далеко не случаен тот факт, что товарищ Сталин рассматривает хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу как *единую и основную* задачу советского социалистического государства, ибо разрешить главную экономическую задачу нашей страны, на что направлена теперь хозяйственно-организаторская деятельность советского государства, немыслимо без раз-

---

[1] Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б), стр. 42—43, Партиздат, 1936

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606.

вертывания колоссальной работы по коммунистическому воспитанию трудящихся. В том и состоит величие социалистического строя, что он создается самими трудящимися массами, сознательно строящими свою социалистическую жизнь. Поэтому чем выше будет коммунистическая сознательность трудящихся, тем быстрее, успешнее мы будем подвигаться вперед по пути завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Можно было бы указать еще на целый ряд противоречий, которые есть у нас в эпоху социализма. Но уже и этих примеров достаточно, чтобы показать, что постепенный переход от социализма к коммунизму отнюдь не означает, что движение вперед совершается без всяких противоречий. Развитие и впредь будет совершаться в порядке преодоления противоречий.

Противоречия эти внутри страны, как мы видим, не являются антагонистическими противоречиями. Получила свое полное подтверждение ленинская формула о том, что при социализме антагонизмы исчезают, но противоречия остаются. Но у нас есть и другой ряд противоречий, который никогда и ни на какой миг нельзя упускать, — это противоречия антагонистического порядка, противоречия между страной социализма и миром капитализма, между СССР и капиталистическим окружением.

Это противоречие, противоречие между страной социализма и странами капитализма, не может не оказывать своего влияния на весь ход внутреннего развития нашей страны, на наши хозяйственные планы, на темпы нашего движения вперед. В сложной международной обстановке страна социализма, находящаяся в капиталистическом окружении, должна изо дня в день крепить свою обороноспособность, крепить силы советского государства, Красной Армии, чтобы быть готовой ко всяким неожиданностям. Капиталистическое окружение не есть некое абстрактное понятие, это — реальная вещь, которая проявляется во вполне реальных, конкретных действиях. Если один конец классовой борьбы находится в СССР, говорил товарищ Сталин, то другой конец ее находится в капиталистическом окружении, ибо империалистические государства и правительства засылают к нам шпионов, диверсантов, вредителей, стремятся всемерно поддержать внутри нашей страны враждебные социализму силы.

Наши хозяйственные планы, темпы развития, проблема накопления и капитального строительства, вопросы развития оборонной промышленности — все это мы должны рассматривать под углом зрения этого основного противоречия. Мы ведем и должны впредь вести всю нашу работу таким образом, чтобы в максимальной степени обеспечивать полную экономическую независимость нашей родины и быть каждый день и каждый час готовыми к любым возможным неожиданностям со стороны капиталистического окружения.

Постепенный переход от социализма к коммунизму означает

плавное, все прогрессирующее движение вперед, постепенное вызревание коммунизма в жизни. Уже сейчас на путях победы социализма как первой, низшей ступени коммунистического строя мы имеем замечательные, прекрасные ростки коммунизма. Стахановское движение означает громадный рост подлинно коммунистического отношения к труду, оно является зачатком коммунизма. Мы имеем еще целый ряд других моментов, которые характеризуют движущие силы нашего развития от социализма к коммунизму: морально-политическое единство советского народа, дружбу народов СССР, советский патриотизм. Во всем этом мы видим зачатки, ростки, которые двигают нас вперед от социализма к коммунизму. Коммунизм будет вызревать в порядке постепенного развития. То, что сейчас существует в виде ростков, в виде зачатков, будет получать все большее и большее развитие и распространение.

Переход от социализма к коммунизму не есть какой-то единовременный акт. Нельзя себе представлять дело так, будто переход от распределения по труду к распределению по потребностям совершится в 1—2 дня, что с такого-то дня единовременным актом вводится распределение по потребностям сразу по всем продуктам. Этот переход не есть какой-то единовременный акт. Этот переход будет носить постепенный характер, он будет происходить по мере разрешения великих задач, поставленных XVIII съездом партии.

Не есть ли это противоречие с марксистской диалектикой? Нет, тут никакого противоречия с диалектикой нет. Наоборот. Весь ход нашего развития от социализма к коммунизму, как и весь ход нашего развития до победы социализма, происходит на основе законов общественного развития, открытых и сформулированных классиками марксизма-ленинизма.

Переход от социализма к коммунизму — это постепенный переход от одной ступени развития нового строя к другой его, более высокой ступени. Для этого не требуется новой революции. Этот переход совершится, если можно так выразиться, в порядке «бесшумного» скачка. В процессе дальнейшего развития социализма будут постепенно нарастать все необходимые предпосылки для утверждения в жизни коммунистического принципа распределения — каждому по его потребностям, от каждого по его способностям.

* * *

Развивая марксистско-ленинское учение о социализме и коммунизме, товарищ Сталин в своем докладе «О проекте Конституции Союза ССР» говорил, что коммунизм — это такое общество, где классов уже не будет и где рабочие и крестьяне «превратятся в тружеников единого коммунистического общества» [1].

Коммунизм означает полное преодоление и ликвидацию всех классовых различий, полное стирание всех классовых граней.

Естественно, что осуществление постепенного перехода от со-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 527.

циализма к коммунизму включает в себя решение этой важнейшей задачи — задачи полного стирания классовых граней в СССР, превращения рабочих, крестьян, интеллигенции в тружеников единого коммунистического общества. Для того чтобы представить себе, как будет происходить стирание остатков классовых граней, надо хотя бы вкратце уяснить себе, чего мы в этом отношении уже достигли и что нам еще предстоит сделать.

Для того чтобы понять, какие огромные сдвиги произошли в нашей стране в результате Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР, надо вспомнить классовый состав населения в старой, царской России.

Товарищ Молотов в своем докладе на VII Всесоюзном съезде советов приводил данные, характеризующие классовый состав населения старой России в 1913 г. и те изменения, которые произошли за годы существования советской власти.

В 1913 г. пролетариат (рабочие, служащие, ИТР и прочее пролетарское население) составлял 23 300 тыс. человек, что составляло 16,7% к общему составу населения. Крестьяне-единоличники (без кулаков) и некооперированные трудящиеся кустари и ремесленники — составляли в 1913 г. 90 700 тыс. человек, или 65,1% населения. Эксплоататорские классы — помещики, городская буржуазия, торговцы и кулаки — составляли довольно значительную группу населения нашей страны — 22 100 тыс. человек, или 15,9% всего населения. Одних кулаков было 17 100 тыс. человек, или 12,3% населения.

Вот классовый состав населения, который был у нас в стране до победы Великой Октябрьской социалистической революции. О том, какую огромную силу имели эксплоататорские классы, говорит тот факт, что в их руках, в руках помещиков и капиталистов, была политическая власть, они имели огромнейшую экономическую силу, они подавляли и угнетали многомиллионные массы населения нашей страны. Можно было бы привести много примеров, характеризующих бедственное, угнетенное положение трудящихся масс нашей страны при старом строе. Приведем только один пример, который дает Ленин в своей небольшой, но замечательной статье, написанной им в 1913 г. и носящей название «Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России». Ленин в этой небольшой статье приводит свой очень интересный подсчет. Он показал, что крупнейших помещиков, имеющих свыше 500 десятин земли, было в старой России около 30 тысяч; эти крупнейшие помещики владели в общей сложности 70 млн. десятин земли. А у беднейших крестьян, говорил Ленин, 70 млн. десятин приходилось на 10 млн. дворов. Дальше Ленин высчитал, что на одного помещика приходилось около 330 беднейших крестьянских дворов. На одного крупного помещика приходилось в среднем 2300 десятин земли.

На этом примере Ленин показывает всю силу противоречий, которые были характерны для старой, царской России. Ленин, неоднократно касаясь вопроса о положении рабочих и крестьян в

царской России, вскрывая всю глубину классовых противоречий, говорил, что Россия XX века стоит ниже рабской Америки 1860 года. В одной из своих статей, которая носит название «Русские и негры», Ленин пишет, что читателю может притти в голову мысль: почему такое сопоставление? И здесь же Ленин разъясняет: сопоставление это очень важно потому, что показывает, что положение рабочих и крестьян в царской России было хуже того положения, в котором находились негры в Америке до того, как произошло освобождение их от рабской зависимости.

Таково было нищенское, придавленное, угнетенное положение широчайших народных масс в условиях старого, буржуазно-помещичьего строя.

Но вот грянула Великая Октябрьская социалистическая революция. Была уничтожена политическая власть помещиков и капиталистов и установлена диктатура пролетариата. Помещичья собственность на землю была ликвидирована, в корне была подорвана экономическая мощь капиталистов. В ночь на 26 октября 1917 г. II съезд советов принял декрет о земле. В основу этого декрета был положен общекрестьянский наказ, составленный на основе 242 местных крестьянских наказов. Согласно этому декрету, право частной собственности на землю было отменено навсегда и заменено всенародной, государственной собственностью. Помещичьи, удельные, монастырские земли были переданы в безвозмездное пользование всем трудящимся. Крестьянство в результате этого декрета о земле получило 150 млн. десятин бывшей помещичьей и церковной земли; крестьянство освобождалось от ежегодных арендных податей помещику — платежей, сумма которых выражалась примерно в 800 млн. золотых рублей. Все недра и богатства земли — нефть, уголь, руда, леса, воды — все перешло в собственность народа. Были национализированы банки, железные дороги, торговый флот, была национализирована внешняя торговля, крупная промышленность.

Все эти и другие подобные им мероприятия пролетарской диктатуры уничтожили экономическое господство свергнутых капиталистов и помещиков.

Для того чтобы укрепить советскую власть, надо было основательно подрезать и экономическую мощь кулачества, которое составляло еще довольно значительную силу.

11 июня 1918 г. были созданы комбеды — комитеты бедноты. Комбеды сыграли большую роль в деле борьбы с кулачеством, в деле распределения отобранной у помещиков земли и распределения хозяйственного инвентаря, в деле реквизиции продовольственных излишков у кулаков. В результате раскулачивания, которое тогда было проведено, крестьянство — бедняки и середняки — получило 50 млн. добавочных гектаров кулацких земель, помимо тех, которые были конфискованы у помещиков. Затем у кулаков была конфискована значительная часть средств производства в пользу бедноты. Комбеды были опорными пунктами диктатуры рабочего класса в деревне.

В результате всех этих мероприятий был уничтожен капиталистический и помещичий строй.

Стремясь вернуть себе власть над трудящимися, стремясь вернуть себе в собственность богатства нашей страны, капиталисты и помещики организовали совместно с иностранными капиталистами интервенцию против Страны советов. Но рабочие и крестьяне под руководством партии Ленина—Сталина отстояли великие завоевания Октябрьской революции и свою независимость от иностранных империалистов. Они разгромили иностранную интервенцию, разгромили помещиков и капиталистов и белогвардейских генералов. Отечественная гражданская война привела к полной победе советской власти.

Характерно, что в результате победы трудящихся в гражданской войне политически погибли партии эсеров, меньшевиков, националистов, анархистов, которые поддерживали в период интервенции белогвардейских генералов и иностранных интервентов. Период гражданской войны и интервенции явился, говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», периодом политической гибели этих партий и окончательного торжества коммунистической партии в Советской стране.

Но ликвидация помещиков, капиталистов, упрочение всенародной собственности, полученной в результате национализации земли, национализация фабрик и заводов и т. д. не означали еще ликвидации всех эксплоататорских элементов в нашей стране. Надо было еще решить задачу ликвидации самого многочисленного эксплоататорского класса — кулачества, надо было ликвидировать кулачество как класс. А ликвидировать кулачество как класс можно было, только подняв против него широчайшие массы крестьянства. Ликвидировать кулачество как класс можно было только на основе сплошной коллективизации, на основе перехода на путь социализма многомиллионных масс крестьянства.

Кулаки не только до Октябрьской революции, но даже в 1928 г. представляли довольно внушительную силу. Так, например, в 1928 г. они составляли 5 618 тыс. человек, или 3,7% всего населения. В 1927 г. кулаки производили более 600 млн. пудов хлеба, а товарного хлеба давали 130 млн. пудов, в то время как тогдашние колхозы и совхозы в 1927 г. продали товарного хлеба только 35 млн. пудов. Затем положение круто изменилось. В 1929 г. не кулаки, а уже колхозы и совхозы производили больше 400 млн. пудов хлеба и давали 130 млн. пудов товарного хлеба. А в 1930 г. колхозы и совхозы дают уже 400 млн. пудов товарного хлеба, т. е. стало возможным заменить кулацкое производство хлеба производством колхозов и совхозов.

Когда была создана эта необходимая материальная база, представилась возможность перейти от прежней политики ограничения и вытеснения кулачества к новой политике — к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Кулачество как класс было ликвидировано. Но нельзя себе представлять дело таким образом, что массовое движение за колхоз-

ную жизнь и ликвидация кулачества как класса происходили без борьбы, «мирно», в порядке мирного вытеснения кулачества. Нет, это была большая революционная работа. Она в «Кратком курсе истории ВКП(б)» характеризуется как настоящая революция, своеобразие которой состоит в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу, со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь.

Значение этой революции в истории социалистического строительства в СССР исключительно велико. В результате этой революции в нашей стране был ликвидирован последний, самый многочисленный эксплоататорский класс — кулачество.

Вождем и организатором этой революции, равнозначной по своим последствиям Великой Октябрьской социалистической революции, был товарищ Сталин. Именно под руководством товарища Сталина и по его указанию партия и правительство своевременно перешли от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике его ликвидации на базе сплошной коллективизации.

К настоящему времени все эксплоататорские классы в нашей стране ликвидированы и прочно утвердилась общественная, социалистическая собственность на средства производства. Теперь в нашей стране остались трудящиеся, дружественные между собой классы — класс рабочих и класс крестьян, осталась интеллигенция, причем социальная природа этих слоев советского общества существенно изменилась.

В связи с этим коренным образом изменился весь облик нашего общества, его классовая структура.

Характеризуя советское общество нынешнего времени, товарищ Сталин говорил:

> «Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплоататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплоатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм» [1].

В этой классической характеристике советского общества осо-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 589.

бенно важно отметить указание товарища Сталина о том, что наше общество уже

«свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции».

Товарищ Сталин вскрыл особенность идущего в нашей стране процесса стирания классовых граней, состоящую в том, что этот процесс идет в порядке свободного от классовых столкновений дружественного сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции в их общей, совместной борьбе за коммунизм.

На основе побед социализма у нас, указывает товарищ Сталин, произошло «сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт...» [1].

На сегодня отношения между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией характеризуются у нас как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Именно на базе этого дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции у нас сложилось и окрепло морально-политическое единство советского общества.

Что же представляют собой рабочие и крестьяне в результате победы социализма? Что представляет собой наша интеллигенция в настоящий период времени?

В своем докладе «О проекте Конституции Союза ССР» товарищ Сталин вскрыл до конца те коренные изменения, которые произошли в рабочем классе, крестьянстве и в интеллигенции нашей страны в связи с победой социализма.

Рабочий класс нашей страны в результате победы социализма стал совершенно новым классом. Он уже не является пролетариатом в собственном смысле этого слова, лишенным орудий и средств производства, вынужденным продавать свою рабочую силу капиталисту. Рабочий класс нашей страны является новым классом, совершенно невиданным до этого в истории человечества, рабочим классом в условиях социалистического способа производства.

Точно так же совершенно изменилась и природа нашего крестьянства. Наше крестьянство, став на путь коллективизации, на путь социализма, является крестьянством нового типа, которого также никогда не знала история: это — крестьянство, освобожденное от всякой эксплоатации и базирующее свое производство не на частной, а на коллективной собственности.

Что касается интеллигенции, то наша советская народная интеллигенция также является новой интеллигенцией, которой раньше тоже никогда не знала история: наша теперешняя, социалистическая интеллигенция в отличие от старой интеллигенции вышла в большинстве из рабочей и крестьянской среды и служит не капитализму, а социализму.

Вот как обстоит дело с теми изменениями, которые произошли

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 575.

с оставшимися у нас классами — рабочими, крестьянами, а также и с интеллигенцией. Все это свидетельствует о том, что грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией, стираются, как говорит товарищ Сталин, старая классовая исключительность исчезает, экономические и политические противоречия между этими социальными группами падают, стираются.

Но это не значит, что к настоящему моменту уже полностью стерлись все и всяческие грани. Так ставить вопрос было бы неправильно. Это противоречило бы существующему положению вещей.

В чем кроются основы классового деления общества? Основы классового деления общества коренятся глубоко в экономическом строе общества. Такой вопрос, как вопрос о формах собственности, является важнейшим критерием, важнейшим признаком для понимания классовой природы тех или иных общественных групп.

Как известно, и это записано в Сталинской Конституции, у нас имеются две формы социалистической собственности — собственность государственная (всенародное достояние — фабрики, заводы, совхозы, МТС, земля, леса, недра) и собственность кооперативно-колхозная (собственность отдельных колхозов и кооперативных объединений). Вот на этом и базируется, если говорить об экономической стороне дела, различие между рабочим классом и крестьянством.

В чем отличие колхозно-кооперативной собственности от собственности государственной? Отличие это состоит в том, что государственная собственность принадлежит всему народу, является всенародным достоянием, в то время как кооперативно-колхозная собственность — это собственность данного коллектива крестьян. Продукция, производимая на государственных предприятиях, принадлежит государству, в то время как продукция колхоза принадлежит данному коллективу, причем, после того как выполнены государственные обязательства, колхозы могут продавать излишки своей продукции.

Различие между двумя формами социалистической собственности выражается также и в различных способах получения дохода. И на государственных предприятиях и в колхозах действует социалистический принцип распределения — от каждого по его способностям, каждому по его труду. И рабочие и колхозники получают по количеству и качеству своего труда. Однако рабочий получает от государственного предприятия заработную плату, в то время как колхозник оплачивается по трудодням. Кроме того колхозник отличается от рабочего еще и тем, что он имеет личное, подсобное хозяйство. Следует также отметить, что на государственных предприятиях директор или управляющий назначается советским государством, в то время как в колхозе руководитель (председатель колхоза) избирается данным коллективом колхозников.

Вот те известные различия между рабочим классом и крестьян-

ством, которые еще существуют на базе двух форм социалистической собственности; эти различия стираются, но к настоящему времени еще не стерлись совершенно.

Во время всенародного обсуждения проекта Конституции СССР вносилось очень много поправок. В частности вносились поправки в тот пункт Конституции, где говорится о том, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян». Некоторые предлагали заменить слово «крестьяне» словом «колхозники» или «трудящиеся социалистической деревни» и т. д. Товарищ Сталин в своем докладе о проекте Конституции, разбирая эти поправки, говорил по этому поводу следующее:

«Также неправильно было бы заменить слово «крестьянин» словом «колхозник» или словами «трудящийся социалистического земледелия». Во-первых, среди крестьян кроме колхозников имеются еще свыше миллиона дворов не-колхозников. Как быть с ними? Не думают ли авторы этой поправки сбросить их со счета? Это было бы неразумно. Во-вторых, если большинство крестьян стало вести колхозное хозяйство, то это еще не значит, что оно перестало быть крестьянством, что у него нет больше своего личного хозяйства, личного двора и т. д. В-третьих, пришлось бы тогда заменить также слово «рабочий» словами «труженик социалистической промышленности», чего, однако, авторы поправки почему-то не предлагают. Наконец, разве у нас уже исчезли класс рабочих и класс крестьян? А если они не исчезли, то стоит ли вычеркивать из лексикона установившиеся для них наименования? Авторы поправки, видимо, имеют в виду не настоящее, а будущее общество, когда классов уже не будет и когда рабочие и крестьяне превратятся в тружеников единого коммунистического общества. Они, стало быть, явным образом забегают вперед. Но при составлении Конституции надо исходить не из будущего, а из настоящего, из того, что уже есть. Конституция не может и не должна забегать вперед»[1].

Вот замечательные слова, в которых товарищ Сталин со всей ясностью обрисовал то различие, которое существует еще между рабочим и крестьянином-колхозником. Товарищ Сталин говорил о том, что крестьянин, ставший колхозником, еще не перестал быть крестьянином. Это указание товарища Сталина мы должны учитывать и иметь в виду, когда говорим о стирании классовых граней. До тех пор пока будут существовать известные различия между двумя формами социалистической собственности, до этого еще будут существовать известные различия между рабочим классом и крестьянством. Это различие не выдуманное: это различие связано со всей предшествующей историей этих двух великих общественных групп населения нашей страны. В этом различии выражается своеобразие путей к социализму рабочего класса и крестьянства.

Здесь же необходимо подчеркнуть, что коренных противоречий

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 527.

между рабочим классом и трудящимся крестьянством и раньше не было, наоборот, их взаимоотношения покоятся на общности коренных интересов, ибо главная задача тех и других состоит в том, чтобы ликвидировать помещиков, капиталистов и кулаков, уничтожить эксплоатацию и установить социалистический строй. Но у рабочего класса и у крестьян были серьезные различия в силу различия их общественного положения. Остатки этих различий еще имеют место в настоящий момент, хотя они относятся к совершенно частным моментам, и с каждым дальнейшим нашим шагом вперед все больше стираются грани между рабочим классом и крестьянством. Таким образом, мы идем и придем к такому положению вещей, когда рабочие и крестьяне в результате победы коммунизма превратятся в тружеников единого коммунистического общества.

Часто спрашивают: если экономические и политические противоречия падают и стираются, то в чем же конкретно заключаются остатки этих противоречий между рабочими и колхозниками? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем два примера.

Первый пример. Это вопрос о ценах на продукты сельскохозяйственного производства. Колхозы и колхозники, как мы говорили выше, имеют возможность продавать свою продукцию после выполнения государственных обязательств, после выполнения государственного плана заготовок. Если некоторые колхозники неправильно понимают как государственные, так и свои кровные интересы и задачи, они могут (и это иногда у нас еще имеет место) стремиться повысить цены, тогда как рабочий заинтересован в том, чтобы цены на сельскохозяйственные продукты стояли на уровне, поддерживаемом плановыми органами советского государства. Получается некоторое противоречие. Правда, это противоречие уже не является противоречием в собственном смысле этого слова, ибо государственное регулирование цен отвечает как интересам рабочих, так и интересам крестьян; наше социалистическое государство ведет линию на всемерное укрепление колхозов и на повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящегося крестьянства. Здесь имеют место лишь остатки противоречий, которые по мере дальнейшего укрепления колхозного строя, по мере дальнейшего развития социализма, роста коммунистической сознательности масс будут все больше и больше стираться, исчезать.

Возьмем второй пример, касающийся подсобного, приусадебного хозяйства. Мы знаем, что основная масса крестьян, перешедшая в колхозы, честно там работает, для нее стала основной работа на пользу колхозов, на пользу общественной собственности в колхозе. Но наряду с этим имеется еще немалое количество таких крестьян, у которых, несмотря на то, что они находятся в колхозе, «личное», «мое», их подсобное хозяйство — на первом плане по сравнению с работой в общественном хозяйстве колхоза. Мы знаем, что в землепользовании во многих местах имели место извращения, которые были вскрыты на майском пленуме ЦК ВКП(б) в 1939 г. и которые показывают, что если в колхозе нет

настоящего большевистского руководства, если плохо ведется работа по воспитанию коммунистической сознательности у колхозников, то могут происходить серьезные извращения устава колхозной жизни, могущие причинить большой вред колхозному строю.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в деле стирания классовых граней, в деле воспитания коммунистической сознательности масс нам еще нужно много и много работать.

Вся гигантская работа в нашей стране сейчас направлена к тому, чтобы разрешить задачу коммунистического воспитания трудящихся, разрешить задачу экономического соревнования с капитализмом, всемерно укреплять советское социалистическое государство, неустанно повышать обороноспособность нашей великой родины. Именно через решение этих задач лежит путь к коммунизму, а следовательно, и к полному преодолению остатков классовых различий в нашей стране.

В нашей стране имеется все необходимое для того, чтобы построить коммунизм, чтобы внутренними силами двигаться к сверкающим вершинам коммунистического общества. В нашей стране — замечательнейший советский народ, объединенный в своем могучем морально-политическом единстве, которое возможно только в условиях социализма, когда эксплоататорские классы ликвидированы. Мы имеем советское социалистическое государство — это главное орудие строительства коммунистического общества. Мы имеем мозг и душу нашей Советской страны — великую большевистскую партию, которая ведет и приведет нас к победе коммунизма в нашей стране и во всем мире. Мы имеем во главе нашей большевистской партии величайшего гения человечества — товарища Сталина, который направляет всю нашу работу и ведет нас к полной победе коммунизма.

КРИТИКА ОШИБОК И ИЗВРАЩЕНИЙ „ШКОЛЫ“ ПОКРОВСКОГО

Акад. Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

Товарищи, я заранее извиняюсь за то, что мне придется в значительной степени повторяться, потому что я писал на эту тему два раза, и, конечно, это невольно скажется и на том материале, которым я пользуюсь сегодня.

Прежде всего по поводу постановки вопроса о «школе» Покровского в постановлении ЦК партии. Самый вопрос об антимарксистских извращениях и вульгаризации так называемой «школы» Покровского поставлен был не только перед историками, но и перед всеми, кто занимается общественными науками, со всей резкостью ЦК ВКП(б) и в особенности товарищем Сталиным. В постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» формулированы основные ошибки исторической «школы» Покровского. Там сказано:

> «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю».

Мы имеем ряд других указаний, еще более конкретизирующих ошибки и извращения истории в трудах историков «школы» Покровского. Так, в постановлении ЦК партии и СНК СССР от 26 января 1936 г. указывалось на то, что в учебниках по истории содержатся многочисленные извращения, несостоятельные исторические определения и установки, в основе которых лежали известные ошибки Покровского. Это постановление характеризует извращения «школы» Покровского как «антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку».

Еще раньше в замечаниях тт. Сталина, Жданова и Кирова по

поводу конспекта учебника по истории СССР также указан ряд конкретных ошибок. Вот что там сказано:

«В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

В конспекте свалены в одну кучу понятия реакция и контрреволюция, революция «вообще», революция буржуазная и революция буржуазно-демократическая».

Таким образом, речь идет о целой системе ошибок, о целом мировоззрении значительной группы историков, которые на протяжении ряда лет воспитывались М. Н. Покровским. При этом надо принять во внимание, что с самого начала организации советской власти М. Н. Покровский был в течение многих лет членом Коллегии Наркомпроса, руководителем Государственного ученого совета, так называемого ГУС'а, руководителем Института красной профессуры. Он определял в значительной степени и направление работы «Общества историков-марксистов», он руководил журналом «Историк-марксист», под его руководством воспитывалось и воспиталось целое поколение красных профессоров, да и вообще вся интеллигенция воспитывалась на протяжении ряда лет в значительной степени на работах Покровского.

Поэтому сугубо важное значение имеет разбор, анализ его ошибок, борьба с этими ошибками.

Товарищ Сталин лично не раз указывал на то, что М. Н. Покровский во многих своих работах не является марксистом.

Для того чтобы ответить на вопрос, почему Покровский занимал неправильные позиции в целом ряде вопросов, не лишне остановиться на политическом пути развития Покровского. Могут спросить: имеет ли этот путь Покровского какое-нибудь отношение к выработке системы ошибочных взглядов Покровского? Ведь он был членом нашей партии, умер большевиком. Однако мы знаем, что к нашей партии в процессе борьбы примыкали не раз люди с очень тяжелым грузом прошлого, от которого они не могли отделаться до последнего момента. Таким деятелем был, несомненно, Покровский, который пришел чрезвычайно извилистым путем к большевистской партии, и этот его путь не мог не отразиться на его исторических взглядах.

Покровский, как известно, воспитывался под непосредственным влиянием двух крупных русских историков — Ключевского и Виноградова, взгляды которых на историю отличались пестрой смесью различных социологических систем, весьма далеких от исторического материализма. Покровский воспринял в значительной степени у них путаницу взглядов на развитие истории, на ее истоки, на основные причины, определявшие то или иное историческое явление.

Правда, Ключевский выделялся среди русских историков тем, что он был одним из ищущих более серьезного объяснения историческим явлениям. Однако он так и не доработался до материалистического мировоззрения.

Покровский сам признавал, что на нем висел груз буржуазных историков, в среде которых он воспитывался и действовал, в 90-х годах в особенности. Сам Покровский в 90-х годах принадлежал к той интеллигенции, которая стала склоняться к легальному марксизму, когда легальный марксизм выступил на арену исторической деятельности. Он был сторонником так называемого «экономического материализма», который, как известно, является скорее карикатурой на марксизм. Само понятие «экономический материализм» — не марксистское понятие, и Ленин указывал в полемике с Михайловским, что «экономический материализм» не есть марксистская идеология.

«Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, — писал Ленин, — чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»[1].

Типичным представителем «экономического материализма» был Петр Струве, выступавший в 1894 г. с критическими заметками по вопросу об экономическом развитии России, и вы знаете, что Ленин назвал эту его работу отражением марксизма в буржуазной литературе.

В борьбе против народничества, против субъективной школы социологии Покровский, так же как и другой историк, Рожков, конечно, выполнил некоторую положительную роль, так же, как выполняли некоторую положительную роль и легальные марксисты, поскольку они боролись против народничества и против субъективной школы социологии. Хотя и не всегда с правильных марксистских позиций, Покровский дал критику целого ряда буржуазных историков и дал более правильное объяснение исторических процессов, чем эти буржуазные историки. Однако сам Покровский впоследствии, в 1930 году, объяснял, что период легального марксизма наложил серьезный отпечаток на всю его последующую работу.

«Кто прошел через легальный марксизм, тот обычно долго носил на себе следы такой установки, известный пережиток, болезненный пережиток этого не диалектического, хотя и материалистического объяснения истории», — писал Покровский в статье «Историческая наука и борьба классов» («Историческая наука и борьба классов», т. II, стр. 268).

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 71.

Повторяю, в это время выступления Покровского имели известное прогрессивное значение, так как он боролся против буржуазных и мелкобуржуазных историков, выдвигавших в качестве основной движущей силы истории географическую среду, или некий «дух», или национальные идеи, движущие историю, как например, славянофилы. Критика этих теорий, конечно, имела прогрессивное значение. Она учила людей относиться критически к этим неправильным теориям, хотя сама и не давала вполне правильного ответа. Покровский не отрицал, что период его деятельности до 1905 года «можно характеризовать, как период демократических иллюзий и экономического материализма» («П.З.М.» № 10—11, 1924 г., стр. 210). Но Покровский совершенно неправильно и произвольно объясняет, почему же он шел этим путем в те годы. Вообще надо сказать, что когда Покровский начинает объяснять какую-нибудь свою ошибку, то он тут же нагромождает нередко целый ряд новых ошибок. Это замечательно характерно для него. Вот как Покровский объясняет, почему он пошел неправильным путем:

«Классовой борьбы не было около нас».

Имейте в виду, что это он говорил уже о начале 900-х годов, когда налицо было массовое рабочее движение — уличные демонстрации, стачки и пр.

> «Классовой борьбы не было около нас, а с массами мы — академики, соприкасались мало. При том же классовая борьба принимала в те дни иной раз очень уродливые формы (зубатовщина)». (Там же).

Как же это историк Покровский на исторической арене в начале 900-х годов не видит классовой борьбы, а видит лишь уродливое ее проявление, видит зубатовщину?!

> «Уложить их в нашу демократическую программу было очень трудно, — говорит Покровский. — Классовая борьба оставалась теорией и как чистая теория мало отражалась в исторических построениях». (Там же).

Как известно, даже либералы в массе своей и в своих литературных работах несомненно отразили нарастание революционного движения, стараясь его отвести в более мирное конституционное русло.

Покровский здесь до последней степени упрощает объяснение, запутывает вопрос и дает совершенно неверную картину революционного движения того времени. Все многообразное содержание классовой борьбы до 1905 года он фактически сводит к «извращениям», к зубатовщине.

Это игнорирование исторических фактов чрезвычайно характерно для «школы» Покровского. Когда факты не подходили к схеме, сторонники «школы» говорили примерно так: «Тем хуже для исторических фактов».

В области философии Покровский примыкал ближе всего к богдановской школе. Он был сторонником эмпириокритиков Маха

и Авенариуса, и это его пристрастие к эмпириокритицизму, к богдановщине он сохранил на протяжении всей жизни. Этим объясняется, что уже в период пролетарской революции он очень близко привлекает к сотрудничеству богдановцев, я уже не говорю об его увлечении богдановской теорией в период реакции. Он кладет в основу преподавания совершенно неизмененный учебник политэкономии Богданова. В школах у нас изучали «Тектологию» Богданова как науку.

Покровский в день своего шестидесятилетия объяснил это увлечение идеалистической теорией тем, что он из отвращения к буржуазному либерализму впадал в исторический идеализм.

В начале 90-х годов, до второй половины 1894 года, Покровский примыкал к либералам-освобожденцам. Он даже участвует в 1894 году в сборнике освобожденцев «Мелкая земская единица» и помещает в этом сборнике статью «Самоуправление в древней Руси», вполне в духе земцев-конституционалистов. Но с конца 1894 года Покровский начинает приходить к марксистам, неся на себе большой груз идеалистических теорий.

Слова Ленина:

> «К нашей партии в ходе буржуазно-демократической революции примкнул ряд элементов, привлеченных не чисто пролетарской ее программой, а преимущественно ее яркой и энергичной борьбой за демократию и принявших революционно-демократические лозунги пролетарской партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом»[1].

Эти слова Ленина целиком относятся к Покровскому и деятелям его типа.

Дальнейшая эволюция М. Н. Покровского, как вам известно, такова: в 1905 году — он большевик, даже один из деятельных организаторов боевых дружин; он входит в литературную группу московских большевиков; участвует на V Лондонском съезде партии, если не ошибаюсь, под кличкой Домова. После поражения революции 1905 года он вместе с целой группой — Алексинский, Богданов, Лядов, Луначарский — отходит от большевистской партии и критикует большевиков с «левых» позиций. Все эти отошедшие от большевиков и от пролетарской революции люди организуют «впередовскую группу», выпускают орган «Вперед», организуют на Капри школу, в которой Покровский читает 7 лекций по истории русской культуры. Одновременно Покровский связывается с Троцким, участвует в его «нефракционном» журнале «Борьба»; в 1912 году вместе с ним создает сборник «Триста лет нашего позора» и помещает в нем свою статью. Он участвует в меньшевистском троцкистском издательстве «Парус».

С начала империалистической войны Покровский становится на пораженческие позиции; однако эти пораженческие позиции его настолько шатки, он настолько склонен к центризму, что считает

[1] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 97.

возможным сотрудничать с Троцким в «Нашем голосе». В 1917 году, вернувшись из эмиграции в Россию, он вступает в большевистскую партию, становится после Октября председателем Московского Совета, но сразу же примыкает к группе «левых» коммунистов, как только ставится вопрос о передышке. Он участвует в переговорах в Бресте и там занимает фактически пораженческую позицию. В 1920 году, будучи членом Коллегии Наркомпроса, Покровский вполне в троцкистском духе защищает милитаризацию высшей школы.

Таким образом, извилистый путь Покровского, как видите, не мог не отразиться на его исторических работах. Он оставил на этих работах неизгладимый след. А если принять во внимание, что в среде учащейся молодежи он пользовался все же довольно значительным авторитетом как историк, то ясно станет, что он оказал громадное влияние на многих, если не на большинство воспитавшихся при нем в наших высших учебных заведениях историков. Он вывихнул им мозги и довольно основательно.

Как это ни странно, но Покровский-историк отрицал наличие объективной исторической науки. Он стоял на идеалистических махистских позициях, что вообще объективных законов не существует ни в природе, ни в общественных явлениях. Он утверждал, что общественные явления представляют собой спутанный, неясный, хаотический клубок всякого рода элементов, из которых историк, для того чтобы внести известную стройность, произвольно берет наиболее выдающееся и ведущее, именно произвольно выбирает, и объективных законов общественного развития ни в коем случае установить нельзя.

Уже в период пролетарской диктатуры Покровский в одном из своих выступлений, совсем еще недавно, прямо призывал с трибуны Большого театра не признавать объективной исторической науки. Вот, что он говорил в юбилейной речи, посвященной десятилетию ИКП:

«И мой завет вам — не итти «академическим» путем, как шли мы, ибо «академизм» включает в себя как непременное условие признание этой самой объективной науки, каковой не существует.

Наука большевистская должна быть большевистской» (Сборник «Историческая наука и борьба классов», т. II, стр. 406).

Если разобраться в этом его заявлении, что получается? С одной стороны, как будто очень радикальное заявление: Покровский советует отбросить «академизм» и отстаивать партийность науки. Но является ли большевистская наука, наука марксизма-ленинизма объективной наукой? Нет, отвечает Покровский, таковой, объективной науки вообще не существует.

Очень характерно для трусости мысли, проявляемой иногда, что на этом собрании, где присутствовало около 1000 человек, не нашлось никого, кто бы возразил на это совершенно недопустимое, с точки зрения марксиста, заявление. Да, недопустимое, ибо мы знаем, что борьба Ленина за диалектический материализм вклю-

чала в себе и ту мысль, что **существуют вполне объективные законы природы, существуют вполне объективные законы общественного развития**, а вовсе не какое-то хаотическое нагроможденное состояние элементов, из которых историк произвольно берет удобный для него материал, чтобы организовать историческую науку.

Если объективной исторической науки не существует, тогда, конечно, неправы Маркс и Энгельс, неправы Ленин и Сталин, которые учат нас познавать объективные законы общественных явлений, учат нас тому, что диалектический материализм и есть наука о познании объективных законов общественных явлений и явлений природы.

Эту вредную мысль Покровский внедрял в сознание своих учеников и внедрял довольно основательно. Отсюда многочисленные и самые разнообразные извращения исторических фактов в работах Покровского и его «школы». Исторические события берутся не в той связи, в которой они происходят. Нет объективной закономерности этих явлений. На эти исторические явления субъективно переносится характеристика и оценка сегодняшнего дня происходит модернизация истории. Примеров этой модернизации истории в работах Покровского можно привести бесчисленное множество.

Как известно, в прокламации «Молодой России» 60-х годов Покровский видит предугадывание события социалистической революции, чего, конечно, тогда не могло быть. Хотя и утописты-социалисты предвидели некоторые черты будущего строя, однако нельзя говорить, что они чуть ли не предвидели организацию Советов рабочих депутатов.

Чернышевского, в отношении которого вообще все высказывания Покровского не имеют ничего общего с высказываниями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Покровский объявляет меньшевиком за программу «Великорусса», а народника Ткачева, которого так справедливо и так основательно критиковал Фридрих Энгельс, он называет первым русским марксистом. Движение Пугачева он сравнивает с революцией 1917 года, показывает **те же самые** движущие силы рабочих и крестьян, национальные меньшинства, хотя, конечно, не выдерживает этой аналогии, сбивается на то, что в восстании Пугачева, в основе его лежала борьба двух различных видов капитала — торгового разбойничьего и торгового более культурного капитала.

Во всех работах Покровского вы не найдете надлежащей оценки роли большевистской партии в революции. Роли народных масс и их героев в истории СССР Покровский не показал, потому что стоял на той точке зрения, что вообще исторические личности никакой роли не играли, и поэтому он довольно развязно ставит в одну линию, берет за одни скобки как в России, так и в западноевропейских революциях людей самых разнообразных взглядов.

Можно сказать: органическим пороком работ Покровского является то, что он игнорирует роль Ленина, Сталина как историков революции.

Как это ни странно, историк Покровский был противником изучения истории в школах, когда он был членом Коллегии Наркомпроса и заместителем наркома. До 1923 года он вообще отрицал необходимость изучения истории. Когда Ленин стал уже настаивать на том, что нельзя так воспитывать советскую молодежь, что надо же создать какой-нибудь учебник, иначе приходилось чуть ли не хвататься за Иловайского, Покровский прикрывается громкой фразой, что марксизм и ленинизм ориентируются не на прошлое, а на будущее и, стало быть, зачем же копаться в прошлом, изучать историю древнейших времен, когда мы ориентируемся на будущее?! И кто помнит, когда вводили так называемый комплексный метод преподавания, тот знает, как в школах занятия историей сводились к безжизненным схемам, лишенным конкретного материала живых исторических событий. Из школы выходили молодые люди, совершенно неграмотные, невежественные по части истории нашей страны и истории вообще.

Если принять все это во внимание, то, конечно, у некоторых возникает такой вопрос: почему же Ленин, когда вышел учебник Покровского «Краткий очерк», дал такой отзыв о его работе?

Я вам напомню это письмо. 5 декабря 1920 года Ленин писал:

«Тов. М. Н.!

Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по моему, перевести на европейские языки.

Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем. Поясню свою мысль; примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?

С ком. приветом Ваш Ленин» [1].

Конечно, нас смущает до известной степени этот отзыв Ленина. Но надо иметь в виду, что никакого другого учебника русской истории в то время не было, кроме учебника Покровского. Была очень многотомная затея Рожкова, который размахнулся на 8—10 томов и не закончил этой работы, не справился с ней, дал слабую работу. Были многотомные работы Покровского, тоже разбросанные, далеко не охватывающие всей истории России, не

[1] Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 442.

охватывающие истории революционного движения. «Сжатые очерки» — это была первая попытка, хотя и не с последовательных марксистских позиций, показать историю революционного движения. Читается она, действительно, интересно; но Ленину было важно показать, что в ней есть основные пороки. В таком виде это еще не история. Если заниматься по этой книге, говорит Ленин, то мы будем воспитывать верхоглядство. Очень деликатно Ленин дает резкую критику этой работе.

Покровский не выполнил этих важных указаний Ленина, он отнесся к ним очень пренебрежительно.

Верно, что Ленин не дал критики всех принципиальных и исторических ошибок Покровского, но это не значит, что мы не обязаны дать критику этих ошибок. Во всяком случае Ленин видел очень серьезные недостатки в этой работе, указывая на то, что воспитание на основе этой книги будет неправильным воспитанием, будет плодить у людей верхоглядство, и именно поэтому Ленин требовал серьезного исправления этой работы.

Если мы обратимся к кругу вопросов, которые обсуждает в своих исторических работах Покровский, то мы увидим, что его работы охватывают фактически все периоды истории человечества.

Я не претендую в настоящей лекции тоже охватить все периоды истории, но я постараюсь коснуться наиболее важных моментов, хотя бы очень коротко, чтобы показать на этих примерах, как Покровский извращает историю.

Возьмите вопрос о Киевской Руси. Вы знаете, что этому периоду уделяет очень большое внимание Маркс, он выделяет этот период как период роста империи на востоке Европы и проводит аналогию между Киевской Русью на Востоке и империей Карла Великого на Западе. Покровский же уверяет, вопреки всем историческим данным, что говорить о едином русском государстве в Киевскую эпоху могут только по явному недоразумению. Он рисует Киевскую Русь как бесклассовое общество, игнорируя такие документы, как «Русскую Правду». Даже в издании 1929 года в «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровский писал, что «наказаний вначале не было, потому что городская Русь X—XI века еще не знала общественных классов». Значит в X—XI веках в городских поселениях общественных классов не было. Но напрасно вы стали бы искать последовательности и тут у Покровского, ибо вслед за этим утверждением мы читаем у него: «Наказания служат средством для господствующего класса поддержать свою власть и привилегии».

Но если нет общественных классов, то откуда берутся господствующие классы? Если общественных классов нет, то над кем было господствовать?!

Вот вам пример верхоглядческого отношения к истории.

Возьмите, например, крещение Руси. Мы знаем, и на это обращает внимание товарищ Сталин, что нельзя так подходить к вопросу о крещении Руси, что вот взяли и согнали людей в реку, там

насильно их окрестили, сменили одну религию другой и ничего тут другого не было; там были языческие попы, здесь попы православные. Так нельзя подходить к этому периоду русской истории, а надо посмотреть, с точки зрения развития международных связей и развития международных отношений, было ли это прогрессивным шагом или это был шаг назад? Если бы с этой точки зрения Покровский подошел, то он увидел бы, что крещение Руси в то время означало расширение связей Киевской Руси с Европой, проникновение письменности через монастыри, возникновение школ. А Покровский все свел к внешней перемене. Он говорил:

«Дело шло об изменении именно обрядов, а религиозные верования и до и после крещения оставались и тогда, и гораздо позже до наших дней анимизмом».

Во-первых, неверно, что все верования представляют и до наших дней анимизм. Но так ли это было, что дело шло лишь о внешней перемене? Если бы такую оценку крещения Руси дал плохой безбожник-агитатор, то это могло бы еще сойти с рук, ибо с точки зрения антирелигиозной пропаганды интересно показать, что и там был обман народа и здесь обман народа. Но ведь мы имеем здесь историка, который пытается дать объяснение исторического явления.

Он должен был показать действительную картину тех перемен, которые произошли в жизни Киевской Руси после крещения и в связи с крещением, как это крещение отразилось на культуре древней Руси, вызванной новыми, более расширенными связями. Ни Покровский, ни его «школа» этого не сделали. Заслуга постановки этого вопроса принадлежит товарищам Сталину, Кирову, Жданову. И надо сказать, что их указания дали серьезный толчок работам таких академиков, как Бахрушин, Греков и целый ряд других, работающих над изучением периода Киевской Руси.

У Покровского и его «школы» есть один волшебный ключ ко всем историческим явлениям. Этот ключ, этот стержень значительной части исторических событий — торговый капитал. По Покровскому, и войны Киевской Руси — это войны торгового капитала, и борьба опричников с боярами — это борьба торгового капитала, и восстание Емельяна Пугачева — это тоже борьба торгового капитала казацкого против торгового колонизаторского московского капитала. Восстание декабристов — это тоже борьба торгового капитала, вернее борьба нарождающегося промышленного капитала против торгового капитала. Реформа 1861 года, по Покровскому, проводилась под влиянием торгового капитала, русско-японская война есть война торгового капитала. Русская революция вплоть до 1917 года есть борьба торгового и промышленного капитала. Империалистическая война 1914 года есть также борьба между двумя видами капитализма в России — торговым и промышленным капитализмом.

Торговый капитал для Покровского был универсальной отмыч-

кой к самым разнообразным историческим событиям. Свердловцы помнят, как Покровский начинал все свои лекции с того, какие в тот или иной период стояли цены на хлеб, — и когда Покровский не с этого начинал, то свердловцы шутили, что Покровский забыл ключ к историческим явлениям и пришел без этого ключа.

В самом деле, не только в русской истории Покровский видит почти на всем ее протяжении борьбу торгового капитала, но и в ряде буржуазных революций других стран он также видит только борьбу торгового капитала.

Французскую буржуазную революцию, которая, как известно, была всем своим острием направлена против феодализма, Покровский объясняет не как борьбу буржуазии, в том числе и молодой промышленной буржуазии Франции — ее «третьего сословия», которое, как известно, очень страдало от всех регламентаций и законов. Вот как он объясняет эту революцию:

«...во Франции, в конце XVIII века, промышленный капитал, при помощи крестьянской и рабочей революции, выкинул из седла старый торговый капитал, тесно связанный с земельной собственностью, а потом сам уселся на место купцов и помещиков» (Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, стр. 112).

Вот вам содержание буржуазной французской революции. Теперь, пожалуй, даже не очень глубоко изучающие историю французской революции знают, что она направлена была прежде всего против феодализма, против остатков крепостничества, против монархии, против церкви и что торговый капитал вовсе не был союзником феодала, сеньора. Наоборот, мы знаем, что французские купцы были в числе той самой буржуазии, которая боролась против феодалов.

Русскую революцию 1905 года Покровский считал также направленной главным образом против торгового капитала.

«Нужно некоторое усилие фантазии, — писал Покровский, — чтобы представить себе, что в образе этой борьбы за свободу против самодержавия в сущности шла ожесточенная борьба двух форм капитализма — борьба торгового капитала с промышленным капиталом, борьба, происходившая повсюду. Это явление мировое, а вовсе не специально русское. Французская революция была одним из эпизодов этой борьбы, германская революция 1848 года была одним из эпизодов этой борьбы» (Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Курс лекций, М., 1924 г., стр. 14).

Следуя этой схеме, Покровский борьбу Южных и Северных штатов Северной Америки также изобразил как борьбу промышленного и торгового капитала, причем в Америке, по мнению Покровского, победил торговый капитал, т. е. менее прогрессивный. А если это так, тогда неправы Маркс и Энгельс, которые считали в высшей степени прогрессивной революцию в Америке. Известно, что именно эта революция оказала громадное влияние и

на умы революционной Франции конца XVIII века. В работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина мы находим всестороннюю оценку французской буржуазной революции. Огромное значение этой революции показано в работах классиков марксизма, видевших глубокое прогрессивное значение этой революции. Напомню вам постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для 3-х и 4-х классов средней школы, которое отмечает, что как раз ошибки «школы» Покровского в особенности относятся к характеристике французской буржуазной революции. В чем же эти ошибки?

«Отрыжки схоластических методов, — читаем мы в этом постановлении, — заменяющих марксистское освещение исторических событий, приклеивание ярлыков различным общественно-экономическим формациям и событиям находят, например, свое выражение в неумении понять и оценить историческое значение французской буржуазной революции, которая разделалась с абсолютизмом и феодализмом, как никакая другая буржуазная революция, и роли якобинцев, как наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии...

Не дав ясной характеристики достижений французской буржуазной революции в деле борьбы с феодализмом, авторы вместе с тем не сумели охарактеризовать ограниченности французской буржуазной революции, которая сменила один вид классового господства и эксплоатации — более прогрессивным».

Покровский, таким образом, как и многие его ученики, дает совершенно неправильную оценку важнейших документов и фактов французской и американской буржуазных революций.

Целый ряд вопросов русской истории Покровский объяснял с точки зрения идеалистических теорий. Так, он объяснял происхождение феодализма в России в духе работ профессора Павлова-Сильванского. Эти работы Покровский очень рекомендовал в свое время чуть ли не как марксистские.

Вопреки учению Маркса и Энгельса, вопреки учению Ленина и Сталина о смене общественно-экономических формаций, Покровский видел основную силу, создавшую Московское государство, не в классе феодалов-землевладельцев, а опять-таки в торговом капитале. Он не раз повторяет, что «в Мономаховой шапке по русской земле разгуливал торговый капитал».

В 1931 году он признал в этой своей исторической концепции ряд ошибок. Однако он до конца ее не раскритиковал. Как, например, Покровский объясняет крестьянские восстания в России? Я уже указывал на то, что и здесь у него основная движущая сила — торговый капитал. При этом надо сказать, что так же, как мы презрительно называем враждебные нам движения махновщиной, деникинщиной, колчаковщиной, Покровский даже в академических изданиях называет великие крестьянские движения пугачевщиной, разинщиной, хмельнищиной, совершенно в духе буржуазных историков. Покровский даже не попытался поднять эти

крестьянские движения, поставить их в ряде исторических событий на должное место, реабилитировать их после того, как они были представлены буржуазными историками как бессмысленные восстания черни, как бессмысленные бунты.

В такой работе, как многотомная «Русская история с древнейших времен», Покровский при изложении событий XVII века вообще обходит восстание Степана Разина, а в «Русской истории в самом сжатом очерке» он уверяет, что восстание Степана Разина было непосредственно связано с развитием торгового капитала.

Вы помните, как Ленин оценивал движение Степана Разина, когда он говорил при открытии памятника Степану Разину:

«Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу» [1].

Вы знаете, как товарищ Сталин оценивает это движение. В беседе с Эмилем Людвигом товарищ Сталин говорил:

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить» [2].

Но одно дело — не проводить аналогии Пугачева, Разина, Болотникова с большевиками, а другое дело — дать им правильную историческую оценку, чего Покровский не сделал. Покровский дал совершенно неправильную социологическую оценку и анализ этих движений. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток крестьянских восстаний, но мы знаем, что, конечно, какой-нибудь аналогии с большевиками здесь проводить нельзя: другие классы, другая обстановка, другое соотношение сил имеем мы в этих крестьянских восстаниях. А Покровский, с одной стороны, проводит аналогию, притом очень поверхностную и неправильную, модернизует события, а с другой — он видит и в этих движениях борьбу торгового капитала. В них он видит не возмущение угнетенных классов, прежде всего крестьянства, не стихийное восстание против порабощения помещиками, а борьбу разных типов торгового капитала.

Покровский совершенно неправильно трактует и другие важнейшие моменты русской истории — такие, как татарское иго, польская интервенция, «смутное время», как он его называет вслед за буржуазными историками, отечественную войну 1812 года. Так, для установления виновника войны 1812 года Покровский буквально рабски следует за буржуазными историками, особенно за

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 271.

[2] Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 527, 1936 г.

мемуарами наполеоновского шпиона Коленкура, который, конечно, сваливал вину за нашествие Наполеона на русского царя и русских дворян. И тут мы не найдем у Покровского и попытки различать войны справедливые и войны несправедливые. Покровский даже попытки такой не сделал.

Конечно, русские дворяне боялись проникновения революционных идей французской буржуазной революции в Россию. Но известно, что нашествие Наполеона на Москву было войной захватнической, грабительской, и именно потому, что это нашествие было захватническим и грабительским, оно вызвало отечественную войну и против Наполеона поднялась вся Россия. А Покровский игнорирует и народное ополчение, и партизанские отряды, и все это огромное народное движение.

Не так подходил к этому вопросу Ленин. Ленин писал:

> «Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями» [1].

А войну 1812 года Ленин, как и Сталин, расценивает как отечественную войну, направленную против попыток подчинить и поработить Россию, превратить ее в одну из областей подмандатных наполеоновских империй. Покровский игнорировал тот факт, что армия Наполеона была надломлена именно в результате героической борьбы русского народа.

Очень много Покровский и его ученики, в том числе такой серьезный историк, как Нечкина, которая дала потом критику своих собственных ошибок в этом вопросе и критику ошибок Покровского, сделали для того, чтобы в совершенно неверном виде представить движение декабристов. Известно, какую высокую оценку давал Ленин декабристам как первому поколению революционеров — д в о р я н с к и х революционеров. Для своего времени эти революционеры были передовыми демократами, они были республиканцами, и это отмечает Ленин:

> «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена» [2].

Ленин отводит совершенно определенную и весьма серьезную роль движению этих дворянских революционеров. Он говорит, что главным в этом движении было движение против монархии, против крепостничества. Ленин очень высоко ценил эти республиканские традиции декабристов. Он гордился декабристами. Вы знаете, что во время империалистической войны, в статье «О национальной гордости великороссов» он писал о декабристах, давая им вы-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXII, стр. 287.
[2] Л е н и н, Соч., т. XV, стр. 468.

сокую оценку. А Покровский рисует их как своекорыстных защитников дворянских интересов.

Были ли декабристы такими своекорыстными оппозиционерами, как их рисует Покровский? Пушкин, например, дает такую характеристику Николаю Тургеневу, одному из видных деятелей декабристского движения:

> Одну Россию в мире видя,
> Лаская в ней свой идеал,
> Хромой Тургенев им внимал,
> И слово «рабство» ненавидя,
> Предвидел в сей толпе дворян
> Освободителей крестьян.

Не похоже на то, что Пушкин видел в декабристах каких-то своекорыстных либералов. Достаточно вспомнить таких деятелей, как Кондратий Рылеев, вспомнить его «Исповедь» и целый ряд других литературных памятников того времени. Достаточно взять такой документ, как проект конституции, составленный Пестелем, чтобы видеть, что здесь мы имеем движение, которое Ленин и Сталин по справедливости ставят наряду с восстаниями Пугачева, Разина, Болотникова. Покровский же видит и в движении декабристов борьбу промышленного капитала с торговым капиталом, упрощает до последней степени исторический процесс этого периода, создает до невозможности грубую, упрощенческую историческую схему, которая ничего общего не имеет с марксистским анализом событий и марксистской их оценкой.

У Покровского мотивы движения декабристов свелись к повышению хлебных цен.

У Глеба Успенского есть такой персонаж, который во всех человеческих действиях видит один мотив: «в карман норовит». Эта «суздальская простота» есть выражение того экономического материализма, который во всем сказывается у Покровского. «В карман норовит» — другого выражения у Покровского нет.

Ленин видит в декабристах европейских демократов. А по Покровскому, декабристы боролись за аристократический строй общества. Вот вам две диаметрально противоположные оценки движения декабристов.

Возьмем отношение к одному из величайших русских просветителей, к Николаю Гавриловичу Чернышевскому. Вы знаете, какую высокую оценку Чернышевскому дал Маркс, какую высокую оценку дает Ленин Чернышевскому. Покровский же рисует Чернышевского — этого социалиста домарксового периода, как его называл Ленин, — то меньшевиком, то либералом, который вместе с Герценом не прочь поиграть в мужицкое восстание, то «саратовским мечтателем». Враги лучше знали Чернышевского, называя его якобинцем и постоянно требуя его ареста и расправы с ним.

Надо ли доказывать, что Чернышевский не был либералом? Уже в дневнике 1848 года он записал:

«Я нисколько не дорожу жизнью для торжества своих убе-

ждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и пороков. Если бы я только был уверен, что восторжествуют мои идеи, то даже не пожалел бы, что не увидел дней торжества и царства их. И сладко будет умереть, а не горько» [1].

Похоже это на либерала? Или в этом же дневнике Чернышевский записывал:

«Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это... Готова и искра... Сомнение одно, когда это вспыхнет. Может быть лет через десять, но я думаю скорее. И я приму участие. Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня».

Так думал о революции молодой Чернышевский. Похоже это на то, что он был либералом?

Или возьмите более поздние годы, когда он вместе с Добролюбовым писал в 1859 году накануне крестьянской реформы Герцену:

«Наше положение ужасно, невыносимо и только топор может нас избавить и ничто, кроме топора, не поможет. И пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат. К топору зовите Русь» [2].

«Нужна была именно гениальность Чернышевского, — писал Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся...

Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т.-е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов» [3].

---

[1] Н. Г. Чернышевский, «Лит. наследство», т. I, Дневник, май 1848 г.

[2] Н. Г. Чернышевский, «Лит. наследство», т. II, Письмо русского человека в «Колоколе».

[3] Ленин, Соч., т. I, стр. 184.

И вот этого настоящего республиканца, настоящего демократа, который очень глубоко видел недостатки движения и намечал правильные для того времени пути этого движения как крестьянской революции, Покровский изобразил как какого-то либерала, который впадает в меньшевизм, не прочь поиграть в восстания и т. п. Это полностью противоречит оценкам, какие Чернышевскому дает Ленин.

Также совершенно не по-марксистски Покровский рисует народничество. Вы знаете, что Ленин определяет народничество как идеологию мелкобуржуазной крестьянской демократии. Народнический утопический социализм 70-х годов он рассматривает как крестьянский, а либеральное народничество как мещанский социализм. А Покровский отрицал эту ленинскую точку зрения. Вот как он определял народничество:

«Народничество есть общественное мировоззрение мелкобуржуазной интеллигенции, мировоззрение «грамотея-десятника», не позабывшего мужицкой избы, где он вырос, сознающего свою вину и свой долг перед народом, но все-таки командующего этим народом и смотрящего на народ сверху вниз» (Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 187).

При этом Покровский в первых изданиях своей книги считал интеллигенцию особым классом, т. е. совершал ту самую ошибку, в которой повинно было народничество.

* * *

В оценке Покровского особенно не повезло революции 1905 года. Тут неправильно было бы говорить о какой-нибудь о д н о й оценке. У Покровского, пожалуй, столько же оценок революции 1905 года, сколько раз он писал о революции 1905 года. И каждый раз он вносил поправки и говорил, что он пылесосом проветривал различные исторические уголки. Однако Покровский так и не докопался пылесосом до завали своих ошибок в этом вопросе.

Необходимо прежде всего сказать о грубой социологической схеме в работах Покровского. У него выходит так, что империализм в России появился не в конце XIX столетия, как об этом говорят Ленин и Сталин, а л и ш ь в 1906 г. В 1905 году не могло быть никакой речи о перерастании буржуазной революции в социалистическую потому, что у нас не было империализма, говорит Покровский, а империализм появился в 1906 году.

Представьте себе такого историка, который делит так всю историю: в 1905 году нет империализма, а в 1906 году есть. Основные признаки, которыми Ленин определяет империализм как высшую стадию капитализма, сопровождающуюся загниванием, сопровождающуюся грабительской войной, вывозом финансового капитала, переделами карты мира, — эти признаки Покровский игнорирует и сам впоследствии признается, что в этой оценке он путается между Лениным и Гильфердингом.

Но прежде чем перейти к революции 1905 года, остановимся не-

сколько на характеристике Русско-японской войны в работах М. Н. Покровского. И здесь опять на сцену появляется вездесущий торговый капитал. «Руководителем авантюры был торговый капитал» (Сборник «1905 год», т. I, стр. 606).

Вопреки Ленину и Сталину, которые установили, что царизм — это «военно-феодальный империализм», вопреки указанию Ленина, что в России в 1904—1916 годах у власти была «горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II»[1], Покровский изображал эту войну как войну торгового капитала. Он совершенно неправильно изображал дело так, будто при дворе боролись два капитализма: один более мирный — промышленный — виттевский, а другой более грабительский — торговый капитализм.

В лекциях «Внешняя политика России в XX веке» Покровский приводил нестерпимо грубую социологическую схему. По его словам выходило, что внешняя политика России в XX веке якобы не была империалистической, потому что Россия только после 1906 года, т. е. после Русско-японской войны, вступила в полосу империализма.

Покровский «критиковал» свои ошибки в оценках революции 1905 года. Что же у него получилось в объяснении своих ошибок? Он писал: «Классовая борьба благодаря 1905 году из теории стала жизненным фактом, без нее уже нельзя понять исторический процесс» (журнал «П.З.М.» № 10—11, 1924 г., стр. 210).

Выходит, что классовая борьба только к 1905 году стала жизненным фактом, а до 1905 года не было классовой борьбы. Мы уже знаем, что Покровский видел только извращения этой борьбы в виде зубатовщины, а всю сложную борьбу классов, начиная хотя бы с реформы 1861 года, — борьбу крестьянства, борьбу рабочего класса, борьбу мелкой буржуазии — он «не заметил».

Я говорю, что напрасно было бы искать у Покровского одну оценку революции. Возьмите, например, характеристику 60-х годов. Он указывает на то, что быстрый рост хлебных цен, быстрый рост хлебного вывоза имел решающее значение для реформы 1861 года. Он говорил о влиянии «промышленного империализма» на реформу 1861 года. Мы знаем, что борьба шла за ликвидацию крепостничества, мы знаем, что ни о каком империализме в том смысле, в каком он развился в конце XIX века, еще нельзя в эти годы говорить. С одной стороны, Покровский отрицает, что империализм имел место в 1905 году, а с другой стороны, он заявляет, что уже в эпоху реформ 1861 года можно установить господство промышленного империализма. С такими путаными оценками он подходит к революции 1905 года. Что же у него получается?

«Наиболее острыми столкновения между промышленным и торговым капиталом были в России потому, что оба капитализма — и торговый и промышленный — явились в Россию очень поздно и спешили догнать своих западноевропейских родоначальников и

---

[1] Ленин, Соч., т. XX, стр. 570.

прототипов, и в этой сцепке они толтали друг друга, мяли друг друга, сталкивались друг с другом более бесцеремонно, чем в Западной Европе» («Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», изд. 2-е, 1927 г., стр. 9).

Вот и все объяснения своеобразия русской революции 1905 года. А то, что русская революция была первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма, то, что, она была пролетарской по своим средствам борьбы и по той роли, какую играл в ней рабочий класс и какую играло крестьянство, это исчезает у Покровского, как и целый ряд других особенностей первой русской революции: например, то, что в этой революции специфическим средством борьбы была массовая политическая стачка. Все эти особенности первой русской революции, которая перерастала в социалистическую революцию, Покровский упускает. И все содержание революции у него сводится к тому, что топчут друг друга промышленный и торговый капитал.

Покровский делал крупнейшие ошибки в анализе причин революций 1905 и 1917 годов именно потому, что он не стоял на ленинской точке зрения, он не стоял на точке зрения исторического материализма. Впоследствии он признавал, что в оценке империализма, по крайней мере до 1924 г., он сидел между двумя стульями — концепцией Гильфердинга и концепцией Ленина (журнал «П.З.М.» № 12, 1924 г., стр. 254).

Поэтому у Покровского не найти в его характеристике империализма такого важнейшего признака, как стремление империалистов к новому переделу мира.

Покровский совершенно неправильно характеризовал классовую сущность царизма. Вслед за Богдановым Покровский повторял, что царское самодержавие «не было вовсе остатком седой феодальной старины, а было созданием торгового капитализма, т. е. предыдущей стадии капиталистического же развития» (Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., изд. 2-е, 1927 г., стр. 126).

Ленин, как известно, характеризовал царизм прежде всего как представительство интересов крепостников-помещиков. Ленин считал, что царская монархия является средоточием всякого рода «черносотенных помещиков (от них же первый — Романов)» [1]. Для Покровского царское самодержавие — это «политически организованный торговый капитализм» (Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., стр. 10).

Возьмите точку зрения Покровского на необходимость революции 1905 года. По существу он стоял на точке зрения, что никакой необходимости в революции для разрешения тех вопросов, которые решила эта революция, не было, что можно было решить все эти вопросы р е ф о р м и с т с к и м п у т е м. Он прямо утверждает, что «для развития промышленного капитализма, как такового, у

[1] Л е н и н, Соч., т. XV, стр. 247,

нас не было надобности в насильственном взрыве, хотя я не стану отрицать, что массовое движение 1905—1906 годов, поскольку оно явилось грозным напоминанием, в значительной степени ускоряло этот процесс. В 1903 году пришли к отмене круговой поруки, а в 1906 году приступили уже к реальной фактической ликвидации поземельной общины, и поскольку эта ликвидация проводилась царским правительством, для этого не нужна была революция, а достаточны были реформы» («Очерки», стр. 126).

Таким образом, по Покровскому выходит, что для разрешения коренных вопросов первой русской революции буржуазно-демократическая революция в России не нужна была, что не надо было браться за оружие, а можно было чисто реформистским путем решить все эти вопросы. Вопреки Ленину, который учил, что буржуазно-демократическая революция в России нужна для расчистки путей, для ликвидации остатков крепостничества, для свободного развития классовой борьбы, Покровский утверждал, что для этого революция не нужна была, что сам царизм шел на ликвидацию этих остатков.

Столыпинщину Покровский рассматривал как очень прогрессивное явление. Ленин учил бороться со столыпинщиной, а Покровский считал, что столыпинщину мы проглядели как прогрессивное явление. Он писал, что кадеты боролись против столыпинщины, а мы, большевики, им вторили. «При свете той условной лжи, в которую облекала столыпинщину кадетская пресса, мы, грешным делом, прозевали в значительной степени самый крупный момент этой столыпинской социальной политики, именно его аграрное законодательство» («Очерки», стр. 115).

Ленин неоднократно указывал, на то, что буржуазно-демократическая революция 1905 года — это в значительной степени крестьянская революция. Покровский же считал, что в революции 1905 года шла ожесточенная борьба двух форм капитализма — борьба торгового капитала с промышленным капиталом.

«В начале XX века, — писал он, — оказалась ненужной промышленному капитализму и политическая организация торгового капитала. Она стала для него крайне стеснительной: он восстал против нее и, опираясь на начавшуюся рабочую революцию, он ликвидирует самодержавие с 1905 по 1917 г., но что, ликвидируя самодержавие при помощи рабочей революции, он в то же время предпринимает ликвидацию самого себя, — этого русскому промышленному капиталу в голову не пришло» (Покровский, «Очерки», стр. 11—18).

Если верно, что в 1905 и в 1917 годах, как это утверждает Покровский, шла борьба между торговым и промышленным капиталом, то это означает, что одна часть буржуазии — промышленная — была заинтересована в том, чтобы довести буржуазную революцию до конца. Но в условиях империализма довести буржуазную революцию до конца означало подойти вплотную к социалистической пролетарской революции. Таким образом, по Покровскому

выходит, что буржуазия была заинтересована и стремилась к тому, чтобы подготовить переход к социалистической революции.

В работах Покровского и его «школы» дается совершенно неправильная оценка происхождения империалистической войны. Достаточно сказать, что Покровский дал такую оценку происхождению войны и виновникам войны, будто Россия прежде всего виновна в этой войне.

В 1915 году он читал реферат в Парижском клубе интернационалистов на тему «Виновники войны». В этом реферате Покровский говорил, что «Германия не только не стремилась сама к захватам, но и мешала делать их своей гораздо более драчливой союзнице — Австро-Венгрии».

Вопреки указаниям Ленина, что нельзя решать вопрос о виновниках войны по тому, кто первый напал, а надо решать этот вопрос с точки зрения того, кто, какой класс и что защищает в этой войне, Покровский встал на такую точку зрения, что империя Вильгельма была жертвой войны.

В 1917 году Покровский клеветнически утверждал, что Ленин ехал в Россию, не веря в социалистическую революцию. Но ведь это противоречит всем документам. Это противоречит и «Письмам издалека», и «Апрельским тезисам», и всем выступлениям Ленина, и все мы знаем, что Ленин считал главнейшей задачей с первых дней революции 1917 года переход от первого этапа революции ко второму этапу — к социалистической революции.

Покровский смешивает воедино и февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Он утверждает: «в марте 1917 года победила революция, несомненно, настоящая рабочая революция».

Но если р а б о ч а я революция была в феврале 1917 года, то какая же была в октябре, чем эти две революции отличались? Разве допустимо для историка путать столь различные революции?

Я думаю, что достаточно приведенных примеров, чтобы показать, какое громадное значение имеет борьба против «школы» Покровского, разоблачение антимарксистских ошибок и извращений, упрощенчества и т. п., свойственных историческим работам Покровского и многих его учеников.

Покровский не верил одно время в победу социалистической революции, в то, что мы удержимся. Отсюда была его пораженческая точка зрения в дни Бреста, когда он писал в начале революции в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов»: «Раз началась пролетарская революция, — она должна развертываться во всеевропейском масштабе, или она падет в России. Окруженная империалистическими «державами», русская пролетарская крестьянская республика не может существовать. Такого чуда «Европа» не допустит» («Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 199, 1917 г.).

«Европа», конечно, не хотела бы допустить такого чуда, но «сие от них не зависит».

Следуя указаниям ЦК партии, ряд историков, в свое время так-

же допускавших ошибки, или историков, вышедших из этой «школы», а также тех, кто боролся против концепции Покровского, дали довольно развернутую критику ошибок Покровского. Я имею в виду прежде всего вышедший в издательстве Академии наук СССР сборник статей против исторических концепций Покровского. В этом сборнике напечатаны статьи: Панкратовой, Грекова, Бахрушина, Базилевича, Савина, Нечкиной, Пичета, Дружинина, Мороховец, Баевского, Сидорова, Иерусалимского. Я имею в виду второй сборник, куда входят статьи Юшкова, Насонова, Пичета, Кафенгауза, Попова, Бушуева, Пясковского, Фохта, Джервиса, Луцкого и моя статья, хотя я никогда сторонником Покровского и его учеников не был. Как видите, происходит довольно большая работа по вскрытию ошибок Покровского. Нельзя сказать, что эта работа уже целиком выполнена.

Нельзя сказать, что при жизни Покровского не было никаких попыток вести борьбу с ним. Но эти попытки, я бы сказал, были очень слабыми. Нелегко было бороться против Покровского одно время, потому что он считался авторитетом и довольно круто расправлялся и в литературе и вообще с теми, кто выступал против него. Если принять во внимание, что среди наиболее активных деятелей этой «школы» были такие люди, как Фридлянд, Ванаг, Томсинский, такие «историки», как Павел Горин, как Татаров, то понятно, что было трудно вести борьбу против Покровского.

В своей наркомпросовской работе Покровский привлекал к разработке учебных планов таких «марксистов», как меньшевик Абрамович, меньшевик Рубин — фигуры, вам тоже известные.

Достаточно привести все эти факты, чтобы видеть, что борьба против «школы» Покровского есть необходимое условие для расчистки путей для настоящей подлинной марксистской науки. Ведя борьбу против «школы» Покровского, мы ведем борьбу за признание объективности исторической науки, борьбу против идеалистических теорий, вульгаризации, упрощения исторических процессов, против подмены учения диалектического и исторического материализма учением «экономического материализма» и идеалистическими теориями Богданова, Маха и Авенариуса. Мы ведем борьбу против грубого социологизирования, против замены живой исторической ткани грубыми произвольными схемами, где, по признанию самого Покровского, историк произвольно выбирает те или иные элементы, которые кажутся ему наиболее удобными для организации исторического опыта. Мы боремся против троцкистских и меньшевистских оценок и в истории нашей страны и мировой истории. Мы боремся против троцкистских фальсификаций истории русской революции, против модернизации исторического процесса, против упрощенчества в вопросах истории. Мы боремся за подлинную марксистско-ленинскую историческую науку, которая, по словам Маркса, является естественной историей человечества.

ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Проф. И. И. МИНЦ

15 сентября 1917 года Центральный комитет партии большевиков в Петрограде с обычными конспиративными предосторожностями получил два письма Ленина. Вождь революции, вынужденный скрываться в подполье, предлагал большевикам взять в свои руки государственную власть.

Какие обстоятельства вызвали это предложение? Какой сдвиг в соотношении классов заставил большевиков именно в этот момент взять власть в свои руки?

Корниловский мятеж в августе 1917 года был подавлен, сам Корнилов и его соратники — генералы Деникин, Лукомский, Эрдели, Марков и другие — сидели в тюрьме. Но начальником штаба верховного главнокомандующего был назначен соучастник корниловского заговора генерал Алексеев. Само следствие над Корниловым велось таким образом, что генерал выступал в роли обвинителя, а не обвиняемого; он имел широкие возможности пользоваться любыми секретными документами, мог через подставных людей публиковать о процессе то, что находил нужным. Тюрьмою Корнилову служило здание женской гимназии в Быхове, охрану которой нес текинский полк, в недавнем прошлом составлявший личную охрану генерала.

При таком «тюремном» режиме и столь «бдительной» охране Корнилов, к тому же освобожденный от сложных и кропотливых трудов по командованию армией, мог спокойно заниматься анализом своей неудачи и поисками мер для ее исправления. Между Быховым и Ставкой беспрерывно мчались курьеры, к генералу Корнилову беспрепятственно приезжали офицеры, привозившие необходимые справки и сведения. В «тюрьме» побывали представители банков, были и представители иностранных держав. Все это дало возможность Корнилову разработать новый план выступления против революции — второй корниловский заговор. На этот раз Корнилов и стоящая за ним контрреволюция постарались гораздо глубже продумать план выступления и привлечь несравненно большие силы. В августе предполагалось бросить против Петрограда какой-нибудь корпус в 15—20 тыс. бойцов. Теперь считали сот-

нями тысяч. Это были в первую очередь ударные батальоны — около 50 тыс. отборных солдат, поступавших в полк только по рекомендации командного состава. Затем юнкерские школы, школы прапорщиков, старшие классы кадетских корпусов — также примерно около 45—50 тыс. прекрасно вооруженных бойцов. Потом кавалерийские, главным образом казачьи, дивизии. Особое внимание уделялось чехо-словацкому корпусу, который начал формироваться еще царским правительством, но развернулся уже в эпоху Временного правительства. В корпусе к октябрю было более 30 тыс. солдат. Чехо-словаки обучались по французскому уставу, имели хорошо подобранный командный состав. Расположен был корпус на украинском Правобережье, так что легко мог занять все узловые станции и отрезать юго-западный фронт от Петрограда и Москвы.

К этим силам нужно прибавить польский корпус под командованием генерала Довбор-Мусницкого. Формировался он из поляков — военнослужащих старой армии, представивших рекомендации двух польских офицеров. Корпус был насыщен командным составом втрое больше, чем любой армейский корпус. Не трудно понять, в чьих руках находился корпус при такой системе формирования. Поляки стояли в Белоруссии. В случае восстания в Петрограде они могли быстро отрезать западный фронт и не пропустить ни одного эшелона на помощь восставшим большевикам.

Инициаторы второго корниловского заговора могли, таким образом, рассчитывать на 200—250 тыс. солдат. При наличии армии по меньшей мере в 10 миллионов бойцов, четверть миллиона, казалось, не являлась решающей величиной. Но армия не представляла собой к тому времени боевой силы. 200 тыс. солдат, собранных в ударный кулак, могли заставить выступить на своей стороне колеблющиеся полки. На это рассчитывал Корнилов. Таковы были расчеты контрреволюции.

Редакция «Истории гражданской войны» дала нам задание — показать врага в натуральную величину.

Само собой разумеется, что дела о втором корниловском заговоре ни в каком архиве не оказалось. Не было никаких сводных данных. Участники заговора почти не оставили признаний. Пришлось итти кружным, довольно извилистым путем. Он сулил большие трудности и немало разочарований. Но, как говорил древний Овидий «мало желать, за дело примись, чтоб свершилось желанье». Надо было искать.

Прежде всего мы стали изучать ежедневные распоряжения Ставки, т. е. штаба главнокомандующего, за сентябрь и октябрь 1917 года. За скучными приказами о передвижении частей сначала казалось трудным найти нужную нить. Но вот в глаза бросилось одно обстоятельство. Во второй половине сентября с фронта стали перебрасывать в тыл казачьи полки, иногда целые дивизии. При этом официальным объяснением переброски являлся один и тот же, часто повторяемый мотив: «на фронте нехватает фуража».

Но когда мы стали расследовать, куда же направляются казачьи части, то оказалось, что дело вовсе не в фураже. Две дивизии были направлены в Финляндию, одна дивизия направлена в Донбасс и одна — в Брянск. В перечисленных районах фуражом и не пахло. Но зато из Финляндии за 48 часов можно прибыть в Петроград. Из Брянска и Донбасса можно продвинуться к Северу и перерезать дороги, связывающие Москву с Украиной и юго-западным фронтом.

Расположение кавалерийских частей отчетливо и ясно вскрыло и причину их переброски: кавалерию готовили для борьбы с революцией.

Так попала в наши руки нить с тем отличием от мифической нити Ариадны, что она вела не из лабиринта, а напротив — в самую глубь лабиринта. Мы стали более внимательно изучать передвижение полков, характер вновь формируемых частей. Заинтересовались так называемыми ударными батальонами. Это название носили в 1917 году батальоны, формировавшиеся из георгиевских кавалеров, кулацких детей, недоучившихся студентов и т. п. Создавались они, опять-таки по официальной версии, в помощь действующей армии, с целью усилить полки, не желающие воевать, сковать железными обручами расползающуюся армию. Но, странное дело, вопреки официальным заявлениям ударные батальоны направлялись не туда, где в них нуждался фронт, а поближе к Петрограду. Более 40 батальонов расположены были гроздьями на северном и западном фронтах так, что в один-два дня они могли пробиться к Петрограду, к Москве, перерезать сообщение между столицами, отрезать столицы от фронтовых частей.

Так, шаг за шагом восстанавливая картину боевых сил, которые имелись в распоряжении контрреволюции, мы воссоздали и самый план заговора.

Владимир Ильич не имел всех этих подробных данных: их открыли нам архивы. Ленин вынужден был скрываться в это время в подполье. Но в том-то и сила великой теории марксизма-ленинизма, в том и сказалась гениальная прозорливость вождя, что Ленин разгадал планы противника. Прекрасно владея законами общественного развития, великий диалектик предугадал основные сдвиги, происходившие в лагере противника, и сделал соответствующие выводы.

Преследуемый шпионами, стесненный трудностями подпольной жизни, Ленин пристально следил за событиями. Словно с гигантской вышки вождь партии окидывал взором всю огромную страну, весь мир, подводил итоги каждому шагу революции и давал боевые оперативные указания большевистской партии, ее штабу — Центральному комитету.

Только за три месяца 1917 года — с августа по ноябрь — из-под пера Ленина вышло более 60 статей и писем, составивших при издании целый том. В числе их были такие работы, как «Государство и революция», «Грядущая катастрофа и как с ней бороться»,

«Кризис назрел», «Удержат ли большевики государственную власть?», письма о восстании и многие другие документы, имеющие огромное международное значение.

В своих гениальных, простых и доступных каждому трудящемуся статьях Ленин разоблачал самые сложные хитросплетения буржуазной и эсеро-меньшевистской прессы, срывал маску с социал-корниловцев — Керенского и К°, беспощадно разил предателей революции, критиковал проявление малейших колебаний в большевистской среде и указывал на каждом этапе революции пути и способы борьбы за победу диктатуры пролетариата.

Ленин своевременно разглядел, что буржуазия переходит к новым формам борьбы, что она готовится к гражданской войне против рабочих и крестьян.

Гражданская война — это высшая форма классовой борьбы, при которой все противоречия обостряются и переходят в вооруженную схватку. Гражданская война — самая острая форма классовой борьбы, когда все общество раскалывается на два враждебных лагеря, силой оружия решающих вопрос о власти.

Продолжая и развивая учение Маркса, Ленин писал о сущности гражданской войны:

> «Опыт... показывает нам, что гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса» [1].

Именно к такому обострению подошла русская революция в сентябре-октябре 1917 года.

Это подтверждалось коренным изменением форм борьбы всех классов населения.

Прежде всего коренным образом изменилась форма стачечной борьбы пролетариата. И до корниловщины пролетариат под руководством большевистской партии вел непрерывно нарастающую стачечную борьбу. Стачки экономические перерастали в политические, переплетались с ними, обнаруживая неуклонный рост, словно накапливая силы для решающего удара. Но после корниловщины в стачках рабочего класса появилось нечто новое. В самом деле, рабочие харьковского завода Гельферих-Саде, объявив стачку, прогнали администрацию и взяли в свои руки управление производством, в Москве на ряде предприятий кожевенной промышленности рабочие отстранили дирекцию и выбрали из своей среды стачечный комитет, которому поручили ведение производства. Новое в стачечном движении состояло в том, что пролетариат не только бастовал, а прогонял капиталистов и брал в свои руки производство.

Сейчас, когда опубликованы документы 1917 года по вопросу о

---

[1] Ленин, Русская революция и гражданская война, Соч., т. XXI, стр. 201.

рабочем движении, мы можем найти тысячи фактов, подтверждающих это обстоятельство. У Владимира Ильича этих документов не было. Ему были известны только отдельные факты, которые проскальзывали в печать. На основе этих фактов гений революции сделал обобщающий вывод: рабочие стачки подошли вплотную к восстанию, развитие пролетарской борьбы уперлось в проблему власти.

Коренным образом изменилась и форма крестьянского движения. И до корниловщины крестьяне вели борьбу против помещиков. И до корниловщины крестьяне в целом ряде мест косили помещичьи луга, захватывали поля, рубили леса помещиков, но эта борьба была сравнительно мирной. После корниловщины крестьяне поняли, что вместе с Корниловым возвратятся в насиженные дворянские гнезда помещики. Крестьяне повсюду перешли к новым формам борьбы, они начали захватывать экономии, сжигать их, забирать инвентарь. Словно пытаясь исправить недоделанное в революции 1905 года, когда было уничтожено всего около 2 тыс. дворянских имений, крестьяне по всей стране дружно приступили к захвату имений.

Встревоженные этим эсеро-меньшевики пытались успокоить себя и своих друзей фабрикацией ложных данных, которые должны были скрыть действительное положение.

Зажав свое сердце, по выражению Флобера, между собственной лавочкой и собственным пищеварением, мелкобуржуазные «бухгалтеры от революции» составляли успокоительные сводки крестьянского движения. Сваливая в одну кучу все формы движения, они пришли к «успокоительному» выводу, что в сентябре крестьянское движение в общем падает. Посмотрите, например, сводки буржуазной милиции: тут указаны рост потрав и покосов, отказы вносить аренду и разгромы имений. Когда вы от этих общих цифр переходите к детальному анализу, вам сразу бросается в глаза жульничество «бухгалтеров от революции», а именно: они сваливали в одну кучу и мирные формы борьбы и немирные. Подсчитайте покосы, потравы и т. п. отдельно от разгромов имений. Окажется, что мирные формы борьбы растут с февраля до августа, а с сентября мирные формы падают, но зато вверх идут немирные формы — захват имений, поджог дворянских поместий, дележка инвентаря. К нашим услугам сейчас ряд статистических сборников и документов, подтверждающих это изменение форм крестьянской борьбы. Тут еще раз сказалась гениальная прозорливость Владимира Ильича, который, не имея в своих руках всех этих данных, сделал вывод, что крестьянское движение переросло в крестьянское восстание.

Резко изменился и характер национально-освободительного движения. Начиная с февраля, во главе этой борьбы шли буржуазные национальные институты, которым удалось на короткое время обманом, а иногда и прямой силой повести за собой известную часть масс.

После корниловщины характер движения резко меняется. Трудящиеся угнетенных наций пытаются через голову своих «руководителей» подать руку крестьянам и рабочим России, чтобы вместе двинуться против Временного правительства. Широкие трудящиеся массы начинают понимать, что разрушить старую царскую «тюрьму народов» они могут только под руководством большевиков.

В сентябре 1917 года в Ташкенте вспыхнуло стихийное движение. Представители Временного правительства бежали. На время хозяевами города стали трудящиеся. Это не означает, что в Ташкенте советская власть победила раньше, чем в Петрограде. Такое утверждение было бы неверно уже по одному тому, что движение не находилось в руках большевиков. Но о чем говорили ташкентские события? Они свидетельствовали о резком обострении всех противоречий революции, которые и прорвались там, где их накопилось больше — в национально-колониальных районах. По всей стране напряжение дошло до крайности, а в некоторых местах перелило через край. Наши исследователи не обратили внимания на то, что и накануне февральской революции противоречия прорвались в Средней Азии, где они были особенно обострены. Накануне Октябрьской революции события в Ташкенте говорили о том, что национальное освободительное движение вступило в новую форму борьбы за власть.

Наконец, коренным образом изменилось движение в армии, где большевики вели гигантскую разоблачительную работу, работу по завоеванию армии на свою сторону. В огромном числе полков, дивизий солдаты прогоняли старых командиров, избирали из своей среды новых командиров, брали в свои руки руководство частями. Такие факты были и раньше, но это были единичные случаи, массового характера они не носили. Миллионы солдат после корниловщины поняли, что мятеж генералов означает реставрацию монархии и, следовательно, продолжение войны. Солдаты с ужасом думали: неужели и четвертую зиму придется провести в окопах? Они с ожесточением переходили к новой форме борьбы. Они прогоняли из полков эсеро-меньшевистских болтунов, переизбирали комитеты, отдавали свои голоса большевикам, изгоняли командиров, а в ряде мест, во флоте, и физически уничтожали офицеров. Мало того, солдаты выступали в роли агитаторов за крестьянские восстания. В тысячах писем с фронта солдаты рекомендовали крестьянам прогонять помещиков, забирать землю. В прифронтовой полосе солдаты сами становились зачинщиками движения. Солдатское движение явно обнаруживало тенденцию слиться с крестьянским.

Вот это-то изменение форм борьбы позволило гениальному диалектику Ленину сделать вывод, что налицо революционный кризис, предсказанный VI съездом партии, кризис, который дал возможность большевикам поставить вопрос о свержении диктатуры буржуазии.

Между 12 и 14 сентября — точная дата, к сожалению, не уста-

новлена — Ленин написал свои письма Центральному комитету, в которых сформулировал свой вывод:

«Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»[1].

Ленин объяснил, почему именно сейчас восстание стало в порядок дня.

«Восстание, — писал Владимир Ильич, — чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих»[2].

Эти три условия были налицо.

«За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы»[3], — писал Ленин.

Исстрадавшийся и изголодавшийся народ понял, что мир, землю, хлеб он может получить только из рук пролетариата.

«За нами большинство народа»[4], — писал Ленин.

В лагере ближайших союзников буржуазии чувствовалась неуверенность в своих силах, разброд. Непосредственно после восстания Корнилова под давлением масс эсеро-меньшевики колебнулись было в сторону революции. Они даже выступили с требованием ввести в России республику. До этого, как известно, форма правления в России не была определена. Решение вопроса было «отсрочено» до Учредительного собрания, как и все жгучие вопросы революции. Эсеры и меньшевики выступали с протестами против политики Временного правительства, приведшей-де к восстанию Корнилова. Но это был именно тот протест, о котором писал Щедрин: «Это был очень яркий и сильный протест, в основании которого лежала благоразумная мысль: авось не повесят!».

Убедившись, что поднять авторитет в массах не удалось, а буржуазия косится на своих лакеев, эсеры и меньшевики вновь полезли в старый буржуазный хлев.

Колебание было и в лагере кадетов. Им не удалось устранить противоречия между отдельными группами. Левые кадеты требовали соглашения с эсеро-меньшевиками. Правые — вели переговоры с черносотенцами. Правда, не следует преувеличивать эти противоречия. О них можно было бы сказать то же, что писал Щедрин в свое время о разногласиях между либералами и консерваторами:

---

[1] Ленин, Большевики должны взять власть, Соч., т. XXI, стр. 193.
[2] Ленин, Марксизм и восстание, Соч., т. XXI, стр. 195.
[3] Там же, стр. 196
[4] Там же.

«консерваторы говорили: Шествуй вперед, но по временам мужайся и отдыхай!

А либералы говорили: Отдыхай, но по временам мужайся и шествуй вперед».

Однако в условиях революционного кризиса и эти разногласия ослабляли лагерь врагов.

Заколебались и главные союзники российской буржуазии — империалисты Антанты. Они выбирали между войной до победного конца и сепаратным миром с германским империализмом против России, за счет удушения русской революции.

Французские историки опубликовали телеграммы, которые в 1917 году не пропускала в печать цензура. Даже по этим скудным сведениям мы знаем, что осенью 1917 года начались волнения во французской армии. Солдаты требовали мира. Антивоенное движение охватывало целые корпуса, перекидываясь и на английские части. Пуанкаре в своих воспоминаниях признал, что во французской армии не было ни одного корпуса, который можно было вызвать в Париж на подавление возможного восстания рабочих. Империалисты почувствовали угрозу революции у себя в тылу.

Под угрозой революции Англия и Франция стали нащупывать возможность заключения мира с Германией. В Германии охотно на это откликнулись. В начале сентября германский представитель обратился к французскому министру иностранных дел с предложением заключить мир. Германия соглашалась пойти на уступки Франции и Англии на Западе при условии получить свою долю на Востоке. Враги собирались мириться за счет России.

Переговоры шли в глубокой тайне. Всякие слухи, попадавшие в печать, объявлялись правительством клеветой. Переговоры, однако, затянулись: видимо, империалисты слишком много друг у друга запрашивали. Германия попыталась тогда начать переговоры с Россией о сепаратном мире.

Ленин не знал об этих переговорах. Но сила научного предвидения позволила ему не только предсказать эти переговоры империалистов, но и попытку Германии и России заключить сепаратный мир. Только недавно в наши руки попали сведения, подтвердившие гениальную догадку Ленина.

Американский посол в России Френсис в своих записках о революции признавался уже после гражданской войны:

«Терещенко, прежний министр финансов и министр иностранных дел, прибыл в Архангельск и дважды обедал у меня. Он скрывался под именем Титова... Ехал к Колчаку как курьер от Гулькевича, русского посла в Швеции...

Терещенко уверял меня, что около 1 августа он получил выгодные предложения о мире от Германии. Он показал их только Керенскому».

Контрреволюция, как и Николай Романов накануне своего краха, за спиной народа готова была пойти на распродажу страны, только бы развязать себе руки для борьбы с революцией.

Само собой разумеется, что все эти переговоры, колебания ослабляли врага, ослабляли его сопротивляемость.

Письмо Ленина в Центральный комитет заканчивалось следующим выводом:

«Перед нами на лицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — выгоды положения, когда только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда только наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир в пользу революции»[1].

Великий вождь революции призвал партию к восстанию. В письмах Ленина речь шла пока не о самом дне восстания, не о точном его сроке. Этот вопрос, по мнению Ленина, мог решить лишь общий голос тех, кто соприкасался с рабочими и солдатами, с массами, т. е. ЦК партии. Ленин требовал, чтобы подготовка вооруженного восстания стала в порядок дня всей работы партии.

Владимир Ильич, призывая партию к подготовке вооруженного восстания, рекомендовал изменить тактику и прежде всего отношение к Демократическому совещанию. Оно было созвано эсеро-меньшевиками с целью обмана масс, как подделка, суррогат Учредительного собрания.

Большевики приняли участие в Демократическом совещании, чтобы с его трибуны разоблачить эсеро-меньшевистские маневры. Но с принятием курса на вооруженное восстание нельзя было оставаться на совещании. Это могло ввести в заблуждение народные массы, могло подкрепить иллюзию мирного развития революции и отвлечь массы от революционного пути. Ленин предложил покинуть совещание, прочитав большевистскую декларацию, разоблачающую подлую игру соглашателей.

«Прочтя эту декларацию, — писал Ленин, — призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания»[2].

Курс на восстание требовал перехода от тактики участия в совещании к тактике бойкота совещания.

Это второе письмо в Центральный комитет большевиков Ленин посвятил вопросу подготовки вооруженного выступления, так и назвав его: «Марксизм и восстание». Ленин, исходя из опыта всех революций XIX и XX веков, с исключительной глубиной обобщил законы восстания. Но гениальный полководец не только обобщил опыт, не только развил и продолжил учение Маркса и Энгельса в новых условиях, но и разработал конкретные указания по организации восстания в Петрограде.

---

[1] Ленин, Марксизм и восстание, Соч., т. XXI, стр. 197.
[2] Там же, стр. 198.

Он писал:

«А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку (театр, где заседало Демократическое совещание—*И. М.*), занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.» [1].

Сам Владимир Ильич называл это не планом наступления, а иллюстрацией того, что значит относиться к восстанию как к искусству. Но тем из вас, кто знает фактический ход последующих событий, нетрудно представить себе, как глубоко Ленин продумал восстание, как тщательно изучил он условия победы. Вы знаете, что в ходе восстания это указание Ленина было реализовано полностью.

Письма Ленина обсуждались в Центральном комитете большевиков 15 сентября. На этом заседании против Ленина выступил только изменник Каменев.

Центральный комитет дал решительный отпор перепуганному трусу. Товарищ Сталин предложил перепечатать и разослать письма наиболее крупным организациям большевистской партии.

Письма Ленина были разосланы крупнейшим организациям большевистской партии.

«С конца сентября, — писал в первую годовщину Великой пролетарской революции товарищ Сталин, — ЦК партии большевиков решил мобилизовать все силы партии для организации успешного восстания» [2].

Вся работа партии была подчинена подготовке вооруженного выступления. Уже 17 сентября, т. е. через день после первого обсуждения ленинского письма, товарищ Сталин, редактор центрального органа большевистской партии, писал в «Рабочем пути», как тогда называлась «Правда»:

«Революция идет. Обстрелянная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую власть. Первая линия окопов контрреволюции взята. Вслед за Корниловым отступает Каледин. В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы.

Вся власть Советам — таков лозунг нового движения...

---

[1] Ленин, Марксизм и восстание, Соч., т. XXI, стр. 199.
[2] Сталин, Об Октябрьской революции, стр. 19, Партиздат, 1932 г.

На прямой вопрос, поставленный жизнью, требуется ясный и определенный ответ.

За Советы или против них!» [1].

Чрезвычайно искусно обходя цензурные препятствия, товарищ Сталин дал блестящий образец широкой агитации за вооруженное восстание в открытой печати.

Руководящие статьи товарища Сталина перепечатывались большевистскими газетами Москвы, Белоруссии, Поволжья.

«В России происходит решающий процесс вырастания новой власти, действительно народной, действительно революционной, ведущей отчаянную борьбу за существование, — писал товарищ Сталин в следующем номере «Рабочего пути». — С одной стороны — Советы, стоящие во главе революции, во главе борьбы с контр-революцией, которая еще не разбита, которая только отступила, благоразумно спрятавшись за спиной правительства. С другой стороны—правительство Керенского, которое покрывает контр-революционеров, которое сговаривается с корниловцами (кадеты!), которое объявило войну Советам, стараясь их разбить, чтобы самому не быть разбитым.

Кто победит в этой борьбе — в этом теперь вся суть... основное теперь не в выработке общей формулы «спасения» революции, а — в прямой поддержке Советов в их борьбе с правительством Керенского» [2].

Партия вступила в период организации штурма. Руководясь статьями товарищей Ленина и Сталина, местные организации перестраивали свою работу, переносили центр тяжести всей пропаганды и агитации на подготовку вооруженного восстания.

Проведение ленинской линии в центральном органе вызвало протесты Каменева. Презренный предатель пытался задержать мобилизацию масс. 20 сентября на заседании Центрального комитета Каменев протестовал против слишком резкого, по его мнению, тона газеты и возражал против отдельных выражений в статьях. Центральный комитет вынес по этому поводу специальное решение:

«Откладывая подробное обсуждение вопроса о ведении ЦО, ЦК признает, что общее направление его целиком совпадает с линией ЦК» [3].

Центральный комитет большевиков полностью одобрил линию центрального органа, который в редакционных статьях товарища Сталина спокойно и твердо проводил ленинские установки о подготовке вооруженного выступления.

Подготовка вооруженного восстания велась в крайне конспиративных условиях. В Петрограде на тайную квартиру товарищ Сталин вызывал к себе представителей районов и с-глазу-на-глаз инструктировал их, какие части готовить к бою, какие учреждения занимать в районе, как перестроить агитацию. Иногда в области

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 168, 170.

[2] Там же, стр. 170—171.

[3] Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 69.

посылались письма, часто шифрованные, с изложением нового курса. Пользовались нарочными, по большей части из состава ЦК.

21 сентября Центральный комитет обсуждал тактические меры, вытекающие из курса на восстание. Нужно было решить вопрос об уходе с Демократического совещания. Совещание, собственно, доживало последние часы. Эсеро-меньшевики, продолжая обман масс, решили закончить заседания Демократического совещания и выделить из его состава Совет Российской республики. Это был орган, напоминающий так называемую Булыгинскую думу 1905 года. Новый орган имел право задавать вопросы министрам, а последние, как в английском парламенте, могли отвечать, но могли и молчать. Совет Российской республики не имел права заставить их отвечать. Он не имел вообще никаких законодательных прав.

Эсеро-меньшевики, однако, пытались придать этому ублюдочному учреждению вид и роль парламентского института. Они называли в своих газетах новый орган Предпарламентом. Народные массы язвительно прозвали его предбанником. Большевикам приходилось, таким образом, решать, как быть с новым эсеро-меньшевистским учреждением. Центральный комитет вынес постановление: в Предпарламент не входить, бойкотировать его. Это решение было сообщено фракции Демократического совещания.

Каменев, Рязанов, Рыков на фракции выступили против решения Центрального комитета. Капитулянты, защитники капитализма, борясь против вооруженного восстания, настаивали на участии в Предпарламенте. Противникам бойкота удалось увлечь за собою большинство представителей партии на Демократическом совещании: 77 членов фракции против 50 высказались за участие в Предпарламенте, задачей которого было обмануть массы.

Противники восстания вместо борьбы за немедленное взятие власти продолжали цепляться за участие в Предпарламенте. Эту группу нужно было разоблачить и преодолеть.

Центральный комитет большевиков 24 сентября предложил партии требовать немедленного созыва съезда советов в противовес Предпарламенту, а на местах приступить к созыву явочным порядком областных и окружных съездов.

> «Долг пролетариата, как вождя русской революции, — писал товарищ Сталин в передовой статье «Рабочего пути», — сорвать маску с этого правительства и показать массам его настоящее контр-революционное лицо... Долг пролетариата сомкнуть ряды и неустанно готовиться к грядущим битвам.
>
> Столичные рабочие и солдаты уже сделали первый шаг, выразив недоверие правительству Керенского-Коновалова...
>
> Слово теперь за провинцией» [1].

За день до решения Центрального комитета большевиков, 23 сентября, эсеро-меньшевики в Центральном исполнительном комитете под давлением масс постановили, наконец, созвать II съезд советов

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 178.

на 20 октября. С 27 сентября «Рабочий путь» выходил под лозунгом: «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду советов на 20 октября! Немедленно созывайте областные съезды советов!».

29 сентября Центральный комитет постановил созвать 5 октября съезд советов Северной области, т. е. Финляндии, Петрограда и ближайших к нему городов, где господствовало большевистское настроение. В задачу съезда входило ускорить агитационную и организационную подготовку вооруженного восстания. Решения съезда должны были послужить образцом для областных съездов по всей стране.

Работа по подготовке вооруженного выступления во второй половине сентября приняла широкий размах и в провинции. ЦК строго распределил роли между отдельными областями. У нас, к сожалению, мало изучена Октябрьская революция на местах, и поэтому мало освещена гигантская работа партии по организации восстания на местах. Центральный комитет поручил Белорусской партийной организации, где работали тт. Фрунзе и А. Ф. Мясников, на всех узловых станциях Белорусской области поставить свои большевистские кордоны с тем, чтобы не пропустить эшелоны, идущие с западного фронта в помощь Керенскому. Такое же поручение Центральный комитет дал Полесской организации, находившейся в Гомеле, во главе которой стоял Л. М. Каганович. Через Гомель проходили эшелоны, следовавшие на Петроград и Москву. Поволжью, где работал т. Куйбышев, была дана задача, во-первых, не дать Керенскому использовать местные гарнизоны, во-вторых, взять в свои руки подготовку и сбор продовольствия для революции, готовить хлеб с тем, чтобы после победы революции направить этот хлеб в Петроград и Москву. Уральским большевикам Я. М. Свердлов написал письмо, в котором предлагал в случае неуспеха восстания в Петрограде и Москве продолжать начатое вооруженное восстание. Города и промышленные центры Урала, как Шадринск, где работал А. А. Жданов, готовили вооруженные отряды для восстания. Большевики Северного Кавказа в лице С. М. Кирова получили задание: создать угрозу для Кубани и Дона, чтобы не дать возможности Каледину бросить свои силы на помощь контрреволюции. В Донбасс был послан специальный агент Центрального комитета предупредить о восстании т. Ворошилова, который в это время был председателем большевистской организации, редактором газеты, председателем Луганского совета. В руках т. Ворошилова была сконцентрирована фактически вся власть. Представители Временного правительства никакой роли в этом районе не играли. Донбасс ожидал указаний Центрального комитета, чтобы убрать и этих представителей.

В Уфимской области продовольственные комитеты находились в руках эсеров и меньшевиков, и ясно было, что они постараются задушить революцию голодом. Поэтому большевикам Уфимской области было дано задание итти в комитеты, работать там, подго-

тавливать хлеб, грузить этот хлеб в эшелоны, но сами эшелоны ставить в тупики и выслать по требованию Центрального комитета.

В Баку организацией штурма руководили Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе и др.

Не было ни одной крупной области, которая не получила бы заданий от Центрального комитета.

Но само собой разумеется, что работа по подготовке штурма с особой широтой велась в Петрограде, где под непосредственным руководством Ленина и Сталина работали Молотов, Калинин. Андреев. Здесь в октябре был разработан план самого выступления. Предполагалось опереться на Красную гвардию, численность которой к октябрю составляла 12 тысяч вооруженных людей, на революционных моряков Кронштадтского и Балтийского флотов и отдельные части петроградского гарнизона.

3 октября, когда подготовка выступления зашла достаточно далеко, Центральный комитет постановил предложить Владимиру Ильичу переехать в Петроград, поближе к центру событий.

Решение Центрального комитета Владимир Ильич получил в Выборге, куда он перебрался из Гельсингфорса, чтобы быть ближе к Петрограду.

Через день, 5 октября, Центральный комитет постановил уйти с первого же заседания Предпарламента.

Получив постановление ЦК, Ленин 7 октября вечером прибыл в Петроград. Но посмотрите «Основные вехи жизни Ленина», приложенные к XXI тому сочинений Ленина. Вы найдете там другую дату приезда Владимира Ильича в Петроград, а именно 9 октября. Откуда взялась эта дата?

В XXI томе помещена статья Владимира Ильича «Советы постороннего». Ленин начинает свою статью такими словами:

> «Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября».

На основании этого был сделан вывод, что 8 октября Владимир Ильич еще был в Выборге.

В другой статье: «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», мы опять встречаем:

> «Я пишу эти строки в воскресенье, 8 октября, вы прочтете их не раньше 10 октября».

В примечании к этой статье составитель прямо указывает, что письмо написано в Выборге.

Но нельзя подходить к статьям Ленина с такой меркой. Разве можно забыть, что Ленин писал эти письма в подполье и тщательно скрывал от врага место своего пребывания?

К каким неправильным выводам можно притти при таком подходе, судите по следующему примеру.

В том же XXI томе помещено «Письмо к товарищам», разобла-

чающее предательство Зиновьева и Каменева. В письме, между прочим, сказано:

«Мне удалось только в понедельник, 16-го октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях».

В примечаниях отмечено, что речь здесь идет о заседании ЦК от 16 октября, но если следовать точно тексту письма, как это сделали составители по поводу первых двух статей, то выходит, что Владимир Ильич 16 октября не был на заседании ЦК, где обсуждался вопрос о восстании. А между тем все знают, что Ленин делал доклад на этом заседании.

Ясно, что Владимир Ильич в письмах своих, посвященных восстанию, писал так, чтобы не выдать места своего пребывания.

Как же была установлена точная дата прибытия Владимира Ильича в Петроград? Мы нашли того машиниста-финна, которому было поручено привезти Владимира Ильича из Выборга в Петроград. У него сохранились записные книги-календари железнодорожника на каждый год. Книжек много, накопились они за долгие годы работы. В этих календарях машинист записывал ежедневно, какой паровоз он ведет, куда и т. д. Перелистывая календарь, мы натолкнулись на запись под датой 7 октября: «Старик приехал». Показали эту запись машинисту. Он вспомнил, что «старик» была конспиративная кличка Ленина. В этот день был перевезен Ленин.

Мы нашли, далее, у жены хозяина, скрывавшего Ленина на квартире в Выборге, дневник, в котором аккуратная финка записывала крупнейшие события. Наряду с событиями, не имеющими для нас значения, указано, что 7 октября Ленин уехал в Петроград поездом в 4 часа 25 минут. Проверили по железнодорожному расписанию. Нашли такой поезд, идущий из Выборга в Петроград. Уже после этого нам удалось найти еще одно свидетельство того, что Ленин был до 9 октября в Петрограде. На второй день после приезда Ленин встретился с товарищем Сталиным. Встреча состоялась 8 октября.

Так была уточнена дата приезда Ленина.

Прибыв в Петроград, Ленин вошел в курс всей подготовительной работы.

К этому моменту в международной и внутренней обстановке произошли сдвиги, которые по-новому поставили перед партией вопрос о вооруженном выступлении.

Прежде всего в германском флоте, стоявшем в Кильской гавани, произошло восстание моряков. Моряки пяти крейсеров подняли красные флаги, сошли на берег, чтобы поднять на восстание гарнизон. Моряки крейсера «Нюренберг» выбросили за борт своих командиров, разведя пары, двинулись в Норвегию на соединение с русской революцией. Окруженный подводными лодками и миноносцами, корабль вынужден был сдаться. Был суд, многие моряки были расстреляны. В движении приняло участие около 10 тыс.

моряков германского флота. Замолчать движение было трудно. Кое-какие сведения появились в рейхстаге. Ленин понял, что революционные выступления международного рабочего класса, которые он предсказывал и которые готовили борцы за кордоном, не за горами.

К нашим услугам сейчас воспоминания Пуанкаре, сборники сведений, которые цензура задерживала в 1917 году. Все эти материалы подтверждают наличие революционной ситуации во Франции и Англии.

Резко изменилось соотношение сил и внутри страны. Отовсюду поступали сведения о росте крестьянского восстания, национально-освободительного движения, движения в армии. Революция за месяц далеко шагнула вперед. С другой стороны, контрреволюция принимала свои меры. Керенский явно собирался сдать Петроград немцам, чтобы сапогом германских империалистов задушить революцию.

С этой целью из Петрограда предполагали вывести гарнизон, якобы для обороны города от немцев, а на самом деле, чтобы вырвать гарнизон из-под влияния большевиков. Все это по-иному ставило вопрос о вооруженном восстании.

10 октября вечером состоялось заседание Центрального комитета большевиков. Тов. Свердлов сообщил о положении на северном и западном фронтах. Настроение там большевистское. Гарнизон в Минске на нашей стороне. Но там что-то готовится со стороны контрреволюции. Между Ставкой и штабом фронта происходят таинственные переговоры. К Минску стягиваются казаки, идет агитация против большевиков. Видимо, готовятся окружить и разоружить революционные войска.

После Свердлова выступил Ленин с докладом по текущему моменту. Подробно остановившись на международном и внутреннем положении, Владимир Ильич особо указал на важность всесторонней технической подготовки восстания.

> «Политически, — подвел итог Ленин, — дело совершенно созрело для перехода власти... Надо говорить о технической стороне. В этом все дело» [1].

Ленин дважды в докладе подчеркнул, что политическая обстановка созрела и речь идет о самом моменте восстания. Владимир Ильич прямо предлагал «для начала решительных действий» воспользоваться Северным съездом советов и готовностью к выступлению большевистски настроенного минского гарнизона.

Ленин был убежден в необходимости немедленного выступления, ибо дальнейшее «промедление смерти подобно», и предлагал воспользоваться любым поводом для начала восстания в Петрограде или в Москве, в Минске или Гельсингфорсе. Но решающий бой при всех этих условиях, независимо от повода и места начала восстания, должен был разыграться в Петрограде — политическом центре страны, там, где был очаг революции.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 326.

Для Ленина, таким образом, речь шла теперь уже о назначении срока восстания.

Свои выводы Ленин предложил в короткой резолюции, с исключительной четкостью и яркостью излагавшей директиву партии:

«Ц. К. признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)» [1].

На заседании Центрального комитета против Ленина выступили два предателя — Каменев и Зиновьев.

Центральный комитет большевиков дал решительный отпор защитникам капитализма. Презренных капитулянтов никто не поддержал. Резолюция Ленина стала директивой всей большевистской партии.

Подготовка к вооруженному восстанию вступила в решительную фазу. Прежде всего решено было открыть Северный съезд советов, перенесенный с 10 октября в связи с заседанием ЦК. 11 октября состоялась фракция съезда. Ее информировали о решении ЦК. Затем открылся самый съезд, прошедший с небывалым подъемом. Все его резолюции дышали призывом к решительным действиям. Эти резолюции служили примером и для других областных съездов. Затем был организован легальный советский штаб восстания.

Как раз накануне знаменитого заседания ЦК, 9 октября, был опубликован приказ Временного правительства о выводе войск из города под предлогом борьбы с немцами, якобы собиравшимися высадить десант. В тот же день собрался Исполнительный комитет Петроградского совета и большинством одного голоса протащил резолюцию: «Энергично готовиться на случай необходимости вывода частей гарнизона из Петрограда для защиты подступов к нему».

С целью оказать помощь правительству в выводе гарнизона было решено создать особый Комитет революционной обороны.

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 330.

На другой день Петроградский совет отменил эту меньшевистскую резолюцию и принял другую: «Правительство Керенского губит страну... Спасение Петрограда и страны — в переходе власти в руки Советов...».

12 октября на закрытом заседании Исполкома Петроградского совета большинством голосов против двух было постановлено войска гарнизона не выводить, создать для наблюдения за этим решением Военно-революционный комитет. 13 октября солдатская секция Петроградского совета утвердила организацию военно-революционных комитетов. Военно-революционный комитет стал легальным советским штабом восстания.

В основу плана восстания было положено указание Владимира Ильича, данное в письме «Марксизм и восстание». Предполагалось кроме петроградских частей вызвать в столицу балтийских моряков из Гельсингфорса, для чего был разработан условный текст телеграммы: «высылай устав». Это значило: восстание началось, высылайте броненосцы и отряд моряков.

В каждом районе были созданы тройки в составе председателя совета, партийного организатора района, как назывались раньше секретари райкомов, и представителя Красной гвардии района. Эти тройки взяли на учет все воинские учреждения, все банки, все правительственные учреждения своих районов. По районам точно разработали, какой отряд Красной гвардии занимает то или иное учреждение, какая часть районной Красной гвардии идет в Смольный. Представители ЦК объехали все узловые станции вокруг Петрограда, проверили, созданы ли там большевистские кордоны, чтобы не пропускать эшелоны Керенского. Большевистским организациям было приказано в случае необходимости обезоруживать солдат.

Москва была предупреждена о том, что восстание будет начато в ближайшие дни. Москва, в свою очередь, предупредила Иваново, Шую, Орехово и т. д. Каждый город получил точные указания. Был разработан специальный шифр для сношений со всеми областными центрами.

В эти же дни, между 10 и 15 октября, по указанию Центрального комитета в большинстве областей произошли областные съезды советов — в Поволжье, в Сибири, на Украине, в Белоруссии. Подавляющее большинство съездов вслед за Северным съездом вынесло решение о передаче всей полноты власти в руки советов.

Критический момент быстро приближался.

Владимир Ильич предложил созвать 16 октября вторичное заседание ЦК, расширенное, вместе с представителями мест, профсоюзов, военных организаций Петроградского и Московского комитетов большевистской партии. Заседание имело задачу — познакомить более широкие круги партии и партийного актива Петрограда с принятыми мерами. Заседание состоялось вечером 16 октября. Присутствовало на заседании около 30 человек. Большинство докладчиков с мест сообщило, что настроение в союзах и в армии

переливает через край, массы ждут призыва к восстанию. Владимир Ильич доложил, что 10 октября ЦК принял решение о немедленном восстании. Сообщил, что против восстания высказались только Зиновьев и Каменев.

За Владимиром Ильичем выступил Свердлов, который рассказал, что партия насчитывает 400 тыс. человек, распределенных крайне удачно: в Петрограде — 50 тыс., в Москве с областью — 70 тыс., на Урале — 40 тыс. и т. д. Такое сосредоточение в виде ударных групп всемерно повышает роль большевистской партии: она поведет за собой несравненно большее число сторонников.

После выступления Свердлова, сообщившего о том, какие подготовительные мероприятия проведены в Москве, Минске, Белоруссии и других областях, начались прения. Против Владимира Ильича снова выступили предатели Зиновьев и Каменев. Они умоляли отсрочить восстание на пять, на три дня. Сокрушительный отпор капитулянтам дал товарищ Сталин.

> «То, что предлагают Каменев и Зиновьев, — говорил товарищ Сталин, — объективно приводит к возможности для контр-революции сорганизоваться. Мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию. Почему бы нам не обеспечить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности сорганизоваться контр-революции?» [1].

ЦК с презрением отбросил доводы защитников буржуазии и утвердил резолюцию, предложенную Владимиром Ильичем. После этого члены Центрального комитета перешли в соседнюю комнату, и здесь, на закрытом заседании, было постановлено для руководства восстанием создать Партийный центр во главе с товарищем Сталиным.

Заседание Центрального комитета затянулось и кончилось 17 октября на рассвете. Члены Партийного центра получили задание — войти в состав легального советского центра восстания, т. е. в состав Военно-революционного комитета, чтобы изнутри руководить работой, стать душой восстания. Члены Партийного центра разошлись выполнять постановление. Восстание предполагалось не позже 20 октября — дня, намеченного для II съезда советов.

Разбитые в Центральном комитете, Зиновьев и Каменев пошли на неслыханное предательство. Они написали в меньшевистскую газету «Новая жизнь» письмо о своих разногласиях по вопросу о восстании. Это письмо попало в руки редактора Суханова. Тот передал письмо своим собратиям по партии. Тайна восстания была выдана врагу. Сразу же собралось бюро меньшевистского ВЦИК. Эсеры и меньшевики тут же на совещании постановили: отсрочить созыв II съезда советов с 20 октября до 25 октября и предложить всем областным организациям и прежде всего военным принять участие в съезде.

Маневр мелкобуржуазных контрреволюционеров был чрезвычайно простой. Эсеры и меньшевики предполагали, что отсрочкой

[1] И. Сталин, На путях к Октябрю, стр. 211.

съезда до 25 октября они могут внести некоторую дезорганизацию в ряды борцов революции. С другой стороны, маневр был рассчитан на то, чтобы использовать отсрочку и сделать съезд эсеро-меньшевистским. До этого эсеры и меньшевики были против съезда, игнорировали съезд, а сейчас занялись лихорадочной подготовкой съезда, надеясь взять его в свои руки.

Вследствие предательства Зиновьева и Каменева Временное правительство узнало о приготовлениях большевиков. Керенского вызвали из Ставки.

18 октября утром в меньшевистской газете «Новая жизнь» было напечатано письмо Зиновьева и Каменева, и одновременно с газетой в полки гарнизона прибыл спешный и совершенно секретный приказ командующего Петроградским военным округом полковника генерального штаба Полковникова. В этом приказе требовалось принять следующие меры: 1) подавить всякое выступление в городе, 2) всех являющихся с агитацией за вооруженное восстание арестовывать и доставлять в штаб округа, 3) разбить город на отдельные районы, в этих районах организовать конные и пешие заставы, имеющие задачей подавить любое брожение, 4) запретить все митинги и сборища.

Кроме того, из близлежащих городов были вызваны юнкерские школы. Гарнизон Зимнего дворца был увеличен и доведен до 1600 человек. На фронт была послана телеграмма с требованием выслать войска. По прямому проводу связались с командующим северным фронтом генералом Черемисовым, который должен был выслать кавалерию и самокатчиков для подавления восстания. Изъяли из рук городского управления милицию и передали ее в ведение военных властей. В самую милицию влили около 600 отборных офицеров, преданных Временному правительству.

Короче, были приняты такие меры, что восстание не могло состояться в ближайшие дни. Если бы большевики выступили 19—20 октября, они попали бы в ловушку врага. Восстание пришлось отсрочить. Такова практическая цена предательства Зиновьева и Каменева.

Отсрочить восстание, однако, не означало снять его. Вынужденную отсрочку Центральный комитет использовал для более широкой мобилизации сил и более тщательной подготовки. Прежде всего был пересмотрен план вооруженного выступления, на случай, что враги могли как-нибудь узнать о деталях этого плана. Решено было использовать не только 12 тыс. зарегистрированных красногвардейцев, но и увеличить их число за счет многих тысяч рабочих, не принятых в Красную гвардию за отсутствием оружия. Огромное количество оружия находилось в Петропавловской крепости и в Кронверкском арсенале. Рабочие, обслуживавшие арсенал, сообщили Военно-революционному комитету, что правительство отправляет на Дон более 10 тыс. винтовок. Действительно, учитывая возможность победы большевиков в Петрограде, контрреволюция заранее готовила плацдарм на Дону, куда посылались

артиллерия, пулеметы, винтовки. По предложению Партийного центра, в Петропавловку был послан представитель Военно-революционного комитета в качестве комиссара. Его задачей было контролировать действия коменданта крепости и прежде всего не допустить отправки оружия на Дон. Комендант крепости пренебрежительно отнесся к комиссару и отказался его принять. Комиссар вышел на площадь и обратился с речью к солдатам и рабочим арсенала. Получасовой речи оказалось достаточно, чтобы возбужденные солдаты и рабочие вернулись вместе с комиссаром в кабинет коменданта крепости. Комендант кинулся к телефону для доклада командующему войсками, а комиссар сел за стол и стал подписывать ордера на выдачу оружия. Откуда-то, как из-под земли, появились грузовые машины, на них быстро погрузили ящики с оружием, и винтовки были отправлены в адрес Путиловского, Обуховского и других крупных заводов Петрограда. Винтовки, предназначавшиеся для отправки на Дон, благодаря бдительности рабочих оказались в руках большевиков.

Для того чтобы завоевать на свою сторону весь гарнизон, в полки были посланы комиссары Военно-революционного комитета. В ночь с 20 на 21 октября комиссары появились в полках. Скоро было разослано 200 комиссаров, а в ближайшие дни число их выросло до 600.

В задачи комиссаров входило: изолировать командный состав, при сопротивлении — арестовать его, создать в каждом полку ядро преданных революции солдат, вооружить их и быть готовыми к выступлению по указанию Военно-революционного комитета. Комиссары подтянули гарнизон ближе к Военно-революционному комитету. Для окончательного завоевания гарнизона был создан постоянно действующий орган, а именно Совещание представителей полков. Каждый день с 6 часов вечера сотни представителей полков приходили в Смольный и здесь выслушивали жгучие речи большевистских агитаторов. После этого расходились по полкам, разнося атмосферу революционного подъема. Эти меры привели к тому, что в Октябре на стороне большевиков боролись не только отдельные части, а подавляющее большинство Петроградского гарнизона.

Успех деятельности комиссаров позволил послать военных комиссаров в штаб военного округа, в самое сердце контрреволюции. По предложению Военно-революционного комитета, три представителя его явились в штаб военного округа и заявили, что ни один приказ не будет исполнен без подписи Военно-революционного комитета.

Командующий Петроградским военным округом полковник генерального штаба Полковников отказался принять комиссаров. Штаб округа 22 октября попытался разослать свои приказы через голову комиссаров. Через полчаса Полковников убедился, что большевики не шутили. Все приказы, разосланные Полковниковым, вернулись

с надписью: «Без подписи Военно-революционного комитета не подлежит исполнению».

Встревоженный Полковников доложил об этом заместителю председателя Совета министров Коновалову. Тот помчался в Зимний дворец с докладом Керенскому.

Назначение в полки комиссаров и требование Военно-революционного комитета присылать на утверждение все приказы штаба округа были поняты правительством как начало фактического захвата власти советами.

Последние дни Временное правительство жило под знаком возрастающей тревоги. Большевики держали правительство в состоянии напряжения.

Все газеты были полны слухов, «достоверных сообщений», намеков, предсказаний.

> «В первом часу ночи на 15 октября, — писала кадетская «Речь» 15 октября, — в управление столичной милиции из разных комиссариатов стали поступать вести о каких-то передвижениях вооруженных красногвардейцев».

На следующий день та же газета писала:

> «Большевики готовят наступление. Прежде они для соблюдения условной лжи делали вид, что они против выступлений. Теперь они распоясались и ничего не стесняются».

18 октября сообщалось:

> «Большевики готовятся к кровавому бенефису лихорадочно, упорно, настойчиво. Добывают оружие, разрабатывают планы действия, занимают опорные пункты».

19 октября:

> «К предстоящему выступлению большевиков спешно вооружаются рабочие фабрик и заводов. 17 и 18 октября было выдано оружие — винтовки и револьверы — рабочим главной цитадели большевиков — рабочим Выборгского района. 18 октября получили оружие рабочие Большой и Малой Охты и Путиловского завода».

20 октября:

> «Мы подошли вплотную к двадцатым числам октября, с которыми уже не только Петербург, но и Россия связывает новые тревоги и ожидания. Надо отдать справедливость большевикам. Они используют все средства, чтобы поддержать тревогу на должной высоте, чтобы обострить ожидание и довести нервное напряжение до той крайности, когда ружья начинают сами стрелять».

Каждый день министры просыпались с вопросом: выступят ли сегодня большевики? Заместитель министра председателя Коновалов рассказывал корреспонденту газеты:

> «В течение дня 16 октября Временному правительству точно не был известен день выступления большевиков. Еще накануне во Временное правительство стали поступать сообщения о том, что большевики решили выступить не 20-го, как все предполагали,

а 19-го. Повидимому сами большевики еще точно этого вопроса не решили»[1] — утешал себя Коновалов.

Для Временного правительства дело осложнялось тем, что большевики готовили штурм под видом обороны. Это являлось особенностью большевистской тактики в эти дни.

«Революция, — писал товарищ Сталин, — как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы»[2].

Постоянное напряжение, в котором большевики держали правительство, вызвало разброд и развал в самом правительстве. Временное правительство не выходило из кризиса. То тот, то другой министр подавали в отставку. Подал в отставку министр юстиции Малянтович. Не успели замять его дело, как военный министр Верховский заявил об уходе.

Утром 23 октября Военно-революционный комитет довел до всеобщего сведения, что им назначены комиссары во все воинские части гарнизона. В обращении говорилось:

«Комиссары, как представители совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов».

Объявление Военно-революционного комитета усилило тревогу правительства. Керенский лихорадочно подтаскивал к Петрограду силы. Особенно значительные силы были направлены в Москву. Нет сомнения, что кто-то из предателей тайно уведомил врагов о предположении Ленина начать выступление в Москве. Меры, принятые правительством, в частности, объясняют нам, почему в Москве восстание затянулось на несколько дней: контрреволюция успела подготовиться.

Спешные меры, принятые Керенским, позволяли ему надеяться, что войска подойдут в ближайшие часы.

Но Керенский не знал, хотя бы приблизительно, дату выступления большевиков. Тут на помощь Временному правительству пришло предательство Троцкого. На вопрос одного из солдат в Петроградском совете, готовят ли большевики восстание, Троцкий ответил, что выступление большевиков нужно отсрочить до 25 октября, до дня II съезда советов. Не надо было быть Керенским, чтобы сделать отсюда вывод: раз называют дату 25 октября, то очевидно, кто-то связывает с этой датой какое-то намерение. Керенский решает опередить этот срок на два дня.

Керенский вызвал к себе вновь назначенного управляющего военным ведомством генерала Маниковского и главнокомандующего северным фронтом генерала Черемисова. Оба генерала сообщили о мерах, принятых для борьбы с большевиками.

23 октября вечером в кабинете у Керенского состоялось секрет-

---

[1] Материалы редакции «Истории гражданской войны».

[2] И. Сталин, Об Октябрьской революции, стр. 64, Партиздат, 1932 г.

ное заседание чинов штаба округа. Генерал Багратуни, начальник штаба, доложил подробно о мерах, принятых против выступления большевиков.

Собрание командиров частей у Керенского наметило выступление на 24 октября. План был принят и передан командирам полков.

Разошлись поздно ночью.

Командир Финляндского полка дал план переписчику для размножения на пишущей машинке. Переписчик сделал лишнюю копию и доставил ее в ту же ночь в руки Военно-революционного комитета.

Военно-революционный комитет, в свою очередь, из-за предательства Троцкого решил начать выступление не позже 24 октября. Полученный экземпляр плана Керенского только подтвердил правильность такого решения, ибо стало ясно, что контрреволюция пытается предупредить выступление революции. По распоряжению Военно-революционного комитета, из каждого полка были вызваны по два связиста, которые остались ночевать в Смольном.

24 октября часов около 6 утра юнкера в сопровождении милиции на машинах явились в типографию «Рабочего пути» и предъявили ордер Временного правительства от 23 октября на право конфискации газеты и арест редактора. Рабочие отказались подчиняться, потому что на ордере не было подписи Военно-революционного комитета. Началась перебранка. На шум стали собираться рабочие, спешившие на фабрики и заводы. Среди собравшихся были красногвардейцы. Один из них сообщил о налете на «Правду» секретарю Рождественского райкома партии. Тот позвонил товарищу Сталину на квартиру. Товарищ Сталин спросил, много ли юнкеров.

— Не много, десятка полтора.

— Ладно, — ответил товарищ Сталин, — вышлю броневики.

Товарищ Сталин сразу позвонил в автобронедивизион, преданный большевикам, и одновременно предупредил Военно-революционный комитет о том, что Керенский предпринял разгром «Правды». Военно-революционный комитет послал связистов из Литовского полка подымать две дежурные роты. Роты вышли на улицу и двинулись к Смольному. Вокруг типографии за это время собралось много народу, юнкера испугались и удрали, захватив 8 тыс. номеров газеты. К типографии скоро подошли солдаты, броневик. Печатание газеты возобновилось.

Часов около 10 утра Керенский, занимавший комнаты Александра III (видимо, готовясь в Наполеоны, он привыкал к кровати венценосцев), спустился вниз, в канцелярию Временного правительства. Керенский сообщил министрам о начале выполнения плана атаки на большевиков. Министры порекомендовали Керенскому выступить с этими вестями на заседании Предпарламента, чтобы заручиться его содействием. Получив от Полковникова заявление, что войска с фронта высланы, что самокатчики появятся в Петрограде 24-го и навстречу им высланы доверенные люди, Керен-

ский поехал в Предпарламент. Там шло заседание. Министр Никитин, меньшевик, читал длинный и скучный доклад о продовольственных беспорядках по всей стране. Делегаты бродили по кулуарам. Вдруг появился Керенский. Его взволнованный вид привлек внимание. Депутаты стали заполнять зал. Как только Никитин покинул трибуну, его место занял Керенский и сразу начал:

— Считаю себя обязанным процитировать вам здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете «Рабочий путь».

Керенский, прерываемый криками с мест, стал цитировать те места из статьи Ленина «Письмо к товарищам», в которых, бичуя предателей Зиновьева и Каменева, Ленин аргументировал за вооруженное выступление. Речь свою Керенский истерически закончил:

— Таким образом, я должен установить перед Временным советом Российской республики полное, явное, определенное состояние известной части населения Петербурга, как состояние восстания.

В зале начался шум. С мест от Керенского требовали объяснений, как он допустил до выступления, какие меры приняты. Вдруг среди шума по лестнице, ведущей к трибуне, стал подниматься Коновалов. Он передал Керенскому какую-то записку. Керенский нервно пробежал ее и поднял руку, показывая, что желает продолжать свою, казалось бы, законченную, речь.

Наступила тишина. Керенский продолжал:

— Мне представлена копия того документа, который рассылается теперь по полкам.

И в притихшем зале Керенский прочитал:

«Петроградскому совету грозит опасность. Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейшего распоряжения. Всякое промедление и неисполнение приказа будут считаться изменой революции. Военно-революционный комитет».

Поднялся невообразимый хаос. Депутаты с кулаками бросились к трибуне. Керенского обвиняли в начавшемся восстании. От него требовали принятия самых срочных мер. В 2 часа 5 минут Керенский, провожаемый аплодисментами и получив согласие от всех партий на любые действия против большевиков, помчался в Зимний дворец принимать меры против восстания.

Каково же происхождение документа, который прочитал Керенский? Пока Керенский произносил свою истерическую и длинную речь, в Смольном собралось заседание Центрального комитета большевиков. Здесь без всяких речей и потери времени было решено: Дзержинскому занять почту и телеграф, в Кронштадт послать оказавшихся в Петрограде двух представителей Кронштадтского совета, предупредить Москву о начавшемся вооруженном восстании, для чего сегодня послать туда одного представителя, завтра — другого, вызвать из штаба 2 тыс. красногвардейцев,

т. Свердлову организовать наблюдение за каждым шагом Временного правительства.

Словом, в ход была пущена вся тщательно подготовленная машина восстания.

Когда около 3 часов по распоряжению Керенского юнкера появились у мостов, чтобы развести их и отрезать рабочие районы от центра, войска контрреволюции застали там красногвардейцев, моряков, солдат гарнизона, давно посланных распоряжением Военно-революционного комитета, настолько давно, что красногвардейцы у Николаевского моста успели прикурнуть, и юнкера, напав на них врасплох, захватили мост.

Узнав о налете на мост, Военно-революционный комитет дал приказ комиссару крейсера «Аврора» высадить десант и отбить мост.

Часам к 5 Петропавловская крепость окончательно перешла на сторону революции.

К 5 часам был занят и телеграф. Немедленно было передано шифрованное сообщение во все области о том, что восстание началось.

Ленину была послана записка с характеристикой принятых распоряжений. Владимир Ильич в тревоге ожидал сведений. Между 3 и 4 часами явилась хозяйка квартиры. Хозяйка не могла проехать через Николаевский мост, оказавшийся в руках юнкеров, так что ей пришлось ехать кругом. Об этом она сообщила Владимиру Ильичу. Ленин быстро написал записку и просил отнести ее в Смольный. Ленин просил разрешения выйти. Хозяйка отнесла записку в Выборгский райком, оттуда позвонили в Смольный. Товарищ Сталин ответил, что выходить опасно.

Получив ответ, Ленин написал второе письмо, довольно длинное. Это то самое знаменитое письмо, которое помещено в XXI томе Сочинений и начинается словами:

> «Товарищи!
>
> Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...
>
> Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.... ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью» [1].

С этим письмом хозяйка отправилась в Смольный. Трамваи не шли. Пришлось итти пешком. Пока она пробиралась в Смольный и обратно, Центральный комитет послал за Лениным. На квартире хозяйка застала агента ЦК, который прибыл за Лениным. Чтобы избавиться от лишнего свидетеля, Владимир Ильич в третий раз написал записку и послал хозяйку в Смольный. Когда она верну-

---

[1] Ленин, Письмо членам Ц. К., Соч., т. XXI, стр. 362.

лась, в квартире было темно. Хозяйка вошла. Нет никого. На столе стоят два прибора, как и было приготовлено с вечера. На дне одной из глубоких тарелок хозяйка заметила записку: «ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил».

Оказалось, что Владимир Ильич натянул парик и, обвязав щеку платком, в сопровождении агента ЦК вышел на улицу. Дальнейший путь Ленина вы знаете по кинокартине «Ленин в Октябре». Остановлюсь только на тех деталях, которые опущены или даны с изменениями.

По дороге их нагнал трамвай, направлявшийся в парк. Владимир Ильич вскочил на переднюю площадку. Вагон вела женщина. Владимир Ильич спросил:

— Куда вы мчитесь?

Она ответила:

— Эх, ты, а еще рабочий. Не знаешь, куда едем. Едем буржуев бить.

Услышав такой ответ, Владимир Ильич стал излагать ей смысл происходящих событий. Спутник Владимира Ильича стоял, как на иголках: трамвай был переполнен, кто-нибудь мог выдать Владимира Ильича. По счастью, трамвай сворачивал в депо. Владимир Ильич соскочил с трамвая.

С большим трудом к полуночи добрались до Смольного. Владимир Ильич поднялся на второй этаж, уселся, не снимая парика, на подоконник и послал за товарищем Сталиным. В это время вышел из зала заседаний меньшевик Дан со свертком подмышкой, развернул сверток и говорит спутникам:

— Ужасно голоден. Не хотите ли французской булки с колбасой?

Дан стал разворачивать сверток, нечаянно кинул взгляд на окно, пригляделся и, видимо, узнал Ленина. Дан стал тихо свертывать свой сверток и поплелся к двери. Остальные, посмеиваясь и перемигиваясь, поплелись за Даном.

Вошел товарищ Сталин и сообщил Ленину о всех принятых мерах.

После полуночи вестники восстания помчались по городу, вызывая новые отряды. Отряды эти, по заранее намеченному плану, занимали правительственные учреждения без сопротивления охраны. В одном месте солдаты заявили, что не сдадут своих постов. Красногвардейцы скинули винтовки, но тут выяснилось, что солдаты не сдадут своих постов Временному правительству и охотно сдадут свои посты Военно-революционному комитету. На посту остались оба отряда.

В 1 час 25 минут был занят почтамт. В 2 часа ночи захвачены вокзалы, электростанция. Немедленно был выключен свет в Зимнем дворце. В 6 часов утра был занят Государственный банк. Так социалистическая революция сразу исправила ошибку Парижской коммуны, оставившей банк в руках контрреволюции.

В 7 часов утра был занят Дворцовый мост под самыми окнами

Керенского. Выглянув в окно, Керенский увидел красногвардейские штыки. Керенский понял, что о наступлении не может быть и речи. Он кинулся в штаб округа. Полковников, который вчера еще держался самоуверенно, сегодня, на рассвете 25 октября, заявил, что ни один полк не вышел, отказались даже выступить казаки. Районные штабы Красной гвардии ночью окружили вооруженными отрядами казачьи полки. Как только казаки открыли ворота, они наткнулись на пулеметы. Так же своевременно были окружены некоторые юнкерские училища, например, Павловское. Керенский понял, что единственное спасение — в бегстве.

Он решил обратиться к иностранным державам. Был послан адъютант к итальянскому военному атташе с просьбой дать машину. Итальянский военный атташе ответил, что он охотно даст свою машину главковерху, но у него нет бензина. Италия, как известно, — страна бедная: возможно, нехватило бензина. Адъютант помчался к американскому атташе. Тот сказал, что машину даст, но потребовал показать ему главковерха. Любопытный янки был доставлен в Зимний дворец, увидел Керенского и пожал ему руку. Керенский сел в машину под американским флагом и выехал на площадь.

Красногвардейцы, увидев флаг нейтральной державы, пропустили машину. Керенский выбрался на Невский и быстро помчался в Царское Село, а оттуда на фронт, в Псков.

Своим бегством бывший председатель последнего буржуазного правительства Керенский признал победу революции в Петрограде. Впрочем, революция в этом признании уже не нуждалась. В 10 часов утра 25 октября Владимир Ильич в Смольном написал знаменитое обращение «К гражданам России».

> «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.
>
> Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.
>
> Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян»[1].

В 11 часов утра 25 октября Керенский мог уже видеть этот манифест, наклеенный на всех заборах, домах. В руках у Временного правительства оставался небольшой клочок — собственно Зимний дворец. Без выстрелов были заняты все правительственные учреждения. Все подступы к Петрограду были в наших руках.

Зимний решено было атаковать, как только подойдут моряки из Гельсингфорса и Кронштадта. Однако кронштадтский отряд задержался. Была штормовая погода. При формировании появились

---

[1] Ленин, К гражданам России! Соч., т. XXII, стр. 3.

неожиданные затруднения: вызывали 10 моряков, а приходило 100 добровольцев. Все это затянуло отправление.

Пока подходили отряды, в Петрограде в 2 часа 35 минут открылось чрезвычайное заседание Совета, на котором впервые после 110 дней вынужденного отсутствия выступил Ленин. В короткой речи Ленин сообщил о победе революции. Владимир Ильич говорил:

> «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» [1].

Петроградский совет постановил передать все 3 тыс. членов Совета в распоряжение ВРК.

Едва закончилось заседание Совета, как в устье Невы появились корабли из Кронштадта. Моряки быстро высадились и заняли свои места. Блокада Зимнего была завершена. Стали готовиться к атаке. Предполагалось, что на Петропавловской крепости взовьется красный флаг, после чего «Аврора» должна дать выстрел из 6-дюймовой пушки. Это будет сигналом атаки Зимнего дворца. Щадя силы революционной армии и не желая разрушать Зимний, ВРК решил предъявить Временному правительству ультиматум. На простом клочке бумаги набросали предложение сдать дворец под угрозой артиллерийского обстрела. Ультиматум взялся передать рядовой самокатчик. Вынув носовой платок и помахивая им, как белым флагом, самокатчик направился к дворцу. Юнкера проводили парламентера в помещение штаба округа, связанное с Зимним. Там самокатчика встретил Кишкин, назначенный диктатором города после бегства Керенского, и оба его заместителя — Пальчинский и Рутенберг.

Самокатчик вручил ультиматум. В спешке забыли указать срок ультиматума, и самокатчик от своего имени дал на размышление 20 минут.

Захватив ультиматум, Кишкин побежал во дворец посоветоваться с правительством. Временное правительство занимало Малахитовый зал, из окна которого были видны Петропавловская крепость и крейсер «Аврора». Прежде чем ответить, решено было посоветоваться со Ставкой. В силу ли предательства, может быть, в силу нераспорядительности, сопровождавшей первые шаги деятельности восставших масс, но какой-то провод уцелел. По этому проводу Временное правительство соединилось со Ставкой. Лента этого разговора попала в наши руки.

Духонин сообщил, что войска высланы, и предложил держаться до их прихода.

Получив эти сведения, министр внутренних дел меньшевик Никитин связался по телефону с Москвой. Оказалось, что телефонистки, за спиной у которых стояли наши революционные солдаты, пользуясь неопытностью контролеров, соединили Временное

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 4.

правительство с городским головой Москвы эсером Рудневым. Ему сообщили об ультиматуме, о разговоре с Духониным и решении не сдаваться. В случае ареста Временного правительства на Руднева возлагалась обязанность создать новое правительство.

Между тем 20 минут истекли. Самокатчик потянул за рукав генерала Пораделова и потребовал ответа. Пораделов попросил еще 10 минут, пока он сговорится с Зимним. Самокатчик на свой страх и риск дал ему еще 10 минут. Пока генерал звонил во дворец, самокатчик спустился на улицу, где под покровом темноты стали накапливаться красногвардейцы. Ровно через 10 минут двери штаба распахнулись, вошли красногвардейцы и арестовали висевшего на телефоне Пораделова и всех офицеров штаба.

Известие о взятии штаба было понято как падение Зимнего. Все приготовления к атаке были отложены, и члены командования помчались в Зимний, а оттуда их огрели пулеметной очередью. Пока разъяснилось недоразумение, наступил 9-й час вечера. Владимир Ильич из Смольного прислал записку в адрес командующего революционными войсками под Зимним с требованием немедленно атаковать Зимний. В 9 часов с Петропавловской крепости был дан предупредительный выстрел, вслед за этим ухнула 6-дюймовая пушка «Авроры». Атака началась.

Красногвардейцы на руках выкатили 3-дюймовую пушку под арку, ведущую на площадь, и в упор дали два выстрела по Зимнему. Один снаряд отбил карниз, другой — взорвался в комнате рядом с той, в которой находилось Временное правительство. Министры перебрались во внутренние покои дворца. Они прогуливались вдоль Фельдмаршальского коридора, как вдруг сверху раздался крик: «берегись!». Над баллюстрадой нагнулся матрос с бомбой в руках. Кинулись наверх, там оказалась целая группа моряков, успевших пробраться во дворец. Группу смельчаков захватили.

Первая атака была отбита, но появление красногвардейцев во дворце внесло разложение в ряды его защитников. Чтобы поднять настроение, Пальчинский собрал часть юнкеров в зал и стал произносить речь. Он сказал, что войска Керенского подходят к Петрограду и заняли Лугу, в 30 километрах от Петрограда.

Вдруг в тишине кто-то иронически крикнул:

— Луга не в 30, а в 130 километрах от Петрограда. Надо знать географию.

Впечатление от речи было испорчено. Пальчинский, так и не закончив речи, ушел. Часть юнкеров потопталась на месте, вскинула ружья на плечи и ушла из Зимнего. Во дворце все же оставалось больше девятисот вооруженных юнкеров, не считая офицеров.

Для того, чтобы сломить сопротивление защитников Зимнего, из Петропавловской крепости был открыт артиллерийский огонь. Выпустили до 30 снарядов. Одновременно начался ружейный и пулеметный огонь. Временное правительство должно было с мину-

ты на минуту пасть. Никитин последний раз связался с Городской думой. Член кадетской фракции Думы Кускова успела ему сообщить, что к Зимнему дворцу направляется делегация всех партий. Оказалось, что члены Городской думы обсуждали вопрос, итти или не итти в Зимний дворец. На трибуне появился министр Прокопович, который жаловался, что его не пускают в Зимний.

— Сейчас, когда умирают наши избранники, забудем все партийные счеты и пойдем умирать все, — предложил Прокопович.

Начали голосовать, умереть или не умереть. Стали выступать один за другим депутаты, поднимали руку и торжественно заявляли: «Я, Иван Иванович Иванов, желаю итти умирать». Желание умирать высказал и городской голова Пятигорска, случайно оказавшийся в столице.

Вышли на улицу, стали строиться. В это время вернулись делегаты, ездившие в Зимний дворец. Депутаты Городской думы вернулись в помещение. Вестники сообщили, что их не пустили ни на крейсер «Аврора», ни в Зимний дворец.

На трибуне появилась графиня Панина и заявила, что если депутатов не пускают в Зимний дворец, то они могут стать перед пушками и умереть перед Зимним дворцом.

Снова депутаты вышли на улицу и стали строиться. Но в это время прибежали представители Всероссийского крестьянского совета с просьбой подождать, пока подойдут члены Крестьянского совета. В третий раз вернулись в помещение Думы, опять поговорили, поголосовали, потом вышли и уже в темноте стали строиться. Пошли к Зимнему дворцу. По дороге встретили отряд из семи матросов. Вступили с ними в пререкания. Моряки ответили:

— Военно-революционный комитет приказал никого не пропускать.

В толпе раздались гневные крики. Матрос, повысив голос, резко скомандовал:

— Отправляйтесь по домам и оставьте нас в покое!

Для политических мертвецов достаточно было небольшого окрика, чтобы они повернули назад.

Да и следовать к Зимнему было уже поздно.

Ровно в 11 часов раздался одиночный винтовочный выстрел — знак последней атаки. Красногвардейцы со всех сторон бросились ко всем подъездам Зимнего дворца. Кое-где их отбили, но в большинстве подъездов они пробились и стали рассыпаться по залам первого и второго этажей. Очень быстро добрались до комнаты, где помещалось Временное правительство, и арестовали его. Тут же переписали арестованных, устроили перекличку и направили в Петропавловскую крепость. Шли по Троицкому мосту. Из крепости их не узнали, открыли стрельбу. Министрам приказали лечь. Через несколько минут стрельба прекратилась. Министров подняли и в мокром, перепачканном виде доставили в Петропавловку. Говорят, когда министров рассаживали по камерам, то один из них сказал Урицкому, назначенному комендантом крепости, что

помещение сырое и очень тесное. Урицкий ответил: вы сами строили эти казематы, пеняйте теперь на себя.

Известие о взятии Зимнего было послано в Смольный, где Владимир Ильич предложил открыть заседание II Всероссийского съезда советов. Заседание задержалось из-за затянувшихся заседаний фракций эсеров и меньшевиков. В числе делегатов съезда эсеров и меньшевиков было немного меньше 100 человек.

Съезд под бурные овации выслушал известие о падении Зимнего дворца.

На этом заседании съезда не было выступлений товарищей Ленина и Сталина. Организаторы победы революции в это время занимались исключительной важности работой. Временное правительство оставило в Петрограде хлеба на два дня, предполагая, что большевики в качестве первого подарка принесут народу голод. В течение суток Ленин и Сталин организовали несколько вооруженных отрядов, во главе каждого поставили большевика, дали задание обыскать весь город, обшарить все станции, открыть все вагоны, но хлеб для революции найти. 26 октября у вождей революции была сводка: найдено хлеба на 10 дней. Только после этого Ленин появился в зале Смольного. Получив слово, Ленин в течение многих минут не мог начать речи: делегаты приветствовали в его лице вождя и организатора победившей революции. Между двумя взрывами оваций Ленину удалось начать свой доклад. Без всяких торжественных вступлений Ленин начал с чтения декрета о мире. И это спокойное, деловое начало характеризовало суровый облик революции, характеризовало всю предстоящую работу. Вторично Ленин выступил в этот день с декретом о земле, по которому более 150 млн. гектаров бывшей помещичьей, казенной и монастырской земли перешло в руки трудящегося крестьянства. Третий раз разразилась овация, когда было объявлено о создании Совета народных комиссаров — первого в мире рабоче-крестьянского правительства первой в мире победившей социалистической революции. Председателем Совнаркома был утвержден Ленин, а председателем Совета по делам национальностей был утвержден Сталин, вместе с Лениным создавший большевистскую партию, вместе с Лениным подготовивший Великую Октябрьскую революцию, вместе с Лениным руководивший ею и одержавший победу.

Ни одна революция в мире не была такой бескровной, как революция в Петрограде.

После многолетних поисков мы нашли список убитых и раненых. Оказалось, что в Петрограде убитых числилось 8—10 человек, а раненых — 50.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)», этом великом сталинском повествовании, с исключительной глубиной сказано о причинах победы революции.

Великая Октябрьская социалистическая революция победила прежде всего потому, что

«имела перед собой такого, сравнительно слабого, плохо организованного, политически мало опытного врага, как русская буржуазия»[1].

Русский капитализм появился на мировой арене, когда все места под солнцем оказались занятыми странами более раннего и высокого развития. Пробиться к доходным местечкам можно было только обладая крепкими локтями и дюжими кулаками. И тем и другим владел царизм со своей огромной полуторамиллионной армией.

Царизм нужен был русской буржуазии и как полицейская сила для борьбы с пролетариатом. Отсюда поддержка буржуазией царизма, особенно его внешней грабительской политики. В этой поддержке, в частности, можно найти ответ на вопрос, почему в России так долго держался царизм, свергнутый только в феврале 1917 года.

Но уже Крымская кампания показала, что соперничество с капиталистической Европой не по силам царской России. Неудачная война, в которой русская армия, вооруженная кремневыми ружьями, была разбита нарезным оружием, сорвала завесу с мнимого могущества царизма: Россия предстала перед изумленным миром в виде колосса на глиняных ногах. Чтобы нагнать упущенное и вырваться из иностранной зависимости, нужно было ускорить рост крупной промышленности. Царизм стал поощрять постройку железных дорог, металлургических заводов. Капиталистам выдавалась денежная помощь, субсидия. Для охраны своих капиталистов от конкуренции дешевых товаров правительство организовало высокий таможенный барьер. За ввоз иностранных товаров брали высокую пошлину.

И то и другое вело к обиранию масс. Деньги для субсидий капиталистам выколачивали с народа. Из-за покровительственного тарифа народ переплачивал на каждом гвозде, на каждом аршине ситца. В Петербурге в конце XIX века листовое железо продавалось по 3 р. 4 к. — 3 р. 25 к. за пуд, а в Лондоне оно стоило 1 р. 13 к. — чуть ли не втрое дешевле. На одном только ситце трудящиеся России переплачивали ежегодно свыше 120 млн. золотых рублей.

Опекаемая правительством промышленность росла все же недостаточно, чтобы угнаться за вооружениями Западной Европы. Приходилось вновь и вновь обращаться к иностранному капиталу. Иностранцы охотно давали взаймы. Международному капиталу казалось, что никакая революция не сметет царизма.

Французы, англичане, немцы, бельгийцы, чтобы обойти высокие тарифные барьеры, принялись строить заводы в самой России.

Царизм оказался в заколдованном кругу. Во имя избавления от иностранной зависимости в России создавалась крупная промышленность. Капиталы, нужные для этого, брали за границей, а это

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 202.

усиливало зависимость от иностранных капиталистов. Так вековая отсталость страны неизбежно вела к все большей зависимости от иностранного капитала.

Русско-японская война и особенно революция 1905 года вновь бросили царизм с протянутой рукой на колени перед иностранным капиталом. Парижская биржа — в то время сердце мирового ростовщического капитала — пришла на помощь царизму. Он нужен был ей для борьбы с германскими фабрикантами. Он нужен был для того, чтобы выколачивать проценты по старым русским займам. Он нужен был для того, чтобы охранять фабрики и заводы иностранных капиталистов в России, и прежде всего царизм нужен был для того, чтобы раздавить революцию, искры которой могли зажечь пожар и по ту сторону границ.

Государственный долг России неудержимо рос. Займов едва хватало царизму для того, чтобы оплачивать проценты по старым долгам.

Оправившись от поражений на фронте и раздавив на деньги иностранных империалистов революцию, царизм окончательно поплелся на поводу западноевропейского капитала. Ряд важнейших отраслей промышленности был отдан буквально на откуп иностранцам. В русской металлургии французы и англичане распоряжались более 70% всех предприятий. На долю германских капиталистов приходилось более 10%. Металлургия, паровозостроение, производство вагонов, машиностроение, уголь, нефть почти полностью находились в руках иностранцев.

Во время империалистической войны зависимость России от иностранного капитала резко усилилась. Царская Россия воевала на деньги французских и английских империалистов. За три года войны иностранные долги увеличились втрое — с 4½ млрд. золотых рублей до колоссальной цифры в 12 млрд.! Сокращая или увеличивая свои кредиты, иностранные империалисты могли направлять политику русского царизма по-своему. Россия, по существу, стала полуколонией, в которой послы Англии и Франции чувствовали себя некоронованным властителями. В угоду хищническим интересам иностранных империалистов гибли миллионы русских рабочих и крестьян. За политику крепостников-помещиков и буржуазии, сохранявших отсталость страны и зависимость от иностранного капитала, расплачивались неисчислимыми жертвами трудящиеся России.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года не внесла никаких изменений. Перемена лиц в правительстве не изменила империалистического характера войны: и при буржуазном Временном правительстве война осталась грабительской, а продолжать ее приходилось за счет тех же кабальных займов иностранных империалистов.

«С точки зрения мировой политики и всемирного финансового капитала, — писал Ленин, — правительство Гучкова-Милюкова

просто приказчики банковой фирмы: «Англия и Франция», орудия продолжения империалистской бойни народов»[1].

Весь ход исторического развития российского капитализма, его отсталость и зависимость от иностранцев объясняет слабость, недостаточную опытность русской буржуазии.

«У нее не было, — так написано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — ни опыта политических комбинаций и политического надувательства в большом масштабе, каким обладает, например, французская буржуазия, ни школы мошеннических компромиссов большого размаха, которую имеет, например, английская буржуазия»[2].

Не помогли русской буржуазии соглашатели — эсеры и меньшевики. В течение многих лет борьбы большевики разоблачили эсеров и меньшевиков как агентов буржуазии. В бурные месяцы революции 1917 года большевики глубокой и широкой агитационно-пропагандистской работой изолировали соглашательских агентов империалистской буржуазии, и «буржуазия и ее Временное правительство оказались повисшими в воздухе».

Другой причиной быстроты и успешности социалистической революции было то, что

«Во главе Октябрьской революции стоял такой революционный класс, как рабочий класс России, класс, закаленный в боях, прошедший в короткий срок две революции и завоевавший к кануну третьей революции авторитет вождя народа в борьбе за мир, за землю, за свободу, за социализм»[3].

Положение рабочих в старой России было необычайно тяжелым. Изнурительной рабочий день в $12^{1}/_{2}$ часов, а у текстилей — даже в 14—15 часов, выматывал все силы. Безработица вечной угрозой висела над головой рабочего. Мало того, ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком изобилии крепостнические пережитки, как в царской России. Диктатура крепостников-помещиков мешала развитию капитализма. В царской России рабочие страдали вдвойне: и от капитализма и от недостаточного развития капитализма, от бесправия всего народа. Поэтому в первых же своих выступлениях рабочий класс возглавил революционное движение всех демократических элементов города и деревни против царизма. Своей решительностью и стойкостью рабочий класс будил и поднимал на борьбу против самодержавия всех трудящихся, все народы «тюрьмы народов», как называл Ленин царскую Россию.

Еще в первой своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанной в 1894 году, Ленин предсказал, что

«...Русский рабочий, поднявшись во главе всех демократи-

---

[1] Ленин, О задачах Р.С.-Д.Р.П. в русской революции. Соч., т. XXX, стр. 315.

[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 202.

[3] Там же, стр. 203.

ческих элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) **прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции**»[1].

Это гениальное предвидение величайшего вождя сбылось.

Долгими годами своей борьбы пролетариат подготовлялся к роли руководителя и выступал гегемоном, признанным руководителем масс.

Третьей причиной победы являлось то обстоятельство, что

«Рабочий класс России имел такого серьезного союзника в революции, как крестьянская беднота, составлявшая громадное большинство крестьянского населения»[2].

В старой России бедняки составляли 65% всего населения. Десятки миллионов людей жили впроголодь. Безземелье, непомерные налоги душили крестьянскую бедноту. 30 тыс. помещиков имели более 60 млн. гектаров земли, заставляя работать на себя крестьян, как в эпоху крепостничества.

Большевики с первых же дней существования партии вели огромную работу среди крестьянской бедноты. Широкие массы крестьянства поняли, что добьются земли, мира, хлеба только под руководством партии Ленина—Сталина.

«Это обстоятельство, — сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — послужило реальной основой союза пролетариата и крестьянской бедноты. Наличие союза рабочего класса и крестьянской бедноты определило и поведение середняков, которые долго колебались и только перед Октябрьским восстанием повернулись, как следует, в сторону революции, присоединившись к крестьянской бедноте»[3].

Октябрьская социалистическая революция была народной революцией. Большевики отвоевали массы у эсеров и меньшевиков. Подавляющее большинство трудящихся поддержало пролетариат, возглавляемый большевистской партией.

Немалое значение в успехе Великой социалистической революции имела международная обстановка. Весь империалистический мир был расколот на два враждебных лагеря. Шла мировая империалистическая война. Вцепившись друг другу в горло, ни англо-французский блок, ни германский не могли оказать непосредственной военной помощи русской буржуазии. Перед сокрушительным натиском пролетариата, руководившего основной массой трудящихся, не могла устоять предоставленная самой себе русская буржуазия. Недаром Ленин назвал победное и быстрое распространение Великой социалистической революции по всей стране триумфальным шествием революции.

Но главной причиной победы революции являлось то, что во главе ее стояла испытанная боевая, революционная партия боль-

---

[1] Ленин, Соч., т I, стр. 200

[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 203.

[3] Там же.

шевиков. Руководимая Лениным и Сталиным, партия сумела разгромить троцкистско-бухаринских и зиновьевско-каменевских изменников, сплотила под своим знаменем пролетариат. Гибкой и умелой тактикой партия сумела убедить всех трудящихся в правоте большевистских идей и увлечь народные массы в решительный бой.

«Только такая партия, как партия большевиков, — со сталинской силой записано в учебнике, — достаточно смелая для того, чтобы повести народ на решительный штурм, и достаточно осмотрительная для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели, — только такая партия могла так умело соединить в один общий революционный поток такие различные революционные движения, как общедемократическое движение за мир, крестьянско-демократическое движение за захват помещичьих земель, национально-освободительное движение угнетенных народов за национальное равноправие и социалистическое движение пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата» [1].

Удачное стечение международной обстановки знали и другие революции. Большинство народа имели на своей стороне многие революции. Выгодное соотношение сил сопровождало ряд революций. Но ни одна из них не руководилась такой последовательно революционной, самоотверженной и мудрой, крепко сплоченной и гибкой партией, как большевики. Руководство партии Ленина—Сталина было тем основным условием, которое в последнем счете определило ход и исход Великой Октябрьской социалистической революции, организованной и руководимой гениями человечества — Лениным и Сталиным.

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 204.

1929 ГОД—ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

Н. Л. РУБИНШТЕЙН

В истории нашей партии есть годы, которые являются важнейшими гранями, поворотными этапами исторического развития. Эти поворотные этапы подтверждают известный закон диалектики — «переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения». Постепенные, исподволь нарастающие изменения в экономике, в производственных отношениях, в сознании людей — все это проявляется в бурном движении масс, возглавляемом партией большевиков, и дает новое состояние, новое качество.

Свыше десяти лет отделяют нас от такого поворотного этапа в истории партии и в истории нашей страны. 1929 год вошел в историю не только Советского Союза, но и в историю человечества, по определению товарища Сталина, как «год великого перелома».

1929 год — не просто поворотный этап, не просто переломный год, это год в е л и к о г о перелома потому, что в это время совершился поворот к решительному наступлению социализма по всему фронту, решительный перелом в области производительности труда, исторический поворот середняка в сторону колхозов, поворот к массовому колхозному движению и к ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Каковы же предпосылки этого великого перелома, его содержание и его историческое значение?

Партия в 1926 году стала организовывать массы на борьбу за осуществление сталинского лозунга социалистической индустриализации страны, подготовленной победоносным завершением восстановительного периода. В кратчайший срок в итоге восстановительного периода были залечены раны, нанесенные народному хозяйству империалистической войной и интервенцией, был достигнут довоенный уровень народного хозяйства. Но этот довоенный уровень, которого мы достигли к началу периода борьбы за социалистическую индустриализацию, был уровнем отсталой страны.

Требуется немалое усилие, чтобы представить себе сейчас нашу страну такой, какой она была в 1926—1928 годах, всего 12—14 лет тому назад, страну без Днепрогэса, без Магнитогорского комби-

ната, Харьковского и Челябинского тракторных заводов, без сотен и тысяч мощных предприятий, выросших за годы сталинских пятилеток.

«Наша страна, — по выражению товарища Сталина, — переживала тогда период жесточайшего голода в области техники»[1].

Определяющим для сельского хозяйства страны в те годы было наличие 25 млн. раздробленных крестьянских хозяйств. К весне 1928 года в колхозах было всего 1,7% общего количества крестьянских хозяйств. Тракторов было очень немного. В 1928 году насчитывалось 13 тракторных колонн (МТС были созданы позднее), причем эти колонны состояли, как правило, из маломощных фордзонов. Тракторные колонны обрабатывали площадь в 76 тыс. га, примерно площадь среднего, не особенно большого района на юго-востоке нашей страны.

В 1928 году техническое вооружение сельского хозяйства СССР составляло 4,6 млн. косулей и сох и 14 млн. конных плугов; три четверти всей посевной площади в Союзе засевалось рукой, из лукошка и, наконец, почти половина всего урожая обмолачивалась таким примитивным орудием, как цеп. Достаточно сказать, что в конце 1928 года было вынесено решение:

«Соху ликвидировать в течение 3 лет», причем указывалось, что «замена сохи плугом есть одно из проявлений прогрессивных течений в сельскохозяйственном машиностроении»[2].

Даже тогда, когда в результате огромных усилий, в результате борьбы партии под руководством товарища Сталина был завершен восстановительный период, наша страна оставалась еще технически отсталой.

Эта техническая отсталость сказалась и на оборонной мощи нашей страны. Тов. Ворошилов, выступая на I съезде колхозников-ударников, дал наглядную картину военного оснащения Красной Армии до года великого перелома.

«Мы были, — говорил он, — плохо или во всяком случае недостаточно вооружены, гораздо хуже, чем армии крупных капиталистических государств.

...Мы унаследовали от старой армии очень худое вооружение — и по качеству и по количеству. Была винтовка, был станковый пулемет, была трехдюймовка, было небольшое количество более тяжелых орудий, и этим в основном исчерпывалось все наше вооружение. В то же время наши возможные противники уже тогда имели... много дальнобойных тяжелых пушек, мощные гаубицы, много танков, прекрасную авиацию, химические войска, богатейшие средства связи, инженерные войска, могущественный морской флот и много других вещей, созданных для того, чтобы драться и побеждать»[3].

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 487, изд. 11-е.

[2] Орджоникидзе, Избранные статьи и речи, стр. 292, Госполитиздат, 1939 г.

[3] Ворошилов, Статьи и речи, стр. 540—541, Госполитиздат, 1937 г.

Что же было достигнуто в экономике нашей страны за первые три года периода социалистической индустриализации? Что дало возможность партии и советской власти подготовить и организовать бурное движение народных масс в год великого перелома? Поворот трудящихся масс крестьянства к социализму подготовлен был всем предыдущим ходом развития, в первую очередь развитием социалистической индустрии и тех ее отраслей, которые снабжают деревню сельскохозяйственными машинами. Продукция промышленности и сельского хозяйства уже к концу 1927 года превысила довоенный уровень. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве к 1928/29 году составлял 48,7%, на несколько процентов выше довоенного уровня. Социалистический сектор в промышленности вырос с 81% в 1924—1925 годах до 86% в 1926—1927 годах, вытеснив частный сектор.

Это означало, что в области промышленности вопрос «кто кого» предрешен в пользу социализма. Промышленность уже в самом начале периода индустриализации росла огромными, невиданными до того темпами. Достаточно сказать, что крупная социалистическая промышленность за 1927 год дала 18% прироста продукции по сравнению с 1926 годом.

В сельском хозяйстве дело обстояло иначе. Хотя в целом сельское хозяйство перевалило довоенный уровень, однако валовая продукция его главной отрасли — зернового хозяйства — достигла лишь 91% довоенного уровня, а товарная часть зерновой продукции едва доходила до 37% довоенного уровня.

В своем историческом выступлении «На хлебном фронте» товарищ Сталин показал причины такого положения сельского хозяйства в нашей стране. До войны было около 16 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств, а в результате ликвидации помещичьего землевладения имелось к 1928 году около 25 млн. крестьянских полупотребительских, малотоварных хозяйств. Они давали товарного хлеба всего лишь 11,2% всей суммы своей продукции. Основой хлебных затруднений в 1928 г. было медленное развитие товарности нашего сельского хозяйства при усиленном росте потребности в товарном хлебе. На XV съезде ВКП(б), вошедшем в историю как съезд коллективизации, партия, руководимая товарищем Сталиным, приняла решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. XV съезд ВКП(б) дал директиву о дальнейшем наступлении на кулачество.

Задача коллективизации сельского хозяйства была развита товарищем Сталиным в целом ряде исторических выступлений в 1928 году.

«Выход, — говорил товарищ Сталин в мае 1928 года, — состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального кре-

стьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии»[1].

Главная задача, которую поставил товарищ Сталин перед партией, перед всеми трудящимися, было — ускоренными темпами перевооружить, перестроить нашу промышленность. В этом был ключ к укреплению оборонной мощи страны социализма, находящейся в капиталистическом окружении. В этом был ключ к социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Эта великая задача требовала накопления средств, требовала жертв, жесточайшей экономии во всем.

> «Необходимо было поэтому, — говорил товарищ Сталин, — вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно итти вперед к великой цели, не допуская колебаний и неуверенности в своих рядах»[2].

Партия, следуя директивам XV съезда ВКП(б), опираясь прочно на бедноту и укрепляя союз с середняком, в 1928 году перешла в решительное наступление против кулачества, которое было окрылено выступлениями правых против партии Ленина — Сталина. Бой кулачеству был дан по самому острому вопросу — по вопросу о хлебе, потому что в это время кулаки организовали хлебную стачку, отказываясь продавать Советскому государству накопившиеся у них излишки хлеба. Товарищ Сталин говорил, что кулацкая хлебная стачка была первым серьезным в условиях нэпа выступлением капиталистических элементов деревни против советской власти. Кулаки прятали, гноили хлеб, продавали его по спекулятивным ценам, убивали партийных и советских работников, поджигали колхозы и государственные ссыпные пункты. Партия и правительство в 1928 году применили по отношению к кулакам чрезвычайные меры. На основании статьи 107 Уголовного Кодекса у кулаков и спекулянтов, которые отказывались продавать Советскому государству хлеб по твердым ценам, конфисковались по суду хлебные излишки. Был повышен сельскохозяйственный налог на кулаков. Одновременно 35% маломощных крестьянских хозяйств освобождались от сельскохозяйственного налога. 25% конфискованного кулацкого хлеба получала беднота.

Кулацкое сопротивление было сломлено, и к концу 1928 года Советское государство уже располагало необходимым запасом хлеба.

Решающей предпосылкой великого перелома было укрепление рядов нашей партии. Партия успешно разоблачила троцкистов-зиновьевцев и правых капитулянтов, реставраторов капитализма, злейших врагов партии и народа. Троцкистско-зиновьевский блок в конце 1927 года был идейно разбит и разгромлен организационно; троцкисты-зиновьевцы превратились в клику политических двурушников, в банду подлых врагов народа.

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 188, изд. 11-е.

[2] Там же, стр. 488.

В 1928—1929 годах партией под руководством товарища Сталина был нанесен жесточайший удар правым капитулянтам, правым реставраторам. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится, что кулацкая душа правых капитулянтов не выдержала именно тогда, когда мы стали наступать на кулака; тогда правые реставраторы стали открыто выступать в защиту кулачества.

«...Бухаринско-рыковская группа, выступившая против партии в связи с переходом партии в наступление на кулачество, не имела уже возможности маскировать свое капитулянтское лицо и вынуждена была защищать реакционные силы нашей страны и, прежде всего, кулачество — открыто, без прикрас, без маски» [1].

Зимой 1928 года, разбив сопротивление правых капитулянтов, партия провела в жизнь сталинские директивы о разгроме хлебной стачки кулаков. Партия под руководством товарища Сталина нанесла удар правым на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года, когда Бухарин, Рыков и прочие атаманы правых капитулянтов, оперируя провокационным письмом Фрумкина, требовали снижения расходов на капитальное строительство, т. е. прекращения развития тяжелой индустрии, отказа от развития колхозов и совхозов, что дало бы возможность безграничного развития кулацкого хозяйства.

Товарищ Сталин разоблачил гнусные маневры правых на VI конгрессе Коминтерна и показал партии и Коминтерну предательскую позицию правых капитулянтов и в международных вопросах.

Исключительное значение имел разгром правых летом 1928 года в московской организации, где реставраторы капитализма развернули подрывную работу, которая заключалась в панических «информациях» о трудностях, в попытках всячески восстановить московскую организацию против ЦК партии. Правые проповедывали уступки кулачеству; Бухарин и его контрреволюционная школка, Угланов и другие выступали против развития тяжелой индустрии, против Днепростроя, за перемещение средств из тяжелой промышленности в легкую. Москва, утверждали правые, должна остаться «ситцевой». Подрывная работа правых облегчалась тем, что они уже в это время создали конспиративную организацию, в которую входил Ягода и др. Повторяя попытки троцкистов в 1920 и 1923 годах, правые хотели внести разложение в ряды большевиков столичной партийной организации. Но их расчеты провалились. Предупрежденные товарищем Сталиным, московские большевики выбросили из своих рядов капитулянтов.

«Победа правого уклона в нашей партии, — говорил товарищ Сталин на пленуме МК и МКК в октябре 1928 года, — развязала бы силы капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране» [2].

Правые полностью перешли, как и троцкисты, на позиции поли-

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 280.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 208—209.

тического двурушничества: нанявшись на службу иностранным разведкам, они стали проводить подрывную работу против партии и советской власти, против народа.

Осенью 1928 года Рыков и Бухарин, еще раньше связанные с главарями троцкистов-зиновьевцев, дали своим агентам директиву усилить контрреволюционную работу. Рыков говорил участнику право-троцкистского блока, немецкому шпиону Чернову: «Вы, Чернов, являетесь наркомторгом Украины, сидите на весьма ответственном участке работы. Ваша задача заключается в том, чтобы ...добиться озлобления середняка путем распространения на середняцкие массы деревни тех репрессивных мер, которые правительством установлены были по отношению к кулакам. Углубляйте перегибы, озлобляйте середняка». В это же самое время Бухарин дал задание другому участнику контрреволюционной организации правых, старому провокатору Иванову: «Нашей задачей является Северный Кавказ превратить в русскую Вандею».

Разоблачение партией под руководством товарища Сталина гнусных маневров правых капитулянтов сыграло огромную роль в мобилизации рабочего класса и бедняцко-середняцкого крестьянства на выполнение задач социалистической индустриализации страны и коллективизации.

Чрезвычайно важно было то, что товарищ Сталин разоблачил реставраторскую сущность, кулацкое содержание теорией правых капитулянтов.

Кулак ратовал за мирное, безмятежное развитие своего хозяйства, за свободу капиталистического накопления. На помощь кулаку приходила бухаринская «теория» «мирного врастания кулака в социализм и затухания классовой борьбы». Кулак ожесточенно боролся против совхозов и колхозов. Выражением чаяний кулака являлась «теория самотека». Кулак всеми способами протестовал против деления населения деревни на бедняков, середняков и кулаков, и в этом ему помогали правые капитулянты с их контрреволюционной «теорией», будто крестьянство является однородной, сплошной середняцкой массой. Кулаки добивались безостановочного повышения хлебных цен. Выражением этого требования кулачества явилась бухаринско-рыковская, кулацкая «теория нормализации рынка».

Вся сущность этих хитросплетений правых капитулянтов стала ясна благодаря историческим выступлениям товарища Сталина.

Партия под руководством товарища Сталина успешно разоблачила и разгромила троцкистско-бухаринскую контрреволюционную банду и повела массы по пути социалистической индустриализации страны, по пути коллективизации сельского хозяйства.

* * *

Что же означала для рабочего класса, для трудящегося крестьянства политика социалистической индустриализации страны? Уже начальный период социалистической индустриализации озна-

чал новую, гораздо большую, чем в восстановительный период, консолидацию рабочего класса. В самом деле, количество рабочих в одной лишь крупной промышленности увеличилось за один год — с 1926/27 до 1927/28 — с 2439 тыс. до 2632 тыс., или почти на 200 тыс., а все количество работников физического труда выросло на 335 тыс. Безработица сокращалась. Если раньше в семье рабочего был часто только один работник, то теперь и остальные члены семьи стали участвовать в производстве. Улучшилось материальное положение трудящихся. Реальная заработная плата рабочих неуклонно росла. Рос бюджет социального страхования. Значительно повысилась рождаемость и снизилась смертность, особенно детей.

Рост социалистической промышленности означал также рост народного дохода. Это обстоятельство было подчеркнуто товарищем Сталиным в его докладе на XVI съезде партии. Доля кулаков и городских капиталистов в народном доходе неуклонно и быстро снижалась. В 1927/28 году она была равна 8,1%, в 1928/29 году — 6,5%, а в 1929/30 году — всего 1,8%. Капиталисты, нэпманы и кулаки все более и более вытеснялись из общественного производства.

Социалистическая кооперация достигла почти монопольного положения в нашей торговле. Если в 1925/26 году еще встречались вывески частников, то в 1928/29 году эти вывески стали уже исчезать. Несмотря на то, что около 25% продуктов сельского хозяйства из-за недостатков в работе кооперации рабочие вынуждены были еще приобретать на частном рынке, все же им горазде меньше, чем раньше, приходилось покупать у частника.

Рабочий класс на деле видел огромные завоевания, которых он добился под руководством партии Ленина — Сталина.

Социалистическая индустриализация развивалась на основе укрепления независимости нашей страны от капиталистических стран, без кабальных займов, без концессий. Рабочий класс видел, как партия заботливо охраняет его интересы. Удар по кулаку, нанесенный в 1928 году разгромом кулацкой хлебной стачки, имел непосредственное, реальное значение для рабочего класса. Товарищ Сталин говорил, что на спекуляцию кулачества по линии взвинчивания цен на хлеб партия ответила таким ударом, который отбил охоту у кулаков угрожать голодом рабочим и Красной Армии. В 1929 году страна обошлась без импортного хлеба, и все же не было перебоев в снабжении хлебом.

Рабочий класс видел, как партия охраняет интересы пролетарской диктатуры, интересы рабочего класса, разоблачая и громя шахтинцев и всю компанию вредителей — агентов международного капитала, врагов рабочего класса, подготовлявших новую интервенцию. Трудящиеся нашей страны видели, что партия ведет беспощадную борьбу с защитниками реакционных сил в нашей стране, с правыми капитулянтами, реставраторами капитализма.

Рабочий класс горячо откликнулся на призыв партии к усилению темпов социалистической индустриализации, он поддержал партию в ее борьбе против правых реставраторов капитализма. Сталинские лозунги о большевистской самокритике, чистке советского аппарата, борьбе с бюрократизмом, чистке партии и чистке профсоюзного аппарата, о перестройке всех наших организаций были встречены трудящимися с огромным удовлетворением.

Лозунг большевистской самокритики, выдвинутый товарищем Сталиным еще на XV съезде партии, был им развит в борьбе с правыми капитулянтами. В докладе на активе московской организации о работе апрельского пленума ЦК ВКП(б) в 1928 году товарищ Сталин говорил:

> «Самокритика нужна нам, как воздух, как вода... Пусть партия, пусть большевики, пусть все честные рабочие и трудящиеся элементы нашей страны вскрывают недостатки нашей работы, недостатки нашего строительства, пусть намечают пути ликвидации наших недостатков для того, чтобы в нашей работе и в нашем строительстве не было застойности, болота, гниения, для того, чтобы вся наша работа, все наше строительство улучшалось изо-дня в день и шло от успехов к успехам» [1].

Товарищ Сталин подчеркнул, что особая актуальность лозунга самокритики объясняется тем, что сопротивление нашему классовому наступлению резко обострилось, и поэтому

> «...нужно поскорее освобождаться от наших ошибок и слабостей... если мы хотим укрепить революцию и встретить врагов во всеоружии» [2].

2 июня 1928 года ЦК ВКП(б) издал обращение о самокритике. В обращении говорилось, что рабочий класс в союзе с массой крестьянства, приступив к развитию нового строительства, сталкивается с давлением международного капитализма и с сопротивлением кулачества, вредителей, с бюрократизмом, косностью и волокитой.

В обращении, далее, указывалось, что в профсоюзных и партийных организациях рабочий класс тоже наталкивается иногда на гниль, чиновническое перерождение, распущенность, пьянство, злостное невнимание к нуждам масс, чванливое угодничество и подхалимство к «верхам», невежество, косность, консерватизм и рутину. Обращение призывало самым решительным образом вовлечь массы в дело социалистического строительства, организовать проверку и контроль всего аппарата со стороны миллионных масс, очистить аппарат от всех негодных элементов, развернуть самокритику, невзирая на лица, последовательно проводить внутрипартийную и профсоюзную демократию, бороться с бюрократизмом, смелее выдвигать лучших рабочих на руководящую работу.

Начась ускоренная перестройка рядов армии социалистического наступления.

---

[1] «Правда» от 18 апреля 1928 г.

[2] «Правда» от 26 июня 1928 г.

Эта перестройка нашла яркое выражение в декабре 1928 года на VIII съезде профсоюзов. Правые реставраторы пытались использовать профсоюзы как орудие против социалистического наступления. Достаточно сказать, что за 1928 год на президиуме ВЦСПС не обсуждался ни один крупный производственный вопрос. Когда снизу шли предложения повернуть профсоюзы лицом к производству, правые капитулянты во главе с Томским не только отбрасывали эти предложения, но выталкивали из профессиональных организаций их инициаторов.

На VIII съезде профсоюзов партия разгромила правых. Во главе профессионального движения стал т. Л. М. Каганович. Во всех низовых профсоюзных организациях началась перестройка. Из профсоюзов стали изгонять правых оппортунистов, бюрократов и прочие враждебные элементы.

> «Каждый рабочий почувствовал, — говорил т. Каганович, — что дело идет об очищении профсоюзов от всего гнилого, рутинного»[1].

Большой подъем вызвало в массах решение о проведении чистки советского аппарата. Из государственного аппарата было вычищено более 50 тыс. бюрократов и других враждебных элементов.

В ходе чистки выяснилось, что в советских организациях было немало злостных врагов советской власти. В одном Кубанском округе в 1929 году было вычищено 800 с лишним человек только из аппарата суда, милиции, соцстраха, биржи труда. Среди вычищенных можно было найти, например, бывшего генерал-майора Андреева, в прошлом интенданта Петербургского военного округа, активного петлюровца и гетманца, который оказался в должности... культработника профсоюза грузчиков; встречались бывшие гофмейстеры, шталмейстеры, охранники. Вся эта нечисть усилиями масс снизу, под руководством партии была вычищена из государственного аппарата.

Одновременно велась большая работа по выдвижению рабочих. Так, с весны 1929 по март 1930 года профсоюзы одной только Московской области выдвинули на руководящую работу в советские, кооперативные и другие организации более 3 тыс. рабочих и работниц.

Развернувшаяся самокритика помогла вскрыть ряд гнойников, как например, астраханское дело, где было установлено сращивание советского аппарата с частником. Меньшим по масштабу, но не менее характерным являлось кашинское дело. Оно воочию показало, что означают на практике правые «теории». В Кашине (ныне Калининской области) в руководящем аппарате засело правое кулацкое руководство. В Кашинском районе на 15 тыс. дворов насчитывалось лишь 13 мелких колхозов. Совхоз «Шепели» был при активной помощи кулацкого руководства поделен на крупные хутора, причем часть хуторов оказалась во владении бывших поме-

---

[1] XVI съезд ВКП(б), Стенографический отчет, стр. 63, 1931 г.

щиков. В торговле был взят, как говорили атаманы правых капитулянтов, курс на «здорового частника». Комиссия, обследовавшая район, обнаружила «трогательное» содружество частника и кооперации. Так, в одном магазине торговали полюбовно продавец частника и продавец кооперации; они имели одного кассира и «побратски» делили выручку.

Аппарат кооперативной торговли был также засорен. Там нашли себе пристанище попы. В Кашинском городском совете из 59 членов было 11 лишенцев; членами профсоюза коммунальников состояли бывший князь Урусов, купец Охлобыстин, бывший заводчик и урядник. Самокритика была зажата.

Когда партия с помощью рабочих, бедноты и середняков разгромила правых капитулянтов в Кашинском районе, то там с огромной быстротой двинулось вперед колхозное движение.

Правые капитулянты были разоблачены и разгромлены ЦК ВКП(б) также в Самаре, Саратове, Вологде, Владивостоке, в целом ряде других областей, причем повсюду рабочие массы, бедняцкое и середняцкое крестьянство, колхозники активно участвовали в разоблачении и в разгроме правых реставраторов капитализма.

Рабочий класс со всей ясностью сознавал, что улучшение его положения, упрочение пролетарской диктатуры неразрывно связаны с политикой партии, со сталинской политикой социалистической индустриализации страны.

Поэтому рабочий класс, идя на тяжелые жертвы, одобрял и поддерживал политику партии, помогал партии в борьбе с врагами социализма — с правыми капитулянтами. Рабочий класс твердо верил в успех генеральной линии партии Ленина — Сталина.

Что означала политика партии в период социалистической индустриализации для бедняцко-середняцкого крестьянства? Товарищ Сталин в апреле 1929 года указывал, что в 1926 году

> «...крестьянство враждебно относилось к совхозам, а колхозы третировало оно как ни к чему ненужную «коммунию». А теперь? Теперь — дело другое. Теперь имеются у нас уже целые слои крестьянства, глядящие на совхозы и колхозы, как на источник помощи крестьянскому хозяйству семенами, улучшенным скотом, машинами, тракторами. Теперь подавай только машины и тракторы, дело колхозов пойдет вперед усиленным темпом» [1].

Что же благоприятствовало перелому в сознании бедняцко-середняцких масс крестьянства?

Во-первых, развитие сельскохозяйственной кооперации, которая приучала индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела.

В 1929 году т. Андреев, который был в то время секретарем Северокавказского крайкома, докладывал в ЦК партии о выполнении

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 245.

решения ЦК ВКП(б) по работе в деревне на Северном Кавказе. Доклад этот представляет прекрасную иллюстрацию к тем предпосылкам великого перелома, о которых говорил товарищ Сталин.

В 1928 году сельскохозяйственная кооперация на Северном Кавказе охватывала уже 50% крестьян вместо 29% в 1926 году. С сельскохозяйственной кооперацией был связан целый ряд мероприятий, направлявших бедняцко-середняцкие массы крестьянства на путь коллективного, артельного производства. Так, в Северокавказском крае в 1929 году партийная организация создала институт агроуполномоченных, насчитывавший 32 тыс. человек. Это был низовой актив, который способствовал улучшению сельскохозяйственного производства, поднимал и объединял массы крестьянства. В производственные совещания на Северном Кавказе в 1929 году в деревне было вовлечено свыше 100 тыс. человек.

Вторым обстоятельством, благоприятствовавшим перелому в сознании крестьянских масс, перелому в экономике села, были успехи контрактации сельскохозяйственной продукции. Контрактация связала сельскохозяйственное производство с городом; она также была связана с производственными мероприятиями в деревне. Например, в Северокавказском крае в 1929 году 42% всей посевной площади края было законтрактовано государством.

В-третьих, наличие хорошо организованных колхозов давало крестьянину возможность проверить преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. В 1927/28 году в колхозах было 445 тыс. крестьянских хозяйств, а в 1928/29 году — 1040 тыс.

В-четвертых, важную роль играло наличие совхозов, вооруженных новой техникой. Совхозы убедили крестьянина, как говорил товарищ Сталин, в преимуществе и силе новой техники. В политическом отчете XVI съезду партии товарищ Сталин предупреждал, что было бы ошибочным в совхозах видеть лишь источник хлебных ресурсов.

> «На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации»[1].

В докладе т. Андреева содержатся интересные иллюстрации к этому положению. На Северном Кавказе совхоз «Хуторок» и МТС, которая была при нем организована, подняли 8 тыс. га крестьянской земли, организовали ряд колхозов. Совхоз «Гигант» распахал близлежащие крестьянские земли. За сортовыми семенами, за племенным скотом, за сельскохозяйственной машиной, за советом агронома бедняцкое и середняцкое крестьянство обращалось в совхозы.

В-пятых, советское правительство получило возможность финансировать совхозы и колхозы в гораздо большем масштабе, не-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр 373.

жели раньше. В 1927/28 году пролетарским государством было отпущено на финансирование колхозов 76 млн. руб., в 1928/29 году— 170 млн. руб., а в следующем году — 473 млн. руб. В декабре 1928 года был принят закон правительства, по которому колхозы в первую очередь наделялись землей, получали льготы по сельскохозяйственному налогу, в первую очередь снабжались машинами, удобрениями, сельскохозяйственным кредитом; проводилось внеочередное землеустройство колхозов — все это было записано в законе советского правительства и стало известно широчайшим массам бедняцко-середняцкого крестьянства.

Шестым и наиболее важным обстоятельством было создание ускоренными темпами индустриальной базы для технического перевооружения сельского хозяйства. Товарищ Сталин подчеркивал, что советская власть — первая власть в мире, которая оказывает систематическую и длительную производственную помощь трудящемуся бедняцко-середняцкому крестьянству.

Наконец, седьмым фактором явилась политика решительной борьбы с кулачеством и разгром саботажа кулачества во время хлебозаготовок в 1928—1929 годах, ставивших кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс.

Кулаков, говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», советское правительство разбило и пригнуло к земле на радость миллионным массам крестьянства.

Поражение кулачества в открытом бою сыграло огромную роль. Товарищ Сталин говорил, что мы добились политического просвещения бедняцко-середняцкого крестьянства в 1928—1929 годах и колхозное движение пошло более уверенными, более быстрыми темпами.

Так, на протяжении полутора-двух лет после XV съезда партии бедняцко-середняцкое крестьянство убедилось в правильности лозунга коллективизации, приняло его как свой лозунг, поддержало борьбу партии с правыми реставраторами и ответило на лозунг коллективизации массовым поворотом в сторону социализма.

Важнейшая роль в подготовке великого перелома принадлежала руководству партии, сталинским идеям.

Исторические выступления товарища Сталина — доклад на XV съезде (1927 г.), беседа «На хлебном фронте», речь на октябрьском пленуме МК и МКК (1928 г.) «О правой опасности в ВКП(б)», речь на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) (1929 г.) и другие выступления товарища Сталина — подняли на огромную высоту марксистско-ленинскую теорию строительства социализма, теорию классовой борьбы и диктатуры пролетариата, показали пути и конкретные задачи социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Товарищ Сталин показал причины обострения классовой борьбы.

«Социализм, — говорил товарищ Сталин в своей речи на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году, — успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет быст-

рее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого **падает**, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов **падает**, капиталистические элементы чуют смертельную опасность и усиливают свое сопротивление»[1].

Товарищ Сталин разбил, разгромил вдребезги все выступления правых капитулянтов, злейших врагов партии и советской власти.

Сталинские идеи указывали партии, рабочему классу и бедняцко-середняцкому крестьянству перспективы классовой борьбы, они сыграли огромную мобилизующую роль в деле решения задач социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Сталинские идеи и сталинское руководство социалистическим строительством подготовили год великого перелома.

* * *

С ростом и укреплением партии большевиков и Советского государства росло и крепло плановое руководство народным хозяйством нашей страны.

В апреле 1929 года XVI партконференция приняла первый пятилетний план, который являлся программой решительного наступления социализма по всему фронту.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества.

Самое принятие и утверждение пятилетнего плана было завоеванием партии в борьбе с правыми капитулянтами и их союзниками, которые спустя 1—2 года были разоблачены как деятели «промпартии», участники «ТКП» — контрреволюционной эсеровско-кулацкой организации, участники контрреволюционной организации меньшевиков.

Партия разгромила все попытки предателей сорвать темпы индустриализации и закабалить страну иностранному капиталу. «Минимальный» план правых капитулянтов, рассчитанный на то, чтобы сократить и обкарнать ассигнования на дело индустрии, был отвергнут. По инициативе товарища Сталина на XVI партконференции был принят оптимальный, т. е. наивысший, план первой пятилетки как обязательный при всяких условиях. Пятилетний план предусматривал вложения в народное хозяйство в сумме 64,6 млрд. руб., из них по обобществленному сектору — около 47 млрд. руб., в том числе в промышленность вместе с электрификацией — 19,5 млрд. руб. План намечал утроение довоенных размеров промышленной продукции.

Становым хребтом первой сталинской пятилетки являлась ее

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 230.

строительная программа. Половина всех капиталовложений промышленности шла на новое строительство в промышленности и на транспорте. Первый пятилетний план предусматривал напряженный, бурный темп развития социалистической индустрии. Условием выполнения пятилетнего плана — об этом говорилось в выступлениях товарища Сталина и в решениях XVI партконференции — было развернутое наступление социализма на капиталистические элементы по всему фронту как в городе, так и в деревне.

Уже первые шаги первой сталинской пятилетки показали, чего может добиться рабочий класс, когда в его руках — государственная власть, когда он ведет народное хозяйство по плановому принципу, когда вся работа по реализации пятилетки строится на основе огромного трудового подъема широких народных масс.

Товарищ Сталин указывал, что основным моментом года великого перелома явился решительный перелом в области производительности труда. Перелом этот выразился в развертывании творческой инициативы и в новом трудовом подъеме масс. К мобилизации творческой инициативы масс были направлены все усилия партии большевиков. Трудовой подъем 1929 года, как весеннее половодье, охватил рабочий класс. Социалистическое соревнование, начавшееся по инициативе комсомольцев завода «Красный выборжец» в Ленинграде, с быстротой бурного потока охватило всю страну, все фабрики и заводы, перебросилось в деревню.

Вскоре началось заключение межфабричных и межзаводских договоров на социалистическое соревнование. 8 апреля в Твери был заключен договор текстильщиков Твери, Иванова, Москвы. Вступили в социалистическое соревнование кожевники, металлисты, электрики и рабочие других отраслей промышленности.

Выполнение и перевыполнение производственного плана, всемерное ускорение темпов индустриализации, борьба с прогулами и прогульщиками, борьба с простоями — вот основные моменты, которые включались в договоры социалистического соревнования.

XVI конференция ВКП(б) приняла обращение ко всем рабочим и трудящимся Советского Союза о социалистическом соревновании. В этом замечательном документе со всей силой было подчеркнуто значение первого пятилетнего плана для решения исторических задач, стоящих перед трудящимися нашей страны. Обращение призывало к массовой инициативе и пробуждению творческой энергии масс. В обращении говорилось, что партия и рабочий класс в борьбе за выполнение пятилетнего плана должны дать сокрушительный отпор классовым врагам, бюрократам, правым капитулянтам.

В обращении говорилось, что социалистическое соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой.

> «Под знаком выполнения этих задач пролетариат СССР идет в дальнейшее наступление на классовых врагов пролетарской диктатуры.
>
> Партия зовет всех пролетариев, всех трудящихся города и де-

ревни с еще большей энергией под ленинским знаменем ВКП(б) развернуть борьбу за индустриализацию СССР, за социализм»[1].

Обращение XVI конференции ВКП(б) способствовало еще большему развертыванию социалистического соревнования, поставило дело соревнования на надежные рельсы.

20 января 1929 года впервые была опубликована статья Ленина «Как организовать соревнование». Эта замечательная статья, написанная в 1918 году, через десятилетие — в 1929 году — сыграла огромную роль. Трудящиеся вчитывались в пламенные слова великого гения пролетарской революции. Статья была напечатана во всех газетах, издана массовым тиражом; некоторые профсоюзные организации сами размножали статью Ленина и раздавали ее рабочим.

В мае был опубликован другой исторический документ — предисловие товарища Сталина к книге «Соревнование масс». Этот документ сыграл такую же важную роль, как и статья Владимира Ильича.

Товарищ Сталин в своем предисловии с замечательной глубиной указал на значение социалистического соревнования. Социалистическое соревнование есть

> «...коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся... Соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма»[2].

Далее товарищ Сталин указывал, что задача социалистического соревнования состоит в том, чтобы разбить

> «...бюрократические путы, открыть широкое поприще для развертывания энергии и творческой инициативы масс, выявить колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, и бросить их на чашку весов в борьбе с нашими классовыми врагами, как внутри, так и вне нашей страны»[3].

Товарищ Сталин подчеркивал, что главное — это выявить и мобилизовать огромные резервы, скрытые в массах, открыть широкое поприще для творческой инициативы масс; что

> «...социалистическое соревнование есть выражение деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся»[4].

Эти резервы социализма, которые таились в недрах масс, широко раскрылись в 1929 году.

Социалистическое соревнование принимало самые разнообразные формы. На ленинградском заводе имени К. Маркса зародился встречный промфинплан, который был основан на творческой ини-

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов, ч. II, стр. 365, 1936 г.

[2] Ленин и Сталин, О социалистическом соревновании, стр. 113, 1937 г.

[3] Там же.

[4] Там же.

циативе масс, на том, чтобы, учитывая скрытые ресурсы социалистического соревнования, противопоставить заданному промфинплану план еще более высокий, еще более мощный. Передовые рабочие стали подтягивать отсталые участки; зародились сквозные бригады, общественные буксиры, с помощью которых передовые заводы, фабрики, цехи подтягивали отстающих. Появились бригады ДИП — «догнать и перегнать капиталистические страны», которые повели к созданию замечательных советских станков марки «ДИП». Стало разрастаться по всей стране ударное движение, движение людей, которые показывали рекорды в деле выполнения промышленных планов. Ударное движение, распространяясь быстрыми темпами, вскоре охватило всю страну. На 1 марта 1930 года социалистическим соревнованием было охвачено не менее 2 млн. промышленных рабочих; более 1 млн. были ударниками. Трудовой подъем, подлинный героизм рабочего класса ломал все преграды, которые ставил движению классовый враг. Много было случаев травли, покушений, убийств ударников со стороны отдельных враждебных элементов, проникнувших на наши предприятия, случаев порчи машин, выведения из строя целых агрегатов. Но мощь ударного движения опрокидывала сопротивление врага, сопротивление правых капитулянтов, бюрократов, волокитчиков, лодырей, срывщиков трудовой дисциплины.

Товарищ Сталин говорил, что массы «...считают дело соревнования *своим собственным, родным делом*»[1]. Это было именно так. В Ленинграде на Пролетарском заводе т. Слободчиков, рабочий с большим производственным стажем, задумался над тем, какие можно мобилизовать ресурсы, чтобы ускорить темпы строительства социализма. Он пришел к выводу, что было бы хорошо всем рабочим по СССР отработать один праздничный день в пользу социалистической индустриализации. Тов. Слободчиков поделился мыслями со своими товарищами, работавшими на этом заводе, и встретил поддержку с их стороны. Его предложение охватило вскоре все ленинградские заводы, затем перекинулось в другие города, и 6 августа 1929 года, в день индустриализации, не было в стране такого завода и фабрики, такого цеха или агрегата, где бы в этот праздничный день не вертелись колеса, не работали станки. Огромный, невиданный трудовой подъем охватил массы. Замечательно сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», что

> «История еще не знала такого гигантского размаха нового промышленного строительства, такого пафоса нового строительства, такого трудового героизма миллионных масс рабочего класса.
>
> Это был подлинный трудовой подъем рабочего класса, развернувшийся на основе социалистического соревнования»[2].

---

[1] *Ленин и Сталин*, О социалистическом соревновании, стр. 114.

[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 284.

Рабочий класс, как указывал товарищ Сталин, шел на этот трудовой подъем для того, чтобы окончательно похоронить капитализм и построить в СССР социализм.

Рабочий класс, в особенности передовые рабочие — ударники, показал невиданные в истории примеры трудового героизма. На Магнитострое комсомольцы с пением ночами выходили на ударную работу. Когда нужно было при 40-градусном морозе монтировать железные конструкции, то впереди шли комсомольцы, а за ними — остальная молодежь. Ярко рассказывал об этом героизме Максим Горький:

«Я видел эту молодежь на месте действия в 1928 году, когда среди огромного голого поля лишь кое-где торчали железные скелеты будущего гиганта, создаваемого энергией этой молодежи в тучах пыли, оглушительном грохоте железа, в скрежете и шорохе камнедробилок, бетономешалок».

На строительстве Сталинградского тракторного завода артели строителей, пришедшие из деревень, грозили уйти из-за невыдачи спецовок. Тогда 19 молодых рабочих, смоливших в жестокий мороз полы в механосборочном цехе, написали замечательный документ начальнику строительства: «Спецодежды ввиду нашей сознательности не брать, а отдать ее тем рабочим, которые на завод только пришли, чтобы у них не создалось плохое отношение к работе».

В год великого перелома, как и в годы гражданской войны, на передовые позиции шли коммунисты и комсомольцы. Они были в первых рядах на строительстве Магнитостроя, Сталинградского тракторного завода, Днепростроя, на других стройках страны. Они показывали образцы ударной работы, они организовывали вокруг себя все более и более широкие массы рабочих.

Трудовой энтузиазм масс быстро дал свои результаты. Уже в первые месяцы социалистического соревнования на многих предприятиях был перевыполнен промфинплан. «Мы сами не верим тому, чего мы достигаем», — писали рабочие Калининской газеты «Пролетарка». Были завоеваны невиданные в истории технические рекорды. На строительстве Сталинградского тракторного завода по плану американской фирмы установка железных конструкций механосборочного цеха должна была продолжаться 163 дня. Управление строительством дало срок 62 дня, на деле соревнующиеся рабочие закончили установку в 28 дней. Это дало возможность правительству сократить срок постройки Сталинградского тракторного завода на 8 месяцев, и завод был построен в рекордно короткий срок — 11 месяцев.

28 апреля 1930 года, на 17 месяцев раньше срока, был пущен Турксиб — железная дорога протяжением в 1442 км. Были достигнуты замечательные рекорды на строительстве Днепрогэс. Годовая программа бетонных работ была установлена в 300—350 тыс. куб. м. Управление строительством предложило 417 тыс. куб. м, коллектив

рабочих, инженеров, техников, служащих — 500 тыс. куб. м, на деле было уложено 518 тыс. куб. м. Американские инженеры-консультанты, которые считали эти нормы технически абсолютно невыполнимыми, выражали свое искреннее удивление и восхищение достигнутым результатом.

Перевыполнение производственных планов стало массовым явлением, и на съезде ударников в декабре 1929 года отчеканился лозунг, который шел снизу, — лозунг выполнения пятилетки в четыре года. Известно, что этот лозунг был блестяще осуществлен.

Надо представить себе воочию Советский Союз в то время. В таких произведениях, как «Поднятая целина» Шолохова, «Время, вперед!» Катаева, «Люди из захолустья» Малышкина, мы находим художественное отображение этих замечательных дней. Вся страна как бы стала одной огромной строительной площадкой. Днепрострой, Магнитострой, Кузнецкстрой, Уралмашстрой, Комбайнострой, Сельмашстрой были не просто названиями строек, а лозунгами, мобилизовавшими широкие массы. На этих стройках шла борьба за большевистские темпы, против оппортунистов, против классовых врагов. Там завоевывались новые рекорды производительности труда. Это был подлинный фронт, фронт борьбы с классовым врагом, фронт борьбы за социализм.

Пятилетний план стал необычайно популярен в массах. Появились карты первой пятилетки; эти карты, где было намечено строительство создаваемых заводов и фабрик, получили широкое распространение в стране. Показатели пятилетки зажигали сердца людей. В каждом районе, в каждой области думали о том, как ускорить темпы, где можно и нужно организовать новое строительство. Когда т. Куйбышев на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году выступил с докладом о контрольных цифрах, то участники пленума перебивали его репликами с мест: «как ЦЧО?», «предусмотрен ли в контрольных цифрах Липецк?», «как с Киевом?». На столах кабинетов секретарей райкомов появились образцы ископаемых, графики, диаграммы, схемы и сводки о выполнении плана пятилетки на различных участках социалистического строительства. Сводки вошли в наш быт, в нашу жизнь. Один иностранный экономист, побывавший в то время в Советском Союзе, записал в своем дневнике: «Миллионы людей внезапно превратились в статистиков». Это было именно так, потому что преданность генеральной линии партии, преданность делу Ленина — Сталина стала проверяться сводками о выполнении промфинплана, о выполнении плана строительства. В 1918 году Владимир Ильич писал, что статистика из «казенной науки», какой она является в условиях капитализма, станет при социализме народной наукой. При помощи ее каждый сможет убедиться, какая коммуна лучше строит социализм. Эти великие слова сбылись.

Пятилетний план не был равнодействующей, равняющейся на узкие места, как того добивались правые предатели. План был обя-

зательной директивой социалистического наступления, директивой, рассчитанной на преодоление трудностей, на разгром классовых врагов, капитулянтов. Коммунист мог считаться коммунистом, комсомолец — комсомольцем, ударник — ударником только в том случае, если он выполнял и перевыполнял план.

Партия в борьбе за выполнение народнохозяйственного плана развернула огромную массовую работу в самой гуще рабочего класса. Лозунг о том, что судьба промфинплана решается внизу, в цехе, в бригаде, у станка, стал одним из важнейших организационных лозунгов.

Большое значение в развертывании массового движения сыграла наша печать. Достаточно сказать, что общий разовый тираж газет к XVI съезду партии вырос с июня 1929 года, всего за девять месяцев, на 100% и достиг 24 млн. экземпляров! Газеты поднимали на щит ударников, клеймили прогульщиков, капитулянтов, публиковали сводки о выполнении производственных планов.

В год великого перелома изменился в корне самый быт советских людей. Самыми популярными в стране стали слова «темпы». «ударники».

Жизнь страны в год великого перелома изменилась, потому что изменилось отношение к труду. Стала внедряться социалистическая дисциплина труда, невиданная в истории.

Борьбу с прогульщиками, лодырями стали вести сами рабочие. Из гущи рабочих масс поступали требования пересмотреть производственные нормы в сторону их повышения. Так, например, рабочие и работницы фабрики № 42 в Москве писали: «Настоящим просим в порядке соцсоревнования и понимая, что это необходимо, пересмотреть нормы в сторону увеличения». «Прошу снизить расценки с гаек, так как на них установлены расценки очень большие», — писал рабочий Люберецкого завода, комсомолец Зеленов. Таких заявлений было много по всей стране.

Теперь труд, как говорил товарищ Сталин, из зазорного и тяжелого бремени, каким он был при капитализме, стал превращаться «в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Это и двинуло вперед темпы развития всей нашей страны.

При капитализме труд не оценивается с точки зрения его действительного значения для развития общества. Социалистическое общество впервые в истории стало оценивать труд в его действительном значении для развития общества, для развития производительных сил. Это и обусловило быстрые темпы строительства социализма.

Трудовой подъем явился, как указывал товарищ Сталин, первым и основным достижением года великого перелома.

Вторым достижением в год великого перелома было разрешение в основном проблемы накопления для капитального строительства тяжелой промышленности. Без кабальных займов, без концессий мы накопили такие средства, что могли взять ускорен-

ные темпы развития производства средств производства, и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну металлическую, о чем в свое время говорил Ленин. В 1927/28 году доля производства средств производства в промышленности, которая планировалась ВСНХ, составляла 42,7%, в 1928/29 году — 44,6, а в 1929/30 году — 48%. Рост промышленности за 1929 год перекрыл наметки первой пятилетки.

Третьим достижением года великого перелома, достижением, органически связанным с первыми двумя достижениями, был поворот бедняцко-середняцких масс крестьянства от старого, капиталистического, к новому, социалистическому пути развития, перелом в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному, передовому, коллективному.

> «В колхозы, — говорил товарищ Сталин, — идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк»[1].

Бедняки и середняки воочию увидели материальные средства артельной работы, работы по-новому: на село пришли тракторы. Вот что писала «Правда» о появлении первых тракторов:

> «Первый выезд тракторной колонны произвел огромное впечатление. На соседних полях крестьяне бросали плуги и сохи и шли смотреть, как трактор полосовал почву».

В 1929 году по инициативе товарища Сталина были созданы первые машинно-тракторные станции, а на 1929/30 год уже проектировалась организация 132 машинно-тракторных станций. МТС стали опорными пунктами коллективизации.

Дело коллективизации под руководством партии пошло так быстро вперед потому, что его взяли в свои руки передовые рабочие Советской страны. За 1928 год, когда у руководства профессиональным движением стояли правые капитулянты, в деревню было послано из города всего около полутора тысяч человек. Правые капитулянты, как известно, боролись против колхозов. С чего бы они стали укреплять их? В 1929 году, после разгрома правых в деревню было послано из города 10 700 человек, а в 1930 году — около 75 тыс. человек, из них 25 тыс. передовых рабочих из Москвы, Ленинграда, Иванова и других крупнейших промышленных центров нашей страны. Посылка лучших рабочих в деревню превратилась в огромную политическую кампанию.

Количество рабочих, которые хотели поехать в деревню, намного превысило все первоначальные наметки. Московская область по предварительным наметкам должна была послать в деревню 6 тыс. человек, а заявления подали 18 тыс. рабочих.

Передовые пролетарии, которые прошли замечательную школу на заводе, помогли бедняцко-середняцкому крестьянству организо-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 272.

вать колхозы, сломить и ликвидировать кулака на основе сплошной коллективизации.

На XVI съезде партии т. Каганович привел интереснейший документ — письмо, посланное красными партизанами Центрально-Черноземной области в ЦК ВКП(б). Партизаны писали: «Приветствуем ЦК партии и благодарим за двадцатипятитысячника т. Несчастного, который выслан для смычки города с деревней, который работает 3 месяца и проявил действительную преданность делу социализма и привлек на свою сторону красных партизан, актив бедноты и всех колхозников. Просим ЦК партии давать побольше в нашу деревню таких рабочих от станка».

В художественной литературе запечатлен яркий образ двадцатипятитысячника: стоит лишь вспомнить рабочего-путиловца слесаря Давыдова из «Поднятой целины» Михаила Шолохова.

Массовое движение бедноты и середняков, направленное к строительству колхозов, встречало на своем пути ожесточенное сопротивление кулака и его агентуры — правых предателей. Классовая борьба в деревне принимала острую форму кулацкого террора против организаторов колхозов, против передовых колхозников. В одном селе кулаки вывесили «расписание» поджогов домов колхозных активистов. В газетах нередко публиковались сообщения, подобные следующему: «В Октябрьском сельсовете выстрелом в голову убит член совета т. Григорьев. Убийство произошло во время заседания сельской комиссии содействия хлебозаготовкам в присутствии многочисленных крестьян и представителя области. Заряд — смесь меди, свинца и гвоздей — был предательски пущен из обреза кулацким бандитом».

Однако мощная антикулацкая лавина колхозного движения смела сопротивление кулаков и правых капитулянтов.

Даже те колхозы, которые организовались, еще не имея тракторов, на основе обобществления старого крестьянского сельскохозяйственного инвентаря, — их товарищ Сталин метко назвал колхозами, представляющими «так сказать, мануфактурный период колхозного строительства», — даже эти колхозы давали огромный эффект. Посевная площадь колхозов составляла в 1928 году 1390 тыс. га, в 1929 году — 4262 тыс. га, в 1930 году колхозы уже запланировали распашку 15 млн. га. В 1929 году колхозы и совхозы произвели не меньше 400 млн. пудов хлеба, из коих более 130 млн. пудов товарного хлеба. Это было уже больше того количества товарного хлеба, что давали кулаки в 1927 году. Появилась «...материальная база для того, чтобы з а м е н и т ь кулацкое производство производством колхозов и совхозов» [1].

15 декабря 1929 года «Правда» опубликовала исторический документ — это была первая сводка о ходе сплошной коллективизации на Северном Кавказе.

---

[1] С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 292.

* * *

С лютой злобой и ненавистью смотрели империалисты на события, происходившие в Советском Союзе. Борьба международного капитализма против СССР резко обострилась в 1929 году. Причину этого обострения тогда же вскрыл товарищ Сталин:

«Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — «священный принцип частной собственности» [1].

Стремясь спасти этот принцип капиталистического строя, империалисты усилили дипломатическую, военную и иную подготовку интервенции против СССР. Они пытались изолировать Советскую страну, «готовили» общественное мнение в Европе и Америке, распространяя всевозможные фальшивки, сея клевету о «советском демпинге», организуя именем папы римского крестовый поход против СССР. Крупный деятель католической церкви кардинал Фаульхабер, призывая в одной из своих проповедей в Мюнхене к антисоветскому крестовому походу, говорил: «На наших глазах разыгрывается страшная трагедия. Это попытка большевизма править страной без бога... водворить культуру без веры в существование души и загробную жизнь, а народное хозяйство — без частной собственности».

Усилиями английских, французских и японских империалистов был подготовлен конфликт на Китайско-Восточной железной дороге. Англо-французские штабы по указанию своих правительств решили прощупать боеспособность Красной Армии, прочность советской власти. Известно, что Красная Армия дала беспощадный отпор войскам японских агентов — белокитайским милитаристам. Подъем широких масс трудящихся во время конфликта на КВЖД показал, что советский народ готов защитить свою родину от любого врага.

* * *

Значение года великого перелома определено в исторической статье товарища Сталина «Год великого перелома» и в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Год великого перелома означал, как говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», крупнейшие успехи социализма в промышленности, первые серьезные успехи в сельском хозяйстве, поворот середняка в сторону колхозов, начало массового колхозного движения.

Назрела задача ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства.

27 декабря 1929 года в речи на конференции аграрников-марксистов товарищ Сталин выдвинул эту задачу. Начался тот перелом, о котором в «Кратком курсе истории ВКП(б)» сказано:

«Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качествен-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 273.

ное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года». Это была революция, произведенная «...с в е р х у, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке с н и з у со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь.

Она, эта революция, одним ударом разрешила три коренных вопроса социалистического строительства:

а) Она ликвидировала самый многочисленный эксплуататорский класс в нашей стране, класс кулаков, оплот реставрации капитализма.

б) Она перевела с пути единоличного хозяйства, рождающего капитализм, на путь общественного, колхозного, социалистического хозяйства самый многочисленный трудящийся класс в нашей стране, класс крестьян.

в) Она дала Советской власти социалистическую базу в самой обширной и жизненно необходимой, но и в самой отсталой области народного хозяйства — в сельском хозяйстве.

Тем самым были уничтожены внутри страны последние источники реставрации капитализма и вместе с тем были созданы новые, решающие условия, необходимые для построения социалистического народного хозяйства»[1].

Эта революция, произведенная сверху, по инициативе государственной власти, по инициативе партии Ленина — Сталина и поддержанная миллионными массами снизу, подготовлялась всем ходом исторического развития, но нужны были особые причины, нужны были особые предпосылки для того, чтобы она развернулась и началась в 1929 году.

Статья товарища Сталина «Год великого перелома», опубликованная в день XII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 7 ноября 1929 года, показала перспективы развития нашей страны. Эта статья заканчивается известными словами:

«Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые»[2].

Движение народных масс, великий перелом, наступивший в 1929 году, был подготовлен и организован партией большевиков под руководством товарища Сталина. Сталинские идеи мобилизовали трудящихся, организовали их на борьбу с классовым врагом и его агентурой. Сталинские идеи, овладевая массами, становились

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 291—292.
[2] С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 274.

материальной силой, преобразовывали Советскую страну. Товарищ Сталин не только указывал перспективы строительства социализма, пути борьбы и побед. Он практически руководил великой стройкой. Недаром в кабинете товарища Сталина висела сводка о ходе строительства Сталинградского тракторного завода, недаром повседневно направлял товарищ Сталин работу на всех важнейших участках фронта социалистического наступления. Под водительством товарища Сталина партия вела трудящиеся массы к победе социализма.

21 декабря 1929 года страна отмечала 50-летие со дня рождения товарища Сталина. Этот день стал демонстрацией любви и преданности трудящихся своему вождю.

1929 год — первый год первой сталинской пятилетки, год великого перелома — был на исходе. Начинался новый, 1930 год. Страна шла к новым боям, к новым победам социализма!

ВАЖНЕЙШИЙ ЗАКОН РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИАЛЕКТИКИ

М. М. РОЗЕНТАЛЬ

В марксистско-ленинской диалектике особенно большое значение имеет закон единства и борьбы противоположностей, т. е. та черта революционной диалектики, которая раскрывает внутреннюю противоречивость всякого развития.

Ленин, считавший материалистическую диалектику душой марксизма, определял закон единства и борьбы противоположностей как ядро, суть диалектики.

Вы знаете, как высоко классики марксизма-ленинизма оценивали революционную диалектику, какое значение они придавали диалектическому методу.

Особенно яркую оценку значения марксистской диалектики дал «Краткий курс истории ВКП(б)». В этой работе глубоко вскрыта связь марксистского диалектического метода с борьбой пролетариата за социализм, показано, как из диалектического материализма, в частности из марксистской диалектики, вытекает пролетарский социализм Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Марксистская диалектика есть наука о наиболее общих законах развития в природе, человеческом обществе и мышлении.

Как и всякая наука, марксистский диалектический метод, обобщая явления действительности, выводит законы, категории, понятия, и эти законы и понятия, верно отражающие объективный мир, являются опорными, узловыми пунктами познания.

В отличие от других наук — физики, биологии, химии, политической экономии и т. д., которые тоже имеют дело с законами, с обобщениями, марксистский диалектический метод выводит наиболее о б щ и е законы действительности. Если каждая наука занимается своей конкретной областью явлений, обобщает только определенную группу явлений, то марксистский диалектический метод обобщает законы развития всей природы, человеческого общества и мышления. Законы диалектики — это наиболее общие законы развития, имеющие отношение ко всем явлениям объективного мира, и в этом величайшая сила материалистической диалектики.

Это то, что делает марксистскую диалектику всеобщей методологией, методом, без которого не может научно развиваться ни одна конкретная наука.

Если, товарищи, кратко определить основной смысл диалектического метода, то нужно сказать, что материалистическая диалектика есть у ч е н и е о р а з в и т и и, или, как писал Ленин, учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде.

Не случайно марксистский диалектический метод появился лишь в середине XIX века, когда науки, особенно естествознание, сделали большие успехи, когда накопленные этими науками факты толкали ученых к выводу о господстве в природе принципа развития, изменения.

Великие теоретики пролетариата — Маркс и Энгельс, создавая единственно научное и революционное мировоззрение, опирались на данные этих наук, на опыт всего исторического развития, на опыт классовой борьбы пролетариата.

Гениальным предшественником Маркса и Энгельса в области философской разработки законов развития, в частности закона единства и борьбы противоположностей, был Гегель.

Гегель занимает в истории философии огромное место. Заслуга Гегеля состоит в том, что он первый изобразил основные диалектические формы движения.

Энгельс говорил, что в трудах Гегеля имеется обширная энциклопедия диалектики, правда, разработанная с ложной исходной точки.

Ленин в своих конспектах книги Гегеля «Наука логики» замечает, что Гегель угадал теорию развития до ее конкретного применения к изучению природы и общества. Гегель, насколько это вообще возможно в пределах идеализма, показал порочность метафизического мировоззрения, подорвал корни метафизики и провозгласил господство принципов развития, изменения мира.

Позвольте привести некоторые выдержки, которые покажут, как Гегель подходил к вопросу о развитии.

> «Сущность всего конечного, — учил он, — состоит в том, что оно само себя снимает».
>
> «Все, что нас окружает, может быть рассматриваемо как образец диалектики. Мы знаем, что все конечное, вместо того, чтобы быть неподвижным и окончательным, наоборот, изменчиво и преходяще, а это и есть не что иное, как диалектика конечного, благодаря которой последнее, будучи в себе иным самого себя, должно выйти за пределы того, что оно есть непосредственно, и перейти в свою противоположность» [1].

Гегель неустанно подчеркивает, что все конечное находится в процессе развития, таит в себе причины своей собственной гибели.

Вот этот величайший принцип, принцип изменения, принцип дви-

---

[1] Гегель, Соч., т. I, стр. 135, 137.

жения, развития Гегель проводит в своих сочинениях. Его работы по философии истории, истории философии, эстетике, логике пронизаны этим принципом.

В «Философии истории», например, Гегель, применяя этот принцип к историческому развитию, высказывает (особенно в введении) ряд гениальных догадок о законах общественного развития.

В этой своей работе Гегель замечает, что когда мы наблюдаем развалины Карфагена, Рима и т. д., то первое чувство, которое охватывает наблюдателя, — это чувство огорчения, мысль о том, что все погибает, что история беспощадно уничтожает прекрасные плоды напряженного труда многих и многих народов. Но это так кажется только поверхностному наблюдателю. На самом деле, говорит Гегель, каждая гибель означает начало новой жизни, начало развития новых общественных порядков, новых царств и народов.

Позвольте привести это место из «Философии истории» полностью.

> «Общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является изменение вообще. Взгляд на развалины, сохранившиеся от прежнего великолепия, побуждает ближе рассмотреть это изменение с его отрицательной стороны. Какой путешественник при виде развалин Карфагена, Пальмиры, Персеполя, Рима не предавался размышлениям о тленности царств и людей и грусти о былой жизни, полной сил и богатой содержанием? Эта грусть не вызвана личными потерями и непостоянством личных целей, но является бескорыстной грустью о гибели блестящей и культурной человеческой жизни. Но ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни, что из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь» [1].

Гегель в своей «Философии истории» руководствуется пониманием противоречивого характера развития, и легко понять, что все то ценное, что имеется в этой его книге, пройстекает именно из этой теории развития.

Сравните точку зрения Гегеля с точкой зрения французских материалистов на ход истории. Для последних в историческом развитии нет никакой закономерности, история для них представляет собой или фаталистическое развитие событий или совокупность случайностей.

Для Гегеля благодаря тому, что он рассматривает историю с точки зрения ее развития и изменения, исторические события и смена исторических форм имеют внутреннюю закономерность и совершаются с железной необходимостью.

Каждая новая ступень в развитии человечества связана с предыдущей ступенью и подготовлена разложением старых форм

---

[1] Гегель, Соч., т. VIII, стр. 69—70.

общества. Правда, мысль об исторической необходимости и закономерности выступает у Гегеля-идеалиста в извращенной, мистической форме. Но важно понять, что диалектика помогла Гегелю вопреки его идеализму высказать отдельные гениальные мысли о развитии общества.

Гегель зло издевался над теми историками, которые оперировали «априорными выдумками», произвольно конструировали историю. Он требовал объективного анализа исторического развития, хотя сам и изменял этому принципу.

Посмотрите, как глубоко рассматривает Гегель взаимоотношения между стремлениями и интересами людей и объективным историческим результатом, получающимся в итоге практической деятельности людей.

Действия людей вытекают, по Гегелю, из их потребностей, из их страстей и интересов. Эти страсти и потребности играют главную роль в истории. Но Гегель на этом не остановился, он не мог удовлетвориться одной лишь такой констатацией. Его интересует, что стоит за этими интересами, какова их объективная основа.

Действия и желания людей, говорит Гегель, в конечном итоге приводят их к совсем иным результатам, чем те, к которым они стремились.

> «...Они, — писал Гегель, — добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»[1].

Если вы вспомните, что писал Энгельс в «Людвиге Фейербахе» по этому же вопросу, то вы увидите, насколько совпадают рассуждения Гегеля с рассуждениями одного из основоположников марксизма.

Но как идеалист Гегель не мог довести до конца эти свои плодотворнейшие, вызванные к жизни диалектическим пониманием развития, мысли. Если для исторического материалиста Энгельса нечто, скрывающееся за поступками и желаниями людей, есть материальные условия их жизни, исторические потребности развития производительных сил, то для Гегеля, идеалиста, основой и источником деятельности людей выступает абсолютная идея, исторические ступени развития самосознания. Историческая деятельность человечества, по Гегелю, есть лишь орудие и средство мирового духа, поднимающегося с одной ступеньки на другую.

Как бы ни было, но за идеалистической шелухой у Гегеля скрывается много истинного, мимо которого не может пройти ни один марксист.

Особенно велика заслуга Гегеля в разработке закона единства и борьбы противоположностей. Он глубоко обосновал теорию, согласно которой источник развития состоит в борьбе внутренних

---

[1] Гегель, Соч., т. VIII, стр. 27.

противоположностей, присущих явлениям. Никто до него так ярко не показал этой важнейшей стороны развития.

Желая подчеркнуть диалектический характер общественного развития, Гегель говорил, что историческая арена не есть арена счастья. Периоды счастья, говорил он, являются в ней пустыми листами, потому что они составляют периоды гармонии, отсутствия противоположностей. А противоположности и их борьба являются живительным источником всякого развития, движения.

Гегель учил, что «противоречие есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется и обладает побуждением и деятельностью». Часто люди склонны признавать одно, а также и другое, по пословице «живи и жить давай другим», т. е. питают нежность к предметам, отрицая внутренние противоречия, содержащиеся в них. Так, например, говорят: человек смертен, и рассматривают смерть, как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах. Согласно этому способу рассмотрения существуют два самостоятельных свойства человека — быть живым и кроме того еще свойство быть смертным. Но с таким способом рассуждения Гегель не согласен. Каждый предмет, по Гегелю, содержит в себе внутренние противоречия, и поэтому, пишет он, «истинное понимание состоит в том, что жизнь, как таковая, носит в себе зародыши смерти и что вообще конечное противоречит себе внутри самого себя и вследствие этого снимает себя».

Однако Гегель был идеалистом, и его диалектика была идеалистической диалектикой. По Гегелю, не идеи отражают действительный ход истории, а, наоборот, историческое развитие служит лишь проверкой для развития идей. И когда речь идет о гегелевской разработке теории развития, о его понимании борьбы противоположностей, нельзя отвлекаться от идеалистического характера его философии.

По Гегелю, основным, исходным пунктом развития является абсолютная идея. Абсолютная идея, развиваясь сначала в виде логических понятий, переходит затем в различные формы своего бытия — в природу, историю, наконец, она переходит к познанию самой себя, к познанию абсолютной идеи. Завершается круг, в исходном пункте которого абсолютная идея находится еще в начальном состоянии, а затем, постепенно освобождаясь от власти материи, природы, становится абсолютно свободной. На этой ступени абсолютная идея познана и заканчивает весь цикл своего развития.

Какое влияние это идеалистическое учение имеет на диалектику, в частности на важнейший ее закон — закон единства и борьбы противоположностей?

Когда Гегель рассуждает о противоречиях, о борьбе противоположностей, о взаимопроникновении противоположностей, он находится в области чистой мысли.

Когда мы, марксисты, рассуждаем о борьбе противоположно-

стей, то мы находимся на почве реальной действительности, и каждая противоположность с точки зрения марксистской диалектики есть конкретная противоположность, как и борьба противоположностей является конкретной борьбой. Нам ясна картина борьбы противоположных стремлений, нам ясны перспективы развития противоречий, мы видим, во что выливается эта борьба, ибо перед нами объективный мир и мы имеем дело с объективной, реальной действительностью, с ощутимыми вещами.

Гегель находится в области чистой мысли. Реальной жизнью, с его точки зрения, обладают только идеи, понятия, абстракции. В его «Науке логики» развиваются и движутся, как живые существа, одни логические категории. Это — царство чистых мыслей, теней. Когда Гегель в своей «Логике» переходит к последнему этапу, к этапу абсолютной идеи, что ему остается дальше делать? Маркс говорит, что остается один выход — вернуться назад и повторить ту же самую историю. Но у Гегеля конец логики означает начало природы. Идея, достигнув ступени абсолютной идеи, решается отпустить свое инобытие — природу. На самом деле, как остроумно показывает Маркс смысл этого перехода, логическая идея испытывает смертельную скуку от самой себя и тоскует по конкретному содержанию. Снятое бытие, говорит Маркс, есть сущность. Снятая сущность — понятие. Но что такое абсолютная идея? Она есть снятое понятие. Абсолютная идея, в свою очередь, вынуждена снять себя, если она не хочет проделать сначала весь предшествующий путь.

Маркс говорит, что гегелевский переход от абсолютной идеи к природе есть лишь невольное признание того, что абстрактная мысль, постигающая себя как абстракцию, есть ничто, и что только природа есть нечто.

> «Таким образом, вся логика является доказательством того, что абстрактное мышление для себя есть ничто, что абсолютная идея для себя есть ничто, что только природа есть нечто»[1].

Теперь спросим себя: какую форму может принять развитие и борьба противоположностей у Гегеля?

Нетрудно понять, что Гегелю остается один-единственный выход — это нейтрализация, примирение противоположностей. Гегель так и поступает. Идеализм сильно ограничивает революционное содержание его учения о развитии путем борьбы противоположностей.

> «Так как, — писал Маркс, — безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы стать, ни объекта, которому он мог бы противостать, ни субъекта, с которым он мог бы соединиться, то он поневоле должен делать прыжки, ставя самого себя, противопоставляя себя самому же себе и соединяясь с самим собою: положение, противоположение, сложение, или по-гречески: тезис, антитезис, синтезис»[2].

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 650.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 361.

В той же «Нищете философии», откуда приведены эти слова, Маркс показал, как у Гегеля развиваются противоположности и к каким результатам приводит борьба между ними.

«...мысль, противополагаясь сама себе, разделяется на две мысли, противоречающие одна другой, — на положение и отрицание, на д а и н е т. Борьба этих двух заключающихся в антитезе противоположных элементов образует диалектическое движение. Д а превращается в н е т, н е т превращается в д а, д а становится одновременно и д а и н е т, н е т становится одновременно и н е т и д а. Таким путем противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуются и парализуются»[1].

Этот вывод естественно вытекает из идеалистического понимания диалектики. Примирение противоположностей, нейтрализация их неизбежно есть следствие того, что развитие реальных вещей, реальных отношений подменяется развитием идей, понятий, чистой мысли.

Не случайно поэтому Гегель кончил признанием того, что абсолютное прусское государство примиряет враждующие сословия в высшем синтезе. К этому выводу Гегеля толкала не только его буржуазная ограниченность, свойства немецкого филистерства, присущие ему, как и другим немецким мыслителям его времени, — к этому выводу его влекли потребности его идеалистической системы, идеалистического понимания развития.

В основном идеалистическом принципе философии Гегеля содержится отрицание развития, отрицание абсолютного характера борьбы противоположностей.

Природа гегелевской абсолютной идеи такова, что она на определенной ступени должна завершить весь круг своего развития и воплотиться в раз навсегда данную совершенную форму.

Но что означает прекращение развития, достижение совершенной и абсолютной формы? Это означает преодоление всех и всяких противоречий, невозможность возникновения новых противоречий.

Государство, всегда выступающее как плод, как отражение глубочайших классовых противоречий, существующих в обществе, Гегель считал органом, примиряющим противоположности. Для Гегеля государство — это мирское воплощение божественной идеи. В нем находят свое отражение интересы и воли всех людей.

И так как в сфере чистой мысли идея у Гегеля проделала весь путь своего развития, так как абсолютная идея примирила, уравновесила, нейтрализовала в высшем синтезе все противоречия, то это должно найти свое отражение и в реальной жизни общества. Гегель и считал прусское юнкерское государство таким выражением общественной идеи: ведь у Гегеля каждая ступень развития абсолютной идеи должна быть воплощена в действительной жизни, в истории.

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 362—363.

Белинский, будучи на определенном этапе своего развития сторонником абсолютной идеи Гегеля, пришел к выводу, что царское самодержавие, как ни плохо оно для человека, разумно, так как оно есть воплощение определенной ступени развития абсолютной идеи. В письме к Бакунину он писал:

> «Я гляжу на действительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственным восторгом, сознавая ее разумность, видя, что из нее нельзя выкинуть и в ней ничего нельзя похулить и отвергнуть».

Вы видите, какие реакционные выводы вытекают из философского идеализма Гегеля. Герцен в «Былом и думах», посмеиваясь над людьми, принадлежавшими к философскому кружку Станкевича и исповедывавшими философию Гегеля, писал, что, когда кто-нибудь из членов кружка шел гулять в Сокольники и встречал по дороге пьяную бабу, он считал ее выражением абсолютной идеи, только существующей в нетрезвом виде.

Белинский потом горько раскаивался в своем увлечении гегелевской абсолютной идеей.

> «Я имею, — писал он впоследствии, — особенно важные причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что был верен ему (в ощущении), мирясь с расейской действительностью».

Таким образом, закон единства и борьбы противоположностей у Гегеля имеет не только революционные, но и очень сильные реакционные черты, заключающиеся в элементе примирения, нейтрализации противоположностей.

Идеализм обеднял все живое в гегелевской философии. Потребности идеализма ограничивали действие диалектического принципа изменения, примененного Гегелем к общественной истории. Гегель не мог по существу изобразить действительный, конкретный ход истории, показать диалектику борьбы старого и нового в развитии общества, ибо все новое в истории Гегель сводил к новым оттенкам идеи, возникающим в ходе развития абсолютной идеи. Вы не найдете в «Философии истории» той «узловой линии мер», о которой хорошо писал сам Гегель в своей «Логике». Исследование качественного своеобразия каждой исторической ступени подменено у Гегеля рассуждениями об отвлеченном прогрессе в сознании свободы. На самом деле, как известно, одна историческая эпоха отличается от другой различной экономической структурой общества, материальными условиями жизни людей. Но Гегель был далек от такого понимания истории.

Гегель отрицал развитие в природе, считая, что материя не может порождать новое, что это свойство принадлежит лишь духу, освобожденному от тяжести материи.

Диалектика Гегеля тесно переплетается с его философским идеализмом, и в этом отрицательная, реакционная сторона его учения о развитии.

Марксистская диалектика, в отличие от гегелевской, является материалистической диалектикой. Этот исходный пункт марксист-

ско-ленинского мировоззрения — философский материализм — обусловливает коренное отличие марксистской диалектики от гегелевской диалектики. Здесь выступает не только различие гносеологических корней. На первый план здесь выступают социальные корни, различие в социальных основах марксистской диалектики и гегелевской диалектики. Тот сильный элемент примирения, который имеется во всей классической немецкой философии, в частности у Гегеля, обусловлен социальным направлением этой философии, буржуазным ее характером.

Марксистская диалектика является революционной диалектикой, мировоззрением пролетариата — единственно последовательно-революционного класса. Поэтому сочетание материалистического исходного пункта и социального направления всей марксистской философии дает совершенно новое качество марксистской диалектики. Если у Гегеля абсолютная идея — это выхолощенная жизнь, жизнь как абстракция, как тень, то у Маркса исходным пунктом, основой всей его философии является сама реальная жизнь, материя. Откуда у Гегеля в его философии может взяться все богатство жизни? Если оно и имеется в определенной мере, то оно пришло в философию Гегеля окольными путями, ибо Гегель лишь гениально угадал в развитии идей развитие самих вещей, развитие самого объективного мира.

У Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина диалектика полна богатством, многообразием самой жизни, и поэтому законы марксистско-ленинской диалектики — это закон самой жизни, самой реальной действительности.

До Маркса было много общественных деятелей и мыслителей, которые хорошо понимали, что капиталистическое общество полно противоречий, что оно соткано из противоречий. Социалисты-утописты много и ярко писали об этих противоречиях. Но правильно понимать их сущность, правильно анализировать эти противоречия, их развитие, движение, тенденции они не могли.

Утописты считали, что противоположности должны быть примирены, что класс трудящихся и класс богачей должны объединиться для того, чтобы осуществить идеи утопистов, идеи построения нового общества.

Не только утопистам, всем мелкобуржуазным социалистам, реформистам и оппортунистам свойственно стремление очистить предметы и человеческие отношения от противоречий, от борьбы.

Марксистская диалектика исходит из того, что внутренние противоположности составляют источник движения, источник самодвижения, саморазвития предметов. Классики марксизма-ленинизма дают массу великолепных образцов анализа противоречий общественного развития.

Мне хочется это показать на анализе противоречий у Маркса в «Капитале». «Капитал» представляет собой изумительный образец марксовского анализа противоречий в развитии капиталистического способа производства.

При рассмотрении марксова подхода к анализу противоречий бросается в глаза коренное различие между Марксом и Гегелем. Маркс имеет дело с конкретными, реально существующими противоречиями, а не с абстрактными понятиями и идеями, и его задача сводится к тому, чтобы проследить развитие этих противоречий, тенденции их движения.

Иначе говоря, излагая законы капиталистического производства, Маркс имеет дело с реальными вещами, и перед ним не стоит, как перед Гегелем, трудная и неосуществимая задача искусственного положения, противоположения и синтезирования мысли, понятий. Маркс изучает предметы, действительные отношения и те противоположности, в которые они в ходе своего развития превращаются. Его анализ отражает действительную картину капиталистического общества, и так как в жизни противоречия не примиряются, а, наоборот, обостяются, развиваются, преодолеваются, то и в анализе Маркса этот момент находит свое яркое отражение. Маркс не затушевывает противоречий, а, наоборот, доводит их анализ до конца и показывает, во что выливается борьба противоположностей, к каким результатам приводит эта борьба.

В этом величайшее отличие Маркса от Гегеля, пролетарского революционера от буржуазного идеолога, материалистической диалектики от идеалистической диалектики.

Еще в одной из своих ранних работ — в «Критике философии государственного права Гегеля» — Маркс выступил против гегелевского примирения, «опосредствования» противоположностей, которое в применении к обществу означало примирение классов, уничтожение классовой борьбы.

В этой своей работе Маркс писал, что

«...резкость действительных противоположностей считается чем-то вредным или что считают нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности, между тем как это превращение означает не что иное, как, с одной стороны, их самопознание, так, с другой стороны — их воодушевление к решительной взаимной борьбе» [1].

Сам Маркс в «Капитале» показывает, что противоречия капитализма не могут быть «опосредствованы», что в развитии этих противоречий содержится выход из тупика, в который капитализм загоняет общество.

Маркс начинает анализ противоречий капитализма с элементарной клеточки этого общества — с товара — и, показывая развитие этих противоречий, приходит к выводу о неизбежной гибели капитализма и победе социализма.

Товар есть единство потребительной и меновой стоимости. Маркс далее показывает, что и труд, который создает товар, является единством противоположностей, единством конкретного и абстрактного труда, частного и общественного труда.

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 589.

Затем Маркс переходит к анализу развития форм стоимости — от единичной формы до денежной формы стоимости. Шаг за шагом Маркс прослеживает возрастающее противоречие между потребительной и меновой стоимостью. Рост противоречий имеет своей основой исторический прогресс обмена.

> «Тот простой факт, — пишет Маркс, — что товар имеет двойное существование, прежде всего как определенный продукт, который идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость в своей естественной форме, и затем как воплотившаяся... меновая стоимость («деньги»), которая сбросила всякую связь с естественной формой бытия продукта, — это двойственное отличное существование должно развиться в различие, различие в противоположность и в противоречие»[1].

Обмен на первых ступенях своего развития имеет совершенно случайный и единичный характер. Товарное хозяйство делает только первые шаги. Господствует еще родовая община. Но с ростом производительности труда появляются излишки продуктов, которые при наличии разделения труда могут и должны быть обмениваемы. Один товар обменивается на другой. В этом простом и случайном обмене товаров проявляется противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Но здесь есть еще тесная и непосредственная связь между этими противоположностями. Меновая стоимость еще не относится безразлично к потребительной стоимости, обмениваемый товар еще не получает независимую от его потребительной стоимости форму стоимости. Например, владелец шерсти обменивает свой товар на хлеб, а владелец хлеба обменивает его на шерсть, потому что они имеют потребность именно в шерсти и хлебе. Таким образом в этой случайной и простой форме обмена уже проявляется противоположность потребительной и меновой стоимости, но они еще тесно и непосредственно связаны между собой. Противоречия находятся здесь пока в единстве. С ростом товарного хозяйства в разряд товаров попадают все новые и новые, самые разнородные продукты труда. Не только шерсть и хлеб, но и железо, скот, чай, кофе — все эти продукты становятся товарами. На этой ступени обмен уже достаточно развит и продукты специально производятся для обмена.

Разве не ясно, что первая, простая и случайная форма стоимости уже непригодна для такого развернутого обмена и что она должна уступить место другой, более развитой форме стоимости? Ведь в случайной форме меновая стоимость выражается только в одном товаре. Но владельцу хлеба нужно обменять свой товар не только на шерсть, но и на чай, кофе, железо и т. д. В силу этого определенному количеству хлеба сейчас будет противостоять

---

[1] Из подготовительных работ Маркса «К критике политической экономии».

не только определенное количество шерсти, но и чая, железа, скота и других товаров.

Легко видеть, что в этой «полной или развернутой форме стоимости» противоречие между меновой и потребительной стоимостью углубляется. Целый ряд товаров, безотносительно к своей натуральной, потребительной стоимости, выражает стоимость хлеба. Стоимость товара все больше и больше отделяется от своей натуральной формы, абстрактный труд—от конкретного, общественный—от частного. Усиливается процесс поляризации, отделения друг от друга противоположностей в товаре и в труде, его создавшем.

Но на определенной, уже высокой ступени обмена и эта полная, или развернутая форма стоимости оказывается недостаточной и ограниченной. Она сковывает обмен, препятствует его более широкому и всестороннему развитию. Из огромного ряда товаров выделяется то один, то другой товар, наиболее ходкий, который начинает функционировать в качестве определителя стоимости каждого товара, безотносительно к его потребительной стоимости. Наконец, таким особым товаром становится золото, золотые деньги. Деньги выступают как единственная эквивалентная форма, определяющая стоимость товара. В деньгах товары с самой разнородной потребительной стоимостью находят свою меновую стоимость. Деньги — всеобщий уравнитель товаров. Они приобрели всесильную и могущественную роль представителя общественного богатства. Отныне не товар, а деньги выступают как представитель богатства, в деньгах заложены все возможности, и деньги реализуют любую возможность, любую прихоть.

Один из великих писателей прошлого — Бальзак — с огромной силой показал роль денег в капиталистическом обществе, в котором, по его словам, все чувства исчерпываются и исчезают, переживает их только одно — тщеславие. «Тщеславие удовлетворяется только истоками золота. Наши прихоти требуют времени, физических средств или забот. И вот золото все это заключает в возможности и все дает в действительности» (Б а л ь з а к, «Гобсек»). Мы знаем, откуда взялись деньги. Уже первая, простая, случайная форма стоимости есть зародыш денег. Деньги появились в результате развития и обострения противоречий между потребительной и меновой стоимостью. Потребности обмена требовали самостоятельной формы для определения стоимости товаров, и эта потребность, говорит Маркс, «не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги».

С появлением денег меновая стоимость товара о к о н ч а т е л ь н о о с в о б о д и л а с ь о т с в о е й п о т р е б и т е л ь н о й с т о и м о с т и. Процесс раздвоения, начавшийся еще со случайной и единичной формы стоимости, завершился.

Этим кончается первый круг марксова анализа развития противоречий товара. Это были противоречия простого товарного хозяйства, но простое товарное хозяйство является основой для

возникновения капиталистического способа производства, и поэтому Маркс одну из следующих глав начинает словами о том, что результатом развития противоречий товара являются деньги, которые служат исходным пунктом для нового, капиталистического способа производства. Обратите, товарищи, внимание на то, что представляет собой логический процесс анализа форм стоимости у Маркса. Легко заметить, что он является теоретическим обобщением длительного исторического процесса развития обмена. И действительно, за логическим анализом форм стоимости скрывается огромная работа, которую Маркс проделал по обобщению исторического процесса обмена. Ленин поэтому в своих конспектах к «Науке логики» Гегеля замечает, что Маркс показывает историческое развитие капитализма и анализирует понятия, резюмирующие, обобщающие это историческое развитие.

Не останавливаясь подробно на марксовом анализе второго круга противоречий — противоречий капиталистического способа производства, я хочу взять только один вопрос, который покажет, что дальнейшее рассмотрение противоречий является продолжением предшествующего анализа противоречий, что новые противоречия, о которых пишет далее Маркс, выросли и развились из противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара.

Деньги, появившиеся в результате раздвоения товара, разделяют обмен на два различных акта — на акт продажи и купли. И в этом разделении обмена на два самостоятельных акта Маркс усмотрел возможность кризиса.

Почему деньги разделяют обмен на два акта?

Товаровладелец, продавший свой товар и получивший взамен его деньги, не обязан немедленно купить на эти деньги другой товар. Ведь деньги представляют всякие материальные блага, они не являются, как пишет Маркс, «особым продуктом индивидуального труда» [1]. Деньги — это потенциальная, скрытая сила, способная превратиться в продукт любого индивидуального труда. Поэтому владельцу денег нет надобности немедленно превращать их снова в товар.

Но тот факт, что на одном полюсе деньги не превращаются обратно в товар, на другом полюсе означает, что товар не может превратиться в деньги, т. е. не может быть продан. Наступает заминка в товарном обращении.

Следовательно, противоречие между потребительной и меновой стоимостью в появлении денег и разделении обмена на два акта получает свое дальнейшее развитие.

Об этом Маркс в «Капитале» пишет следующее:

«Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости частного труда, который в то же время должен представлять собой непосредственно общественный труд, особенного и конкретного труда, который, однако, функциони-

---

[1] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 185.

рует лишь как абстрактный и всеобщий труд, олицетворения вещей и овеществления лиц, — это имманентное противоречие в полярной противоположности товарных метаморфоз получает развитие формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность — однако только возможность — кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целого ряда условий, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют»[1].

Возможность должна превратиться в действительность, и Маркс показывает, как происходит это превращение.

Кризис является выражением основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частной, капиталистической формой присвоения. Именно это противоречие составляет источник кризисов. Свой анализ противоречий капитализма Маркс, как известно, заключает предвидением неизбежности экспроприации экспроприаторов, гибели капитализма и победы социализма.

Итак, Маркс не только не затушевывает противоречий, но всю силу своего гениального ума обращает на изучение их движения и развития.

В «Нищете философии» Маркс выступает против Прудона, у которого все дело заключается в том, чтобы отделить хорошую сторону капитализма от дурной его стороны. Нужно уничтожить дурную сторону, говорил Прудон, и утвердить хорошую сторону. Маркс отвечает ему, что если устранить отрицательную сторону какого-нибудь явления, тогда не будет никакого развития. В том-то и дело, что отрицательные стороны капитализма — жесточайшая эксплоатация рабочих при капитализме, их бесправное положение — толкают рабочих к организации, превращают их из класса в себе в класс для себя и подготовляют их для выполнения исторической миссии — уничтожения капитализма и построения социализма. Если бы не было борьбы противоположностей, тогда не было бы никакого движения, никакого развития.

Я потому так подробно останавливаюсь на этой стороне материалистической диалектики, что она составляет отличительную и важнейшую особенность марксистского, революционного понимания развития.

Это понимание было органически свойственно Ленину, сделавшему колоссально много для дальнейшего развития марксистской диалектики.

Вы помните, как Ленин отвечал народникам, когда они, противопоставляя общинное «народное производство» капиталистическому производству, писали, что общинное производство не имеет никаких противоречий, а капиталистическое производство полно-де противоречий, когда они из этого делали вывод, что тогдашнее общинное производство стояло выше капиталистического. Вы

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 70, изд. 1936 г.

помните, что Ленин, возражая народникам, говорил, что община тоже имеет противоречия, противоречия капиталистического порядка, но они существуют еще в неразвитом виде, и что это не плюс, а минус. Беда не в том, что в России много капитализма, а в том, что его недостаточно, ибо крупный капитализм развивает, очищает, выясняет содержание социальных противоположностей и создает условия для острой борьбы классов. А иного пути к социализму, чем борьба классов, нет.

Ленин дал классическую формулу, в которой ярко выражено революционное содержание диалектической теории развития.

> «Единство, — писал Ленин, — (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[1].

Эти слова Ленина означают, что борьба противоположностей всегда служит животворящим источником движения, что противоречия действительности никогда не могут быть исчерпаны, ибо это было бы равнозначно прекращению жизни, развития. Относительно, временно лишь единство противоположностей, так как борьба противоположных тенденций в явлениях неизбежно взрывает изнутри их единство и имеет своим результатом превращение одной противоположности в другую, замену старого новым.

Ленинское положение об абсолютном характере борьбы противоположностей вскрывает самые глубокие источники бесконечного процесса обновления мира, развития и изменения действительности.

Ленин внес в сокровищницу марксистской диалектики огромный вклад в области разработки закона единства и борьбы противоположностей.

Работая над «Логикой» Гегеля, материалистически читая произведения великого немецкого диалектика, Ленин дал массу нового в понимании этого важнейшего закона. Его труды, посвященные вопросам борьбы рабочего класса против капитализма, борьбы партии большевиков против агентов капитализма внутри рабочего движения, его статьи о тактике и стратегии партии содержат в себе неисчерпаемый материал для характеристики диалектической теории развития.

Ленин всегда подчеркивал, что диалектика есть живое, при вечно увеличивающемся числе сторон, познание, «с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности»[2].

Все ленинские работы есть реализация этой творческой диалектики, реализация, в процессе которой диалектика обогатилась новыми сторонами, новыми оттенками, поднялась на новую, более высокую ступень своего развития.

Ленин не случайно так много внимания уделял вопросу о проти-

---

[1] Ленин, Философские тетради, стр. 326.
[2] Там же, стр. 328.

воречиях развития, о диалектическом законе, вскрывающем эти противоречия.

В этом факте нашли свое выражение особенности эпохи наибольшего обострения противоречий капитализма, эпохи пролетарских революций и строительства нового, социалистического общества. При этом нужно учесть конкретную обстановку в России, в стране, в которой общие противоречия, свойственные всей новой эпохе, нашли свое особенно острое и бурное выражение. Нужно также учесть богатейший опыт нашей партии, вспомнить то, что писал об этом опыте сам Ленин.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин писал, что «большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества...»[1].

В этой борьбе Ленин оттачивал, отшлифовывал тончайший инструмент диалектики, диалектической теории развития.

Если просмотреть ленинское определение диалектики, то легко убедиться в том, что диалектику Ленин объясняет прежде всего как учение о развитии, совершающемся путем раздвоения единого и взаимоперехода противоположностей.

«Вкратце, — пишет Ленин, — диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»[2].

Все его определения бьют в одну эту точку. Это и понятно. Диалектика, как теория развития, не может не быть прежде всего учением о борьбе противоположностей, ибо источником всякого развития является борьба противоположностей. Развитие, писал Ленин, есть «борьба» противоположностей. Без борьбы противоположностей нет развития.

Когда Ленин пишет о развитии и набрасывает свои заметки о двух концепциях развития, то он указывает, что единственно истинной, научной концепцией является такое понимание, которое исходит из закона единства и борьбы противоположностей, из раздвоения единого и перехода одной противоположности в другую.

Ленин, однако, не ограничивается установлением того факта, что всякое развитие есть борьба противоположностей. Ленин наряду с этим подчеркивает другую важнейшую особенность развития.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175.
[2] Ленин, Философские тетради, стр. 213.

Если развитие есть борьба противоположностей, борьба, которая на известной ступени приводит к замене старого новым, то во всяком развитии особенно большое значение приобретает момент *перехода* старого в новое, одной противоположности в другую.

Вопрос о переходе противоположностей друг в друга занимает большое место в высказываниях Ленина о законе единства и борьбы противоположностей.

> «Не только единство противоположностей, — пишет Ленин, — но *переходы каждого* определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое...» [1].

Если все развивается, значит все *переходит* из одного в другое.

«Переходы», «взаимопереходы», «переливы» — вот что подчеркивает Ленин, когда говорит о законе единства противоположностей.

Нет и не может быть развития без перехода противоположностей друг в друга. Поэтому Ленин говорит, что развитие есть не только *борьба* противоположностей, но и их *переход* друг в друга.

В свете этого ленинского положения величайшее значение для революционной практики приобретает умение всегда найти, отыскать форму перехода противоположностей друг в друга. Ленин говорит, что очень важно видеть и понимать, что тот или иной процесс составляет единство противоположностей. Без этого нельзя правильно ориентироваться в сложной обстановке действительности. Но этого мало. Настоящий пролетарский революционер, настоящий диалектик — лишь тот, кто умеет отыскать конкретную форму перехода от старого к новому, кто не ограничивается утверждением о противоречии между старым и новым, а сосредоточивает все свои силы на том, чтобы определить наиболее эффективную и выгодную для революции форму перехода одного в другое. В этом как раз главная трудность подлинного диалектического анализа живой жизни.

Вспомните ленинскую статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма». В этой статье Ленин писал о новых формах перехода, которые стали необходимы после периода военного коммунизма. Ленин показал, что только новая экономическая политика может быть единственной в определенных условиях политикой, обеспечивающей переход от капитализма к социализму. Анализируя то, что было сделано революцией к моменту введения нэпа, Ленин замечает:

> «Раз самое главное не доделано в основе своей, надо все внимание обратить на это. И трудность тут в форме перехода» [2].

Известно, что в то время было немало людей в партии и вне партии, которые не верили в новую экономическую политику, которые вопили о сдаче позиций революции, о замене революционного пути реформистским. Партия большевиков с презрением отметала всю подобную «критику», в основе которой лежал мелкобуржуаз-

---

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 212

[2] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 82.

ный «революционизм». Но нужен был гений Ленина, чтобы в новой экономической политике открыть единственную форму перехода к социализму, единственный путь к победе нового, социалистического строя.

Стало быть, недостаточно видеть противоречие, скажем, противоречие между капитализмом и социализмом, мало понимать необходимость перехода от одного к другому. В 1921 году было много людей, понимавших все это, но тем не менее запутавшихся и скатившихся в болото оппортунизма благодаря своему неумению найти форму перехода от капитализма к социализму.

Подлинная революционная диалектика заключается в умении всегда найти, нащупать конкретную, выгодную для дела рабочего класса форму перехода одной противоположности в другую.

Много внимания посвятил также Ленин разработке закона единства и борьбы противоположностей как закона познания. Ленин резко критиковал Плеханова за то, что тот не заметил этой «стороны» диалектики, о которой Ленин пишет, что это не «сторона», а суть диалектики. Если основным законом природы и общества является единство и борьба противоположностей, то и в процессе познания этот закон (как и вся диалектика) должен быть основным принципом, законом.

> «Мы не можем, — пишет Ленин, — представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.
>
> И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей»[1].

В этих словах Ленина заложен глубокий смысл: только рассмотрение явлений и предметов с точки зрения единства и борьбы противоположностей позволяет дать адэкватную картину живой жизни, в которой нет ничего застывшего, неизменного, неподвижного. Для того, чтобы хотя бы с приблизительной точностью изобразить эту картину, наши понятия должны быть так же подвижны, как и сама объективная реальность. Ленин, перерабатывая на материалистический лад Гегеля, много раз повторяет, что логические понятия и категории должны быть «обтесаны», «обломаны», «гибки», «взаимосвязаны», «подвижны», «релятивны», «едины в противоположностях», чтобы верно отразить законы мира, объективную диалектику жизни.

Поэтому же главным содержанием логики Ленин считал отношения, переходы, противоречия между понятиями, так как только посредством переходов, противоречий, отношений, взаимосвязи понятий можно представить диалектику развития природы и общества.

В одном из замечаний, которые Ленин делал, конспектируя книгу Гегеля «Наука логики», он задает вопрос:

---

[1] Ленин, Философские тетради, стр. 268.

«В чем состоит диалектика?» — и отвечает на него таким образом:

«взаимозависимость понятий = ...

» всех » без исключения

переходы понятий из одного в другое

» всех » без исключения

относительность противоположности между понятиями...

тождество противоположностей между понятиями» [1].

Об этом же говорит следующее замечание Ленина:

«Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть» [2].

Как видите, Ленин здесь опять и опять подчеркивает ту мысль, что единство и противоположность понятий, их взаимный переход должны быть основным принципом познания, субъективной диалектики, так как таков же основной принцип объективной, существующей в самой природе диалектики.

При этом Ленин направляет свои стрелы против тех, кто диалектическую гибкость понятий превращает в эклектику и софистику, кто на основании того, что каждое явление может при известных условиях превратиться в свою противоположность, стирает всякие грани между противоположностями.

В одной из своих статей Ленин останавливается на примере такой софистики. Выступая против Р. Люксембург, которая отрицала возможность национально-освободительных войн в эпоху империализма и защищала ту точку зрения, что в эту эпоху всякая национальная война неминуемо должна превратиться в империалистическую, Ленин показал, что такая «гибкость», такое отождествление противоположностей равно софистике.

«Разумеется, — пишет Ленин, — основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно» [3].

Ленин приводит в пример войны французской революции, которые были национальными войнами. Но когда Наполеон создал империю, поработившую ряд национальных государств, эти войны превратились в империалистские. Однако допустимо ли на этом основании стирать противоположность между войной империалистической и национальной? Допустимо ли на том основании, что война национальная в эпоху империализма может превратиться в империалистическую войну, отождествлять эти совершенно разные войны?

Ленин резко выступает против подобной «диалектики».

---

[1] Ленин, Философские тетради, стр. 189.

[2] Там же, стр. 110.

[3] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 181.

Исторический опыт последнего периода показывает, насколько был прав Ленин. Национально-освободительная борьба испанского и китайского народов служит достаточно ярким и красноречивым фактом для опровержения вульгарной теории невозможности национально-освободительных войн при империализме.

«Только софист, — пишет Ленин, — мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую»[1].

Закон единства и борьбы противоположностей в применении к познанию означает величайшую гибкость наших понятий, гибкость, как говорит Ленин, доходящую до тождества противоположностей. Но разница между диалектикой и софистикой, т. е. игрой в противоположности, та, что диалектик применяет эту гибкость объективно, а софист — субъективно. Гибкость диалектических понятий есть отражение развития объективного мира. Гибкость софиста и эклектика основаны на субъективном произволе.

> «Гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике, — пишет Ленин. — Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»[2].

Все приведенные здесь мысли Ленина о законе единства и борьбы противоположностей имеют первостепенное значение для практической борьбы за коммунизм, для тактики рабочего класса и его партии.

Разоблачая оппортунизм II Интернационала, Ленин всегда говорил, что беда всех вождей этого Интернационала заключается, между прочим, в полном отсутствии гибкости в их тактике, в окостенелости, односторонности их тактики.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин, выступая против «левых» сектантов в коммунистических партиях, преподал коммунистам блестящие уроки подлинно революционной диалектической тактики.

Ленин со всей силой своей революционной страсти выступает против тех, кто представляет себе путь истории без противоречий, без зигзагов, отступлений.

Ленин издевался над подобными «революционерами», для которых революция представляется в виде детской карикатуры:

> «Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция!»[3].
>
> «Кто ждет «чистой» социальной революции, — писал Ленин, — тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции»[4].

---

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 181.
[2] Ленин, Философские тетради, стр. 110.
[3] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 269.
[4] Там же.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин выступает против таких «чистых революционеров».

Эти революционеры, очень «левые» на словах, на практике оказываются плохими вождями рабочего класса.

Они видят только одну противоположность — между буржуазией и пролетариатом, империализмом и социализмом. Всю сложность противоречий между классами, между разными группами и слоями внутри отдельных классов, между буржуазией и мелкой буржуазией и т. д. они смазывают и сводят к одной прямолинейной формуле о противоречии между социализмом и империализмом. Отсюда у подобных «революционеров» вытекает абсолютное отрицание всякого использования пролетариатом и коммунистической партией этих противоречий, отрицание допустимости компромиссов, временных соглашений с другими партиями, лавирования, участия в реакционных профсоюзах и т. д.

Непонимание реальной и сложной диалектики противоречий в классовой борьбе влечет за собой полное неумение на практике соединять противоположности в интересах рабочего класса, в интересах достижения конечной цели.

В одной из своих речей Ленин говорил:

«Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности».

К этому Ленин добавляет, что можно соединять противоположности так, «что получится какофония, а можно и так, что получится симфония» [1].

История нашей большевистской партии полна примерами эффективнейшего соединения противоположностей. Какой вой подняли «левые», когда партия вводила нэп, сколько крику было с их стороны насчет соединения таких «несоединимых» противоположностей, как коммунизм и торговля! Но, как известно, партия на практике соединяла эти противоположности, и от этого соединения только выиграл рабочий класс, только выиграло трудящееся крестьянство.

Все дело в том, что всякое соединение противоположностей диктуется объективной обстановкой, вытекает из объективной расстановки классовых сил и связано с глубочайшими противоречиями развития общества.

Ленин показывает, какова объективная обстановка, каковы объективные противоречия классовой борьбы, от которой не может и не имеет права отвлечься ни один сознательный марксист.

«Капитализм, — пишет он, — не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию..., от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина

[1] Ленин, Соч, т. XXVI, стр. 69, 70.

к среднему и т. д.; — если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»[1].

Отрицать использование на практике противоречий, использование вплоть до заключения временных блоков, союзов с противоположными классами, партиями, группами, если это диктуется обстановкой, — значит обречь себя на изолированное положение, значит проповедывать сектантскую политику.

Задача состоит в том, чтобы при этом не потерять самостоятельности пролетарской линии, чтобы компромиссы и соглашения служили делу повышения общего уровня пролетарской сознательности, чтобы они были подчинены одной цели — борьбе и победе революционного пролетариата.

Это только один пример ленинского применения диалектики к тактике коммунистической партии, но и этот пример показывает, какую бездну оттенков в подходе к действительности содержит в себе диалектический метод, какую огромную роль играет он в практической борьбе пролетариата.

Революционная диалектика и решение стратегических, тактических и других вопросов революции в сочинениях великих вождей пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина органически связаны, соединены в одно, представляют собой неразрывное целое.

Работы товарища Сталина, так же как и работы Ленина, служат ярким образцом творческого применения диалектики, дальнейшей разработки диалектического метода.

Особенно много дают работы товарища Сталина для понимания важнейшего закона материалистической диалектики — закона единства и борьбы противоположностей.

Товарищ Сталин дал классическое определение этого закона. Своей характеристикой борьбы противоречий как борьбы между старым и новым, между тем, что отмирает и нарождается, отживает и развивается, товарищ Сталин осветил этот важнейший вопрос по-новому, развил ленинскую теорию о противоречиях как закон, который дает ключ к пониманию уничтожения старого и возникновения нового.

Еще в таких своих работах, как «Анархизм или социализм», товарищ Сталин подчеркивал эту сторону закона.

> «Говорят, что жизнь заключается в непрерывном росте и развитии, и это верно: общественная жизнь не является чем-то неизменным, застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне — она в вечном движении, в разрушении-созидании. Недаром говорил Маркс: «вечное движение, вечное разрушение-созидание — такова сущность жизни». Поэтому-то в жизни всегда существует н о в о е и с т а р о е, растущее и умирающее, рево-

---

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 213.

люция и реакция — в ней непременно что-нибудь умирает и в то же время непременно что-нибудь рождается»[1].

Борьба между старым и новым, умирающим и нарождающимся — вот коренное, главное содержание борьбы противоположностей.

Для характеристики сталинской разработки диалектического закона противоречий особенно ценны те работы товарища Сталина, которые относятся к годам строительства социализма, к переходному периоду, которые анализируют противоречия переходного периода. Сам переходный период представляет собой противоречие, ибо он есть период перехода от капитализма к социализму. Поэтому диалектический анализ противоречий, знание конкретных противоречий, которые имеются в этот период, представляют огромное значение.

Не может быть сомнения, что партия большевиков, весь советский народ не могли бы победить и построить социализм, если бы они не были вооружены ясным пониманием противоречий переходного периода. Сталин был тем человеком, кто осветил светом своего теоретического гения путь к победе, кто указал средства преодоления сложнейших противоречий этого периода.

Нашей партии пришлось выдержать жестокую борьбу против правых и других оппортунистов, отстаивавших «теорию» затухания классовой борьбы, смазывавших противоречия строительства социализма.

Во всех своих работах, направленных против оппортунизма и посвященных анализу международной и внутренней обстановки СССР, товарищ Сталин проводит ту мысль, что противоречие и борьба между старым и новым, отживающим и нарождающимся есть основа нашего развития.

Разрешите привести одну очень яркую выдержку из доклада товарища Сталина на XV съезде партии, которая покажет общий его подход к вопросам строительства социализма.

«...Наше развитие, — говорил товарищ Сталин, — идет не в порядке плавного, огульного подъема вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рож-

---

[1] Цит. по книге Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 115, 1938 г.

дается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития»[1].

Эти слова блестяще раскрывают самое главное, самое существенное в развитии переходного периода. Здесь товарищ Сталин показывает общую основу противоречий в переходный период. Этой общей основой является существование внутри страны антагонистических классов — классов пролетариата и трудящегося крестьянства, с одной стороны, и класса буржуазии — с другой; затем различие между пролетариатом и мелкотоварным крестьянством. Следовательно, противоречия имеют объективную социальную основу. Их нужно видеть, для того чтобы преодолеть их и двигаться дальше.

Установив общий характер противоречивого развития в переходный период от капитализма к социализму, товарищ Сталин в ряде своих работ показывает, каковы конкретные противоречия. Он определяет целую группу этих противоречий.

Прежде всего товарищ Сталин показывает противоречивый характер развития самой партии. Когда происходит борьба между классами, когда в стране существуют враждебные классы, тогда борьба между этими классами не может не отразиться на развитии самой партии. В условиях существования антагонистических классов законом развития партии является выявление и преодоление противоречий между большевизмом и оппортунизмом, беспощадная борьба против агентов буржуазии в партии.

На VII пленуме Исполнительного комитета Коминтерна товарищ Сталин четко сформулировал это противоречие. Рассмотрев вкратце основные этапы истории партии, он сделал следующий вывод:

«Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения... ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии, история преодоления этих противоречий и постепенного укрепления нашей партии на основе преодоления этих противоречий»[2].

В другом месте товарищ Сталин проводит аналогию между партией и живым организмом. Он говорит, что наша партия есть также живой организм, что одни клеточки в ней отмирают, а другие нарождаются. В партии, как и в каждом живом организме, происходит обмен веществ — старое выпадает и умирает, новое, растущее живет и развивается.

Товарищ Сталин показывает далее, что эти противоречия не случайны, что всякая большая революционная партия развивается путем противоречий, путем выявления и преодоления их. Он приводит по этому поводу слова Энгельса о том, что всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе,

---

[1] XV съезд ВКП(б), Стенографический отчет, стр. 69. 1935 г.

[2] Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 145.

в полном соответствии с законами диалектического развития. Энгельс говорит, что германская социал-демократическая партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где самое трение играло главную роль.

Товарищ Сталин показывает, что источником этих противоречий является влияние буржуазной идеологии на наименее устойчивые и политически закаленные элементы партии, неоднородность пролетариата, влияние на пролетариат мелкобуржуазной стихии и т. п.

Наша партия не могла бы стать великой большевистской партией, если бы она затушевывала противоречия, если бы она не вела самой беспощадной борьбы против оппортунизма, против троцкизма, бухаринщины и прочих форм меньшевизма, превратившегося в наше время в самую реакционную разновидность буржуазной контрреволюции.

Ликвидация эксплоататорских классов, социалистическая переделка мелкотоварного крестьянства, победа в нашей стране социализма уничтожили почву для возникновения сейчас в партии такого рода противоречий. Наша большевистская партия сейчас, в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, едина и монолитна как никогда. И основой этой монолитности является уничтожение эксплоататорских классов в СССР, построение социализма.

Дальше товарищ Сталин показывает, что в переходный период от капитализма к социализму существуют такие противоречия, как некоторые противоречия между рабочим классом и мелкотоварным крестьянством.

В своем докладе «К итогам работ XIV конференции РКП(б)», сделанном в 1925 году, товарищ Сталин говорил:

> «Два основных класса стоят перед нами: класс пролетариев и класс частных собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимы?».

Как видите, товарищ Сталин вместе с Лениным считал, что в тот период, когда крестьянство продолжало вести свое мелкотоварное хозяйство, основным вопросом построения социализма в СССР являлось преодоление противоречий между пролетариатом и крестьянством.

По вопросу о противоречиях между пролетариатом и крестьянством партии пришлось выдержать борьбу с правыми и «левыми» оппортунистами, толкавшими ее на антиленинский путь.

И правые и «левые», каждые на свой манер, затушевывали противоречия, свойственные крестьянству. Правые демагогически рассматривали крестьянство только как тружеников, игнорируя вто-

рую сторону крестьянства — его собственнические стремления, его мелкобуржуазную природу. При этом они смешивали трудящееся крестьянство с кулачеством, проповедуя контрреволюционную теорию мирного врастания кулачества в социализм. Ясно, что это смазывание противоречий, существовавших внутри самого трудящегося крестьянства, т. е. противоречий между его собственническими тенденциями и его положением как класса тружеников, затушевывание противоречий между этим крестьянством и деревенской буржуазией — все это имело целью расчистить путь для капитализма, для его реставрации.

«Левые» оппортунисты, наоборот, целиком игнорировали крестьянство как класс тружеников, имеющий общие интересы с пролетариатом по коренным вопросам строительства социализма, интересы, являющиеся основой неразрывного союза рабочих и крестьян. Они смешивали трудящихся крестьян с кулаками и представляли дело так, что крестьянство — это контрреволюционный класс, против которого пролетариат должен бороться всеми силами своего государственного аппарата.

Ясно, что такого рода затушевывание противоречий, имеющихся в крестьянстве, имело также один лишь смысл: поссорить рабочих с крестьянством, подорвать союз рабочего класса с крестьянством и расчистить дорогу для реставрации в нашей стране капитализма.

Наша большевистская партия, разрешая этот важнейший вопрос революции, всегда руководствовалась революционной теорией Ленина и Сталина. Ленин и Сталин учили диалектическому подходу к крестьянству как к классу, который по самому своему социальному положению составляет единство противоположностей.

Мелкотоварное крестьянство в условиях капитализма и переходного периода от капитализма к социализму содержит в себе двоякого рода тенденции, стремления: с одной стороны, это класс мелких собственников, его мелкотоварное хозяйство служит базой для возникновения и развития капитализма; с другой стороны, это класс трудящихся, тружеников, имеющий общие интересы с пролетариатом и кровно заинтересованный в уничтожении капитализма. И в этом отношении трудящиеся массы крестьянства являются величайшим резервом пролетарской революции, союзником рабочего класса в деле свержения буржуазии и построения социалистического общества.

Ленин и Сталин требовали поэтому понимания и противоречий и общих интересов, имеющихся между пролетариатом и крестьянством. Их общие интересы покрывают противоречия, указывают общий путь к социализму.

Именно этим руководствовалась партия в своей политике по отношению к крестьянству. Товарищ Сталин, опираясь на ленинский кооперативный план, указал путь преодоления противоречий между пролетариатом и крестьянством. Этим путем была индустриализация страны, подведение широкой технической базы под сельское хозяйство, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной кол-

лективизации. И на этом пути партия, рабочий класс одержали великую победу.

Но ясно, что без правильного, диалектического понимания противоречивого характера класса крестьянства, понимания, которое дали партии Ленин и Сталин, этой победы не было бы.

Товарищ Сталин далее показывает противоречия, которые существуют в переходный период между пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и буржуазными классами, остатками этих классов — с другой.

Товарищ Сталин подчеркивает антагонистический, враждебный характер этих противоречий. Он беспощадно разоблачал тех, кто затушевывал классовую борьбу, кто не видел и не хотел видеть социальной основы обострения борьбы между этими классами, кто с ужасом смотрел на это обострение. Он высмеивал тех, кто развитие борьбы объяснял всякого рода случайными причинами. Это не объяснение, говорил товарищ Сталин, а издевка над объяснением, не наука, а знахарство, это не марксистский, а обывательский подход к важнейшему вопросу.

И товарищ Сталин показывал, что обострение классовой борьбы, пока есть враждебные классы, неизбежно.

> «Хорош ли будет у нас низовой советский аппарат или плох, наше продвижение вперед, наше наступление будет сокращать капиталистические элементы и вытеснять их, а они, умирающие классы, будут сопротивляться, несмотря ни на что.
>
> Вот в чем социальная основа обострения классовой борьбы»[1].

И, наконец, товарищ Сталин показывает такое важнейшее противоречие, как противоречие между страной социализма и капиталистическим окружением. Это противоречие заключается в том, что до тех пор, пока капиталистическое окружение существует, до тех пор не снимается и опасность интервенции со стороны капиталистических стран, а пока есть такая опасность, существует и опасность реставрации у нас капитализма.

С этим противоречием связан вопрос об окончательной победе социализма в нашей стране, и поэтому вопрос об этих противоречиях выходит из рамок одного лишь переходного периода от капитализма к социализму.

Вот что товарищ Сталин говорит по поводу окончательной победы социализма:

> «Что такое окончательная победа социализма?
>
> Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а, значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервен-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 231—232, изд. 11-е.

ции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма» [1].

Если обобщить все сказанное товарищем Сталиным по вопросу о противоречиях нашего развития, то это можно свести к четырем выводам, имеющим огромное значение для революционного понимания диалектики и практической деятельности.

Эти выводы, касающиеся закона единства и борьбы противоположностей, в сжатой и яркой форме изложены в IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)».

Первый вывод состоит в том, что пролетарские политики, пролетарские революционеры, марксистские диалектики должны смело вскрывать противоречия, не бояться развития, обострения противоречий, не впадать в панику перед обострением классовой борьбы. Они должны понимать, что иначе развитие в обществе, где существуют враждебные классы, не может происходить, что в таком обществе классовая борьба — закон развития.

Не бояться противоречий, а, наоборот, смело вскрывать их и смело их преодолевать — таков великий принцип революционной диалектики.

Второй чрезвычайно важный вывод заключается в том, что развитие противоречий идет не *путем примирения*, а *путем революционного преодоления* этих противоречий.

Противоречия, противоположности никогда не могут быть затушеваны, их можно затушевать лишь на время, но зато они неизбежно с большей силой дадут о себе знать на следующей ступени развития.

Товарищ Сталин приводит в пример социал-демократические партии за границей, теория и практика которых сводится к смазыванию, к примирению противоречий, что является источником гнилости, оппортунизма этих партий.

Затушевывание противоречий есть в лучшем случае топтание на месте, а в худшем случае — регресс.

Подлинное развитие в жизни всегда идет путем революционного преодоления противоречий.

Третий вывод состоит в том, что каждая конкретная форма противоречий имеет конкретную форму разрешения, преодоления противоречий.

Товарищ Сталин не только указывает конкретные противоречия, их содержание, тенденции их развития. Он также показывает конкретные пути, способы, формы их разрешения, требуя строгого различения между разными типами противоречий.

Борьба между антагонистическими классами может быть завершена лишь одним путем — ликвидацией, уничтожением эксплоататорских классов.

Противоречия между пролетариатом и крестьянством разрешаются социалистической переделкой сельского хозяйства.

Противоречия между страной социализма и капиталистическим

---

[1] Сталин, К итогам работ XIV конференции РКП(б), стр. 24.

окружением не могут быть решены силами одной страны. Единственный путь преодоления этих важнейших противоречий — это путь победы пролетариев в нескольких странах.

Как видите, каждому типу противоречий свойственны особые формы их преодоления.

Наконец, четвертый вывод заключается в том, что диалектика есть искусство находить всегда нужную и наиболее соответствующую условиям момента форму перехода одной противоположности в другую противоположность. Ленин и Сталин учат, что главное не только в том, чтобы видеть противоречия и понимать их, а и в том, чтобы уметь нащупать форму перехода одной противоположности в другую, низшей формы в высшую. Политика и тактика нашей партии дают множество примеров такого умения находить конкретные формы перехода на высшую ступень.

Таковы те выводы, которые вытекают из краткого рассмотрения сталинского понимания развития путем противоречий.

Таким образом, вы видите, что этот диалектический закон имеет огромное значение, он служит руководящей нитью в развитии революционной теории и практики.

Маркс и Энгельс посредством анализа противоречий капитализма сумели понять и показать, что гибель капитализма неизбежна, что пролетариат является тем единственным классом, который сможет перестроить общество на новых основах.

Ленин и Сталин путем дальнейшего анализа противоречий эпохи империализма, эпохи пролетарских революций и строительства социализма сумели привести советский народ к победе социализма.

Маркс и Энгельс были создателями революционного диалектического метода, марксистского учения о развитии путем борьбы противоположностей.

Ленин и Сталин подняли марксистскую диалектику на новую ступень, обогатили марксизм открытием новых сторон диалектического подхода к действительности, сделали диалектику еще более острым и могучим оружием борьбы и победы пролетариата.

РОЛЬ ИДЕЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Проф. **Ф. В. КОНСТАНТИНОВ**

Тема — роль идей, роль сознания, роль передовой теории в общественном развитии — всегда занимала значительное место в марксистской литературе. Партия большевиков сложилась и закалилась в борьбе с врагами, принижавшими роль передового сознания в рабочем движении. В настоящее время вопрос о роли передовых идей, передовой теории по ряду обстоятельств приобрел особенно актуальный характер.

В нашей стране в основном построено социалистическое общество. Советский Союз вступил в новую полосу развития — в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. В этих условиях решающее значение приобрело дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунистического общества.

На XVIII съезде ВКП(б) глава советского правительства В. М. Молотов в своем докладе говорил:

> «У нас создано столько предпосылок, столько возможностей для дальнейшего подъема и полного расцвета нашего общества, что теперь главное у нас состоит в коммунистически-сознательном отношении к своему труду и, особенно, в успешности нашей большевистской работы по идейному воспитанию разросшихся кадров советской интеллигенции.
>
> Пришло время, когда вперед выдвигаются задачи воспитательного характера, задачи коммунистического воспитания трудящихся. Такая оценка роли коммунистического воспитания в данный момент отнюдь не умаляет той нашей обязанности, о которой говорил товарищ Сталин, — нашей обязанности держать народ в состоянии мобилизационной готовности на случай всяких неожиданностей. Напротив, только такое воспитание можно назвать коммунистическим, которое поднимет нашу мобилизационную готовность и все наши способности к беззаветной борьбе и к новым боям за победу коммунизма» [1].

[1] Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 52.

Сознательный, планомерный характер развития есть одна из специфических черт, особенностей новой общественной формации — социализма, в противоположность капитализму.

Капитализм как общественно-экономический строй возникает в результате стихийного развития товарных отношений. Капитализм как специфически исторический способ производства воспроизводит себя стихийно в результате слепой игры экономических сил, в результате конкуренции, борьбы всех против всех, господствующей при капитализме. Анархия производства — это закон капитализма, это его стихия. Производительные силы и производственные отношения господствуют над людьми в капиталистическом обществе как внешние стихийные силы. Напротив, социализм — это такой строй, где люди не только каждый в отдельности, но весь народ в целом сознательно действуют согласно заранее поставленной цели. Эти цели и задачи, научно обоснованные, направляют действия советских людей как единого, целостного коллектива. Роль передового сознания в условиях социализма приобретает огромное, порой решающее значение.

Но это не значит, конечно, что закон, открытый Марксом, — о взаимоотношении общественного бытия и общественного сознания — будто бы при социализме перестает действовать. Нет, этот закон сохраняет всю свою силу и значение и для новой, коммунистической формации. Только на основе этого закона и можно понять ту отрицательную роль, которую играют в нашей общественной жизни пережитки капитализма в сознании людей — старые привычки, навыки, традиции, предрассудки, остатки старых, обветшалых идеологий, вроде религии и т. п. Только на основе законов общественного развития, впервые открытых Марксом и Энгельсом, можно понять организующее, мобилизующее и преобразующее значение передовых идей, передового сознания, передовой теории марксизма-ленинизма в нашем развитии.

В наших теоретических работах и педагогической практике в последние годы имела место некоторая недооценка, игнорирование проблемы о роли идей, роли сознания в общественной жизни. Этот скат к экономическому материализму был связан с влиянием так называемой «школы» Покровского, являлся отголоском старых буржуазных, меньшевистских, бухаринских «теориек», разгромленных партией, остатки которых проявляли некоторую живучесть в головах отдельных «теоретиков».

На одной из лекций был задан такой вопрос: «Чем объяснить то, что капитализм, как социально-экономический строй, давно изжил себя, исчерпал; обострение противоречий, свойственных капитализму, достигло небывалой остроты; в момент кризиса 1929—1932 гг. число безработных достигло сорока миллионов человек; капитализм, который разрушает производительные силы, величайшие сокровищницы культуры, ввергает народы в пучины кровопролитнейших войн, и несмотря на все эти показатели гнилости капи-

тализма, почему он еще существует, почему до сих пор он не уничтожен на пяти шестых земного шара?».

Ясно, что один экономический анализ капитализма недостаточен, чтобы ответить на этот вопрос. Без учета роли надстроек, прежде всего буржуазной государственной машины как орудия подавления и порабощения масс, без учета роли буржуазной идеологии, отравляющей сознание трудящихся, без учета раскольнической деятельности прихвостней буржуазии — социал-демократов, — без учета всех этих факторов нельзя дать ответа на данный вопрос.

Почему капитализм, несмотря на всю свою гнилость, пока еще не свергнут рабочим классом за пределами СССР?

На XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин говорил:

«Главное, чего особенно добиваются буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни, — это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство. Ибо буржуазия знает, что если капитализм еще не свергнут и он продолжает все еще существовать, то этим он обязан не своим хорошим качествам, а тому, что у пролетариата нет еще достаточной веры в возможность своей победы. Нельзя сказать, чтобы старания буржуазии в этом направлении оставались вполне безуспешными. Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и неверия» [1].

Противоречия капитализма, нестерпимый гнет все больше и больше будут толкать рабочий класс капиталистических стран на путь социалистической революции. Факт победы социализма в СССР будет все больше и больше революционизировать сознание рабочего класса капиталистических стран, укреплять его веру в свои силы. Но рост революционного сознания масс не есть стихийный процесс. Деятельность авангарда пролетариата — коммунистических партий — по формированию социалистического сознания рабочих масс, борьба с буржуазной реакционной идеологией, освобождение масс из-под власти буржуазных реформистских идей — все это необходимые условия победы пролетариата над буржуазией. Только марксистско-ленинская теория дает силу ориентировки и уверенность в победе рабочего класса во всем мире.

Все это говорит о том, что вопрос о роли идей, роли сознания в общественном развитии выдвигается теперь как важнейшая проблема, имеющая злободневный теоретический и практический интерес.

При освещении вопроса о роли идей, сознания в общественном развитии всегда следует иметь в виду двух противников, в борьбе с которыми возникла и развилась марксистско-ленинская наука о законах общественного развития.

Таким противником является прежде всего наш старый враг —

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 610, изд. 11-е.

идеализм, который исходит из того, что идеи являются решающей и определяющей силой исторического развития, что идеи — демиург, творец исторического процесса. Исторический материализм сложился в борьбе с этим идеалистическим направлением. Основные работы Маркса и Энгельса направлены против этого врага.

Но мы не должны забывать и о другом противнике, в борьбе с которым развивалось наше понимание истории: я имею в виду экономический материализм. Об этом втором противнике иногда забывают, а между тем большевизм сложился и развивался в борьбе не только с идеализмом, но и с вульгарным экономическим материализмом экономистов, меньшевиков, в борьбе с вульгарной теорией автоматического перехода от капитализма к социализму (меньшевистская теория производительных сил, оппортунистическая теория мирного врастания капитализма в социализм, оппортунистическая буржуазная теория самотека и т. п.).

В этой связи следует отметить, что основатели большевизма — Ленин и Сталин — особенно значительное место в своих работах уделяли вопросу борьбы с вульгарным псевдомарксистским пониманием общественного развития, с теорией стихийности в рабочем движении, борьбы с теорией мирного врастания капитализма в социализм. Ленину и Сталину принадлежит всемирно-историческая заслуга всесторонней разработки, обоснования вопроса о роли передовых идей, передовой общественной теории в общественном развитии.

I

Идеалистический взгляд на роль сознания в общественном развитии в несколько наивной и вместе с тем классически ясной форме выразил Руссо в следующих строках своей книги «О происхождении и основах неравенства между людьми». Он писал: «Тот, кто первый отгородил участок земли и осмелился сказать «это принадлежит мне», и нашел людей, которые были достаточно глупы, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества». От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте, лучше, этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля никому».

С этой точки зрения весь ход всемирной истории мог бы быть совершенно иным, чем тот, который в действительности имел место, если бы много лет тому назад появился выдающийся человек, который указал бы людям на те пагубные последствия, которые влечет за собой частная собственность. Эта точка зрения отрицает историческую закономерность; с этой точки зрения ход общественного развития, ход истории есть хаос случайностей, ошибок и заблуждений. Здесь нет еще собственно научного взгляда на историю.

Приведенное рассуждение Руссо исходило из общего, господ-

ствовавшего тогда представления, что разум, мнения, идеи правят миром. Этот взгляд разделяли и французские материалисты и впоследствии социалисты-утописты, русские народники в том числе.

Общественное развитие есть сложный, многосторонний процесс. Когда мы изучаем исторические события прошлого, то бросается в глаза, что всем более или менее значительным историческим событиям предшествует или сопровождает их борьба идей, борьба мнений, борьба мировоззрений. Историкам, социологам — идеалистам кажется, что эта борьба идей и есть подлинная движущая, определяющая сила исторического развития.

Когда древний мир клонился к упадку, возникшее христианство вело борьбу против древних языческих религий и в конце концов победило их.

В XI—XIII веках колонизация Востока, грабительская колониальная политика пап, феодалов и рыцарства шла под флагом «освобождения гроба господня». Борьба крепостных крестьян против гнета светских и духовных феодалов шла под религиозным знаменем: так называемые ереси, движение Яна Гуса, движение, известное как реформация, крестьянская война в Германии, борьба гугенотов с католиками во Франции, борьба кальвинистов в Швейцарии.

Английская буржуазная революция XVII века также происходила под знаком борьбы пуритан с католиками; борьба французских просветителей XVIII века против феодальной католической идеологии и крепостнических порядков шла под знаменем борьбы за осуществление принципов разума — свободы, равенства и братства. Здесь философская, идейная революция предшествовала великим революционным политическим битвам 1789—1794 годов, приведшим к низвержению феодализма. То же самое имело место и в Германии перед революцией 1848 года.

Всюду и всегда борьба идей, взглядов предшествует и сопровождает социальные движения.

Отсюда отчасти и вытекает попытка идеалистов-историков судить о предшествовавших эпохах по сознанию, по идеям, которые господствовали в эти эпохи, а отражающую противоречия классов борьбу идей, мировоззрений, идеологий рассматривать как определяющую причину исторических событий, как решающую силу общественного развития. Эта иллюзорно-идеалистическая точка зрения была господствующей до Маркса, она является и сейчас в той или иной форме господствующей среди буржуазных идеологов.

Маркс, имея в виду этот идеалистический взгляд на историю, писал, что в частной жизни любой лавочник может отличить то, что сам о себе думает тот или иной человек, и то, чем он является на самом деле; поскольку же речь идет о всемирной истории, то здесь историки судят об эпохах по их сознанию, вместо того чтобы это сознание объяснить из условий жизни народа данной эпохи.

Историк-идеалист остается на поверхности явлений, идеальные

побудительные силы он расcматривает как решающую причину общественного развития. Но общественные идеи, идеалы всегда посрамлялись, когда они приходили в противоречие с потребностями материальной жизни общества, с интересами передовых классов. Мы знаем на примере народников, как их идеалы, находясь в полном противоречии с тогдашней русской действительностью, потерпели крах. Известно, как посмеялась жизнь, история над идеалами, программами, лозунгами эксплоататорских классов и их партий в России.

Идеализм считает идеи, разум, сознание определяющей, решающей силой общественного развития. Но идеализм не может объяснить, откуда и почему в обществе в данное время возникают именно эти, а не другие идеи, что является причиной, вызывающей появление в данном обществе определенных идей, понятий, нравов.

Уязвимое место идеализма состоит в том, что он не может объяснить, почему в разные эпохи господствуют разные идеи, взгляды, мировоззрения, различные понятия, представления о справедливом и несправедливом, разумном и неразумном. Исторический идеализм не может объяснить такой факт, почему, например, Аристотель, несмотря на свой гений, считал рабство естественным явлением, а французские просветители XVIII столетия считали рабство противоречащим природе человека, принципам разума.

Аристотель писал в «Политике»: «Природа устроила так, что и физическая организация свободных людей отлична от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов, свободные же люди держатся прямо и неспособны для выполнения подобного рода работ; зато они пригодны для политической жизни, а эта последняя, в свою очередь, распределяется у них на деятельность в военное и мирное время». И еще: «Но как бы там ни было, очевидно, что одни естественно являются свободными, а другие — естественно рабами и что по отношению к этим последним рабское положение столь же полезно, как и справедливо».

Руссо свою книгу «Общественный договор» начинает словами: «Человек рожден свободным, — а между тем везде он в оковах». Так думали вместе с Руссо все французские просветители XVIII столетия. Так думали все передовые мыслители — враги крепостничества, деспотизма и в других странах, считая рабство противоестественным состоянием.

Исторический идеализм не в состоянии объяснить, почему в разные эпохи господствуют различные идеи. Француз Валлон, автор работы «История рабства в античном мире», критикуя Аристотеля, недоумевает, почему гениальный ученый древности пришел к таким нелепым выводам, и поучает: «Если бы он (Аристотель) к этому единственному факту (что и рабы — люди — *Ф. К.*) приложил всю силу своей логики», тогда, мол, Аристотель перестал бы считать одних людей рабами по природе, а других рабовладельцами по природе. Причина, почему Аристотель думал так, а не иначе

о рабстве, есть его заблуждение, ошибка, недостаточная логическая последовательность мысли. Так думает Валлон и ему подобные идеалисты.

Для нас ясно, что характер идей и гениальных мыслителей определяется условиями соответствующей эпохи. Господствующие идеи данного общества есть идеи господствующего класса. Аристотель был идеологом класса рабовладельцев. Рабство было тогда единственно возможной и для того времени прогрессивной формой общества. Аристотель, как сын своей эпохи, как идеолог господствующего класса рабовладельцев, не мог мыслить о рабстве иначе, чем он мыслил. Аристотель, правда, мечтал:

«...Действительно, если бы всякое орудие могло работать само по данному приказу или даже предвосхищая его, как статуи Дедала или треножники Гефеста, которые, по словам поэта, сами собой являлись на собрание богов, если бы челноки ткацких станков ткали сами собой, если бы смычок сам собой играл на кифаре, то предприниматели стали бы обходиться без рабочих, а хозяева — без рабов».

Но создание таких автоматов он считал невозможным.

Аристотель был всеобъемлющий гений. Он анализировал не только формы мышления, естественные формы, но и формы стоимости. Маркс цитирует Аристотеля в I томе «Капитала» и воздает должное силе его гения. И все же Маркс заключает:

«Но тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как равный и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит «в действительности» это отношение равенства»[1].

Сила гения заключается в том, что он обнаруживает то, что в жизни еще содержится лишь в зародыше. На основании этого зародыша, тенденций развития настоящего, гений предвосхищает будущее. Но даже в этом предвидении гениальный мыслитель остается сыном своего времени.

Плутарх, историк древности, пишет о выдающемся ученом Архи-

[1] Маркс, Капитал, т. I, изд. 1936 г., стр. 23.

меде, что его можно извинить за то обстоятельство, что он занимался механическими изобретениями, так как родина Архимеда — Сиракузы — находилась в опасности.

Советский человек, читая это место из Плутарха, может удивиться, как могла притти на ум историку несуразная мысль о необходимости оправдания великого ученого за то, что он занимался механическими изобретениями.

В нашей стране любого изобретателя, двигающего технику, науку вперед, мы чтим как героя, а тут историк считает нужным оправдывать Архимеда за то, что он занимался механическими изобретениями. Почему? С точки зрения идеализма нельзя объяснить этот факт. Для нас ясно, что Плутарх и Архимед жили в условиях рабовладельческого общества, где физический труд являлся зазорным делом для свободного человека; отсюда все, что имеет отношение к физическому труду, считалось делом, недостойным свободного человека, отсюда странное, на первый взгляд, отношение к великому ученому, который сделал великие открытия в области науки, в области техники.

Известно, что идеологи современного капиталистического рабовладельчества, некогда превозносившие прогресс техники, науки, ныне видят в новых открытиях, двигающих технику вперед, величайшее бедствие, чуть ли не источник всех социальных зол.

В 1831 году, больше ста лет тому назад, английское «Общество по распространению полезных знаний» выпустило брошюру «Результаты машинного производства». В предисловии к этой брошюре писалось: «Эта книжка рисует яркую картину великих изобретений, благодеяний, приносимых машиной, триумфального шествия человека к комфорту и цивилизации, каждый раз как он перекладывает какую-нибудь часть грязной повседневной работы с человеческой спины на колеса и поршни. Автор выдвигает с энтузиазмом и силой свои аргументы в борьбе с предрассудками рабочих, переходя от одной отрасли промышленности и от одной страны к другой».

Сто лет тому назад идеологам буржуазии пришлось говорить о предрассудках рабочих и убеждать их в выгодности машин, прогресса техники. Но меняются времена, меняются и песни. Поистине мудрость становится безумием, злом — благо.

В 1932 году во время мирового кризиса на ежегодном научном съезде в Англии председатель Британской ассоциации Альфред Юинг заявил:

> «В отношении современных мыслителей к тому, что называется механическим прогрессом, мы наблюдаем критический дух. Восторг умеряется критицизмом, удовлетворение сменилось сомнениями, сомнения переходят в тревогу.
>
> Да простят старому представителю прикладной механики, если он выразит долю того разочарования, которое он испытывает, стоя сейчас в стороне и наблюдая быстро сменяющуюся картину изобретений и открытий, которыми он обычно так безгранично

восхищался. Нельзя не спросить, куда ведет этот грозный процесс? В чем в конце концов заключается его цель? Как он отразится на будущем человечества?

Человек этически не был подготовлен к таким великим щедротам... Механическое производство все в большей мере заменяет человеческий труд. Таким образом оказывается, что обогащенный огромными владениями и возможностями, превосходящими все мечты, человек в значительной мере лишается неоценимого блага, а именно: необходимости трудиться... Он утратил радость мастерства... Часто его уделом становится безработица, которая хуже любой, самой грязной работы. И мир оказывается наводненным конкурирующими товарами, произведенными в слишком большом количестве, чтобы их можно было потребить... Где выход из положения? Я не могу на это ответить».

Этот ответ был дан другими представителями буржуазии: «Обуздать технику, обуздать науку» — таково последнее изобретение капиталистического мира в период его загнивания.

С точки зрения саморазвития идей, с точки зрения саморазвития сознания нельзя понять этого перехода от культа техники, науки к их проклятию.

С точки зрения исторического идеализма нельзя понять такой факт, почему у колыбели капитализма в качестве его идеологов стояли такие величественные фигуры, как Данте, Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Кант, Гегель, Гете, Вольтер, Дидро, Гельвеций, Шекспир, Бекон, Гоббс, Кромвель, а у могилы капитализма в качестве его защитников стоят сейчас ничтожные пигмеи. Почему великие люди у колыбели капитализма пели гимн разуму, человечеству, их идеалы были проникнуты стремлением к свободе, равенству, а сейчас, в период упадка, гниения капитализма, буржуазия исповедует зоологический шовинизм, человеконенавистничество, мистику, чертовщину.

Только с точки зрения исторического материализма можно объяснить, почему в разные эпохи господствуют различные идеи, мировоззрения.

Только марксизм дал ключ к пониманию всех явлений исторической жизни, в том числе и развития духовной жизни общества.

II

Многие «критики» марксизма обвиняли марксизм в односторонности, в игнорировании роли сознания, роли идей в общественной жизни. В действительности же лишь марксизм впервые открыл невиданные возможности для сознательного воздействия масс, миллионов людей на ход исторического развития, ибо роль сознательной деятельности становится неизмеримо более плодотворной, когда она опирается на знание законов общественного развития. А эти законы впервые были открыты Марксом и Энгельсом.

Марксизму бросали упрек, что он якобы игнорирует роль идей

в общественной жизни. Но кто может указать ныне другие идеи, которые оказывали бы на ход всемирной истории такое революционизирующее влияние, какое оказывают сегодня и будут оказывать во все возрастающей мере в будущем великие идеи марксизма-ленинизма? Недаром буржуазия трепещет в животном страхе перед натиском этих идей, недаром она мобилизует всю свору своих борзописцев, разбойников пера для борьбы с революционными идеями марксизма-ленинизма.

Враги и «критики» марксизма обычно ставят вопрос: совместимо ли понимание общественного развития как естественно-исторического процесса, из чего исходит марксизм, с возможностью сознательного воздействия людей на ход истории? Не исключают ли эти положения друг друга?

Удары грома, сверкающая молния приводят в страх и трепет дикаря, темного крестьянина. Они стремятся заклинаниями, молитвами отвратить от себя разрушающее действие стихийной силы природы. Однако, несмотря на эти заклинания, молния сжигает дома, убивает людей. Но вот люди, наконец, познали стихийную силу природы — электричество; чтобы предотвратить разрушающее действие молнии, на высоких зданиях ставят громоотводы. Познав природу электричества, люди научились его производить, сковали эту силу природы, пустили по металлическим проводам, заставили приводить в движение целые поезда, гигантские машины, освещать здания, улицы. Так, познание сил природы дает возможность укротить ее, подчинить человеку, его власти. Подчиняясь законам природы, человек подчиняет природу себе, господствует над ней. В капиталистическом обществе производительные силы и производственные отношения выступают по отношению к людям как внешние стихийные разрушительные силы. Создания людей поработили их. Во время кризисов перепроизводства общество как бы возвращается в состояние варварства. Капиталисты сознательно разрушают, сжигают то, что требовало для своего создания огромных усилий; повелителями капитализма овладевает мистический страх и ужас.

Целые горы книг, проектов, планов написаны и разработаны всякими «пророками» и апологетами капитализма с целью излечить его пороки, уничтожить анархию производства, кризисы. Но анархия производства продолжает существовать; кризисы перепроизводства периодически закономерно повторяются, становясь все более и более разрушительными; производительные силы, созданные людьми, продолжают господствовать над ними как стихийные силы природы; люди, в том числе и господа капиталисты, продолжают оставаться игрушкой стихийных общественных сил, барахтаться в сетях общественных противоречий. Это одно из проявлений слепой исторической необходимости, стихийности общественного развития при капитализме. Но общественные отношения, производительные силы господствуют над людьми как внешние стихийные силы лишь до тех пор, пока не познана их природа как общественных произ-

водительных сил и пока устаревшие капиталистические отношения не заменены социалистическими, соответствующими современной ступени развития производительных сил.

Рабочий класс СССР, руководимый коммунистической партией, вооруженный марксизмом-ленинизмом, знанием законов общественного развития, уничтожил капитализм со всеми его пороками, язвами, противоречиями, антагонизмами и установил социалистический строй, где производительные силы и производственные отношения полностью соответствуют друг другу, где развитие носит планомерный характер, где нет анархии, кризисов перепроизводства, где историческая необходимость познана и превратилась в свободу.

Это и говорит о том, что историческая необходимость и сознательная деятельность людей не исключают друг друга.

Деятельность людей, передовых классов, действующих в направлении исторического развития в соответствии с материальными потребностями общества, — тем успешнее, чем яснее люди осознают эту историческую необходимость, эти материальные потребности общества и строят свою деятельность в соответствии с направлением необходимого закономерного исторического развития.

Исторический материализм учит, что общественное развитие носит стихийный характер лишь до известного предела, до известного пункта. В ходе общественного развития наступает такая полоса, такой период, когда дальнейшее развитие вперед возможно только в результате сознательной деятельности масс, передовых классов.

Общественное развитие носит стихийный характер; миллионы людей, каждый в отдельности преследуя личные цели, развивают производительные силы; они не учитывают общественных результатов своей деятельности. Существующие производственные отношения дают достаточный простор для развития производительных сил. Но наступает такая ступень в развитии производительных сил, когда они вступают в конфликт с существующими производственными отношениями, когда дальнейшее движение вперед возможно только после уничтожения старых производственных отношений. Развитие производительных сил упирается в отжившие производственные отношения, которые в свое время давали достаточно широкий простор для развития производительных сил, способствовали движению общества вперед, а потом превратились в оковы развития производительных сил и всего общества. Чтобы общество могло развиваться, двигаться вперед, нужно уничтожить старые производственные отношения.

Маркс в письме к Анненкову писал, что люди не откажутся от того, что они достигли в области производительных сил; но именно для того, чтобы сохранить достигнутое, они вынуждены бывают уничтожать старые, унаследованные от прошлого, отжившие производственные отношения.

Как можно уничтожить старые производственные отношения, на

защите которых стоит эксплоататорский класс, вся система государственного управления данного господствующего класса?

Материальная сила может быть свергнута только материальной силой.

В зависимости от характера исторической задачи, от ее глубины развертываются масштабы движения классов, масс. Как приходят в движение массы, передовые классы, которые могут расчистить дорогу дальнейшему историческому развитию, уничтожая старые, отжившие общественные учреждения?

Противоречия между старыми производственными отношениями и новыми производительными силами получают свое отражение в головах людей, в их сознании. Возникает новое сознание, новые идеи, теории как выражение назревших исторических нужд, потребностей материальной жизни общества.

«До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента, до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют, как следует, созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители — господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает громадная роль новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения. На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплачиваются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки. Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революции» [1].

Конфликт в способе производства отражается в сознании масс как недовольство старыми порядками, отношениями. На сцену выступают идеологи передовых классов, великие исторические личности, которые глубже выражают исторические задачи своего времени, формулируют цели, лозунги борьбы. Вновь возникшие идеи, выражающие потребности исторического развития, проникают в массы, мобилизуют, сплачивают их на борьбу со старыми ненавистными порядками. Передовые идеи превращаются в могучую материальную силу исторического развития.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 561, изд. 11-е.

В основе революционных переходов от одной общественной формации к другой всегда лежал конфликт между новыми производительными силами и устаревшими, отжившими производственными отношениями.

Переход от одной общественной формации к другой не осуществлялся сам собой, помимо людей, а всегда был связан с революционной, сознательной деятельностью масс. Но как осознают массы, как осознают вожди масс, классов конфликт между производительными силами и производственными отношениями, исторические задачи своего времени, это зависит каждый раз от характера общественной формации, от исторической ступени, на которой находится человечество, от того, какой класс выступает на исторической арене в качестве силы, низвергающей старое и создающей новое, от целого ряда конкретных исторических условий, в которых происходит борьба нового со старым.

Идеологическое выражение новых исторических задач в прошлых революциях принимало самые разнообразные, иногда фантастические религиозные формы. В своем «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал:

«Люди сами делают свою историю, но они ее делают не самопроизвольно, не при обстоятельствах, выбранных ими самими, а при обстоятельствах, непосредственно данных заранее и унаследованных. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, чтобы переделывать себя и окружающее и создавать нечто небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо вызывают себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в освященном древностью наряде, на заимствованном языке разыгрывать новый акт на всемирно-исторической сцене. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 г., то революционные традиции 1793 — 1795 годов. Так новичок, научившийся иностранному языку, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родного.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камилл Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — как герои, так и партии и народные массы старой французской революции, — осуществляли в римском костюме и с римскими фразами дело своего времени — освобождение от оков

и установление современного *буржуазного* общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили выросшие на этой почве феодальные головы; последний создал внутри Франции условия, при которых стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплоатация парцеллированной поземельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы, поскольку буржуазное общество Франции нуждалось в создании соответственной, отвечающей потребностям времени обстановки на европейском континенте. Едва новая общественная формация успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина, — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сэях, Кузенах, Ройэ-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное накоплением богатств и мирной борьбой конкуренции, оно забыло, что его колыбель охраняли древне-римские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих преданиях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда английское общество было переделано на буржуазный лад, пророка Аввакума вытеснил Локк.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы преувеличить значение данной задачи в фантазии, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы вызывать ее призрак» [1].

Новые, передовые общественные идеи, выражавшие назревшие экономические и политические потребности общества, в революциях прошлого облекались в самые причудливые формы, порой религиозные.

В буржуазных революциях наряду с общими чертами, характеризующими их идеологическое вооружение, есть и различие, выра-

---

[1] *Маркс*, Избранные произведения, т. II, стр. 246—247

жающее степень зрелости класса, возглавляющего борьбу против феодализма.

Энгельс в введении к английскому изданию книги «Развитие социализма от утопии к науке» говорит о трех крупных битвах европейской буржуазии: 1) реформации, в том числе и крестьянской войне в Германии XVI века, 2) английской революции XVII века и 3) французской буржуазной революции XVIII века.

Каждая из этих битв была борьбой народившейся буржуазии против феодализма. Коренные причины борьбы общи всем трем указанным битвам, но идеологическое оружие, с которым выступает буржуазия в Германии XVI века, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, различно.

Во время крестьянской войны в Германии в 1525 году даже крайний представитель этого антикрепостнического движения Мюнцер, вождь крестьянской войны, не мог избавиться от религиозной формы выражения протеста против главной в то время силы крепостничества — против папы и его «воинства». Он, призывая к восстанию, ссылается на евангелие, на пророков, на Христа. «Говорит же Христос: «Я пришел принести не мир, а меч». Что же вы (саксонские князья) должны сделать им? Если вы хотите быть слугами господа, то вы должны устранить и удалить злых, препятствующих Евангелию. Христос повелел... «Врагов моих приведите сюда и избейте передо мною...» Бросьте пустые отговорки, будто сила божия должна сделать это без помощи вашего меча, ибо, в противном случае, он заржавеет в ножнах. Тех, кто противится божественному откровению, следует убивать без всякого милосердия, подобно тому, как Езекия, Кир, Иосия, Даниил и Илия сокрушили жрецов Ваала, ибо иначе христианская церковь никогда не возродится. Следует вырвать плевелы из вертограда божия при наступлении жатвы. Господь сказал Моисею... «Не жалейте безбожников, разбейте их алтари, развейте и сожгите идолы их, чтобы гнев мой не обрушился на вас»[1].

Так, крайний представитель реформационного движения Мюнцер обращается к князьям, стремясь поднять их на борьбу против католичества, папы и его своры.

Обращения к князьям остались безрезультатными. Но их услышали крестьяне, плебеи, стонавшие под гнетом духовных и светских феодалов. Нас здесь в данной связи интересует то, что крестьянская, буржуазная по своему содержанию, революция выступила под религиозным знаменем.

То же по сути дела имело место и во время английской буржуазной революции. Революционные войска Кромвеля шли против королевских войск под звуки религиозного гимна: «Да воскреснет бог и расточатся враги его», в то время как столетием позже войска революционной Франции шли в бой против врагов под звуки революционного гимна — «Марсельезы».

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 137.

Английская буржуазия в качестве идейного оружия против феодализма имела реформированное и демократизированное христианство — пересаженный на английскую почву кальвинизм. Французская революционная буржуазия XVIII века выковала в борьбе против своих врагов наиболее острое идейное оружие — материализм и атеизм.

Рядясь в одежды героев античного мира, вожди, идеологи французской буржуазии сформулировали политические лозунги революции — свобода, равенство и братство.

Натиск идеологов буржуазии на крепостнические идеи и учреждения, как и сама революция, идеологически подготовленная просветителями, были во Франции более сокрушающими и разительными, чем все предшествовавшие буржуазные революции в других странах.

Во всех трех перечисленных битвах борьба буржуазии против феодализма сопровождалась борьбой против католической церкви. Вопросы религии занимали значительное место. Это объясняется тем, что католическая церковь была одной из главных экономических и политических сил феодализма, она своим авторитетом освящала феодальный порядок как посланный от бога. Поэтому и борьба против феодализма сопровождалась во всех странах борьбой против католической церкви. В Германии XVI века, в Англии XVII века классовая политическая борьба приняла религиозную форму, и лишь во Франции XVIII века политические требования против крепостничества носили открытый характер, не облачались в религиозные одежды. Это связано с тем, что во Франции борьба происходила при более зрелых условиях. В Германии XVI века и в Англии XVII века новые, буржуазные общественные отношения были менее зрелыми; сознание масс было воспитано на религиозных идеях; поэтому в то время и протест свой против крепостничества массы могли выразить лишь в религиозной форме. Сила традиционных форм сознания была чрезвычайно велика. Поэтому и новые революционные идеи облеклись в религиозные одеяния.

Все значительные исторические движения при переходе от одного общественного уклада к другому связаны с борьбой идей, с борьбой мировоззрений. Старые идеи, взгляды, нравственные нормы, мировоззрения выражают интересы отживающих классов, освящают старые порядки. Господствующий класс, чтобы сохранить отживший общественный строй, опирается не только на насилие. Ленин в своей работе «Крах II Интернационала» говорит, что господствующие эксплоататорские классы для своего господства нуждаются в функции палача и в функции попа. Палач необходим господствующим классам, чтобы силой подавлять возмущение масс, их попытки свергнуть старый строй.

Поп призван усыплять сознание масс, отравлять их душу, отуплять их, рисовать им призрачные перспективы райской жизни праведников на небе.

Поп учит неизбежности страданий на земле, стремится примирять угнетенные массы с эксплоататорами.

В роли попов выступают не обязательно только представители религиозного культа. В современном капиталистическом обществе в роли попов, растлителей сознания масс, выступают социал-демократы как агенты буржуазии, ее верные сторожевые псы, слуги.

Нельзя поэтому свергнуть старый, отживший порядок, не развенчав весь строй его старых идей, представлений, отражающих интересы отживших классов. Историческим законом является то, что критике старых, отживших порядков силой оружия предшествует оружие критики.

Одна из особенностей всех революционных переворотов прошлого состоит в том, что новый передовой класс, выступающий на историческую арену, всегда отождествляет свои ограниченные классовые интересы с интересами всего народа. Идеологи передового класса питают иллюзии, выдавая ограниченные интересы своего класса за всеобщие интересы. Но здесь есть и доля истины, оправдание этому. Когда, например, возник конфликт производительных сил с феодальными производственными отношениями, в разрешении этого конфликта заинтересован был весь народ. В свержении феодальных порядков, в установлении буржуазных свобод были заинтересованы не только буржуазия, но и крестьянство и городская беднота. Ограниченный характер лозунгов, целей, которые руководили действиями масс, выступает наружу лишь в ходе борьбы или после прихода к власти буржуазии.

Если буржуазные революции не могли совершиться без сознательной деятельности масс, то это еще в неизмеримо большей мере относится к социалистической революции, осуществляющей неизмеримо более величественные задачи, чем все революции прошлого.

Все великие революции прошлого имели своим источником, самой глубокой причиной конфликт между производительными силами и отжившими производственными отношениями. Великая социалистическая революция имеет своей причиной противоречие между новыми производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, ставшими тормозом для дальнейшего развития. Но сам собой капитализм погибнуть не может, если его не свергнуть силой. Этой силой является рабочий класс. Он может выполнить свою всемирно-историческую миссию лишь при ясности целей, путей и средств борьбы. Эти цели, пути и средства ему указывает его партия, вооруженная марксизмом-ленинизмом. Только под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством коммунистической партии рабочий класс в состоянии перейти от отдельных, разрозненных, неорганизованных сражений против буржуазии к победоносной социалистической революции. Об этом говорит опыт борьбы рабочего класса в СССР.

Самой глубокой причиной социалистической революции является

конфликт между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. Но какое расстояние отделяет начало этого конфликта от его разрешения? Уже в эпоху «Коммунистического манифеста» конфликт между буржуазными производственными отношениями и новыми производительными силами начал проявляться, и Маркс и Энгельс констатировали это. Со времени появления «Коммунистического манифеста» прошло уже более 90 лет; эпоха империализма, когда капитализм вступил в полосу загнивания, в полосу нисходящей линии развития, длится уже более четырех десятилетий, а этот конфликт между новыми производительными силами и буржуазными производственными отношениями разрешен пока только на одной шестой части земного шара.

О чем говорит этот факт? Прежде всего о том, что даже после того, как уже возник конфликт между производительными силами и производственными отношениями, когда в недрах старого общества созрели уже материальные предпосылки для нового, коммунистического общества, переход к этому коммунистическому обществу возможен только в результате сознательной, планомерной деятельности передового класса, который может и должен объединить вокруг себя всех трудящихся. Без этого невозможно разрешение противоречия между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями.

Меньшевистская, оппортунистическая теория автоматического перехода от капитализма к социализму в результате простого роста производительных сил, «теория» мирного врастания капитализма в социализм исходит из нелепого предположения, что рост производительных сил сам собою, без творческой революционной деятельности масс, ведет к превращению капитализма в социализм. В действительности же капиталистические производственные отношения могут быть ликвидированы только в результате насильственной революции масс. А эти массы не могут организованно выступить, если они не поймут, не осознают непримиримую противоположность своих классовых интересов интересам буржуазии, если рабочий класс не осознает, что только путь насильственной революции, путь диктатуры пролетариата является единственным путем, могущим обеспечить победу. Это сознание всемирно-исторической роли рабочего класса, знание путей и средств борьбы дает только марксизм-ленинизм. Только под знаменем великих идей большевизма возможно объединение пролетариев всех стран и угнетенных народов мира и их освобождение.

Ленин всегда учил, что без революционной теории не может быть революционного движения. Роль передового борца класса сможет выполнить только партия, руководимая передовой теорией.

Товарищ Сталин в своей работе «Об основах ленинизма» писал о теории:

«Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной,

если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем»[1].

Марксизм учит, что передовая общественная теория, передовые идеи играют величайшую мобилизующую, организующую роль, а реакционные идеи являются тормозом, препятствием для общественного развития. Марксизм учит также, что чем ближе, чем глубже, чем точнее передовые идеи выражают потребности своей эпохи, потребности экономического развития общества, тем большую роль они призваны сыграть в историческом движении.

Вот этим наиболее близким, адэкватным выражением исторических потребностей нашей эпохи, потребностей нашего времени и всего будущего развития человечества является марксизм-ленинизм, большевизм, и нет той силы в мире, которая могла бы воспрепятствовать торжеству этих идей во всем мире.

Вы помните преследования сторонников марксизма-ленинизма со стороны царизма; произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина запрещались, истреблялись. И все-таки царизм не спас себя и буржуазию от гибели. На Западе также преследуют марксистов и марксизм. Но, как царизм не смог помешать торжеству идей ленинизма, большевизма, так не смогут помешать их торжеству и господствующие классы капиталистических стран.

IV

Чем ближе становится революция, тем с большей силой выступает значение борьбы за передовые идеи, за передовое сознание.

Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» говорил, что у пролетариата есть три формы классовой борьбы: экономическая борьба, политическая борьба и теоретическая борьба. Только в концентрическом ударе по всем этим линиям находится залог успеха борьбы рабочего класса.

Одну из важнейших причин отсталости английского рабочего движения Энгельс видел в равнодушии вождей английского рабочего движения к теории.

Марксу и Энгельсу в полосу подготовки предпосылок пролетарской революции приходилось в области социологии главные удары наносить представителям исторического идеализма.

Все произведения Маркса и Энгельса, как известно, — это не

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 14, изд. 11-е.

только изложение положительных взглядов научного коммунизма, марксизма в целом, но они вместе с тем являются непримиримой революционной критикой буржуазных идей.

Все произведения Маркса и Энгельса направлены против враждебной рабочему классу идеологии, все они преследуют цель просветить умы рабочего класса, освободить их от власти буржуазных предрассудков, подготовить их к грядущей революции. Маркс и Энгельс видели, какую тормозящую, реакционную роль играют буржуазные идеи, традиции, предрассудки.

В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс, анализируя причины, приведшие к перевороту Луи Бонапарта во Франции, рассматривает всю совокупность явлений тогдашней жизни. И в качестве одной из причин, благоприятствовавших перевороту, Маркс указывает на исторически сложившиеся традиции, жившие в головах отсталых, забитых крестьян.

Как могло случиться, чтобы во Франции, в стране больших революционных традиций, во Франции, которая пережила великую буржуазную революцию, якобинскую диктатуру, 1830 год, июньские баррикады 1848 года, — как в этой стране могло случиться, что проходимец Луи Бонапарт мог осуществить контрреволюционный переворот?

Объясняя эти причины, Маркс говорит:

«Историческая традиция породила веру французских крестьян в человека по имени Наполеон, который возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся индивидуум, выдающий себя за этого человека, потому что он носит имя Наполеона, на основании Наполеоновского кодекса, который предписывает: «La recherche de la paternité est interdite» (запрещается искать настоящего отца незаконного ребенка). После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается сказка, и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества» [1].

Исторический материализм — это единственно научный метод изучения общественной жизни, истории. Он требует всестороннего изучения действительности как сложного, противоречивого процесса. Исторический материализм, как и марксизм-ленинизм в целом, — это величайшее орудие революционного действия. А действие революционное будет тем успешнее, чем точнее познается действительность. Враги клевещут на марксизм, когда говорят, что марксизм игнорирует роль идей в общественной жизни; как видим, Маркс при анализе переворота Луи Бонапарта учитывает даже роль традиций.

Всю свою деятельность Маркс и Энгельс посвятили неустанной разработке теории пролетарской революции, выработке самого передового сознания современности — научного коммунизма.

[1] Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 322.

В одной из самых ранних своих работ — «К критике гегелевской философии права»—Маркс писал, что теория, когда она овладевает массами, становится материальной силой.

В этой же работе Маркс писал, что новая философия находит в пролетариате свое материальное орудие изменения старого мира, а пролетариат находит в философии свое духовное оружие борьбы.

О своем главном труде—«Капитале»—Маркс в одном из писем писал, что это будет снаряд величайшей взрывчатой силы, пущенный в голову буржуазии. И действительно, это был удар сокрушающей и уничтожающей силы, направленный против буржуазной политической экономии, против капитализма, его апологетов, пытавшихся представить капитализм как единственно возможный общественный строй.

В своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс говорит, что коммунистическая революция не может даже начаться, пока не вытравлены суеверия прошлого.

> «Прежние революции, — писал Маркс, — нуждались в воспоминаниях о прошлом мировой истории, чтобы заглушить в себе напоминание о своем собственном содержании. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых»[1].

Иначе говоря, пролетарская социалистическая революция не нуждается ни в каких иллюзиях; она требует ясности ее осознания как нового переворота, призванного уничтожить все формы рабства и угнетения, создать невиданный до этого строй — коммунистический. Над выработкой этого сознания рабочего класса, над обоснованием его исторической роли всю свою жизнь работали творцы научного коммунизма.

Без научного коммунизма, созданного Марксом и Энгельсом, невозможно было бы современное рабочее движение, невозможна была бы победа социалистической революции в СССР.

Ленин и Сталин, создавая новую теорию пролетарской революции применительно к новой эпохе, эпохе империализма, опирались на прочный фундамент марксизма; творчески развивая марксизм, Ленин и Сталин исходили из принципов марксизма, из мировоззрения, созданного Марксом и Энгельсом.

Выше мы говорили, что Марксу и Энгельсу пришлось выступить в области общественной теории против исторического идеализма. В то время это был главный и, пожалуй, единственный в области социологии враг. Марксу и Энгельсу поэтому пришлось прежде всего защищать и отстаивать в борьбе с врагами из идеалистического лагеря основное положение их общественной теории, именно, что материальные условия жизни, экономика являются основой общественного развития, что политический и правовой строй, а также различные формы общественного сознания являются надстройкой над экономическим базисом. Надстройки изменяются в зависимости от изменения базиса, фундамента общества — экономики.

---

[1] Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 248.

Само собой понятно, что Марксу и Энгельсу никогда и в голову не приходило, как мы видели, отрицать роль надстроек, в частности роль идей, идеологий, в общественном развитии. Лишь враги марксизма могли сделать нелепые выводы о том, что будто бы марксизм отрицает роль идей, роль сознания, роль политики в истории.

Не только враги, но и некоторые мнимые сторонники марксизма пытались истолковать исторический материализм в духе экономического материализма.

Энгельсу в 90-х годах в своих письмах к Иосифу Блоху, Штаркенбергу и Мерингу пришлось поэтому выступить против подобного истолкования исторического материализма.

В одном из этих писем Энгельс говорит, что если бы было так, что экономика — единственная сила, влияющая на ход общественного развития, то зачем же бороться за диктатуру пролетариата.

В другом письме (к Блоху) Энгельс писал:

«Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодые (марксисты) иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»[1].

Из этого письма видно, что уже к концу жизни Энгельса появилась опасность ревизионистского истолкования марксизма в духе экономического материализма — отрицания роли сознания, идей, надстроек вообще в развитии общества. Это в конце концов привело ревизионистов к отрицанию неизбежности насильственной социалистической революции и диктатуры пролетариата, к отказу от борьбы с враждебной рабочему классу буржуазной идеологией, к преклонению перед стихийностью рабочего движения.

Наступила новая полоса развития — эпоха империализма, когда острота противоречий капитализма достигла небывалой степени, когда пролетарская революция встала в порядок дня, когда вопрос об активной, сознательной деятельности миллионов встал в качестве решающей исторической задачи. Именно в это время получила распространение псевдомарксистская теория, пропагандируемая горе-теоретиками II Интернационала, «теория», рассматривающая историческое движение как автоматический процесс, происходящий помимо людей, помимо борьбы классов. Сторонники этой мистической теории утверждали, что-де сами производительные силы своим ростом не только подготовляют, создают предпосылки, материальные условия для социализма, но и ведут фатально к социализму.

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 377, Соцэкгиз, 1931 г.

Свое наиболее резкое выражение эта «теория» получила в проповеди мирного врастания капитализма в социализм без классовой борьбы, без активной революционной деятельности пролетариата, без теоретической борьбы против буржуазии.

Эту «теорию» защищали «экономисты», меньшевики. Предательская бухаринская «теория» самотека была своеобразным новым изданием этой буржуазной теории.

И вот в этих условиях перед вождями рабочего класса, перед Лениным и Сталиным встала первоочередная задача — разоблачение и разгром буржуазной теории стихийности, борьба за внесение научного социализма в рабочее движение.

«Экономисты» и меньшевики говорили, что нельзя внести социалистическое сознание в рабочее движение, что рабочие должны сами стихийно притти к научному социализму.

Ленин отвечал им, что стихийное рабочее движение находится во власти буржуазной идеологии. Стихийное рабочее движение не может выйти за пределы тред-юнионистского сознания, если передовая социалистическая интеллигенция, социал-демократическая партия не внесет марксистское, социалистическое сознание в рабочее движение.

Плеханов как будто бы согласился с этой точкой зрения, во всяком случае он не выступал против нее. В своих работах «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О роли личности в истории» и др. он дал блестящие образцы изложения, популяризации марксистского понимания исторического развития. Но в 1905 году, когда Плеханов был уже в меньшевистском лагере, он выступил со статьей «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция». В этой статье Плеханов выступил против точки зрения Ленина, обоснованной им в его работе «Что делать?». Плеханов в этой, как и в других статьях меньшевистского периода, отступил от марксизма, стал на точку зрения, общую с «экономистами» и меньшевиками, игнорировавшими роль передовых идей, передового сознания в революционном движении.

В этой связи и следует понимать указание товарища Сталина о том, что Ленину принадлежит величайшая заслуга всесторонней разработки вопроса о роли передовых идей в общественном развитии.

Именно Ленин и Сталин, начиная с самых ранних своих работ — «Что такое «друзья народа»...?», «Что делать?», «Вскользь о партийных разногласиях» и др., всесторонне разрабатывали вопрос о преобразующей, мобилизующей революционной роли передовых идей в общественном развитии. Во всех своих работах Ленин и Сталин выступали против враждебных марксизму, большевизму буржуазных и мелкобуржуазных идей, отравляющих сознание рабочих, тормозящих развитие социалистической революции.

Большевизм как новое политическое направление был связан с непоколебимой верой в творческую деятельность масс, революци-

онная и преобразующая деятельность которых зависит от того, в какой мере они освободились от влияния буржуазного сознания, в какой мере революционное сознание, передовые идеи овладели головами миллионов.

Меньшевизм, игнорируя активную революционную роль масс, отрицал и активную роль передовых идей в общественном развитии.

Если мы посмотрим все произведения Ленина и Сталина, начиная с самых ранних и кончая последними, то увидим, какое огромное место отведено в них проблеме стихийности и сознательности, борьбе за превращение стихийного рабочего движения в сознательное, выяснению роли передовой революционной теории в борьбе с враждебной рабочему классу буржуазной и мелкобуржуазной идеологией.

Совершенно не случайно, что одна из первых работ Ленина — «Что такое «друзья народа»...?»—кончается словами, что коммунистическая революция будет зависеть от того, в какой мере удастся распространить идеи научного коммунизма в массах. Не случайно, что другая крупная работа Ленина — «Что делать?», направленная против «экономистов», посвящена вопросу о стихийности и сознательности как кардинальнейшей проблеме рабочего движения того времени.

Не случайно, что уже в первых своих работах — «Анархизм или социализм» и «Вскользь о партийных разногласиях» — товарищ Сталин, борясь против меньшевиков, против стихийности, за социалистическую сознательность рабочего движения, защищал ленинскую идею о внесении научного социализма в рабочее движение.

В «Вопросах ленинизма» товарищ Сталин со всей силой подчеркнул великую роль передовой революционной теории.

Вся эта книга направлена против контрреволюционных идей II Интернационала, против троцкизма, против всех врагов ленинизма. Эта книга нанесла сокрушающий удар по вражеским теориям. В ней товарищ Сталин отстоял великие идеи ленинизма. Под знаменем этих идей наш народ построил социализм.

В 1938 г. на совещании пропагандистов, созванном в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», товарищ Сталин в качестве примера того, какую роль играют и могут играть передовые идеи в общественном развитии, привел знаменитые Апрельские тезисы Ленина.

После февральской революции в результате недостаточной сознательности рабочих и солдат власть перешла в руки буржуазного Временного правительства. Советы, в которых большинство было меньшевиков и эсеров, добровольно отказались от власти.

Меньшевики и эсеры считали революцию законченной. Между тем Временное правительство еле держалось на ногах. Как быть дальше, каковы дальнейшие перспективы?

В апреле 1917 года приезжает Ленин и выступает со своими знаменитыми Апрельскими тезисами, в которых он выдвинул лозунги

передачи власти Советам и борьбы за социалистическую революцию. В этих лозунгах рабочему классу и беднейшему крестьянству был указан ясный путь борьбы. Враги беспокоились, называя великие ленинские лозунги и идеи бредом. Так силы старого мира пытались всегда дискредитировать новое. Но великие идеи большевизма, выражающие насущные задачи развития нашей страны, овладели умами миллионов, превратились в могучую материальную силу, низвергнувшую капитализм.

Товарищ Сталин говорит, что если бы не было Апрельских тезисов Ленина, вряд ли была возможна победа Великой Октябрьской социалистической революции, установление советской власти. Вот с какой силой подчеркивает товарищ Сталин мобилизующую, преобразующую роль великих идей большевизма. Без идей большевизма нельзя было организовать, сплотить великую революционную армию, свергнувшую капитализм и построившую социализм.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится:

> «Партия большевиков не сумела бы победить в Октябре 1917 года, если бы ее передовые кадры не овладели теорией марксизма, если бы они не научились смотреть на эту теорию, как на руководство к действию, если бы они не научились двигать вперед марксистскую теорию, обогащая ее новым опытом классовой борьбы пролетариата» [1].

Борьба нашей партии во главе с товарищем Сталиным против вражеских теорий о невозможности победы социализма в одной стране, против буржуазной бухаринской теории самотека была необходимым условием победы социализма. Без разгрома этих «теорий» нельзя было мобилизовать массы на преодоление трудностей в борьбе за социализм, нельзя было вселить в массы дух уверенности в победу социализма. А без веры в победу нельзя победить. Эту уверенность дает марксизм-ленинизм.

Товарищ Сталин отстоял чистоту ленинизма, защитил его от наскоков подлых врагов, ревизионистов; в ходе классовой борьбы за социализм товарищ Сталин обогатил, творчески развил марксизм-ленинизм по всем линиям. Ярким светом ленинизма товарищ Сталин освещал и освещает путь победоносной борьбы народа за социализм. Без творческой разработки, обогащения, развития марксизма-ленинизма нельзя было победоносно двигаться вперед.

V

СССР вступил в настоящее время в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. Что же нам нужно, чтобы осуществить великую задачу завершения строительства социализма и перехода к коммунизму?

Полный коммунизм — это общественный строй, где будет осуществлен принцип: «от каждого по его способностям, каждому

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 342.

по его потребностям». Чтобы провести в жизнь этот принцип, нужно не только догнать, но и перегнать в экономическом отношении передовые капиталистические страны, нужно добиться изобилия производимых продуктов. Важнейшим средством для достижения этого служит максимальное повышение производительности труда.

Капитализм мог победить феодализм прежде всего потому, что он создал более высокую производительность труда, чем та, которую имел феодализм. Социализм, говорил Ленин, может окончательно победить капитализм с экономической точки зрения тогда, когда он создаст более высокий уровень производительности труда.

В условиях капитализма границей развития производительности труда служат капиталистические производственные отношения, ограниченные цели производства (прибыль), нищета масс.

Наш социалистический способ производства открывает невиданные возможности развития производительности труда. Работа на себя, а не на эксплоататоров, все возрастающий спрос на продукты промышленности и сельского хозяйства служат постоянным стимулом развития. Техника производства в промышленности и в сельском хозяйстве у нас в целом выше, чем в самых передовых капиталистических странах. Материальные условия жизни масс все возрастают. Растет из года в год культурный уровень трудящихся. У нас созданы все предпосылки для невиданного роста производительности труда. Переход от социализма к коммунизму требует еще более высокой производительности труда, чем в самых передовых капиталистических странах.

Наши стахановцы, передовые люди нашей родины дали образцы социалистической производительности труда, перекрывающей уровень производительности труда в капиталистических странах. Почему стахановцы добились таких успехов в области производительности труда? Потому, что они овладели техникой своего дела, потому, что они сознательно, по-социалистически относятся к труду. Для стахановцев, для передовых, сознательных рабочих и колхозников труд стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Если бы все рабочие и крестьяне нашей страны работали, как стахановцы, как передовые рабочие и колхозники, это была бы целая революция в области производительности труда. Страна наша ускорила бы значительно свое движение вперед, она стала бы в несколько раз богаче. Что же прежде всего нужно, чтобы при достигнутых предпосылках добиться повышения производительности труда, чтобы труд всех граждан стал стахановским, более производительным?

Тут встает вопрос о новом отношении к труду, о коммунистическом, сознательном отношении к труду. Наши люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция нашей страны, разрушая старый общественный уклад — капиталистический, создавая новый общественный строй — социалистический, изменяя внешнюю природу, облик на-

шей страны, изменяли сами себя. Маркс говорил, что рабочему классу нужна революция не только для того, чтобы свергнуть старый общественный строй и установить свое господство, — ему нужна революция и для того, чтобы самому очиститься от грязи, «родимых пятен» старого общества, чтобы быть способным выступить в качестве руководителя государства, в качестве руководителя народа.

За двадцать три года рабочий класс, крестьяне и интеллигенция нашей страны коренным образом изменились. Рабочий класс СССР — это совершенно новый, освобожденный от эксплоатации, рабочий класс, какого не знала еще история человечества. Рабочий класс СССР является господствующим, политически зрелым, закаленным классом, который доказал за два с лишним десятка лет, что он способен выступать в качестве руководителя народа огромной героической страны.

В СССР совершенно новое крестьянство, которое не знает капиталистического гнета. У нас крестьянство свободно от эксплоатации, ведет свое социалистическое хозяйство без помещиков и капиталистов. Наше колхозное крестьянство находится в неразрывной дружбе с рабочим классом.

У нас новая, социалистическая интеллигенция, какой не знал старый мир, интеллигенция, служащая верой и правдой народу.

В массе своей наш народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция — имеет совершенно новое, социалистическое сознание. Тов. Молотов в своем докладе на XVIII съезде говорит, что в подавляющей своей части рабочие, крестьяне, интеллигенция нашей страны являются сознательными строителями социалистического общества.

Но значит ли это, что у нас в с е граждане нашей страны являются сознательными строителями социализма?

Нет, не значит. У нас есть еще немало отсталых элементов не только среди крестьян, но и среди рабочих.

После Октябрьской революции, за 23 года социалистического строительства в нашей стране коренным образом преобразовалась экономика. Это революционизирующим образом оказывало влияние на сознание рабочих, крестьян, интеллигенции, произвело целый переворот в их психологии.

И все же, несмотря на это, сегодня нам приходится еще ставить вопрос о преодолении пережитков капитализма в сознании людей. Почему? Потому, что сознание, являясь отражением условий жизни людей, отстает от развития бытия. Раз возникнув, сознание приобретает некоторую самостоятельность в своем развитии, приобретает как бы некоторую силу инерции, силу традиции, силу привычки. Рабочие, крестьяне веками воспитывались в духе идей старого, буржуазного общества. Буржуазия с помощью государственной машины, составной частью которой являются церковь, школа, пресса, вся армия попов, мракобесов, стремилась растлить душу, отравить сознание масс. Условия жизни масс, порождая дух протеста против ненавистных буржуазных порядков, против гне-

та, эксплоатации, вместе с тем создают привычку смотреть на труд как на подневольное дело.

«Старое общество, — пишет Ленин, — было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом — человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет»[1].

Пережитков подобного сознания осталось в нашей стране еще немало.

Сознание вообще всегда в своем развитии отстает от развития условий материальной жизни.

Рассмотрим несколько подробнее причины отставания сознания от условий жизни людей.

Сознание есть всегда вторичное, производное от условий материальной жизни людей. Являясь вторичным, производным, о т р а ж е н и е м бытия, сознание отстает от развития условий материальной жизни общества, которые оно отражает.

Товарищ Сталин в своих статьях «Анархизм или социализм» об общем законе отставания сознания от развития условий жизни писал:

«Получается, что для развития самой духовной стороны необходимо то или иное строение организма и развитие его нервной системы. Получается, что развитию духовной стороны, развитию идей предшествует развитие материальной стороны — развитие бытия. Ясно, что сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материя, а з а т е м соответственно изменяются сознание и другие духовные явления — развитие идеальной стороны о т с т а е т от развития материальных условий. Если материальную сторону, если внешние условия, если бытие и т. п. мы назовем с о д е р ж а н и е м, тогда идеальную сторону, сознание и т. п. явления мы должны назвать ф о р м о й. Отсюда возникает известное материалистическое положение: в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстает от содержания. То же самое нужно сказать и про общественную жизнь. И здесь материальное развитие предшествует идеальному развитию, и здесь форма отстает от своего содержания. Научного социализма еще не было и в помине, как уже существовал капитализм и велась усиленная классовая борьба, еще нигде не возникала социалистическая идея, как процесс производства уже имел общественный характер.

Поэтому, говорит Маркс, «не сознание людей определяет их

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXX, стр. 412.

общественное бытие, а их общественное бытие определяет их сознание» (см. «К критике политической экономии» Маркса). Итак, по мнению Маркса, экономическое развитие является материальной основой общественной жизни, ее содержанием, а юридически-политическое и религиозно-философское развитие «идеологической формой» этого содержания — ее «надстройкой», — поэтому Маркс говорит: «С изменением экономической основы рано или поздно изменяется и ее надстройка» (см. там же).

Да и в жизни сначала изменяются внешние, материальные условия, а затем мышление людей, их мировоззрение. Развитие содержания предшествует возникновению и развитию формы»[1].

Подобно тому как в природе развитие материальной стороны бытия предшествует развитию духовной стороны, подобно этому и в обществе материальные условия жизни, бытие как содержание предшествует возникновению сознания как формы. Форма тут и там отстает от своего содержания. Это одна из наиболее общих черт, характеризующих развитие общественного сознания.

Товарищ Сталин в брошюре «Анархизм или социализм» приводит простой и ясный пример, показывающий отставание сознания от развития условий жизни.

Представьте себе, пишет товарищ Сталин, сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупным хозяином, закрыл свою мастерскую и нанялся, скажем, к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханова, но не потому, чтобы превратиться в постоянного наемного рабочего, а для того, чтобы собрать деньги, скопить капиталец и затем вновь открыть свою мастерскую.

Как видите, положение этого сапожника уже пролетарское, но его сознание пока еще не пролетарское, оно мелкобуржуазное. Положение этого сапожника как самостоятельного хозяйчика уже исчезло, но его мелкобуржуазное сознание еще не исчезло, оно отстало от его общественного положения.

Ясно, что в жизни сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется бытие людей, а уже потом, соответственно положению — и их сознание.

Общественные отношения людей во всех сложных формациях, предшествующих социализму (в особенности в капиталистическом обществе), носили запутанный характер. При капитализме производственные отношения носят фетишистский характер, где все поставлено как бы на голову. Отношения людей при капитализме выступают, как отношения вещей.

Вот эти отношения получали иллюзорное, превратное отражение и в головах людей. И для того, чтобы научно отразить, познать эти общественные отношения, требовался длительный период.

---

[1] Цит. по книге Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 119—120, 1938 г.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», борясь против богдановского отождествления общественного бытия и общественного сознания, писал:

«Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом н е с л е д у е т, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — н е о с о з н а ю т того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена. Общественное сознание о т р а ж а е т общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо» [1].

«Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим о б щ е с т в е н н о е б ы т и е. Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты з а к о н ы этих изменений, показана в главном и в основном о б ъ е к т и в н а я логика этих изменений и их исторического развития... Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно-необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего о б щ е с т в е н н о г о сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах, с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к н е й свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» [2].

Общественное сознание, идеологические надстройки, являясь отражением базиса, раз возникнув, приобретают некоторую относительную самостоятельность в своем развитии. Некоторые надстройки—такие, как религия,—удалены от базиса, как бы парят в облаках, прощупать их земное, классовое содержание, экономические корни порой очень трудно. Религия, например, оперирует представлениями, которые порождены тысячелетия назад, и сейчас нелепость этих представлений очевидна (например, библейский миф о сотворении мира и человека). Тем не менее благодаря тому, что

[1] Л е н и н, Соч., т. XIII, стр. 264.
[2] Т а м ж е, стр. 266.

они освящены веками, древностью, эти нелепости живут в головах людей, отравляя своим ядом их сознание.

За старыми идеями стоят люди, отживающие классы, группы или элементы, стремящиеся оживить, поддержать старые идеи. Так, у нас в СССР, например, попы заинтересованы в сохранении религии. Остатки разбитых классов заинтересованы в сохранении и культивировании частнособственнических пережитков и других предрассудков.

Остатки разбитых антипартийных групп заинтересованы в протаскивании различных враждебных марксизму-ленинизму теорий (например, антимарксистских, полуэсеровских взглядов на роль личности в истории, антипартийных взглядов на социалистическое государство, националистических предрассудков и т. д.). Капиталистическое окружение также способствует оживлению реакционных идей, теорий.

Одной из причин того, почему религиозное мировоззрение еще держится в головах части трудящихся в СССР, является низкий уровень культурного развития этой части населения. Чтобы вытеснить у этих людей религиозные взгляды, предрассудки и суеверия, надо заменить их научными взглядами на мир.

Политически активная часть рабочего класса и крестьянства в ходе классовой борьбы быстро осознает враждебное классовое содержание религии и поэтому раньше освобождается от власти религиозных предрассудков, чем та часть населения, которая не систематически участвует в политической и общественной жизни страны. Рабочие вообще раньше освобождаются от религиозных предрассудков как представители передового класса, все условия жизни и борьбы которого и до революции революционизировали и просвещали его.

Свержение капитализма, уничтожение эксплоатации открыли невиданные возможности роста социалистической сознательности. В борьбе за социализм росли и изменялись люди, сбрасывая с себя ветхого Адама. Но родимые пятна старого общества, пережитки капитализма в сознании еще и сейчас сохранились у отсталой части рабочих.

Это в еще большей мере относится к крестьянству. Здесь следов пережитков капитализма в сознании больше. Крестьяне-колхозники, вчерашние собственники, еще далеко не все могли освободиться от старой психологии, порожденной частнособственническим укладом жизни. Этот уклад и порождаемое им сознание существовали века. Это сознание передавалось из поколения в поколение, впитывалось с детства с молоком матери. Уже осознав невыгодность частнособственнического уклада жизни, поняв выгодность крупного коллективного хозяйства, отсталая часть колхозников еще сохранила частнособственнические предрассудки и навыки. Это нашло свое проявление в стремлении части колхозников увеличить подсобное хозяйство, в отлынивании отсталых колхозников от работы в колхозе, в несоциалистическом отношении их к колхозному добру,

к социалистической собственности. Товарищи из среднеазиатских советских республик говорят, что там издавна, века существовал обычай, взгляд, что сбор хлопка — дело женское, зазорное для мужчины. Этот дикий пережиток сохранился в ряде мест и сейчас. Может быть, некогда, столетия тому назад, условия разделения труда оправдывали то, что исключительно женщины занимались собиранием хлопка, а в это время мужчины занимались другим трудом. Но это разделение труда породило нелепый, дикий взгляд, что сбор хлопка — дело чисто женское, недостойное мужчины. Условия жизни в Узбекистане, в Туркестане совершенно изменились, уничтожено и старое разделение труда. А старый, дикий предрассудок еще живет в головах колхозников, является консервативной силой. Этот предрассудок приносит огромный вред колхозному хозяйству и всему социалистическому государству. К сожалению, подобных пережитков старого общества в сознании людей еще немало.

Маркс в «Критике Готской программы» говорил о социалистическом обществе:

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что выходит из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»[1].

В. И. Ленин также вполне предвидел, что перед диктатурой пролетариата встанут задачи воспитательные как важнейшие задачи.

«...придется при диктатуре пролетариата, — писал Ленин, — перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции...», так же как необходимо будет перевоспитать в «длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»[2].

Товарищ Сталин в 1924 г. на курсах секретарей укомов в речи об итогах XIII съезда РКП(б) говорил:

«Одна из существенных задач партии в эпоху диктатуры пролетариата состоит в том, чтобы развить работу по перевоспитанию старых поколений и воспитанию новых в духе диктатуры пролетариата и социализма. Старые навыки и привычки, тради-

---

[1] Маркс, Избранные произведения. т. II, стр. 440.
[2] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 248, 247.

ции и предрассудки, унаследованные от старого общества, являются опаснейшим врагом социализма. Они, эти традиции и навыки, держат в руках миллионные массы трудящихся... они создают иногда величайшую опасность для самого существования диктатуры пролетариата. Поэтому борьба с этими традициями и навыками, обязательное их преодоление во всех сферах нашей работы, наконец, воспитание новых поколений в духе пролетарского социализма — являются теми очередными задачами нашей партии, без проведения которых невозможна победа социализма».

Вот с какой остротой еще в 1924 году товарищ Сталин ставил вопрос о коммунистическом воспитании. С тех пор проделана колоссальная работа. Сейчас вопрос о силе и значении старых привычек, традиций не стоит уже так, что они угрожают самому существованию диктатуры рабочего класса. Но старые привычки, старые навыки, вредные традиции, некоммунистическое отношение к труду, к общественной социалистической собственности у отсталой части населения еще сохраняются. Пережитки старого в сознании проявляются также в индивидуализме, в своекорыстии, когда действуют по принципу «своя рубашка ближе к телу», они проявляются в семейственности — «как не порадеть родному человечку» (помните, товарищ Сталин говорил о работниках, которые при переходе на другую работу тащат за собой хвост своих людей). Эти старые родимые пятна сказываются в остатках бюрократизма, в бездушном отношении к живым людям, когда за бумажкой забывают нередко живого человека. Борьба с пережитками капитализма в сознании людей, воспитание масс в духе коммунистической сознательности являются важнейшим, решающим условием в борьбе за коммунизм.

У нас созданы все предпосылки для полного расцвета нашего социалистического общества. В этих условиях коммунистически сознательное отношение к труду, вопросы идейного воспитания советской интеллигенции приобрели первостепенное значение.

Дело не происходит так, что новые производственные отношения стихийно создают новое законченное социалистическое сознание.

Новое сознание формируется, складывается в борьбе с остатками старого. Старое сознание не сразу уступает место новому. И вот здесь выступает великая роль социалистического государства, его функция воспитания всех трудящихся в духе коммунистической сознательности.

Социалистическое государство и мерами административными и педагогическими воспитывает массы в духе социалистической дисциплины труда, в духе социалистического отношения к общественной собственности, к государству.

Поэтому XVIII съезд ВКП(б) со всей силой выдвинул задачу коммунистического воспитания на одно из первых мест.

В деле коммунистического воспитания масс огромная роль принадлежит нашей социалистической интеллигенции. Но она может

выполнить свою роль лишь тогда, когда будет работать упорно над овладением марксизма-ленинизма. Воспитатель сам должен быть воспитан, говорил Маркс.

В решении ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды подчеркнуто, что отсутствие в ряде парторганизаций должного внимания к политическому воспитанию интеллигенции привело к тому, что некоторые работники оказывались в стане врагов социализма.

Поэтому партия резко поставила вопрос об овладении большевизмом, о воспитании интеллигенции в духе марксизма-ленинизма.

Величайшая сила марксистско-ленинской теории состоит не только в ее способности правильно отражать настоящее, но и в умении предвосхищать будущее, предвидеть ход событий. Если в прошлом передовые мыслители (например, Томас Мор, Кампанелла, великие социалисты-утописты Фурье, Сен-Симон, Оуэн) могли строить более или менее верные догадки о социалистическом строе, который должен притти на смену капитализму, то с возникновением марксизма мы имеем возможность научно предвидеть ход общественных событий. В соответствии с этим предвидением рабочий класс и коммунистические партии строили и строят свою стратегию и тактику классовой борьбы. Ход исторических событий с необычайной убедительностью доказал истинность марксизма, его научную мощь. Победа социализма в СССР явилась величайшим триумфом марксизма-ленинизма.

Уже в ранних своих работах основоположники научного коммунизма предсказывали неизбежность краха капитализма, неизбежное наступление коммунистической революции. В основном своем труде — в «Капитале», в главе о накоплении капитала Маркс дал картину роста концентрации и централизации капитала. Заканчивая анализ этого процесса, Маркс писал:

> «Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[1].

Весь последующий ход развития капитализма целиком и полностью подтвердил это предвидение. На одной шестой части земного шара уже экспроприированы экспроприаторы и победил социализм.

В 1887 году Энгельс в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма писал:

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 656, 1936 г.

«...Для Пруссии—Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени до-чиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И, если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем (uns kann es recht sein). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж-таки (doch) неизбежна»[1].

Эти строки были написаны в 1887 году. Через 27 лет разразилась мировая империалистическая война, в которой приняли участие многие миллионы солдат. Десятки миллионов убитых и раненых, огромное разорение, обнищание, голод и эпидемии во всех воюющих странах — таков был результат этой войны. Многие коронованные монархи потеряли свои короны. В ряде стран произошли восстания пролетариата против буржуазии, в нашей стране победила пролетарская революция. Эти факты говорят о силе и мощи марксистского предвидения. Ленин в своей статье «Пророческие слова», приводя вышеуказанное место из предисловия Энгельса, писал в 1918 году:

«В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт»[2].

Великий гений Ленина сумел пророчески предсказать за многие годы перемещение центра тяжести революционного движения на Восток, в Россию. Уже в ранних своих работах Ленин предсказал

---

[1] Цит. по соч. Ленина, т. XXIII, стр. 105—106.

[2] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 105.

рабочему классу России роль авангарда международного пролетариата.

Идеологи буржуазии и ее прихвостни—социал-демократы, вожди II Интернационала, желая усыпить сознание масс, о войне 1914—1918 годов говорили народу, что это будет последняя война. Большевики во главе о Лениным и Сталиным утверждали, что, пока есть империализм с его противоречиями, с его законом неравномерного экономического и политического развития, империалистические войны неизбежны. Кто был прав, ответ на это дала жизнь. Меньшевики, вожди II Интернационала держали курс на мирное развитие от капитализма к социализму, на сотрудничество и гармонию классов. Большевики, верные марксизму-ленинизму, критиковали точку зрения меньшевиков, утверждая, что развитие капитализма ведет к обострению классовой борьбы—пропасть между пролетариатом и буржуазией вырастает все больше и больше. Противоречие между пролетариатом и буржуазией возможно разрешить только революционным путем, сила может быть свергнута только силой. К чему привела социал-демократов их позиция, видно на примере Германии, Англии, Франции и других капиталистических стран. Большевики под знаменем марксизма-ленинизма одержали великие победы, обеспечили торжество социализма.

Великая заслуга Ленина и Сталина как вождей рабочего класса состояла в том, что они, опираясь на марксизм, развивая его дальше, умели всегда предвидеть ход событий, поведение классов, партий, групп и в соответствии с этим намечали стратегию и тактику классовой борьбы рабочего класса.

Большевики, Ленин и Сталин предвидели крах народников, эсеров, предательство и измену меньшевиков, троцкистов, бухаринцев, этих заядлых врагов народа.

Великие продолжатели дела Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин, применяя диалектический метод к анализу новой эпохи империализма, указали на невозможность одновременной победы социализма во всех странах и на возможность победы социализма первоначально в немногих или даже в одной стране. Ход развития нашей революции подтвердил правоту ленинизма.

Генеральная линия большевистской партии опирается на гранитную основу марксизма-ленинизма, на глубочайшее знание законов общественного развития, законов классовой борьбы, законов развития социализма.

То, что наша партия, руководимая гением Ленина и Сталина, в каждый исторический момент могла правильно наметить главную задачу, ухватиться за основное звено и тем самым обеспечить решение остальных задач, является результатом глубокого знания законов общественного развития.

Почему партия, возглавляемая Сталиным, со всей силой на определенном этапе выдвинула задачу индустриализации страны, строительства тяжелой индустрии? Тяжелая индустрия, производство средств производства — ключ к решению проблемы индустриализа-

ции страны. Не создав тяжелой индустрии, наша страна погибла бы как самостоятельная, независимая страна, не говоря уже о том, что социализма мы не построили бы. Построив тяжелую индустрию, машиностроительную промышленность, мы обеспечили реконструкцию всего хозяйства страны, создали предпосылки социалистической реконструкции сельского хозяйства на базе передовой техники, провели эту реконструкцию, обеспечили победу социализма в городе и деревне. Глубокое знание законов развития экономики, производства, понимание того, что базой социалистических производственных отношений может служить только передовая техника, современные производительные силы, — это знание диктовало выдвижение задач индустриализации как первоочередных, как ключ к решению всех хозяйственных, политических, оборонных задач.

Можно было бы умножить без конца примеры, подтверждающие великое значение революционной марксистско-ленинской теории в борьбе за социализм.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» сказано:

«История партии учит, далее, что партия рабочего класса не может выполнить роли руководителя своего класса, не может выполнить роли организатора и руководителя пролетарской революции, если она не овладела передовой теорией рабочего движения, если она не овладела марксистско-ленинской теорией.

Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем.

Только партия, овладевшая марксистско-ленинской теорией, может двигаться вперед уверенно и вести рабочий класс вперед.

И, наоборот, партия, не овладевшая марксистско-ленинской теорией, вынуждена бродить ощупью, теряет уверенность в своих действиях, не способна вести вперед рабочий класс» [1].

Задача наших кадров состоит в том, чтобы овладеть величайшим теоретическим оружием — марксизмом-ленинизмом. Эта великая, испытанная в революционных боях теория дает силу ориентировки в окружающих событиях, силу предвидения, ясность перспективы, уверенность в окончательной победе нашего дела, дела коммунизма во всем мире.

На XVIII съезде нашей партии товарищ Сталин говорил, что руководители, которые не овладели марксизмом-ленинизмом, рискуют превратиться в беспринципных деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху, но не понимающих правоты нашего дела, не видящих перспектив нашего развития.

«Нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников лю-

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 339.

бой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы и, наоборот, — чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение. Можно с уверенностью сказать, что, если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры всех отраслей работы и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми марксистами-ленинцами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, — то мы имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными. А решить эту задачу мы безусловно можем, ибо у нас есть все средства и возможности, необходимые для того, чтобы разрешить ее»[1].

Овладение марксизмом-ленинизмом не означает усвоения отдельных формул, положений марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм — это не догма, не катехизис, не символ веры, а революционное учение, которое постоянно развивается, обогащается, совершенствуется в связи с развитием общества, революционной практики.

«Овладеть марксистско-ленинской теорий — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь р а з в и в а т ь е е и д в и г а т ь в п е р е д, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке.

Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию»[2].

Наш учитель товарищ Сталин дает нам бессмертные образцы творческого развития марксизма-ленинизма, его обогащения и совершенствования. Марксизм-ленинизм учит, что передовая общественная теория играет тем бо́льшую роль в развитии общества, чем ближе, чем точнее она отражает действительность, жизнь. Развивая, обогащая марксизм-ленинизм, наша партия, товарищ Сталин делают тем самым наше великое учение еще более точным, истинным и тем самым еще более могучим и всепобеждающим.

Мы обязаны и дальше постоянно изучать бесконечно многообразную, развивающуюся действительность, обобщать новые факты, события, следуя великому примеру нашего вождя и учителя товарища Сталина.

---

[1] С т а л и н. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 598.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 340.

* * *

В заключение еще один вопрос. Если отставание сознания масс от развития материальных условий жизни до сих пор было фактом и законом развития, то обязательно ли отставание общественного сознания при коммунизме?

Поскольку общественное сознание является отражением бытия, оно и при коммунизме в этом смысле будет следовать за развитием бытия.

Общественное бытие всегда первично, а сознание вторично. Поскольку общественная жизнь сложна и многообразна, поскольку она будет находиться в постоянном развитии, общественное сознание как отражение общественной жизни будет отставать от развития материальных условий и при коммунизме. Но при коммунизме это отставание не будет таким, как раньше. Во-первых, производственные отношения у нас уже и сейчас носят прозрачно ясный характер. Мы уже уничтожили всякие следы фетишизма в общественных отношениях; общественные отношения уже не выступают у нас по отношению к людям как внешние враждебные силы, как загадка, как тайна. Мы господа своих общественных отношений и общественных производительных сил. Они подчинены воле общества. Общественный строй, законы его развития у нас уже сейчас познаны. (Капитализм был познан через 300 лет после его возникновения.)

Внутри страны силы, не контролируемые нашей сознательной деятельностью, исчезли. Враждебные социализму классы уничтожены, остались только отдельные вражеские элементы, которые надо добить. Останется на известное время капиталистическое окружение. Но со временем и оно будет уничтожено.

При коммунизме исчезнет противоположность между людьми умственного и физического труда. Люди все будут всесторонне развиты, вооружены передовой научной теорией — марксизмом-ленинизмом, знанием законов общественного развития. Конечно, и при коммунизме люди будут различны по своим способностям; но даже средние люди будут всесторонне развиты и, следовательно, будут на уровне знаний своего времени. Поскольку все будут вооружены передовой общественной наукой, знанием законов общественного развития, практическая деятельность людей перестанет быть слепой, неосознанной, и, следовательно, в этом смысле отставания массового сознания от условий их жизни, как это имело место раньше, не будет. Все больше и больше будет раскрываться сила научного предвидения хода событий. Творческая мысль расцветет, научный прогресс во всех областях будет невиданным. Но чтобы к этому притти, надо, чтобы наши кадры овладели передовой общественной теорией — марксизмом-ленинизмом. Это важнейшее условие решения великих исторических задач, поставленных XVIII съездом ВКП(б).

* * *

В ходе нашей революции было разоблачено немало вражеских идей, «теорий».

Жизнь — самый жестокий и вместе с тем самый справедливый критик. Она рано или поздно, часто очень быстро, разоблачает поверхностное и ничтожное, не имеющее глубоких корней в жизни, то, что тормозит ход общественного развития. И наоборот, великие идеи, выражающие коренные, насущнейшие потребности исторического развития, великие идеи, выражающие правду жизни, думы и чаяния миллионов, — эти идеи рано или поздно, несмотря ни на какие препятствия, пробивают себе дорогу и торжествуют.

Великими, всепобеждающими идеями нашей эпохи являются идеи научного коммунизма, идеи марксизма-ленинизма. Нет такой силы в мире, которая могла бы воспрепятствовать торжеству этих великих идей во всем мире. И нет более благородной и возвышенной задачи, как борьба за полное торжество этих идей.

БОРЬБА ЛЕНИНА ПРОТИВ НАРОДНИЧЕСТВА И «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА»

Акад. Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

I

Огромна заслуга группы «Освобождение труда» Плеханова в деле идейного разгрома народничества. Однако в 90-х годах этот идейный разгром народничества не был закончен, да и самое содержание народнической проповеди к этому времени очень изменилось. В 90-х годах значительная часть революционной молодежи все еще находилась под влиянием народничества. Эта революционная молодежь стояла некоторое время как бы на распутье между народничеством и марксизмом, затем стала увлекаться марксизмом. Это увлечение марксизмом известный беллетрист Вересаев назвал в одной из своих повестей «поветрием». Ленин также сравнивал быстроту распространения марксизма в этот период с эпидемией.

Период с 1884 по 1894 год Ленин называл периодом возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Но если в этот период, по словам Ленина, «число сторонников нового направления в России измерялось единицами», если в этот период — с 1884 по 1894 год — «социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития», то второй период — с 1894 по 1898 год — Ленин называл уже периодом «детства и отрочества» социал-демократии. В это время социал-демократия действует в России уже «как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия». Ленин так описывает этот период:

> «С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естест-

венной гранью[1]. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной Воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы»[2].

Ленин вел борьбу против народничества на два фронта: с одной стороны, надо было преодолеть влияние остатков революционного народничества, увлечение индивидуальным террором, преклонение перед героями «Народной воли», а с другой — надо было уже серьезно заниматься вопросами легального, т. е. либерального, народничества.

«Краткий курс истории ВКП(б)» формулирует задачу этого периода следующим образом:

> «Надо было до конца идейно разгромить народничество, чтобы обеспечить дальнейшее распространение марксизма и возможность создания социал-демократической партии.
>
> Эта работа была проделана Лениным»[3].

Ленин с первых шагов своей революционной работы развернул кипучую деятельность. Его рефераты, его публичные устные и печатные выступления против народничества явились в тот период выражением роста марксизма, который нашел в Ленине своего наиболее яркого глашатая, пропагандиста и организатора.

Статьи, крупнейшие работы Ленина в первом, втором и третьем томах по содержанию в своей большей части направлены против народничества.

В первом томе: в 1893 году — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», в 1894 году — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Во втором томе: «К характеристике экономического романтизма», «Кустарная перепись 1894/5 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», «Перлы народни-

---

[1] Народники упрекали марксистов в том, что у них только зеленая молодежь. — *Ем. Я.*

[2] Ленин, Соч., т. IV, стр. 499.

[3] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 20.

ческого прожектерства», «От какого наследства мы отказываемся?».

В третьем томе: «Развитие капитализма в России».

Все эти работы Ленина, написанные им в начале 90-х годов, своим острием направлены против народничества, все они включают всестороннюю критику народничества. В особенности же громадное значение имели в борьбе против народничества три основные работы Ленина: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» и «Развитие капитализма в России».

Появление книги Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» было вызвано необходимостью дать отпор тем извращениям марксизма, которые преподносились, толстыми, народническими журналами, вроде «Русского богатства», где Михайловский, Кривенко, Южаков и другие давали читателям карикатуру на марксизм под видом «критики» марксизма. Появление книги Ленина было вызвано также необходимостью показать переход революционного народничества на позиции либерализма, вырождение народничества, показать, что либеральные народники ничего общего не имеют с революцией, хотя и продолжают себя выдавать за хранителей революционных традиций.

Налицо был рост организованного рабочего движения. Рабочий класс завоевывал все больше и больше прав на роль политического руководителя. Стачки 1892—1893 годов, празднование передовыми рабочими Петербурга 1 мая 1891 года, затем, в последующий год, адрес питерских рабочих писателю Шелгунову — все это показывало, что рабочий класс уже накапливал силы, политически становился все более сознательным, заявлял о себе как о самом передовом, революционном классе. Политически рабочий уже выходил на арену классовой борьбы. Препятствием на пути дальнейшего развития революционного движения рабочего класса являлось народничество. Необходимо было дать обобщающую, уничтожающую критику народничества.

В первой половине 90-х годов марксисты не имели легальной печати. Они вынуждены были писать только в подпольных изданиях. Народники же имели целый ряд легальных изданий. Самым крупным из них был журнал «Русское богатство».

Если во главе марксистов, которые в 80-х годах вели борьбу против народничества, стоял Плеханов, то в 90-х годах этой борьбой руководил уже Ленин. В своей работе «Что такое «друзья народа»...» Ленин собрал воедино всю аргументацию марксизма против народничества, он разбил теоретические, тактические и практические основы народников. Ленин с особой силой в этой работе разоблачал либеральных народников, их фальшь и обман, прикрытый фразами о благе народа, тогда как Плеханов главным образом

вскрывал ошибки революционных народников. Ленин выдвигал против народников новую аргументацию, которой не было у Плеханова.

Книга Ленина «Что такое «друзья народа»...» была напечатана в трех отдельных выпусках, причем первый выпуск вышел в трех подпольных изданиях, второй выпуск — в двух изданиях. К сожалению, ни одного экземпляра этого второго выпуска до сих пор не удалось найти. Жандармы, повидимому, целиком уничтожили это издание, попавшее в их руки. О содержании второй части книги мы знаем только по рассказам. Приходится полагаться на память товарищей, читавших ее, а память — это несовершенный инструмент.

Третий выпуск был издан гектографированным. В очень многих городах эту работу переписывали от руки, и она распространялась в рукописи.

Это была первая ленинская работа, направленная против народничества. Книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» появилась в 1895 году, позже ленинской книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». На позднейшие работы марксистов против народничества, несомненно, оказала влияние эта работа Ленина.

Как распространялась книга Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

В журнале «Пролетарская революция» были напечатаны воспоминания Ганшина, который в свое время печатал эту работу Ленина под Москвой в имении своего отца. Он напечатал ее в 100 экземплярах. Могилянский рассказывает, как он на юге переиздал «Что такое «друзья народа»...» на гектографе, и книга была распространена в Чернигове и в Киеве. Об этом рассказывает и К. А. Попов относительно Дерптского университета. С. И. Мицкевич в «Пролетарской революции» рассказывает, что произведение это было известно, кроме Петербурга и Москвы, в Вильно и в Пензе. Е. Колосов описывает, как в Томске зимой 1895—96 годов эта работа вызвала восторженное отношение со стороны социал-демократов. Об этом свидетельствуют также воспоминания Крупской, Кржижановской, Мартова, Тахтарева. Наконец, мы имеем ряд воспоминаний кавказских товарищей о том, что работа Ленина была известна молодому товарищу Сталину еще в тот период, когда он учился в семинарии.

В Забайкалье, где я работал, рукописные списки этой работы Ленина ходили в конце 90-х годов. Примерно в 1897—1898 годах мне удалось ее прочитать .

Таким образом, эта книга для того времени была широко распространена по всей стране. Она встретила восторженную оценку. Вот как Мартов, работавший одно время с Лениным в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», в своих воспоминаниях рассказывал об этом: «Друзья познакомили меня с петербургской литературной новинкой, ходившей в хорошо отгек-

тографированном виде. Это была состоявшая из трех частей брошюра: «Что такое «друзья народа»?»... После академической полемики Струве, от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью... (эпигонами, т. е. последышами, народничества Ленин называл либеральных народников — *Ем. Я.*). Брошюра обнаруживала и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать, кроме того, что брошюра вышла, повидимому, из группы «стариков». Лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова»[1].

В то время, когда вышла книга Ленина, ему было 24 года. В эти годы Ленин создал уже труд, свидетельствовавший о его огромных дарованиях, глубоком знании революционного учения Маркса—Энгельса и умении творчески применять это учение в российских условиях.

В первом выпуске этой книги дана всесторонняя критика Михайловского, Южакова и других теоретиков народничества, выступавших против диалектического и исторического материализма. Ленин дал развернутую критику всех возражений народников против марксизма. В то же самое время он с замечательной глубиной изложил учение Маркса — Энгельса и развил марксистскую диалектику.

В книге «Что такое «друзья народа»...» Ленин вскрыл причину перехода революционного народничества на позиции либерализма и показал отличие революционных народников от народников либеральных.

Ленин, критикуя народничество в целом, определил его как утопический, крестьянский, мещанский социализм и сделал вывод, что в этом социализме:

«...ровно ничего социалистического тут нет, т. е. все эти теории безусловно не объясняют эксплуатации трудящегося и потому абсолютно не способны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии...»[2].

А раз народнический социализм (крестьянский, мещанский социализм) выражает интересы мелкой буржуазии, то и вопрос об отношении к народничеству соответственно этому Лениным формулирован:

«...как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам? И на этот вопрос, — писал Ленин, — нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойствен-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 526. Приложения.
[2] Там же, стр. 189.

ность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении»[1].

Таким образом, все народничество — и революционное, и либеральное — Ленин считает течением мелкобуржуазным, отнюдь не пролетарским. Но вместе с тем Ленин четко разграничивает народничество революционное, включая сюда народников 60-х годов, партий «Земля и воля» и «Народная воля», от либеральных народников начала 80—90-х годов.

Как же проводит он это разграничение?

В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин дал следующее определение сущности всего народничества:

> «Сущность народничества — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа... «Источник» народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России»[2].

Различие Ленин видел в социальной сущности революционного и либерального народничества, в политике, которую проводили эти два течения. У революционных народников была целостная программа, рассчитанная на возможность крестьянской социалистической революции, рассчитанная на революционную борьбу, тогда как у либеральных народников такой программы не было. Либеральные народники не только мечтали о примирении с царским правительством, но все надежды в осуществлении своей программы возлагали на царское правительство. Основой разделения народничества на революционное и либеральное являлось расслоение крестьянства, интересы которого по-разному выражали революционные и либеральные народники. Деревня раскололась: в ней на одном полюсе выделялась сельская буржуазия — кулачество, зажиточное крестьянство, на другом — деревенский пролетариат, полупролетариат.

Ленин разъяснял, что революционные народники выражали интересы крестьянства, еще не расколовшегося, еще не расслоившегося отчетливо на кулаков и бедноту (хотя это расслоение уже началось), тогда как либеральное народничество выражало интересы главным образом преимущественно зажиточной части крестьянства, кулачества. Многие из народников не замечали или не хотели замечать этого расслоения, раскола, который происходил в деревне;

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 189.
[2] Там же, стр 283.

«...деревня, — писал Ленин в книге «Что такое «друзья народа»...», — давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития — вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»[1].

Таким образом, народники 60—70-х и начала 80-х годов потому и назывались Лениным революционными, что они вели, несмотря на свои неправильные методы и неверные теоретические положения, революционную борьбу против царизма. Либеральные же народники 90-х годов никакой революционной борьбы не вели.

Это очень существенное отличие.

В другом месте, в статье «Народничествующая буржуазия и растерянное народничество», Ленин, вновь возвращаясь к характеристике различия между «старым» народничеством и народничеством либеральным, писал:

«Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение старого русского, классического, революционного народничества, которое неуклонно происходит с восьмидесятых годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок существующего буржуазного общества»[2].

В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», отмечая, что Струве назвал народниче-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 168.

[2] Ленин, Соч., т. VI, стр. 113.

ство «национальным социализмом», Ленин писал, что это не совсем правильно.

«Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский» — по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский» — по отношению к современному» [1].

Ленин поясняет эту характеристику:

«Выражение «мещанский» употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа», Kleinbürger'а или, что то же, мещанина. Сюда подходят таким образом и крестьянин, и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску — и вполне справедливо, так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства. Далее, я отличаю старое [2] и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелко-буржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни — бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья. В отношении практическом — на место утопии выступила вовсе не утопическая программа мелкобуржуазных «прогрессов», и только пышные фразы напоминают об исторической связи этих убогих компромиссов с мечтами о лучших и самобытных путях для отечества. Вместо отделения от либерального общества мы видим самое трогательное сближение с ним. Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии» [3], т. е. мещанства.

Несмотря на то, что Ленин направляет свое главное острие против либеральных народников, в своей работе «Что такое «друзья народа»...» *он критикует все оттенки народничества*. Разоблачая либеральное народничество, Ленин критикует в то же самое время основы всей народнической идеологии.

II

В борьбе марксистов против народников столкнулись два мировоззрения, два метода познания истории, две противополож-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 283.

[2] Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, напр., «Отеч. Зап.», а тех именно, кто «шел в народ». (Прим. Ленина).

[3] Ленин, Соч., т. I, стр. 284.

ные системы мышления. Одна из них — школа так называемой **субъективной социологии**, представителями которой были народники Михайловский и Лавров, другая — школа марксизма, школа диалектического и исторического материализма, представителями которой выступали Ленин и Плеханов.

Кто такой был Михайловский? В свое время он был левым народником, примыкал к народовольческому течению. Когда «Народная воля» была разгромлена, Михайловский стал во главе крупнейшего журнала «Русское богатство». Народническая молодежь считала Михайловского «властителем дум» молодого поколения. Михайловский в своих статьях, а писал он решительно обо всем — о политэкономии, истории, искусстве, развивал взгляды так называемой «школы позитивизма» и «положительной философии», которые во Франции развивал Огюст Конт.

Вот как сам Михайловский характеризует эту школу:

«Школа Огюста Конта, которой преимущественно присваивается название позитивизма и положительной философии... принимает за центральный фактор социального развития интеллектуальный элемент... Позитивисты говорят только, что **умственный элемент имеет значение руководителя в социальном движении, и им обусловливается количество и качество средств для удовлетворения человеческих склонностей и желаний.** При таких оговорках понятно громадное научное значение этого принципа. Он пробивает широкую просеку в дремучем лесу истории и значительно упрощает задачу социальной динамики. С такой точки опоры глаза уже не разбегаются по запутанным ходам и переходам исторического лабиринта; внимание сосредоточивается на движении одного элемента, и вместе с тем элемент этот таков, что, **приняв его развитие за центральную нить,** мы можем связать каждую ее точку с любым из остальных общественных фактов»[1].

Сущность этой субъективной социологии сводится к тому, что **идеи правят миром**, что в основе всех общественных изменений лежат не те или иные изменения в условиях производства, в процессах производства, а лежат изменения тех или иных идей, которые управляют будто бы всей деятельностью человека.

Такая точка зрения совершенно противоположна марксизму, который в основу изучения истории кладет смену форм производства, смену общественно-экономических формаций; марксизм считает, что история развития классового общества есть история борьбы классов. Борьбу же классов двигают не те или иные отдельные «**интеллектуальные элементы**», а определенные классовые интересы, в основе которых лежит место, занимаемое классом в производственном процессе, условия, посредством которых он добывает себе средства существования.

---

[1] Н. К. **Михайловский**, Что такое прогресс, стр. 98, изд. «Колос», 1922 г. (Выделено мною — *Ем. Я.*).

По этому вопросу в первой части книги «Что такое «друзья народа»...» Лениным дана самая сокрушительная критика неправильных народнических взглядов.

Михайловский пытался доказать, что Маркс критиковал только капитализм, что его учение неприменимо к другим общественно-экономическим формациям.

Ленин в своей критике народников разъяснял, что Маркс дал метод понимания всего общественно-исторического процесса, а не только процесса развития капиталистического общества.

Маркс вместо произвольных, идеалистических схем, которые защищали Михайловский и другие субъективные социологи, выдвинул идею закономерности, закономообразности развития общества. А субъективные социологи, вроде Михайловского, могли сказать только одно — что история двигается желаниями людей, их идеями.

По этому поводу Плеханов остроумно высмеивал Михайловского:

«Субъективный же социолог изгоняет закономообразность во имя «желательного», и потому для него не остается другого выхода, как уповать на случайность. На грех и из палки выстрелишь — вот единственное утешительное соображение, на которое может опереться добрый субъективный социолог» [1].

Возражая Михайловскому по поводу того, что Маркс будто бы ограничивал марксизм только областью понимания явлений капиталистического общества, Ленин писал:

«Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» [2], такое положение, посредством которого мы можем исследовать любой период развития общества.

В этой же первой части своей книги «Что такое «друзья народа»...» Ленин разбил народническую теорию «критически мыслящих личностей», делающих историю. Михайловский клеветал на марксистов, утверждая, что они отрицают роль личности в истории. На самом деле марксисты никогда не отрицали роли личности в истории, но марксисты считают, что все явления в природе и обществе обусловлены определенной причинностью, причем причинность эта объясняется чисто материалистически. То или иное общественное явление происходит в силу исторической необходимости, вытекающей из условий материального развития общества.

Михайловский изображал дело так, что закон причинности и исторической необходимости сводит на-нет роль личности в истории. Если каждая личность действует потому, что это исторически необходимо и иначе она действовать не может, если вся ее

---

[1] Плеханов, Соч., т. VII, стр. 103

[2] Ленин, Соч., т. I, стр. 63.

деятельность обусловлена определенными историческими причинами, то какова же ее творческая роль — организующая, направляющая роль?

Ленин разъяснял, что ни закон причинности в действиях исторической личности, ни идея исторической необходимости ни в малейшей степени не подрывают роли личности в истории. Он писал в своей работе «Что такое «друзья народа»...»:

> «...история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность...» [1].

Если хотите, учил Ленин, чтобы вы, как личность, могли оказать влияние на ход истории, помочь ее двигать, то вы должны хорошо понять существующие группировки общественных сил в России, понять хорошо ту борьбу классов, которая происходит, из нее исходить, потому что только тогда вы сможете играть, как личность, определенную роль в истории.

Михайловский все философское учение марксизма — диалектический и исторический материализм — сводил к гегелевской триаде.

Что такое триада? Если по-русски перевести это слово, оно означает «троица», «троичность». Согласно учению Гегеля, всякий процесс развития проходит три этапа, три момента.

Первый момент Гегель называет т е з и с о м, второй — а н т и т е з и с о м, третий — синтезисом, или с и н т е з о м.

Тезис, или положение, означает первоначальное утверждение какой-нибудь мысли. Но уж это первоначальное утверждение включает в себя противоположность и противоречие.

Второй момент включает антитезис — противоположение, отрицание первого положения, отрицание тезиса.

Борьба между этими двумя моментами — между тезисом и антитезисом — приводит к третьему моменту — к с и н т е з у, т. е. к такому моменту, где происходит отрицание отрицания, где происходит примирение противоречий, противоположностей, где создается единство противоположностей.

Михайловский очень «ядовито» спрашивал марксистов: «А овес тоже растет по Гегелю?». На это Плеханов остроумно ответил ему

[1] Л е н и н, Соч., т. I, стр. 79.

в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и доказал, что «...овес все-таки будет расти по Гегелю»: зерно (тезис) содержит уже в самом себе начало своего противоречия, своей противоположности, в виде зародыша нового растения. Росток, стебель есть уже отрицание зерна, и в верхушечных клетках этого стебля заложены уже зародыши будущих цветков, из которых путем оплодотворения образуются семена. В оплодотворении растения уже заключается «отрицание отрицания». Цветок и все растение начинают умирать, давая жизнь новым плодам, в которых заключается синтез всей жизни растения: явление совершило круговорот, но из одного зерна выросли десятки зерен, а иногда сотни тысяч, как, например, у лебеды.

У Гегеля триада — это схема, под которую искусственно подгоняется действительность.

«По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности» [1].

Марксисты отрицательно относятся ко всяким попыткам подогнать все явления под гегелевскую триаду. Сущность марксистского метода познания состоит в том, что всякое явление необходимо изучать в его развитии. В развитии марксисты видят борьбу противоположностей, развитие есть преодоление противоречий, возникающих в процессе борьбы.

Отвечая Михайловскому по поводу его карикатурного изображения марксистского диалектического метода, Ленин писал:

«...Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно натыкался на «диалектический метод» в общественной науке... В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [2].

Ленин высмеял попытку Михайловского представить, что марксизм будто бы дает мертвую схему для всех этапов развития человечества. Именно марксизм дает возможность изучать конкретные особенности каждого этапа развития, изучать законы развития каждой общественно-экономической формации в отдельности так же, как мы изучаем особые законы развития капиталисти-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 86.
[2] Ленин, Соч., т. I, стр. 83—84.

ческого общества и особые законы развития общества социалистического.

Михайловский и другие вожди народничества использовали легальную печать в своей борьбе с марксистами. У Ленина этой возможности в то время не было. Он вынужден был свой ответ печатать нелегально.

Народники не раз ставили перед Марксом вопрос: возможно ли внекапиталистическое развитие России, может ли Россия избежать развития капитализма, может ли она через общину притти к социализму? Как известно, Маркс ответил на это, что развитие капитализма уже сделало громадные успехи в России, что капитализм уже развивается в России.

Ленин вместе с Марксом на вопрос о том, должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития, отвечал, что Россия уже вступила на капиталистический путь развития, и поэтому нелепо ставить вопрос, может ли она избежать его.

Ленин обличал при этом мошеннические уловки народников с цитатами из Маркса, к которым они прибегали для того, чтобы доказать, что и Маркс считал возможным для России избегнуть капиталистического пути развития. Вот что мы читаем в книге «Что такое «друзья народа»...»:

«Г. Кривенко, напр., заявляет, что Маркс «признавал для нас возможным при желании (?!! Итак, по Марксу, эволюция общественно-экономических отношений зависит от воли и сознания людей?? Что это такое — невежество ли безмерное, нахальство ли беспримерное?!) и соответственной деятельности избежать капиталистических перипетий и итти по другому, более целесообразному пути (sic!!!)».

Этот вздор наш рыцарь получил возможность говорить при посредстве прямой передержки. Цитируя известное «Письмо К. Маркса» («Юрид. Вест.», 88 г., № 10) — то место, где Маркс говорит о своем высоком уважении к Чернышевскому, который считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя», г. Кривенко, закрыв кавычки, т. е. покончив точное воспроизведение слов Маркса (кончающееся так: «он (Чернышевский) высказывается в смысле последнего решения») — добавляет: «И я, говорит Маркс, *разделяю* (курсив г-на Кривенко) эти взгляды» (стр. 186, № 12).

А у Маркса на самом деле сказано: «И мой почтенный критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и наоборот, из моей полемической выходки против русского «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я их отвергаю» («Ю. В.», 88 г., № 10, стр 271).

Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею, —

а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевирание»[1].

Итак, в первой части своей замечательной работы, направленной против фальшивых «друзей народа», Ленин до конца разгромил теоретические положения народников, изложил и развил положения Маркса по диалектическому и историческому материализму. В этом главное содержание первой части «Что такое «друзья народа»...». Борьба Ленина против идеологов народничества имела важнейшее значение для победы марксизма в России.

III

Третья часть книги Ленина «Что такое «друзья народа»...» посвящена разбору теории либеральных народников относительно так называемого «народного производства», т. е. артелей кустарных, промысловых, общины, тех организаций и учреждений, на развитие которых возлагали надежду либеральные народники. Ленин дал отпор всяким попыткам народников исказить позиции марксистов в этих вопросах. Народники извращали взгляды марксистов. Они писали: марксисты-де считают самым революционным классом пролетариат; следовательно, они должны способствовать увеличению количества пролетариев, т. е. должны желать пролетаризации крестьянства. Скажем, кабак разоряет крестьянина? Разоряет. Значит, марксисты должны поддерживать насаждение кабаков и т. п.

Этот реакционный вздор либеральных народников тогда имел большое хождение в литературе.

Или, например, народники изображали дело так: марксисты считают фабрично-заводского рабочего высшим типом борца по сравнению с крестьянином, значит, марксисты должны желать «выварить мужика в фабричном котле».

Народники при этом совершенно обходили, игнорировали те действительные экономические отношения, которые сложились в России. Ленин, как никто, зная экономику России, обращал внимание на развитие капиталистических отношений в деревне, расслоение крестьянства и господство рыночных отношений.

«Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, — писал Ленин, — должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), заправляющих общественно-экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение к а п и т а л а, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасывая из него все соки»[2].

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 169—170.
[2] Ленин, Соч., т. I, стр. 142.

Среди народнических писателей Глеб Иванович Успенский, один из очень талантливых наблюдателей жизни крестьян, ремесленников, дал замечательный очерк «Нравы Растеряевой улицы», «Дневник деревенского наблюдателя» и ряд других произведений, в которых рисует самую доподлинную деревню с господством там деревенского кулака, эксплоататора — мирского захребетника.

«Эта масса мелких деревенских эксплуататоров, — писал Ленин, — представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, по-одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту действительную деревню с нашим капитализмом, — вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивною работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному капиталу. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем — несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д., — потому, что оно **будит мысль рабочего**, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на **верный успех**»[1].

Народники делали вид, что не понимают, а многие действительно не понимали, что такое крупный капитал, какова его роль в развитии общества. Они видели, что капитал окончательно отрывает человека от его хозяйства, подвергает его эксплоатации. Там, в деревне, кустарь или член артели, если он и подвергается эксплоатации, то он все-таки остается около своего хозяйства, а тут крупный капитал целиком отрывает от этого хозяйства рабочего, вчерашнего мелкого собственника, крестьянина. Повторяю, народники в процессе концентрации капитала, производства, процессе скопления и собирания громадных масс на фабриках и заводах видели только одну сторону, что капиталист подвергает рабочего эксплоатации, отрывает его от земли и «народ-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 143—144.

ного производства». Они не видели или игнорировали другую сторону этого процесса, которую видели марксисты, а именно: рабочие фабрик и заводов, угнетаемые капиталистами, становятся гораздо более сознательными, чем разрозненные крестьяне; рабочие учатся, как коллективно вести борьбу с виновниками их эксплоатации.

Народники стремились доказать, что марксисты на деревню никакого внимания не обращают, мужика ставят ни во что, словом, хотели как-нибудь поссорить марксистов с мужиком.

Ленин отвечал народникам:

«В ответ на обвинение в игнорировании массы крестьянства, социал-демократы с полным правом могут привести слова Карла Маркса:

«Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком»[1].

И Ленин следующим образом пояснял это высказывание Маркса:

«Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», — не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу, — тогда их обвиняют в желании выварить мужика в котле.

И кто обвиняет? —

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящегося на «правительство» и «общество», т. е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!

Топырщатся же подобные слизняки толковать о безъидеальности социал-демократов!»[2].

Ленин дал всестороннюю критику либеральных народников, которые продолжали считать себя хранителями революционных традиций народников 60—70-х годов.

В чем заключались взгляды народников 60—70-х годов?

«—Вера в особый уклад, в общинный строй

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 144.

[2] Там же.

русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти»[1].

Революционное народничество выродилось в мещанский оппортунизм, вытекавший из программы, учения и методов деятельности либеральных народников.

«В самом деле, если мы возьмем, — писал Ленин, — содержание программы «Р. Б—ва», — все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, — то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей «серьезной и порядочной печати», т. е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или к рептилиям. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, «безвредности» всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д. и т. д. Несомненно, что, ежели бы это принять за народничество, — успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова) и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии»[2].

Ленин в книге «Что такое «друзья народа»...» подробно вскрывает тот процесс, который привел к перерождению революционного народничества в либеральное народничество. Народники-землевольцы, пошедшие «в народ», убедились, что у них нет глубокого знания крестьянской общины; вся их работа была направлена на изучение этой общины, а в результате получилась, как писал Ленин, программа, которая выражает интересы мелкой буржуазии, т. е. того именно класса, на котором и покоятся эксплоататорские порядки.

Ленин также рассказывает подробно о том, каким образом практическая работа революционных народников привела к крушению их теории, когда они все сосредоточили на терроре, когда решено было, что дело не в мужике, а в правительстве, и вся работа была направлена на борьбу с правительством, — борьбу, кото-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 168.
[2] Там же, стр. 177—178.

рую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие.

«Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу» [1].

Ленин показал, как теория революционного народничества превратилась в мещанскую, реформистскую утопию:

«...получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии» [2].

Такое развитие народничества Ленин считал совершенно естественным и неизбежным, так как в основе народнического учения

«...лежало чисто мифическое представление об особом (общинном) укладе крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелко-буржуазного крестьянства» [3].

«Казалось бы, — писал Ленин, — урок был очень внушительный: становилась слишком очевидной иллюзия старых социалистов об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капитализма и буржуазии, казалось бы, можно уже прямо взглянуть на действительность и открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение. Но эти демократы ничему не научились, и наивные иллюзии мещанского социализма уступили место практической трезвенности мещанских прогрессов.

Теперь теории этих идеологов мещанства, когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны. Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т. д., как будто бы можно было примирить и объединить. Они — реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения. У «друзей народа», например, так выхо-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 180.
[2] Там же.
[3] Там же.

дит, что они и сами всё, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны»[1].

Дело в том, что либеральные народники не только не понимали сущности экономической перемены, которая произошла в 90-х годах в деревне, и тех очередных задач, которые стояли перед всяким революционером, они выступали в прямом смысле врагами самостоятельного рабочего движения.

В Петербурге в 1896 году происходила стачка 30 тыс. ткачей: она принудила правительство издать закон 2 июня 1897 года об $11^1/_2$-часовом рабочем дне. Михайловский в связи с этими событиями написал статью, в которой упрекал рабочих в некультурности. Вот, дескать, какие некультурные рабочие, не умеют бороться, и поругивал рабочих за то, что они нарушили общественную тишину и спокойствие. В статье «Литература и жизнь» в № 10 журнала «Русское богатство» за июль 1896 года Михайловский писал: «Толпа на Невском... в значительной мере состоявшая из фабричных... многих заставила призадуматься своим поведением».

Не угодили рабочие народнику Михайловскому. Но какой же вывод делал Михайловский?

«...это дело общих государственных мероприятий, но и мы, приватные люди, свою хоть малую лепту внести можем, хотя бы в виде учреждений, подобных начинаниям Невского общества устройства народных развлечений».

Рабочий класс требует уничтожения всякой эксплоатации, он ведет борьбу против капитализма, а «властитель дум» народничества поругивает его за то, что он не умеет культурно держать себя на Невском проспекте.

Народники не понимали классовой природы государства. Михайловский не раз высказывался о том, что самодержавное государство играет р о л ь р е г у л я т о р а о б щ е с т в е н н о й ж и з н и.

В 1901 году, когда уже началось массовое студенческое, рабочее и крестьянское движение, Михайловский в статье «Наша текущая жизнь» проповедывал: «В свирепой борьбе классов» у правительства «есть цивилизаторская миссия». «Мы никому не уступим в признании необходимости твердой власти... Твердая власть имеет большое значение». О какой твердой власти мог говорить Михайловский в то время, как не о царской власти?

Больше того, Михайловский писал, что это царское правительство может явиться водворителем «всеобщего мира и счастья».

«Кто же возьмет на себя великий труд предотвращения исторических путей родины от повторения европейской борьбы? Очевидно, правительство. Оно обладает для этого нужными средствами и не менее нужным беспристрастием... правительству и только правительству предстоит в России роль водворителя всеобщего мира и счастья...».

В то время, когда поднималась волна революции, народники за-

[1] Л е н и н, Соч., т. I, стр. 187—188.

ботились больше всего о том, как бы не повторились европейские события, т. е. революции. После революции 1848 года и Парижской Коммуны, после таких великих классовых битв журнал «Русское богатство» изощрялся в советах правительству, как предотвратить повторение «европейских событий».

Как относились либеральные народники к тому, что в России уже имелся класс капиталистов?

Они очень часто обходили этот вопрос или же изображали дело так, что могут быть и очень хорошие капиталисты, ну, прямо, родные братья рабочим. Поэтому в народнических журналах того времени можно найти призыв к капиталистам быть более гуманными по отношению к рабочим; но это же все равно, что обращаться к волку с требованием, чтобы он ел не мясо, а траву.

Вот что писал Михайловский по поводу капиталистов в Англии:

«В Англии перед нами не два непримиримых враждебных лагеря, между которыми невозможно никакого соглашения, не два стада зверей, ежеминутно готовых к взаимному истреблению. Под влиянием страха и благоразумного расчета, а частью искренних великодушных чувств, мыслящие люди (в другом месте Михайловский пишет: «дирижирующие классы Англии» — *Ем. Я.*) все более проникаются заботами о материальных, умственных и нравственных интересах рабочего класса.».

Если бы Михайловский хоть сколько-нибудь был прав, то в Англии уже сейчас был бы прямо «социалистический рай», а между тем в Англии и тогда происходила и теперь происходит самая беспощадная эксплоатация рабочих. Недавно один экономист обследовал те районы, которые описывал Энгельс в 1845 году в своей книге «Положение рабочего класса в Англии». Он убедился, что дома, которые описывал Энгельс, остались те же самые, они только насквозь прогнили, и в них в еще более невыносимых, нечеловеческих условиях живут сотни тысяч людей.

Либеральное народничество поэтому объективно прикрывало и защищало самодержавие. Оно не только не разоблачало классовых антагонизмов, которые существовали и в городе и в деревне, не только не делало из этого вывода о необходимости развития классовой борьбы, организации ее, но, наоборот, оно притупляло сознание рабочих и разоренных крестьян.

Ленин писал по этому поводу:

«...постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа» — фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России, изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось», а потому, что она подвергается бесстыднейшему грабежу со стороны кучки

эксплуататоров, что если они на подобие страусов спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплуататоров, — то эти эксплуататоры исчезнут»[1].

Из анализа всего учения и деятельности народников Ленин делал вывод, что народничество своей теорией и программой выражало интересы мелкой буржуазии, по преимуществу крестьянской.

Таким образом, революционное и либеральное народничество являлось движением разночинной интеллигенции, выражавшей интересы мелкой буржуазии, преимущественно крестьянской демократии.

Ленин указывал, что

«...во всем русском народничестве... нет н и г р а н а социализма»[2].

Но между революционными и либеральными народниками есть существенное отличие. Революционные народники хотя непоследовательно и неправильными методами, но все же вели борьбу против царизма; либеральные же народники искали соглашения с царским правительством, отказываясь от революционной борьбы. Революционные народники рассчитывали на крестьянское восстание и социалистическую крестьянскую революцию; либеральные народники рассчитывали на то, что общины, артели, кустарные промысла и другие подобные учреждения будут развиваться в сторону так называемого «народного производства» при поддержке правительства и при попустительстве господствующих классов. Революционные народники хотя и не понимали руководящей роли рабочего класса в революции, но все же отводили ему известное место в революции, хотя бы в виде подсобной силы, в особенности при восстаниях в городах; либеральные же народники враждебно относились к стачкам и к самостоятельному рабочему движению. Революционные народники мечтали о том, что они совершат крестьянскую с о ц и а л и с т и ч е с к у ю революцию и не дадут капитализму развиваться. Либеральные народники стояли уже на другой точке зрения.

> «Они хотят, — писал Ленин, — товарного хозяйства без капитализма, — капитализма без экспроприации и без эксплуатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они с серьезным видом департаментского чиновника, намеревающегося облагодетельствовать Россию, принимаются сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы целы»[3].

Либеральные народники рассматривали артели и кустарные промысла как «народные производства». В действительности бóльшая часть артелей организовывалась помещиками и купцами, и кустарные промысла по преимуществу носили характер работы на дому на скупщиков, мелких фабрикантов и т. д.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. I, стр. 111—112.
[2] Л е н и н, Соч., т. XV, стр. 466.
[3] Л е н и н, Соч., т. I, стр. 147.

Революционные народники разжигали классовую борьбу, хотя и неправильно ее понимали.

Либеральные народники мечтали о смягчении классовых противоречий.

Вот почему Ленин дал всестороннюю острую критику того мещанского прожектерства, которым занимались либеральные народники, искавшие спасения в артелях, в различных попытках оживить общину, поддержать «устои» народной жизни, которые на самом деле уже мешали дальнейшему развитию производительных сил страны.

IV

В третьей части книги «Что такое «друзья народа»...» заключаются очень ценные, глубокие мысли Ленина о роли, которую должен играть рабочий класс в революции.

Разгромив идейно народничество, Ленин показал, что в России уже вырос значительный слой пролетариата, который начинает вести активную борьбу с эксплоататорами. Ленин выдвигает в этой работе идею гегемонии рабочего класса в революции.

> «Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений, — писал Ленин, — делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы» [1].

Ленин указывает задачи социалистов в революционной борьбе. Он пишет:

> «Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на действительном пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами:
>
> Studieren, Propagandieren, Organisieren [2]
>
> Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропаганди-

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 200.

[2] — изучать, пропагандировать, организовать. — Ред.

ровать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации»[1].

Прежде всего перед марксистами выдвигалась задача пропаганды идей научного социализма среди передовых рабочих, пропаганда идей об особой исторической роли русского рабочего класса среди других демократических элементов. Только на основе пропаганды идей научного социализма Ленин считал возможным создание прочных организаций рабочего класса. Он ставил перед марксистами эту задачу, он сам ее осуществлял в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Но недостаточно создать «вообще» организации рабочего класса. Могут быть и профессиональные организации, и культурные, и другие организации пролетариата. Ленин выдвигал задачу создания самостоятельной рабочей партии. Только наличие партии, прочных организаций передовых рабочих может преобразовать разрозненную экономическую борьбу отдельных отрядов рабочего класса в сознательную классовую борьбу всего пролетариата.

И только тогда, когда будет уже создана партия рабочего класса, когда она направит свои усилия на то, чтобы отдельные выступления рабочих превратить в сознательную классовую борьбу, только тогда может быть разрешена важнейшая историческая задача, поставленная перед рабочим классом России, — свержение царского самодержавия. Только тогда русские рабочие, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалят абсолютизм.

Но если рабочий класс должен стать во главе всех демократических элементов, то он должен обеспечить за собой поддержку этих демократических элементов и прежде всего огромных масс крестьянства. Это значит, что партия не может ограничить свою деятельность только деятельностью среди рабочих, что она должна нести свои идеи и в другие классы населения, в особенности в крестьянскую массу, она должна помочь этим демократическим элементам сознать, что успех их борьбы будет обеспечен тогда, когда они пойдут за рабочим классом. Значит, она должна вести работу и в крестьянстве, и среди интеллигенции города и деревни, и среди ремесленных масс. Значит, рабочий класс должен создать и закрепить союз с крестьянством.

Задача свержения абсолютизма является в этой борьбе первоочередной ближайшей политической задачей движения. Но революция на этом этапе не может остановиться. Ленин уже тогда, в 1894 году, указывал на то, что революция перерастает в новых условиях борьбы, в условиях нарождающегося уже империализма, в социалистическую (коммунистическую) революцию.

Русский пролетариат должен рассматривать свержение царизма лишь как первый шаг, лишь как ступеньку к социалистической революции, лишь как пролог к ней, учил Ленин.

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 198.

Свержение царизма имеет огромное международное значение. Пролетариат ведет борьбу против всего класса капиталистов за коммунизм. Он ведет борьбу свою рядом с пролетариатом других стран. Он не останавливается на полпути и, свалившш царизм,

> «...поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) прямой дорогой открытой политической борьбы **к победоносной коммунистической революции»** [1].

Уже из этого отрывка видно, что Ленин в 90-х годах поставил вопрос о пролетариате, как гегемоне в революции, направленной на свержение царизма; он впервые указал и союзника пролетариата — революционное крестьянство; он поставил и вопрос о переходе к социалистической революции.

Таким образом, более 45 лет назад Ленин формулировал задачи марксистов в России, задачи пропаганды и агитации в рабочем классе, организации рабочей партии, сплочения вокруг этой партии всех демократических элементов, создания союза рабочего класса и крестьянства, свержения абсолютизма, борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию.

Книга Ленина «Что такое «друзья народа»...», таким образом, довершила идейный разгром народничества, который был начат за границей Марксом и Энгельсом и талантливо продолжен Плехановым и его группой. Книга Ленина дала стройное и ясное изложение основ марксистского учения, основ диалектического и исторического материализма. Она разгромила идейно не только остатки революционного народничества, но, в особенности, раскритиковала, вскрыла, показала всю реакционность идей либерального народничества. Она показала огромное значение рабочего класса, народившегося уже к этому моменту, его историческую роль. Она поставила перед марксистами развернутую программу деятельности в рабочем классе. В своей книге «Что такое «друзья народа»...» Ленин, пользуясь методом Маркса, опираясь на революционнейшее учение Маркса, дал такой набросок перспектив революции, который целиком впоследствии оправдался.

V

Особый интерес для истории нашей партии представляет такое явление общественной жизни 90-х годов, как появление в царской России «легального марксизма». Ленин называл «легальный марксизм» «отражением марксизма в буржуазной литературе». Каким же образом он появился, как отнесся к нему Ленин, какую роль сыграл «легальный марксизм»?

С ростом промышленности, с развитием фабрик, заводов и железнодорожного строительства быстро рос пролетариат, росло рабочее движение, а вместе с этим одновременно все больше распространялся марксизм.

---

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 200.

Когда рабочие массы России выступили организованно на борьбу против эксплоататоров, революционное народничество, как организация, уже было разгромлено. «Народная воля» погибла в борьбе с царским правительством. Отдельные народовольческие кружки еще пробовали собрать разбитые силы, но среди самих народников уже не было единства. Рабочее движение показало, куда идет развитие революции. Работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» нанесла сокрушительный удар народничеству, докончила идейный разгром, начатый Плехановым. Марксизм стал быстро упрочиваться в кругах революционной интеллигенции. И, как всегда бывает, к большому общественному движению присоединились всякого рода «попутчики».

В борьбе против народничества наряду с революционными социал-демократами стали выступать временные, ненадежные попутчики. В обстановке развивающегося капитализма и превращения России в страну буржуазную эти попутчики пытались борьбу с народничеством использовать для того, чтобы приспособить рабочее движение исключительно к интересам буржуазии, якобы выполняющей в России особо прогрессивную роль. Называя себя марксистами, они брали у Маркса его учение о законах развития капиталистического общества, выхолащивая революционную сущность этого учения. Они старались замазать и даже оспорить учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной пролетарской революции, о неизбежности крушения капитализма и установления диктатуры пролетариата. Ленин называл их поэтому проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Царское правительство в то время все еще продолжало борьбу с остатками революционного народничества, с остатками народовольцев. Поэтому оно первое время смотрело сквозь пальцы на легально появившиеся марксистские журналы, поскольку в них подвергались критике основы народничества. В предисловии к сборнику «За 12 лет» Ленин писал о возникновении «легального марксизма»:

«Конец 1894-го и начало 1895-го годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые пробрался в нее марксизм, представленный не только заграничными деятелями Группы «Освобождение Труда», но и русскими социал-демократами. Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимав-

шегося затем рабочего движения, — этого самого могучего фактора всей нашей революции.

Условия тогдашней литературы заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далекими от практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило союз разнородных элементов марксизма в борьбе с народничеством. На-ряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели такие люди, как гг.Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму» [1].

Конечно, это вовсе не значит, что была дана свобода слова марксистам. Мы видим, какой «марксизм» большей частью находил место в этих журналах. Первые же марксистские книжки и статьи Ленин должен был издавать нелегально, так как легальные издания сжигались полицией по выходе из печати. Так, жандармы сожгли сборник статей, где была также и большая статья Ленина, в которой он раскритиковал фальшь одного из вождей «легальных марксистов» — Петра Струве, проводившего под видом учения Маркса защиту интересов буржуазии. Одно время так называемый «легальный марксизм» (т. е. разрешенный законом) завоевал довольно большое число сторонников среди буржуазной интеллигенции. Ленин указывал на то, что «легальные марксисты» — люди ненадежные, что они нам скоро изменят, что они — только временные попутчики и что по сути дела они защищают интересы буржуазии.

Так на самом деле и случилось. Когда развернулась революционная борьба рабочего класса, во враждебный лагерь ушли такие «марксисты», как Петр Струве, Бердяев, Туган-Барановский и др. Петр Струве от позиции «легального марксиста» докатился до роли врангелевского прихлебателя, ярого белогвардейца-монархиста. Были и такие «легальные марксисты», как Булгаков, который потом стал попом.

«Легальные марксисты» не были революционерами. Это были буржуазные демократы, пытавшиеся использовать марксизм в своих классовых интересах. «Легальные марксисты» особенно выпячивали прогрессивную роль капитализма. Они прикрашивали капитализм. Отмечая, что в отличие от мелкого производства капиталистическая фабрика и завод несут «прогресс» и «культуру», они, конечно, не могли и не хотели видеть во всем этом капиталистическом «процессе» классовую борьбу рабочих против капиталистов. «Легальные марксисты» писали, что если в России существует еще безработица, нищета масс, то только потому, что мало развит капитализм. Струве рекомендовал «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму».

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 57.

«Легальные марксисты» были сродни ревизионистам II Интернационала. Извращая учение Маркса о борьбе классов, «легальные марксисты», как и германские бернштейнианцы и реформисты других партий II Интернационала, отказывались от борьбы за пролетарскую диктатуру и относились враждебно к идее вооруженного восстания рабочего класса и революционного захвата власти пролетариатом. Необходимо отметить, что, в то время как Ленин вскрывал буржуазную сущность «легальных марксистов», Плеханов относился к ним примиренчески. Тот факт, что П. Струве в своей книге рекомендовал «пойти на выучку к капитализму», Плеханов расценивал как совершенно безвредное, невинное увлечение западника.

Ленин в «Что делать?» под заголовком «Критика в России» объяснял, как сложился временный союз революционных марксистов с «легальными марксистами», какое значение он имел, почему этот союз распался.

«Это было, — писал Ленин, — вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...»[1].

Ленин при этом дает четкую характеристику «легальных марксистов»:

«Эти последние были буржуазными демократами».

На вопрос, правильно ли действовали революционные марксисты, когда пошли хотя бы на временный союз с такими людьми, как Струве, допустимо ли было вступать в союз с людьми, которые были фактически проводниками буржуазного влияния на пролетариат, Ленин отвечает:

«Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми

---

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 373

может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором»[1].

В чем выразился конкретно союз с «легальными марксистами»? Прежде всего — в совместном издании сборников и журналов. Так, был организован и подготовлен к печати сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». В нем были помещены статьи: П. Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям»; В. И. (Ионова) «Борьба общины с хутором»; статья А. Потресова «Перевод очерка Эдуарда Бернштейна о только-что вышедшем третьем томе «Капитала»; статья К. Тулина (Ленина) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»; статья П. Струве «Моим критикам»; статья Д. Кузнецова (Плеханова) «Пессимизм, как отражение экономической действительности»; статья А. Утиса (Плеханова) «Несколько слов нашим противникам» (материалы для истории цивилизации нашей литературы).

Таким образом, в этом сборнике большинство статей принадлежит революционным марксистам.

В основу статьи Ленина положен был его реферат «Отражение марксизма в буржуазной литературе», читанный на квартире Потресова в 1894 году. Ленин в этой статье разоблачал попытки Струве «исправить и дополнить» марксизм. Ленин критиковал попытки Струве исказить учение марксизма о государстве и увлечение самого Струве государством, как «организацией порядка». Точно так же Ленин критиковал Струве за попытки его представить дело так, будто социализм может победить путем постепенного перехода от буржуазного строя к социалистическому, что социализм постепенно вырастает из капитализма. Это была опаснейшая и вреднейшая ревизионистская точка зрения, против которой Ленин решительно боролся. Точно так же Ленин боролся и против неправильной критики народничества у Струве.

Борьба классов у Струве подменялась сотрудничеством классов, материалистическое учение — различного рода идеалистическими, кантианскими и другими теориями. «Легальные марксисты» вульгаризировали, опошляли марксизм, выхолащивали его революцион-

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 374.

ную сущность, поэтому борьба против них была необходима. Но так как одновременно против марксистов — и легальных и революционных — резко выступали народники в «Русском богатстве» и в других журналах, то Ленин и другие революционные марксисты старались использовать и легальную и нелегальную печать для борьбы против них. Журналы «Новое слово», «Мир божий», «Начало», «Научное обозрение», «Жизнь» и ежедневная газета «Самарский вестник» — вот органы, в которых сотрудничали вместе с «легальными марксистами» Ленин, Плеханов и другие революционные марксисты.

Так, в «Новом слове» появились: статья Ленина «К характеристике экономического романтизма» и рецензия «По поводу одной газетной заметки»; статьи Плеханова «Судьба русской критики», Веры Засулич (Иванова) и ряда других марксистов.

Чрезвычайно интересное явление для того времени — газета «Самарский вестник». Это была захудалая провинциальная газета, которую издавал либеральный земец Реутовский. В этой газете одно время преобладали марксистские статьи. В ней же печатались статьи Скляренко, Гвоздева и напечатана была статья Ленина «Перлы народнического прожектерства».

В журнале «Начало» напечатана была статья Ленина «Вытеснение барщинного хозяйства капитализмом в современном русском земледелии».

Легально вышли в это время работы Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; Плеханова (Волгина) «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)»; работа Ленина «Экономические этюды» и статьи 1897—1898 годов. В это время «Капитал» Маркса (первый том) выдерживает уже третье издание (1898 год). Еще раньше выходит легально «Критика некоторых положений политической экономии» Маркса («К критике политической экономии») в переводе Румянцева.

Одно только перечисление показывает, насколько участие в легальной печати марксистов расширило круг их влияния. Тем не менее продолжаться долго это сотрудничество с «легальными марксистами» не могло. Уже одно то, что в сборнике помещается статья Ленина, которая резко критикует г о с п о д и н а Струве, а рядом помещается статья самого П. Струве, показывает антагонистический характер этого союза. Это было такое, если можно так выразиться, «единство противоположностей», которое таило зародыш разрыва с самого начала.

«Легальные марксисты» вскоре перешли в наступление против революционного марксизма под покровом «критики». Революционные марксисты, или, как их тогда называли, «ортодоксы», т. е. п р а в о в е р н ы е, не оставались в долгу, называли легальных марксистов «м а р к с и с т о о б р а з н ы м и». Эти марксистообразные имели самые разнообразные оттенки. Как говорили немцы, «есть марксисты и «тоже марксисты».

«Разрыв вызван был, — писал Ленин, — конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим»[1].

Однако этот разрыв не означал, что «легальные марксисты» исчезли с арены деятельности рабочих организаций. В том-то и дело, что в наследство от «легального марксизма» осталась целая плеяда «критиков» марксизма;

«...этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление т р е х русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра» № 10). На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков-социал-демократов к «экономизму»[2].

Борьба Ленина против «легальных марксистов» и народников имела тем бо́льшее м е ж д у н а р о д н о е значение, что русские «легальные марксисты» (как и народники) находились в преем-

---

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 374—375.
[2] Ленин, Соч., т. IV, стр. 375.

ственной связи с предшествующими и последующими оппортунистическими течениями внутри рабочего движения в нашей стране и ревизионистами II Интернационала на Западе.

В самых ранних своих работах — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 год), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894 год), «Задачи русских социал-демократов» (1897 год), а также в более поздних работах Ленин решительно выступал против всяческих извращений, фальсификаций революционного марксизма, подымал на большую теоретическую высоту важнейшие вопросы пролетарской борьбы и ставил актуальнейшие революционные задачи перед марксистами. Эти работы Ленина воспитали новое поколение революционеров-ленинцев.

Ленин, начиная с самых ранних своих работ, выдвигал вопросы, относящиеся не только к *русской* революции, — они имели огромное и *международное значение*. Ленин в своих работах поставил и решил по-новому, по-боевому все основные вопросы русской и международной пролетарской революции.

СОВРЕМЕННОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О МАТЕРИИ И ДВИЖЕНИИ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Проф. А. А. МАКСИМОВ

Марксизм-ленинизм — не догматическое, а творческое учение. Оно растет и обогащается с каждым новым научным открытием, с каждым новым значительным фактом в области изучения природы, общества, мышления.

Это положение подчеркивал Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе». Его же развивал и Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» [1].

Ленин внимательно изучал естествознание, философски обобщая его выводы, и указывал на ошибку Плеханова и других меньшевиков, игнорировавших изучение новейших достижений естествознания, имеющих значение для философии.

Сам Ленин дал замечательный пример того, как нужно изучать естествознание, чтобы обогащать и развивать дальше философское учение марксизма. «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина является величайшим творением марксизма-ленинизма, в котором дано обобщение достижений естествознания. Ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» является настольной книгой современных партийных и непартийных большевиков.

В наши дни творческому марксизму-ленинизму учит нас наш великий учитель — товарищ Сталин.

«Овладеть марксистско-ленинской теорией вовсе не значит — заучить все ее формулы и выводы и цепляться за каждую букву этих формул и выводов. Чтобы овладеть марксистско-ленинской теорией, нужно, прежде всего, научиться различать между ее буквой и сущностью» [2].

Этому учит нас история большевистской партии.

---

[1] См. соч. Ленина, т. XIII, стр. 206.

[2] Краткий курс истории ВКП(б). стр. 339.

Из всего этого следует, что без усвоения того существенно нового, что дает современное естествознание, не может быть успешной творческой работы по пропаганде философского учения марксизма-ленинизма.

Действительно, естествознание далеко двинулось не только по сравнению с тем состоянием, в котором оно находилось во время написания Энгельсом «Диалектики природы», но очень много изменений произошло в естествознании и со времени написания Лениным «Материализма и эмпириокритицизма».

Здесь мы поставили перед собой задачу — показать то существенное, что характеризует современные физические воззрения на материю и движение, показать, каковы общие представления о материи и движении, которые лежат в основе всех прочих представлений физики и механики.

Так например, ньютоновские представления о материи и движении характеризовали общие черты всех механических и физических учений вплоть до того, как развилась в XIX веке электродинамика Но и с возникновением электродинамики ньютоновские представления о материи и движении не были отброшены, а лишь несколько оттеснены с того исключительного места, которое они занимали в науке.

И в настоящее время ньютоновские представления о материи и движении играют значительную роль и в теоретических воззрениях и, особенно, во всех практических приложениях механики.

Однако в дополнение и во изменение ньютоновских представлений современная физика разрабатывает новые представления о материи и движении. Эти представления лежат, по существу, в основе современных представлений о строении материи, о строении атома, в основе всех прочих физических и механических представлений.

Естественно, что выработка этих новых самых общих физических и механических представлений о материи и движении имеет огромное философское значение. Это обстоятельство является причиной того, что эти представления служат предметом ожесточенной борьбы между материализмом и идеализмом.

Поэтому целесообразно, когда речь идет о взаимоотношениях диалектического материализма и естествознания, когда речь идет о том, что существенно нового дает современное естествознание, в первую очередь остановиться на современном физическом учении о материи и движении.

I

Современные физические воззрения на материю и движение идут на смену ньютоновским взглядам на материю и движение. Поэтому сущность новых воззрений на материю и движение может быть понята лишь при сравнении с теми взглядами, на смену которым эти новые воззрения приходят.

Но между новыми и ньютоновскими взглядами есть еще проме-

жуточные учения и теории — это взгляды переходные, воззрения электродинамики XIX века.

Каковы же были ньютоновские взгляды на материю и движение, если под ньютоновскими взглядами иметь в виду не одни только личные взгляды Ньютона, но и воззрения физики и механики его эпохи?

Согласно этим воззрениям, мир состоит из материальных тел. Тела — это ограниченные в пространстве вещи. Они ограничены совершенно определенными поверхностями, которые можно видеть, осязать.

Границы тел обнаруживаются при столкновении тел. Как только тела, движущиеся навстречу друг другу, соприкасаются своими поверхностями, происходит толчок, удар.

На основании всех этих наблюдений создалось представление о непроницаемости тел. Каждое тело занимает, как и сейчас учат в начальной школе, определенный объем пространства, и в этом объеме никакое другое тело помещаться не может.

Тела обладают не только непроницаемостью, — они обладают инертностью. Для того чтобы привести тело в движение, нужно затратить определенную силу, определенное количество энергии. Тело, приведенное в движение, сохраняет это движение, пока его не изменит внешняя сила.

Эти движущие силы ньютонова механика рассматривает как силы внешние по отношению к тому телу, к которому они прилагаются.

Свойства инертности ньютонова механика связывает с понятием массы тел. Тело обладает тем бóльшей инертностью, чем больше его масса. Наоборот, по величине инертности, т. е. по величине силы, необходимой для приведения тела в движение, можно судить о величине массы.

Инертность есть проявление массы тела. Больше того, согласно ньютоновским представлениям, масса есть единственное проявление материальности тел.

По количеству массы определяется количество материи. Так как никакого другого проявления материальности тел кроме массы ньютонова механика не знала, то отсюда и получалось отождествление понятия материи с понятием массы.

Такого рода представление проникло в философию и послужило одним из краеугольных камней для построения воззрений механического материализма.

Таковы в общих чертах представления о материи в ньютоновой механике.

Посмотрим, каковы же были в ней представления о движении? Согласно ньютоновой механике тела безразлично относятся к внешнему пространству. Это пространство есть лишь вместилище тел, вместилище, существующее вне и независимо от этих тел. Точно так же ньютонова механика рассматривала и время, как нечто независимое от тел.

Движение тел, согласно ньютоновой механике, *есть простое перемещение тел в пространстве*, простая перемена одного места, занимаемого телом в пространстве, на другое.

Раз пространство не имеет отношения к телам, раз оно совершенно чуждо, внешне телам, то, следовательно, перемещение тел в пространстве — движение — никак не должно сказываться на телах. Вот эта неизменность тел в процессе движения, независимость тел от движения получили в ньютоновой механике выражение в представлении о *независимости массы от движения* — той самой массы, которая была исключительной характеристикой материальности тел.

Независимость свойств тел от движения получала в ньютоновой механике и другое выражение. Раз свойства тела не зависят от движения, то и одно движение тела не зависит от другого. Если тело двигалось с одной скоростью, а затем ему была придана вторая скорость, то первая и вторая скорости складываются независимо от их величин. Это — так называемое свойство аддитивности скоростей в ньютоновой механике. Оно стоит в теснейшей связи с допущением независимости массы тел от скорости движения.

Итак, движение в ньютоновой механике понималось как перемещение от одной точки пространства к другой. Это перемещение рассматривалось как непрерывное. Точно так же скорость, присущая данному телу в движении, могла принимать всевозможные значения, начиная от нуля, от покоя, и составляя далее непрерывный ряд возрастающих значений.

Таким образом *непрерывность движения* также была одной из характерных черт ньютоновой механики.

Исходя из представления о телах со строго ограниченными поверхностями, обладающих непроницаемостью, с абсолютно неизменной массой, о телах, безразлично относящихся к внешнему по отношению к ним пространству, и т. д., ньютонова механика строила свои понятия скорости, силы, массы, количества движения, кинетической энергии и т. п., т. е. всю ту сложную систему понятий, которая отражала во времена Ньютона известные тогда явления природы.

Оперируя этими понятиями, ньютонова механика имела возможность рассматривать и математически излагать явления движения небесных и земных тел, разрешать проблемы прикладной механики и пр.

Нетрудно видеть, что основные представления ньютоновой механики совпадают с представлениями людей, создающимися на основе обыденного опыта. Непроницаемость, инертность тел, наличие у них строгих границ — все это легко понять каждому, так как каждый человек сам создает себе подобные представления на основе повседневного опыта.

* * *

Во времена Ньютона о строении обычных окружающих нас тел, как говорят макроскопических тел, имелись лишь догадки, гипотезы. Наибольшее значение имели представления древних атомистов-материалистов. Но убедительного опытного обоснования эти представления в применении к вопросу о строении тел в ту пору не имели.

В XIX веке философское учение атомизма получило прочную базу в естественно-научных открытиях и приобрело форму физико-химического учения. Сущность химических реакций была раскрыта как процесс соединения атомов в молекулы различной сложности или преобразования одних молекул в другие. Вся химия стала прикладным учением атомизма.

Особенно детально атомистические представления разработаны были в органической химии, химии соединений углерода с водородом и другими элементами, которые участвуют в строении так называемых органических веществ.

Свойства атома углерода были детально изучены, были определены его сродства, т. е. валентность — способность соединяться с другими элементами, было установлено число этих валентностей, направление их в пространстве и т. д.

Было изучено расположение атомов углерода и водорода как в простейшем соединении — болотном газе — CH_4, где C — атом углерода, H_4 — четыре атома водорода, так и в таком соединении, как бензол — C_6H_6.

Расположение в пространстве атомов было изучено и по отношению к молекулам довольно сложных веществ, вплоть до белковых.

Атомистическое учение было со второй половины XIX века применено также к объяснению тепловых явлений. Сущность теплоты была объяснена на основе представления о том, что тепловое движение есть движение молекул и атомов. На основании этого была разработана теория тепловых явлений.

То же атомистическое учение дало возможность объяснить строение газов, жидкостей, твердых тел, причем особенно детально было разработано учение о газах.

Все это знаменовало колоссальнейший успех в познании природы, и в основе всех этих естественно-научных теорий лежало представление об атоме.

Как же себе представляли атом в XIX веке? Надо сказать, что к атому целиком и полностью были применены ньютоновские представления об обычных телах, об их непроницаемости, определенности границ, инертности, скорости движения, кинетической энергии и т. д.

Применяя эти представления, ученые XIX века определили не только относительные, но и абсолютные массы, скорости движения, примерные размеры атомов и молекул, средний свободный

пробег атомов или молекул между двумя столкновениями их друг с другом и пр.

Так например, было найдено, что если массу атома водорода считать за единицу, то масса атома кислорода будет равна почти 16, атома серы — 32, хлора — 35,5, ртути — 200 и т. д. Это так называемые относительные атомные массы, или атомные веса, отнесенные к массе атома водорода как к единице.

Но были определены, как сказано, и абсолютные массы атомов и молекул. Прежде всего была определена абсолютная масса атома водорода, которая, как оказалось, выражается чрезвычайно маленькой величиной. Если взять от одного грамма такую долю, которая выражается дробью со знаменателем в 25 знаков, то мы получим примерно ту величину, которая характеризует массу атома водорода. Масса атома водорода равна $1{,}675 \cdot 10^{-24}$ граммов.

Была определена скорость движения молекул газов при различных температурах. При нуле Цельсия оказалось, что молекула водорода имеет скорость в 1692 метра, азота — 454, паров воды — 566, углекислого газа — 362 и т. д. в секунду.

Были определены диаметры молекул и атомов при обычных условиях, когда исследуют их тепловое движение при обычной температуре. Они оказались также, конечно, очень маленькой величиной. Для водорода это будет 2,3 сантиметра, разделенные на 100 миллионов. Такие стомиллионные доли сантиметра примерно характеризуют размеры и других атомов. При этом величина, относящаяся к различным атомам, несколько варьирует, но общий порядок величин характеризуется приведенной цифрой. В следующей таблице приведены размеры диаметров молекул и атомов различных газов:

H_2 — водород	$2{,}3 \cdot 10^{-8}$ см
N_2 — азот	$3{,}1 \cdot 10^{-8}$ „
He — гелий	$2{,}9 \cdot 10^{-8}$ „
H_2O — вода, пар	$2{,}6 \cdot 10^{-8}$ „
CO_2 — углекислый газ	$3{,}2 \cdot 10^{-8}$ „ и т. д.

Точно так же, как уже сказано, был определен свободный пробег молекул или атомов между двумя столкновениями. Величина этого свободного пробега оказалась равной:

H_2	$11{,}23 \cdot 10^{-6}$ см
O_2	$6{,}5 \cdot 10^{-6}$ „
N_2	$6{,}0 \cdot 10^{-6}$ „
He	$18{,}0 \cdot 10^{-6}$ „
H_2O	$4{,}0 \cdot 10^{-6}$ „
CO_2	$4{,}0 \cdot 10^{-6}$ „

Так же было определено количество молекул в одном кубическом сантиметре; оно оказалось равным $2{,}70 \cdot 10^{19}$ (при атмосферном давлении в 760 миллиметров ртутного столба).

Таким образом, об атомах и молекулах создалось совершенно

конкретное, определенное представление, причем, как я сказал, в основе этого представления лежали общие ньютоновские представления о телах.

* * *

Так обстояло дело с изучением микрочастиц — молекул и атомов. Представление об их свойствах и движении оставалось принципиально старое — ньютоновское.

Принципиально новое в этом отношении стало возникать с изучением электрических явлений.

Сначала ученые полагали, что электрическое состояние тел есть случайное, преходящее состояние. В дальнейшем, к концу XIX века, однако, выяснилось, что электрические явления обнаруживаются при всех физических, химических, физиологических явлениях, изучаемых естествознанием—при трении, при нагревании, при освещении, испарении, растворении, разложении химических соединений и пр. и пр.

Это заставило ученых в конце концов признать, что электрический заряд, электрическое состояние тел есть столь же важная характеристика материи, как и масса, как инертность.

В то же время оказалось, что движение и взаимодействие электрических зарядов существенно отличается от движения тел, от взаимодействия их посредством толчка, удара и т. п., как они изучались ньютоновой механикой. Лишь явления всемирного тяготения могли обнаруживать нечто аналогичное взаимодействию электрических зарядов. Однако эта аналогия мало помогала ученым.

Особенность взаимодействия электрических зарядов, как и явления всемирного тяготения, заключается в том, что это взаимодействие осуществляется путем дальнодействия без какой-либо видимой или как-либо иначе определяемой передачи воздействия одного тела, одного заряда на другое тело или на другой заряд через пространство, разделяющее тела. Действительно, солнце действует на землю, вызывает на земле, как и луна, приливы и в то же время находится на огромнейшем расстоянии от земли. Точно так же отдельные заряженные электричеством тела притягивают или отталкивают друг друга, находясь на значительном расстоянии.

Изучая электрические явления, ученые полагали, что это взаимодействие подобно взаимодействию тяготеющих тел. Но так как масса тел, согласно существовавшим тогда представлениям, никакого отношения к электричеству не имела, то взаимное притяжение и отталкивание стали приписывать особому веществу, отличному от обычного вещества, представляемого массой. При этом все опыты говорили за то, что это особое вещество есть жидкость, не обладающая массой и, значит, невесомая. Допущение электрических жидкостей для объяснения электрических явлений продержалось до половины XIX века.

Согласно этому представлению, электрические явления обуслов-

лены чем-то таким, что может находиться в телах или быть из них удалено. И это «что-то» и рассматривалось как особые электрические невесомые жидкости.

Совсем иные представления создались об электрических явлениях на основе исследований ученых XIX века и в особенности Фарадея и Максвелла. На основе своих исследований и исследований других ученых они пришли к убеждению в том, что электрические явления обусловлены не наличием электрических жидкостей в телах, а наличием процессов, происходящих в среде, окружающей заряженные тела.

Наличие в этой среде натяжений, изменений и особых форм движения и обусловливают (по Фарадею и Максвеллу) электромагнитные явления.

Здесь нужно обратить внимание на то, что Фарадей и Максвелл самое существо явлений стали видеть совсем не там, где видели раньше: раньше его видели в телах, хотя бы в форме невесомых жидкостей (но эти жидкости помещали в самые тела), а теперь существо электрических явлений стали видеть вне этих тел—в той материальной среде, которая находится вокруг тел.

Таким образом то пространство, которое последователи Ньютона считали возможным рассматривать как абсолютно пустое, согласно Фарадею и Максвеллу оказывалось заполненным особой материальной средой.

Воззрения на эту среду Фарадея и Максвелла совпали в известной степени с существовавшим ранее, именно со времен Гюйгенса, современника Ньютона, представлением о том, что световые явления обусловлены также наличием особой находящейся вне тел среды — мирового эфира.

На основе воззрений Фарадея и Максвелла впервые было разработано физическое учение об электрических явлениях как явлениях, происходящих в этой материальной, окружающей заряженные тела среде.

В этом учении уже было нечто принципиально новое по сравнению с ньютоновой механикой, которая все дело сводила к телам, к материальным точкам, пространство же рассматривала как абсолютно пустое вместилище тел.

Другим принципиально новым моментом в учении об электрических явлениях было обнаружение своеобразной инертности, наблюдаемой при движении электрических зарядов.

Было выяснено, что электрические заряды обнаруживают особую инертность, когда их приводят в движение или, если они двигаются, когда увеличивают или уменьшают скорость их движения.

Так как на основе ньютоновских представлений привыкли в проявлениях инертности видеть доказательство наличия массы, то особую инертность электрического заряда стали трактовать как проявление особой, так сказать, мнимой, кажущейся электромагнитной массы, присущей этому заряду.

Эта масса, однако, могла в отличие от ньютоновой механической массы появляться и исчезать.

Создалась совсем новая ситуация и произошли чрезвычайно большие изменения, когда к концу XIX века в дополнение к коротко охарактеризованным открытиям окончательно было установлено существование электрона.

В отличие от учения о том, что электромагнитные явления суть явления в особой непрерывной среде, окружающей заряженные тела, возникло учение, которое снова связало электрические явления с обычными телами, с движениями, происходящими в составляющих эти тела атомах и молекулах.

Ученые на основе экспериментов и на основе теоретических выкладок все более и более убеждались в том, что электрический заряд не есть какое-то состояние непрерывной среды, находящейся вне тела, но что сам электрический заряд локализован и имеет атомную структуру.

И действительно, в конце XIX века был открыт электрон — атом электричества, обладающий массой в 1840 раз меньшей, чем масса самого легкого из всех известных атомов, именно атома водорода.

Если открытие электрона составило огромнейшее событие в истории науки о природе, то изучение свойств этого электрона, в первую очередь его массы, привело к открытию совершенно нового, неожиданного свойства.

Оказалось, что вся масса электрона имеет исключительно электромагнитный характер, т. е. электрон не имеет никакой механической ньютоновой массы, которая неизменна и не зависит от движения.

В то же время обнаружилось—и это не было столь неожиданным, поскольку понятие об электромагнитной массе стало создаваться раньше, — что *масса электрона меняется со скоростью*, возрастая по мере того, как растет скорость электрона, и делается очень большой, когда скорость электрона приближается к скорости света — к 300 000 км в секунду.

Это совершенно необычное явление, неизвестное ньютоновой механике и подрывающее одно из основных метафизических ее положений о неизменности массы, дополнилось другим, столь же неожиданным открытием.

Оказалось, что атомы состоят из положительных и отрицательных зарядов. Правда, это предположение в форме гипотезы фигурировало у ученых еще в начале XIX века. Оно сыграло немалую роль в развитии химии. Но к концу XIX века это положение было доказано экспериментально. Таким образом оказалось, что электричество — основная сущность материи, рассматриваемой физически. На основе этого воззрения и создалась электрическая теория материи, поставившая вместо массы на первое место электрический заряд, массу же разъяснившая в качестве производного явления, как

некоторый результат концентрации в определенном объеме пространства электрического заряда [1].

Так, вместо ньютоновой механики в конце XIX и в начале XX века на первое место выдвинулась электродинамика.

Одним из важных итогов развития электродинамики явилось то, что она должна была сочетать, как мы видим, учение об атомизме электричества с учением Фарадея—Максвелла о непрерывной среде, о так называемых электромагнитных полях.

Оказалось, что учение об электронах отнюдь не исключает учения об электромагнитных полях, а обязательно требует сохранения этого учения.

Таким образом получилось, что и атомистическое учение, исходящее из представления о прерывности, и противоположное учение—учение, исходящее из представления о непрерывности, должны быть каким-то образом соединены вместе.

Однако такой вполне отчетливый итог никогда не был подведен физиками с полной ясностью. Физики все время стремились свести изучаемые ими электрические явления к одной из этих двух противоположностей: или все объяснить наличием электронов или объяснить все наличием непрерывной среды, рассматривая электроны как какое-то сгущение, как какое-то особое образование в этой непрерывной среде, которая рассматривалась как первичная, как первоматерия.

Из изложенного выше видно уже, что главнейшие выводы электродинамики били по метафизическим сторонам учения Ньютона об исключительном значении массы, о независимости этой массы от скорости.

Естественно, что опровержение, разоблачение и устранение метафизики из ньютоновой механики было колоссальным шагом вперед и, по существу, подводило физиков вплотную к диалектическому материализму.

Открытия электродинамики, по существу, подтвердили воззрения диалектического материализма. Поэтому именно Ленин принял эти выводы электродинамики, подробно рассмотрел их в «Материализме и эмпириокритицизме» и дал им диалектико-материалистическую оценку.

Ленин показал, что ученые, придерживаясь односторонних метафизических воззрений, стремятся или все свести к прерывности или все свести к непрерывности. Ленин показал, что ряд ученых, спотыкаясь на метафизике, скатывается к идеализму. В опровержение утверждения идеалистов о том, что переход от понятия массы к понятию электрического заряда, переход от механики Ньютона к электродинамике, якобы, подрывает материализм, Ленин доказывал, что замена механики электродинамикой ничего не говорит в пользу утверждения об исчезновении материи, которую ошибоч-

[1] Речь идет о массе атомов и электронов Вопрос о поле здесь не затрагивается. — А. М.

но отождествляли с массой, а наоборот, подтверждает материализм, обогащает его. Ленин разъяснил, что нужно отличать физическое представление о том или ином строении материи от философского понятия материи, которое утверждает, что вне и независимо от нас существует познаваемая нами объективная действительность.

Поэтому Ленин указывал, что, когда физики, не знающие диалектики, начинают кричать о том, что «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи»[1].

В другом месте Ленин писал:

«Движение тел превращается в природе в движение того, что́ не есть тело с постоянной массой, в движение того, что́ есть неведомый заряд неведомого электричества в неведомом эфире, — эта диалектика материальных превращений, проделываемых в лаборатории и на заводе, служит в глазах идеалиста (как и в глазах широкой публики, как и в глазах махистов) подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма...»[2].

Исходя из диалектико-материалистической трактовки новейших открытий, Ленин до конца разоблачал все идеалистические извращения, которые делались в связи с этими открытиями.

II

Таково было общее представление о материи к началу XX века. Оно возникло стихийным путем. Философские выводы, вытекавшие из новейших открытий, которые сумел сделать Ленин, не были сделаны физиками и вообще учеными капиталистических стран.

«Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, так же как «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах» Энгельса, оставался для этих ученых книгой за семью печатями. Вместо правильных философских выводов, дающих возможность понять суть происходящих в науке изменений, ряд крупных ученых капиталистических стран стал делать идеалистические и метафизические выводы. Поэтому должных уроков из предшествующего этапа развития физики извлечено не было, и развитие пошло и дальше стихийным путем, причем ученые снова и снова, и даже в большей степени, повторяли свои метафизические ошибки и в условиях империализма, в условиях общего кризиса капитализма, когда немало ученых капиталистических стран скатилось к идеализму.

Однако этот стихийный путь все больше и больше (как это бу-

---

[1] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 213.
[2] Там же, стр. 230.

дет показано дальше) ставил физиков перед необходимостью усвоения диалектического материализма. Если развитие электродинамики с полной ясностью указало физикам на то, что нужно прерывность и непрерывность соединять воедино, что нельзя противопоставлять атомизм учению о непрерывной среде и т. д., то все дальнейшие открытия вплотную поставили ученых перед диалектическим разрешением этих вопросов. Вплотную к диалектике ученые подошли в результате исхода развития двух главнейших областей знаний о материи— учения о свете и учения о строении обычного весомого вещества.

Что же произошло в области учения о материи и движении после написания «Материализма и эмпириокритицизма»?

Начнем с изложения того существенного, что произошло в учении о свете. Свет, даже с точки зрения обыденного опыта, всегда представлял собой нечто отличное от явлений, обусловленных движением обычных массивных тел. По отношению к свету нельзя было сказать, что мы здесь имеем дело с движением каких-то массивных тел, которые можно схватить, пощупать, строение которых можно наблюдать и т. д. Даже нельзя было сказать, что это есть движение каких-то маленьких, но все-таки обычных тел, так как эти маленькие тела в таком случае можно было бы как-то уловить.

Тем не менее более ранние учения, объяснявшие явления света, исходили из обычных представлений о телах, из тех представлений, которые создавались на основе обыденного опыта. Эти представления трактовали свет как полет ряда легких телец, испускаемых с очень большой скоростью светящимся телом.

Таково было объяснение явлений света, выдвинутое Ньютоном в форме теории истечения. Он считал, что каждое светящееся тело испускает маленькие световые частицы, которые летят и, попадая в глаза, создают субъективное впечатление о светящемся теле.

Эта теория истечения объясняла прямолинейное распространение света, рассматривая полет световых частиц наподобие прямолинейного полета пули. Отражение она объясняла подобно явлению отражения обычных тел, скажем, мяча, когда при отскакивании его угол падения равен углу отражения.

Явление преломления света тоже было объяснено и математически рассчитано на основе теории истечения.

При этом Ньютон и его сторонники, разрабатывавшие теорию истечения, допускали, что между этими летящими световыми частицами и телом, в котором может преломляться свет, происходит взаимодействие. Атомы и молекулы вещества могут притягивать или отталкивать эти световые частицы, и этим обусловливается преломление.

Сам Ньютон не только исходил из представления об этих летящих световых частицах, но он допускал и существование непрерывной среды — эфира, хотя и не настаивал сколько-нибудь энергично на этой стороне представления о свете. Сам Ньютон центр

тяжести переносил на полет световых частиц. Его же последователи целиком и полностью останавливались только на этой стороне дела. Как раз в противовес Ньютону Гюйгенс, его современник, разрабатывает противоположную точку зрения.

Преломление, отражение и прямолинейное распространение света хорошо объяснялись теорией истечения. Но уже сам Ньютон открыл одно явление, объяснение которого представляло известное затруднение и являлось не столь простым и не столь понятным, как объяснение прямолинейнего распространения, отражения и преломления света на основе теории истечения.

Ньютон показал, что если взять выпуклое стекло, положить его на другое плоское стекло и осветить сбоку, то в месте соприкосновения этих стекол замечается центральная точка и ряд концентрических кружков, расположенных совершенно закономерно на строго определенном расстоянии один кружочек от другого. Если освещать стекла обычным белым светом, то эти кружочки получаются радужных цветов.

Оказалось, что при этом явлении, называемом явлением ньютоновых колец, происходит что-то более сложное, обнаруживается какая-то периодичность в явлениях света.

Ньютон объяснял это тем, что эти летящие световые частицы могут испытывать приступы то более легкого, то более трудного отражения и преломления. Поэтому, мол, и возникают эти ньютоновы кольца.

Но, как видим, тут уже Ньютон дает объяснение не такое понятное. И действительно, никогда эта точка зрения не могла быть разработана с очень большой ясностью и стройностью. При этом Ньютону здесь приходилось еще привлекать для объяснения представление о существовании мирового эфира.

В дальнейшем были открыты явления дифракции и интерференции. Два пучка света, полученные от одного источника, соединяясь вместе, могут складываться таким образом, что они вызывают не просто сложение света, но и такое сложение света, которое может сводиться к его затуханию. При соединении двух таких пучков света получаются полосы то более светлые, то более темные. Оказывается, свет плюс свет может давать не только свет, но и темноту.

Это явление интерференции, по существу, тождественно с явлением ньютоновых колец.

Явление дифракции заключается в том, что свет, проходя мимо того или иного препятствия, скажем, мимо острия бритвы, заходит за это острие, изгибается, и там, где, казалось, должна была быть полная тень, получается некоторое освещение.

Эти два явления оказались значительно более трудно объяснимыми для теории истечения. Тем не менее и сам Ньютон и, особенно, его последователи, а среди его последователей были и крупнейшие ученые-математики, сумели все-таки разработать опреде-

ленные математические теории, которые так или иначе эти явления объясняли.

В дальнейшем в XIX веке стали изучать еще одно явление, тоже чрезвычайно своеобразное. Оказалось, что пучок света, пройдя через некоторые кристаллы, распадается на два пучка и приобретает поляризованность, т. е. такое свойство, что если после пропускания света через кристалл мы вздумаем один из пучков отражать зеркалом, то свет отражается только при определенном положении зеркала. Если же зеркало повернуть на 90°, то свет не отражается. Ничего подобного с обыкновенным светом не наблюдается.

Это явление поляризации света также представляло большие затруднения для теории истечения. Но и это явление пытались объяснить сторонники Ньютона.

Наконец, теория истечения делала и ряд предсказаний. Одно из них заключалось в том, что скорость световых частиц в жидкости и в твердых телах должна быть больше, чем в «пустоте» и в воздухе.

Прямо противоположной теорией была теория Гюйгенса, которая исходила из того, что свет есть волнообразное движение в непрерывной среде, в мировом эфире. Эта теория тоже довольно просто объясняла прямолинейное распространение, отражение, преломление света, хотя и не столь просто, как ньютоновская теория. Но зато совершенно просто волновая теория объясняла явления интерференции, дифракции и поляризации, о которых коротенько уже упомянуто выше. Эта теория объясняла явление интерференции тем, что волны в мировом эфире могут складываться, что гребень одной волны может совпасть с гребнем другой волны. В этом случае мы имеем усиление света, сложение интенсивностей двух пучков света. В том же случае, когда гребень одной волны совпадает с впадиной другой волны, происходит взаимная нейтрализация двух движений. Интенсивности двух интерферирующих пучков света будут уже не складываться, а вычитаться. Произойдет затухание света, и получится темная интерференционная полоса.

Явление дифракции волновая теория объясняла тем, что волна может заходить за границы препятствия, как это наблюдается для волн на поверхности воды.

Поляризацию волновая теория объясняла тем, что движение эфира происходит перпендикулярно к направлению луча света: если свет распространяется горизонтально, то колебания эфира происходят перпендикулярно к этой горизонтальной линии.

Эти колебания в обычном свете беспорядочны, происходят во всех плоскостях, проходящих через направление луча. В поляризованном же свете, после прохождения света через кристалл, эти беспорядочные колебания разлагаются на колебания в двух взаимно перпендикулярных плоскостях.

Таким образом все эти явления, представлявшие большое затруднение для теории истечения, были очень просто объяснены

волновой теорией. Но волновая теория — теория Гюйгенса, возникшая еще во время Ньютона, почти в течение двух веков была в загоне и лишь к половине XIX века стала все больше и больше выходить на первое место. И после того, как она на основе работ Френеля объяснила явление поляризации, в особенности после того, как Физо, ученый XIX века, доказал, что скорость распространения света в воде меньше, чем в пустоте или в воздухе, ученые пришли к заключению, что теория истечения есть заблуждение и что волновая теория является единственно правильной.

Исключительное господство волновой теории в XIX веке было обусловлено также тем, что волновая теория была подтверждена, хотя и в новой форме, исследованиями в области электромагнитных явлений. Именно исследования Фарадея и Максвелла и, в особенности, Герца, открывшего те самые волны, которые сейчас играют решающую роль в радио, показали, что электромагнитные колебания — это и есть колебания световые, что свет есть особое электромагнитное явление, которое распространяется в форме волн. Экспериментальные исследования Герца как раз доказали это положение.

После этого ученые вообще отбросили раз и навсегда теорию истечения. Так продолжалось до 1900 года. К этому времени оказалось, что есть явления, которые требуют возврата к корпускулярной теории света. Сначала немецкий ученый Планк, а затем Эйнштейн и другие доказали, что есть явления, которые совершенно не объясняются волновой теорией—явления теплового излучения и так называемого фото-электрического эффекта.

Особенно наглядно непригодность волновой теории проявляется при рассмотрении фото-электрического эффекта.

Оказалось, что, когда ультрафиолетовый свет определенной длины волны падает на металлическую поверхность, он выбивает электроны. При этом электроны получают совершенно определенную скорость. Но это выбивание происходит независимо от того, какая берется интенсивность света и на каком расстоянии от источника света находится эта металлическая поверхность. Лишь число выбиваемых электронов зависит от интенсивности света.

С точки зрения волновой теории это явление объяснить нельзя, так как энергия волнового колебания должна уменьшаться с расстоянием, а здесь явление происходит так, как если бы столкнулись две частицы — электрон с какой-то световой частицей.

Этот вывод был совершенно неизбежен. Ученые и сделали его и пришли к представлению о том, что свет распространяется особыми дискретными порциями, квантами, фотонами, и эти фотоны действуют как особые частицы. Понятно, что действие отдельного фотона не зависит от расстояния от источника света.

Но волновая теория не была на этот раз отброшена, как была раньше отброшена теория истечения. Создалась такая ситуация, что волновая теория и корпускулярная теория стали сожительствовать. Метафизики-ученые пытались отбросить то ту, то другую, но

это не удавалось. Органически же соединить их они не думали, так как им казалось, что эти две теории представляют взаимно исключающие точки зрения.

И так продолжалось до той поры, пока не создалась — опять-таки, казалось бы, для метафизиков-ученых совершенно недопустимая — ситуация и в отношении учений об обычном весовом веществе, в отношении учения об атомах, молекулах, электронах.

* * *

Оказалось, что развитие учения об обычном веществе привело к аналогичной ситуации.

В начале нашего изложения было сказано, что в XIX веке довольно-таки хорошо изучили атомы и молекулы как целое, определили их размеры, скорости и пр. и пр.

К концу XIX века, когда был открыт электрон, ученые перешли к изучению строения атома.

Огромнейшую роль в этом отношении сыграло открытие радиоактивности, самопроизвольного распада атомов тяжелых элементов на более простые.

Уран, радий и другие тяжелые элементы, испуская частицы и лучи, распадаются на более простые атомы. Это все вместе с учением об электричестве привело к представлению о том, что атом есть сложное образование, состоящее из центрального ядра атома очень небольшого размера, составляющего не более 1/10 000 или даже 1/100 000 поперечника всего атома.

О том же, каковы размеры атома, уже сказано выше. Размер диаметра атома определяется стомиллионными долями сантиметра. От этой величины нужно взять десяти- или стотысячную долю, тогда мы получим размер диаметра ядра.

Ядро, как видим, очень небольшое, и вокруг этого ядра наподобие планет вращаются электроны. Вот то представление о строении атома, к которому пришли ученые.

В процессе радиоактивности ядро атома распадается, испуская из себя отдельные частички и лучи, переходя в ядро атома более простых элементов, в ядро атома, построенное более элементарным образом.

Такова общая идея о строении атома. Но по мере того, как эта идея складывалась, она все более и более детализировалась, так как к ней предъявлялось требование об объяснении ряда ранее известных явлений, связанных с внутренним строением атома. Из числа такого рода явлений особенно большая роль принадлежит явлению испускания парами элементов так называемых линейчатых спектров. Изучение этих спектров и стремление объяснить механизм их возникновения сыграли и до настоящего времени играют исключительную роль в развитии теории строения атомов.

Если мы возьмем какой-нибудь химический элемент, нагреем его так, что он начнет испаряться, в пламени горелки, и этот свет паров

элемента пропустим через стеклянную призму в спектроскопе, то этот свет разложится, но не на сплошной спектр, какой получается при разложении обычного света, а на спектр, состоящий из отдельных линий. Этих линий, например, у железа в парообразном состоянии—целые тысячи, и эти линии располагаются в серии, причем в каждой серии эти линии находятся в строгой математической зависимости. Переход от одной линии к другой строго закономерный. Эти закономерности были найдены еще в XIX веке и выражаются математической формулой, не уступающей по строгости астрономическим законам.

По этим формулам мы можем по одной линии вычислить другую, третью, все линии данной серии.

Но наличие отдельных линий показало ученым, что в строении атома есть какая-то дискретность. Если бы был сплошной спектр, то можно было бы думать, что в атоме возможны всякие переходы, возможны всякие движения. Так и думали ученые в первоначальный период разработки теории о строении атома, считая, что он состоит из центрального ядра и вращающихся вокруг последнего электронов. Наличие определенных линий, находящихся на определенном расстоянии друг от друга и обусловленных движениями внутри атома, говорило, что в атоме имеются строго определенные, а не любые движения, орбиты, по которым вращаются электроны.

Изучая спектры, ученые постепенно и создавали представление о том, как построен атом.

Самым простым спектром оказался спектр самого простого элемента — водорода. И строение атома водорода прежде всего и было разъяснено.

Оказалось, что нужно было представить себе следующую картину: внутри, в центре находится тяжелое ядро, в котором сосредоточена почти вся масса атома; вокруг него вращается только один электрон. Так как электрон имеет массу, почти в две тысячи раз меньшую, чем ядро атома водорода, то почти вся масса сосредоточена в ядре этого атома.

Это представление было разработано датским ученым Нильсом Бором. Нильс Бор в отличие от прежних представлений об атоме допустил, что орбиты в атоме, по которым вращается электрон, могут быть не любые, а строго определенные, находящиеся на определенном расстоянии от ядра атома, и перескакивание электрона с одной орбиты на другую и обусловливает появление тех или иных линий в линейчатом спектре.

При этом Бор в своих теоретических расчетах исходил из того, что существуют не только отдельные дискретные орбиты, находящиеся на определенных расстояниях, но что энергия электрона на этих орбитах определяется величиной, кратной тому кванту, который был введен в учение о свете Планком. Бор взял эту величину, которую ввел Планк для света, и применил ее для расчета строения атома. На основании этого ему и удалось достичь

своих замечательных открытий. Ему удалось строго математически вывести строение спектра водорода. И так как совпадение было чрезвычайно большое, то это было величайшей победой теории: теоретически удалось объяснить, исходя из представлений о строении атома, строение спектра атома водорода. Все линии, все величины, которые были определены экспериментально, были выведены Бором теоретически.

Здесь нужно обратить внимание на одну особенность — на введение Бором в теорию строения атома понятия о кванте. Оказалось, что по отошению к движению одной материальной частички — электрона — вокруг другой материальной частички — ядра атома — нужно применять представление, взятое из другой области, из области учения о свете.

Таким образом, две различные области оказались теоретически связанными. Сам Бор не мог объяснить, почему так нужно делать, но доказал, что, делая такое допущение, мы получаем результаты, которые объясняют чрезвычайно точно строение спектра водорода, в то время уже известного.

В дальнейшем оказалось, что блестящий успех теории Бора имеет свои пределы. Были открыты не только эти линии в спектре водорода, но еще так называемая тонкая структура каждой такой линии. Оказывается, в спектроскопе большой мощности отдельные линии спектра водорода могут быть разделены, в свою очередь, на отдельные линии. Оказалось, что более широкие линии — не сплошные, а состоят из отдельных, более тонких линий.

Когда стали искать объяснения такому более сложному строению спектра водорода, то оказалось, что нужно теорию Бора усложнить. Если Бор допускал, что электрон вращается по круговым орбитам, то в дальнейшем допустили, что он вращается по эллиптическим орбитам.

Затем возникло представление, что электрон, который обращается по орбите, не только движется по этой орбите, но одновременно и вращается и вокруг своей оси наподобие земли, которая вращается вокруг солнца и вокруг собственной оси. То же оказалось нужным допустить и в отношении электрона. Такой вращающийся вокруг своей оси электрон должен еще обладать магнитными свойствами.

Эти усложнения дали возможность объяснить ряд более сложных черт в строении спектра водорода, но не разрешили проблемы в целом [1].

Но оказалось, что есть еще ряд новых явлений, которые не объясняются даже таким усложненным представлением о строении атома, построенном на основе первоначального учения Бора. Чем дальше шли, тем этих усложнений было больше. Оказалось, что теория Бора неспособна точно объяснить строение атомов, более

[1] Тонкая структура строения спектра атома водорода была объяснена на основании еще более усложненной теории, на основании так называемой релятивистской квантовой механики. — А. М.

сложных, чем атом водорода. К 1923—1924 годам теория строения атома на основе представления Бора зашла в тупик.

Ученые начали искать выхода из создавшегося положения, и французский ученый де Бройль нашел этот выход. В этом ему помогло правильное понимание истории учений о свете. Изучая историю механики, он обратил внимание на факт, который послужил исходным пунктом для математических работ великого английского ученого Гамильтона в первой половине XIX века. Оказалось, что основной закон механики, закон движения тел, и закон геометрической оптики, т. е. закон распространения лучей света, математически тождественны. Эту тождественность заметили давно и даже математически разработали, но не сделали из этого никаких философских выводов.

Де Бройль обратил на это обстоятельство большое внимание и задал себе вопрос: не лежит ли в основе тождества законов механики и оптики нечто более глубокое? Не нужно ли рассматривать движение частиц или тел под углом зрения волновых представлений? Не является ли тождественность законов механики и оптики указанием на то, что в природе и те и другие процессы совершаются одновременно, что материя одновременно имеет два аспекта, два проявления — и в форме волновой и в форме корпускулярной, в форме движения частиц? Он ответил на этот вопрос положительно. Отсюда вытекало, что движение электрона не есть только движение ограниченного в пространстве тельца, а есть такое движение, которое также может быть рассматриваемо с точки зрения волновых представлений.

Он подсчитал, какова должна быть волна, которая характеризует движение электрона. Другие ученые это продолжили. Было выяснено, что при движении электрона с такой-то скоростью должна обнаруживаться такая-то совершенно определенная волна.

В 1927—1928 годах совершенно точно экспериментально было доказано, что движение электрона действительно обнаруживает не только дискретную природу электрона как отдельной частицы, оно обнаруживает и волновые свойства его. Оказалось, что электрон, двигаясь мимо препятствий, так же как свет, дает явления дифракции, интерференции, что может быть получена картина, аналогичная ньютоновым кольцам при пропускании пучка электронов. Раньше это было известно только по отношению к свету, а тут открыли это по отношению к движению отдельных материальных частиц.

Таким образом, было сделано величайшего исторического значения открытие того, что и движение обычных дискретных телец обнаруживает волновые свойства. Де Бройль создал основы так называемой волновой механики, отличной от ньютоновой механики. Волновая механика исходит из представления о том, что движение частиц нужно рассматривать как движение волн. Работу де Бройля продолжил немецкий ученый Шредингер.

Суть их открытий заключается в том, что они попытались вооб-

ще движение частиц свести к движению волн. Они попытались объяснить частицы как результат сложения многих волн, рассматривать частицы как гребень волн и тем самым свести представление о частицах, о дискретности к представлению о непрерывности, о волнах.

Но эта попытка не удалась. Как теоретически, так и практически это представление оказалось не выдерживающим критики. Оказалось, что реально существующие частички — электроны, атомы и молекулы — и после отражения и преломления проявляют себя как таковые, как частички, тогда как с точки зрения теории де Бройля и Шредингера такой гребень волн, который можно рассматривать как частичку, должен был через некоторое время разрушаться и перестать существовать как таковой. Значит, частицы, соответствующие этому гребню волны, должны были бы исчезнуть как таковые, в действительности же они не исчезают.

Таким образом, здесь обнаружилось несоответствие теоретических представлений тому, что имеется в действительности. В то же время обнаружилась — и мы бы сказали, что это должно было обнаружиться,—неправильность сведения одной диалектической противоположности к другой. Они попытались частицу свести к волне, между тем это было неверно, это была односторонность.

Но основное открытие де Бройля осталось нерушимым, именно то, что частицы обнаруживают и волновую природу. Это было доказано экспериментально, и речь в дальнейшем стала итти лишь о том, как теоретически объяснить это обстоятельство.

Таким образом, оказалось, что и здесь по отношению к движению отдельных частиц нужно одновременно применять и волновые представления и корпускулярные. При этом оказалось, что имеющиеся теоретические представления недостаточны для того, чтобы разрешить эту проблему до конца. Создалась такая ситуация, что одни ученые стали делать упор исключительно на одной стороне — на учении о дискретности (Бор, Гейзенберг), стали всю проблему строения атома толковать как учение о частицах, совершенно отбрасывая представление о непрерывности. Де Бройль же и Шредингер подходили к разрешению проблемы с противоположной точки зрения.

И вот этот уклон то в ту, то в другую метафизическую сторону и был причиной того, что ученые приходили к различным антинаучным выводам. Приверженность к метафизике не остается безнаказанной и приводит к антинаучным выводам.

* * *

Из того, что здесь коротко изложено, следует, что и в учении о свете и в учении об обычном весомом веществе необходимо одновременно допускать и волновые и корпускулярные представления, что нельзя сводить рассматриваемые явления ни к метафизически понимаемой частице, ни к волне. Ни та, ни другая одно-

сторонняя метафизическая точка зрения не разрешает проблемы: нужен синтез, нужно диалектическое единство этих двух противоположных точек зрения, нужна такая теория, которая бы синтезировала взаимопротивоположные, казалось бы, исходные положения.

Современные ученые, как сказано, не сумели еще этого достигнуть и, больше того, на этом спотыкались и спотыкаются.

Но, ясное дело, открытие того факта, что и явление света и явление движения обычных частиц должно трактоваться и с точки зрения волны и корпускулы, что прежняя механика Ньютона недостаточна, внесло коренное изменение в прежние представления о телах и их движении. И действительно, изменение представлений о телах, которое наметилось уже в XIX веке, пошло еще дальше, и все более и более вырисовывается новое представление о телах и их движении, которое резко отлично от ньютоновского.

III

Действительно, что современная физика может сказать о телах и корпускулах?

Во-первых, она утверждает, что частицы — не только какие-то метафизические частицы, совершенно оторванные, совершенно чуждые окружающему их пространству: эти частицы одновременно проявляют себя и как частицы и как волны.

В то же время наличие материального силового поля, являющегося продолжением тел за пределами обычных, ощутимых или определимых посредством толчка границ, также доказывает, что пространство — это не внешнее вместилище тел, а форма существования материи.

Во-вторых, в связи с волновыми свойствами частицы, в связи с наличием силовых полей по-иному ставится вопрос о непроницаемости. Волны, как известно, могут проникать одна через другую, существуя в одном и том же пространстве. Точно так же и силовые поля могут накладываться одно на другое в одном и том же пространстве. Поэтому о телах, о частицах современная физика не может сказать, что они непроницаемы, что в пространстве, занимаемом одним «телом», не может помещаться другое «тело».

Но это взаимное проникновение тел согласно современной физике носит сложный характер. Наиболее просто дело обстоит тогда, когда складываются, так сказать, внешние поля и волны. Сложнее дело обстоит, когда на сцену выступает явление взаимного проникновения собственно частиц — молекул, атомов, ядер атомов, электронов и т. д., рассматриваемых помимо их внешних полей, помимо их внешних волновых проявлений.

Как действительно обстоит дело с непроницаемостью частиц, когда они пытаются проникнуть за те границы, которые во времена Ньютона считались абсолютно непереходимыми? Как обстоит дело,

например, с границами атома согласно современным представлениям?

Действительно, где границы атома? С точки зрения физики XIX века границы атома определялись размерами диаметра атома, определяемого величинами, которые примерно равны нескольким стомиллионным долям сантиметра.

Значит, если мы представим себе сферу с таким диаметром в одну-две-три стомиллионных доли сантиметра, то можно было бы думать, что границы этой сферы и есть границы атома.

Но выше уже приведены другие данные, которые показывают, что вся масса атома сосредоточена, по существу, в ядре, объем которого, по крайней мере, в биллион раз меньше, чем эта сфера, которая характеризует весь атом.

Спрашивается, где же границы атома? Есть ли это границы, которые исчисляла физика XIX века и которые имеют значение и сейчас, когда мы исследуем обычное тепловое движение атомов и молекул, или это есть граница ядра атомов?

Оказалось, что таких метафизических границ нет. Когда мы исследуем атом, мы проходим ряд ступеней, ряд границ, которые характеризуют строение атома.

Оказывается, что, начиная от самых внешних орбит ядра, которые больше всего удалены от ядра атома и на которых электроны слабее всего связаны с ядром, дальше идут орбиты, расположенные все ближе и ближе к ядру атома, но на строго определенных расстояниях, меняющихся скачком, и на которых электроны связаны с ядром все более и более прочно, пока мы не приходим к ядру. Но и внутри ядра опять-таки приходится признать наличие таких ступеней, причем эти ступени обнаруживаются в процессе различных атомных столкновений.

Когда мы имеем частицы с малыми скоростями или фотоны с малыми энергиями, сталкивающиеся с атомами, мы обнаруживаем внешние границы атома, когда же с атомами сталкиваются частицы, обладающие большими скоростями или фотоны с бо́льшей энергией, то эти внешние границы как бы совершенно не существуют. Частицы же с чрезвычайно большими скоростями и фотоны, обладающие исключительно большой энергией, совершенно свободно проникают внутрь оболочки и достигают ядра атома. Такого рода частицы, обладающие чрезвычайно большой энергией, способны разбить это ядро атома. При этом возможен и такой случай, когда налетающая частица задерживается ядром обстреливаемого атома. Тогда может получиться ядро более тяжелого атома, обладающее радиоактивностью. Так была открыта искусственная радиоактивность.

Таким образом, нет метафизических, раз навсегда данных границ атома. Поэтому нет и абсолютной непроницаемости атомов и их ядер. Эта непроницаемость является относительной.

Действительно, еще в XIX веке ученые определили диаметры и, следовательно, поперечное сечение молекул и атомов, обнаруживаю-

щиеся в процессе их обычного, теплового движения, характеризующегося скоростями, числовые величины которых были приведены выше. Если подсчитать сумму поперечных сечений всех молекул или атомов, находящихся в одном кубическом сантиметре при 0°C и 760 миллиметрах давления ртутного столба, то получим следующую таблицу:

Газ	Сумма поперечных сечений молекул в 1 куб. см
H_2	15 700 кв. см
N_2	29 400 „
O_2	27 200 „
H_2O	43 500 „
He	9 800 „
CO_2	44 300 „ и т. д.

Из этой таблицы видно, что сумма поперечных сечений молекул или атомов, содержащихся в 1 куб. см, составляет при указанных условиях от 1 кв. м приблизительно до 4½ кв. м.

Так обстоит дело при изучении теплового движения молекул или атомов. Совсем иное получается, когда через газ движется поток частиц со скоростью, во много раз превышающей скорость теплового движения. Так, если молекулы или атомы газа обстреливать потоком электронов, то получается следующее значение суммы поперечных сечений молекул или атомов, содержащихся в 1 куб. см.

При движении электронов со скоростью 300 км в секунду указанная сумма поперечных сечений равна 23 000 кв. см, т. е. измеряется величиной того же порядка, что и величины, приведенные выше в таблице.

Если же через газ пролетает поток электронов со скоростью 120 000 км/сек., то указанная сумма поперечных сечений равна 0,95 кв. см, а для электронов со скоростью 270 000 км/сек. сумма поперечных сечений будет составлять всего лишь 0,0078 кв. см, т. е. меньше чем одну сотую долю квадратного сантиметра, меньше 1 кв. мм!

Такой же результат получается и при обстреле жидких и твердых тел. И здесь для быстрых частиц действительно непроницаемым является лишь очень небольшой объем. Так, в 1 куб. м платины, весящем около 21 т, объем, непроницаемый для очень быстрых частиц, составляет лишь около 1 куб. мм.

Итак, никакой абсолютной, метафизической непроницаемости современная физика у тел, молекул и атомов (а также у ядер последних) не признает.

Но мало этого! Изменение непроницаемости атомов и молекул и составленных из них тел в зависимости от того, сколь быстрыми частицами мы обстреливаем исследуемый объект, происходит отнюдь не плавно, а скачками, и не просто скачками, а скачками,

после которых происходит некоторый возврат от более легкой проницаемости к более трудной.

Именно было обнаружено, что по мере роста скорости электронов наступают моменты, когда пучок электронов очень легко пронизывает вещество. После этого, с дальнейшим увеличением скорости электронов вещество оказывается труднее проницаемым. Затем снова наступает момент легкой проницаемости, сменяющийся моментом более трудной проницаемости, и т. д.

Такая смена более легкой проницаемости на более трудную объясняется современной физикой на основе волновых представлений как о природе частиц, обстреливающих исследуемое вещество, так и о природе частиц этого последнего.

Итак, *границы тел, атомов и молекул, а также их непроницаемость нужно понимать не метафизически, а диалектически*. И к такому диалектическому пониманию этих явлений вплотную подвело развитие современной физики.

Такой же вывод получается и в результате развития воззрений современной физики на массу. Согласно этим воззрениям, *масса — не единственная и не главная характеристика частиц* — молекул, атомов, электронов и т. д. Более фундаментальной характеристикой этих частиц является электрический заряд, и это представление лежит в основе современных воззрений на периодическую систему элементов Менделеева. Менделеев обнаружил периодическую смену свойств химических элементов при расположении их по величинам атомных весов (масс). Но сам же Менделеев обнаружил отступления от строгой зависимости свойств элементов от величины атомного веса. И вот современная физика доказала, что эти отступления объясняются тем, что массы атома есть нечто производное от заряда или запаса энергии частиц, составляющих атом, химические же свойства атомов определяются величиной свободного положительного заряда ядра атома. Вместе с тем современная физика доказала, что химические элементы, встречающиеся в природе, являются смесью атомов с различной массой, но с одним и тем же зарядом ядра, следовательно с одними и теми же химическими свойствами (изотопы).

Современная физика в то же время доказала, что *масса тел не есть нечто абсолютно неизменное*, метафизическое: *масса тел меняется в зависимости от скорости тел*.

Так же, как представления о телах и частицах, меняются в современной физике и представления о силах. Как сказано выше. ньютонова механика рассматривала силы — источник движения — как нечто внешнее по отношению к телам. В то же время ньютонова механика рассматривала силы в форме толчка, напора или всемирного тяготения.

Современная физика доказала, что нет материи, лишенной дви-

жения, что абсолютно покоящаяся материя есть бессмыслица. Относительно покоящиеся тела являются резервуарами огромных запасов энергии, огромных запасов движения. Поэтому источник движения материи лежит в ней самой: силы не внешни по отношению к материи, а являются внутренне присущим ей свойством.

Вместе с тем современная физика открыла новые формы сил, новые формы взаимодействия отдельных частей материи. Помимо толчка, удара, всемирного тяготения детально изучены были электрические силы, лежащие в основе также химических явлений. Наконец, последние годы физика изучает силы совершенно новой природы — силы внутриядерных взаимодействий частей, составляющих ядро атома.

Таким образом, вопрос о непроницаемости в постановке ньютоновой механики отпадает. С точки зрения современной механики, которая рассматривает движение частиц и под волновым углом зрения, частицы могут проникать одна в другую.

Как представление о телах, частицах, как представление о силах, так и представление о движении в современной физике резко отличается от ньютоновского представления.

Выше говорилось, что ньютонова механика исходит из независимости одной скорости движения от другой. Современная физика исходит из положения, что результирующая скорость не является по величине равной (арифметической или геометрической) сумме величин слагаемых скоростей. Чем больше скорости, которые складываются, приближаются к скорости света, тем больше сумма их величин отличается (в сторону уменьшения) от простой арифметической или геометрической суммы. Как бы велики ни были слагаемые скорости, сумма их всегда будет меньше скорости света.

Здесь современная физика отходит от так называемого принципа аддитивности скоростей, признавая, что существует зависимость результирующей скорости от уже наличной скорости, с которой движется тело. Тем самым вносится нечто принципиально новое в понимание движения тел.

Принципиально новое вносится в понимание движения тел также в связи с доказательством изменчивости массы.

Выше уже было сказано, что раньше рассматривали движение как простое перемещение в пространстве, как перемену места, занимаемого телом в пространстве, на другое место. Одновременно это движение рассматривали как совершенно независимое от состояния тела. И Энгельс в свое время подчеркивал, что характерной чертой ньютоновой механики является рассмотрение движения как простого перемещения, которое никак не связано с состоянием тела.

Но уже электродинамика конца XIX века показала, что масса электронов изменяется с движением. В дальнейшем это же самое положение теория относительности доказала по отношению ко всем формам движения, ко всем проявлениям материальности.

Оказывается, какое бы тело ни двигалось, будь это электрон, атом или обычное массивное макроскопическое тело, — во всех этих случаях движение связано с изменением его массы.

Чем больше скорость движения тела, тем больше, оказывается, меняется масса. Эта масса сильно возрастает с приближением скорости движения тела к скорости света.

Таким образом, с точки зрения новой физики, движение не есть просто перемещение, а есть такое перемещение, которое связано с изменением тел.

Таким образом, современная физика не рассматривает движение как нечто оторванное от тела, а рассматривает как нечто органически связанное со всеми свойствами, которые характеризуют это тело.

Это — одно из принципиальных изменений в представлениях о движении, внесенных современной физикой.

Это принципиальное изменение в воззрениях на движение получило в современной физике специальное выражение в форме так называемого закона об эквивалентности массы и энергии. Так как с увеличением скорости растет как энергия тела, так и его масса, то тем самым устанавливается эквивалентность между приростом массы и энергии. Всякую массу можно рассматривать как некоторый запас энергии. Так, масса ядра атома водорода, равная $1{,}675 \cdot 10^{-24}$ г, эквивалентна $1{,}483 \cdot 10^{-3}$ эргов энергии. Соответственно масса всех атомов водорода, содержащихся в 1 куб. см при 0°С и атмосферном давлении, будет эквивалентна $2{,}683 \cdot 10^{19} \cdot 2 \cdot 1{,}483 \cdot 10^{-3} = 3{.}979 \cdot 10^{16}$ эргов $= 4{.}051 \quad 10^{8}$ килограммометров.

В то же время всякую энергию можно рассматривать как эквивалентную некоторой массе. Так, энергия движения земного шара по орбите вокруг солнца со скоростью 29.8 км/сек. эквивалентна приросту массы земли менее чем на 2 стомиллионных доли массы земли в покоящемся состоянии.

Изменение воззрений на массу и на энергию меняет прежние представления также в том отношении, что ранее понятие энергии отождествляли с понятием движения. Это было естественно, так как масса считалась неизменной. Теперь же, после доказательства изменчивости массы, понятие энергии, охватывающее и понятие массы, нельзя отождествлять с понятием движения. Понятием кинетической энергии охватываются понятия массы и скорости, понятием потенциальной энергии тяготения — понятия массы и расстояния, понятием потенциальной энергии электростатического поля — понятия заряда и расстояния и т. д. Следовательно, понятие энергии шире, оно охватывает понятия массы, движения (скорости), заряда, расстояния и пр.

Другим принципиальным изменением в представлениях о движении является введение представления о прерывности движения.

Представление о прерывности движения сначала было введено в форме представления о прерывном изменении величин так называемого действия и энергии. Рассматривая явления излучения света,

Планк впервые в 1900 году ввел представление о дискретности порций энергии, испускаемых и поглощаемых элементарным излучателем (осциллятором; таким осциллятором является атом). Эйнштейн, изучая фотоэффект, доказал, что необходимо дискретность энергии допустить и при рассмотрении распространения энергии в пространстве.

Современная физика доказала, что движение нельзя рассматривать только с точки зрения непрерывности и в другом отношении. Выше уже был приведен пример того, что в атоме происходит движение по совершенно определенным орбитам, которые расположены, как ступени лестницы, между которыми происходят скачки электрона. Эта прерывность в движении электрона сказывается на прерывном строении линейчатых спектров.

Прерывность в движении можно наблюдать и непосредственно в экспериментах с движением небольших частиц пыли, капелек масла, ртути и т. д. в электрическом поле.

Оказалось, что такие частички, заряженные электричеством, в электрическом поле движутся с определенной скоростью, но эта скорость может скачками меняться, так что частички переходят от одной скорости к другой.

Это обусловлено тем, что каждая такая частичка может быть заряжена одним, двумя, тремя электронами и т. д. Поэтому в движении такой частички нет непрерывного перехода от одной скорости к другой. Это движение частичек было изучено экспериментально, и в каждой современной физической лаборатории его можно наблюдать.

Таким образом, представление о непрерывности движения, характерное для ньютоновой механики, также было изменено и дополнено представлением о прерывности движения. И целый ряд других, связанных с представлениями о частице и ее движении понятий подвергался и подвергается в современной физике дальнейшему изучению.

Так, подвергается переработке и понятие траектории движущегося тела. Ньютонова механика, оперируя понятием массы, вводила представление о центре массы тела, подразумевая под последним геометрическую точку, в которой можно себе представить сосредоточенной всю массу тела. В этом случае все рассмотрение проблем динамики сводилось к операциям вычисления движения материальных точек.

Понятно, что движение такой точки описывает геометрическую линию. Применяя к движению такой точки понятие скорости, можно было говорить — и так это было на самом деле — о скорости в данной точке пространства и т. п.

Современная физика в корне меняет представление о телах; заменяя абстрактные представления более конкретными, она подвергает пересмотру и понятие траектории движущегося тела как строгой геометрической линии и понятие скорости в данной точке.

Наконец, современная физика в процессе перестройки ее понятий подвергает пересмотру и изменению понятия индивидуальности частицы, понятия части и целого и ряд других понятий.

Таким образом, все основные представления ньютоновой механики подвергаются пересмотру в современной физике—и понятие массы, и понятие непроницаемости, и понятие внешнего телу пространства и внешних телам сил и т. д. и т. п.

* * *

Какие же выводы следуют из рассмотрения всего того, что происходит в современной физике в смысле пересмотра, перестройки старых понятий и замены их новыми, более правильно отражающими на основе современных знаний природу физических явлений?

Доказательство одновременного существования волновых и корпускулярных свойств атомов и молекул, электронов и фотонов, развитие волновой механики, одновременное применение представлений о прерывности и непрерывности, развитие учения о полях, замена понятий неизменной массы понятием о переменной массе, устранение представления об абсолютной непроницаемости и т. д. и т. п. — все это подвело физику вплотную к применению диалектического материализма.

Открытия современной физики показывают, что основные идеи диалектического материализма, развитые задолго до этих открытий, блестяще подтверждаются, что все развитие физики на всем ее историческом протяжении оказывается не чем иным, как борьбой односторонних теорий и гипотез, отражавших отдельные стороны действительности. Действительность оказалась сложнее, многообразнее; лишь отдельные моменты этой действительности отражались отдельными теориями. На одном этапе — теория истечения света, на другом этапе — волновая теория, механика Ньютона и волновая механика де Бройля и т. д. — все эти перипетии в развитии физики и механики есть не что иное, как доказательство единства этих противоположных точек зрения, необходимости и неизбежности объединения их в одну теорию.

Под углом зрения этих выводов только и можно правильно оценить и отдельные современные теории и прежде всего ведущие теории современной физики — теорию относительности и теорию квант, а также теорию строения атома. Ни теория относительности, ни теория квант не оторваны одна от другой и являются необходимыми звеньями в развитии физики. Ни одна из них не может быть правильно понята, если не связать их со всем историческим развитием физики. И ни одна из них не является всесторонней теорией, которая давала бы правильный философский ответ хотя бы на один из кардинальных вопросов учения о материи и движении. Попытки выдавать, например, теорию квант в

форме современной квантовой механики за нечто завершенное, за исчерпывающее знание явлений в микромире явно антинаучны.

Отсюда делается понятной причина многих затруднений современной физики. Физики не умеют, например, сочетать теорию относительности с теорией квант. В то же время ясно, что теория относительности не опирается на представление о квантах, на понятие прерывности и хотя перестраивает понятия пространства, времени, массы, она не пошла так далеко, как теория квант. Теория квант, в свою очередь не умея учесть всего положительного, что дала теория относительности, очень много дала в смысле дальнейшего развития понятий о строении вещества, понятий частицы, ее движения, раскрыла наличие ранее неизвестных скачков и перерывов постепенности в природе.

Перед современной физикой стоит задача — объединить эти теории в одну, более правильную и менее одностороннюю теорию.

Таким образом, диалектика со всех сторон стихийно прорывается в различные области современной физики. Ученые-физики буквально носом уперлись в необходимость признания и усвоения диалектического материализма. Диалектический взгляд на материю и движение — единственно правильный путь философских обобщений данных современной физики.

И некоторые, очень немногие правда, физики капиталистических стран такой вывод и делают. Они пытаются сознательно усвоить и применять метод диалектического материализма.

Однако большинство ведущих физиков капиталистических стран или ничего не знает или сознательно ничего не хочет знать о диалектическом материализме. Более того, в условиях всеобщего кризиса и загнивания капитализма развитие науки тормозится, встречая сильнейшее противодействие со стороны лагеря поповщины, философского идеализма, со стороны всех сил реакции.

Буржуазия, оказывая отчаянное сопротивление наступлению пролетариата, преследует не только сторонников диалектического материализма, и не только сторонников примитивного материализма, имеющего место в среде некоторых буржуазных ученых, но и просто честных ученых, противодействующих выхолащиванию и фальсификации науки.

В этих условиях немало ведущих физиков, в том числе и такие, как Н. Бор, В. Гейзенберг, Дирак и пр., не говоря уже о явных мракобесах, спотыкаясь на метафизике, делают из новейших открытий антинаучные философские выводы.

Не зная диалектики, отвергая принцип единства противоположностей, они пытаются объяснить явления, изучаемые физикой, путем развития, разработки односторонних теорий, сводящих единство противоположностей к одной, метафизически понимаемой противоположности. Так Эйнштейн пытался все учение о материи свести к учению о поле, Шредингер и де Бройль — к представлению о волне, Бор же и Гейзенберг — к представлению о метафизически понимаемой частице и т. д. Не удивительно, что Бор и

Гейзенберг пришли при этом к отрицанию применимости пространственно-временных представлений, причинности.

Из закона эквивалентности массы и энергии ряд физиков капиталистических стран сделали вывод об аннигиляции, т. е. об уничтожении материи.

Из новых представлений о частице, о ее движении по дискретным орбитам, из новых представлений о траектории электрона делались и делаются выводы о крахе причинности, о неприменимости пространственно-временных представлений и т. д. и т. п.

Такого рода философские выводы из новейших открытий тотчас же подхватываются лагерем идеализма, всеми и всяческими идеалистическими школками, маскирующими свою мнимую научность, тотчас же используются лагерем поповщины для борьбы с наукой, для борьбы с прогрессивным мировоззрением, для борьбы с философией марксизма.

Вот это обстоятельство и является причиной того, что величайшие открытия современной науки не получают своего философского обобщения, причиной того, что развитие современной науки идет не прямо, а зигзагами, а иногда даже и вспять.

К сожалению, и среди физиков СССР нашлись люди, которые в результате раболепства перед заграницей протаскивали в своих работах различные идеалистические измышления.

В этих условиях значение диалектического материализма является исключительным. Только учение диалектического материализма дает правильные объяснения и указывает правильный путь для дальнейшего развития тех открытий, которые делаются современной физикой.

В этом отношении огромнейшая роль принадлежит нашим марксистским философским кадрам, которые должны помочь всему коллективу советских физиков и советских ученых понять и дальше двигать современные научные открытия под углом зрения диалектического материализма.

Именно здесь мы имеем такую область, где должен быть применен творческий марксизм. Мы должны и в этой области, как и во всех других областях, осуществлять указания Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о творческом марксизме-ленинизме

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Проф. **В. Н. КОЛБАНОВСКИЙ**

Вопрос о переходе от материи к сознанию принадлежит к числу сложнейших вопросов философии и естествознания. Если материалистическая философия и, в особенности, марксистский философский материализм теоретически осветили основные стороны этого вопроса, то естествознанию остается еще огромное поле для исследования, пока оно будет располагать таким фактическим материалом, который даст исчерпывающий ответ на этот вопрос с естественно-научной точки зрения.

Вечно движущаяся материя проходит в процессе своего развития различные ступени, принимая на каждой из них различные формы существования.

На одной из ступеней развития материи при соответствующих благоприятных условиях (какие имелись сотни миллионов лет тому назад на земле) из неорганической материи возникла материя органическая. Из последней развились сложные органические соединения, приведшие к образованию белковых тел. В результате длительной эволюции последних, когда из сложных белковых структур образовались простейшие организмы, вступившие во взаимодействие с окружающей их внешней (на первоначальной стадии — водной) средой, возникла жизнь как «...форма существования белковых тел» (Энгельс)[1].

Современное естествознание не располагает еще достаточным материалом, который давал бы возможность воспроизвести шаг за шагом весь ход развития материи и, в частности, с исчерпывающей полнотой ответить на вопрос о происхождении жизни. Опираясь на богатейшие данные физики, химии и биологии, можно, однако, вывести логическое заключение об основных закономерностях этого длительного исторического процесса, позволяющее судить о нем с достаточной научной достоверностью.

Первый и основной вывод, который с полной категоричностью делает современное естествознание, заключается в том, что органическая материя возникла из неорганической.

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 81.

К этому выводу естествознание пришло по следующим двум основаниям:

1. Органические тела состоят только из тех элементов, которые имеются и в неорганической материи. Особенность органических тел заключается в сложности их структуры и наличии в их составе в качестве непременного элемента углерода (С). Сравнительная нестойкость органических тел, ограниченных в своем существовании небольшими температурными лимитами, значительно уступающими аналогичным условиям существования неорганических тел, говорит о более позднем их образовании, т. е. о возникновении их из неорганической материи.

С момента искусственного синтеза мочевины — сложного органического тела, полученного Велером в 1828 г., — органическая химия сделала колоссальные успехи в искусственном синтезе сложнейших органических тел — кислот, спиртов, масел и т. п.

Хотя наиболее сложное из органических тел — белок — до настоящего времени еще искусственно не произведено, современная химия уже располагает приближенно точными данными о структуре белковой молекулы. Разрешение проблемы искусственного синтеза белка при бурных успехах современной химии является лишь вопросом времени.

2. Второе основание, представляющее следствие первого, заключается в том, что жизнь не существует на земле вечно, не была занесена на землю с других планет и подавно не возникла на земле по чудесному замыслу «творца». Предпосылкой для возникновения жизни послужили те органические соединения, которые первоначально возникли из неорганической материи. Физико-химические реакции, происходившие между органическими соединениями, привели к образованию сложных белковых веществ, получивших новые, отличные от более простых органических соединений свойства.

Важнейшим свойством белковых тел, образовавшихся из сложного комплекса аминокислот, является их исключительно большая способность вступать в разнообразные соединения с самыми различными органическими телами.

Благодаря этой особенности создались необходимые предпосылки для перехода белков к более сложной системе коллоидных образований, непосредственно предшествовавших возникновению живых существ.

Несомненного внимания заслуживает гипотеза проф. А. И. Опарина о возникновении жизни на земле, опирающаяся на данные современной биохимии. Проф. Опарин исходит из того факта, что при смешивании между собой растворов белков и других высокомолекулярных органических веществ происходит выделение из раствора особых полужидких студенистых образований, так называемых к о а ц е р в а т о в.

По исследованиям голландского ученого Ионга, коацерваты обладают следующими замечательными свойствами:

1) несмотря на то, что капельки коацервата являются жидкими

и в качестве растворителя в них находится вода, они отделены от внешней водной среды резкой гранью и никогда с нею не смешиваются;

2) несмотря на жидкое состояние, коацерваты обладают определенной структурой, входящие в их состав молекулы и коллоидные частицы определенным образом ориентированы в пространстве, представляя примитивные зачатки будущих, более сложных организаций;

3) коацерваты обладают способностью «адсорбировать», т. е. улавливать, из окружающей среды частицы растворенного в этой воде вещества, притом не просто механически их присоединять, а вступать с ними в химические соединения — известная предпосылка будущего биологического обмена веществ.

На основании этих данных о свойствах коацерватов проф. Опарин приходит к выводу, что эти образования были весьма важным этапом в развитии первичного органического вещества и в процессе самозарождения жизни.

Эволюция коацерватов, как динамически устойчивых коллоидных образований, привела к тому, что среди них путем длительного своеобразного «естественного отбора» выделились наиболее сложные структурные соединения, превратившиеся при определенных условиях в простейшие живые существа.

Появилось ли первоначально одно простейшее живое существо, где-то возникшее при благоприятных условиях, или такого рода существа могли возникнуть одновременно во многих местах земного шара и дать от себя многочисленное и разнообразное потомство животных и растений, на этот вопрос естествознание точно ответить не может. Есть основания предполагать, что такие простейшие организмы могли возникнуть одновременно в различных местах земного шара.

Итак, на вопрос о происхождении жизни мы на основании данных современного естествознания отвечаем следующим образом: жизнь представляет собою определенную ступень в развитии материи, прошедшей через длительные этапы неорганических, органических и сложных биохимических изменений. Всякие же теории о «самопроизвольном» зарождении жизни, о всеобщей одухотворенности материи, которые были результатом заблуждений философской и научной мысли на протяжении многих столетий, современное естествознание решительно отвергает.

* * *

В чем же существенное отличие процессов, которые присущи жизни, от процессов, протекающих в неорганической материи?

Первой и основной особенностью живых организмов является тот способ их существования, который заключается в постоянном обмене веществ между организмом и средой.

Обмен веществ есть процесс, происходящий и в неорганической природе. Неорганические тела также вступают в соединение друг

с другом. При этом образуются новые вещества, обладающие иными физико-химическими свойствами. Но неорганические вещества, вступившие в соединение, перестают быть тем, чем они были прежде. В отличие от этого обмен веществ, происходящий между организмом и средой, характеризуется тем, что в организме происходит постоянное самообновление. Об этом говорит исчерпывающее положение Энгельса:

«...Белковое тело извлекает из окружающей его среды другие подходящие вещества, ассимилирует их, между тем как другие, более старые части тела разлагаются и выделяются. И иные, не живые тела тоже изменяются, разлагаются или комбинируются в ходе естественного процесса; но при этом они перестают быть тем, чем они раньше были. Скала в процессе выветривания перестает быть скалой; металл, под влиянием процесса окисления, становится ржавчиной. Но то, что у мертвых тел является причиной их гибели, то у белков является основным условием существования»[1].

Сущность обмена веществ, происходящего в организмах, заключается в том, что организм усваивает из окружающей среды вещества и из них затем, путем предварительного, очень сложного процесса расщепления этих веществ на простые части, создает новые соединения, подобные биохимической структуре данного организма. В этом и заключается сущность процесса ассимиляции.

Нередко понятие ассимиляции трактуется как простое поглощение организмом вещества извне. Это неверно.

Например, мы, люди, питаемся разнообразной растительной, животной и неорганической пищей.

Любое вещество, которым питается человек, например белок, для его организма является чужеродным. Он не идентичен человеческому организму и не может быть им прямо, в том же виде усвоен. Для этого он должен сначала распасться на составные элементы — аминокислоты, из которых организм человека построит новый белок, соответствующий биохимической структуре тканей организма человека.

Что касается процесса диссимиляции, противоположного ассимиляции, то его также нельзя представлять как простое разрушение, сгорание частиц, из которых состоит организм. Это процесс сложный, сопровождающийся образованием энергии, которая сообщает организму известную активность и является источником его жизнедеятельности.

Пока в организме происходит процесс самообновления, т. е. пока происходит питание и выделение, он живет; с прекращением же этих процессов прекращается жизнь, организм умирает.

Таким образом, органический обмен веществ, заключающийся в ассимиляции (т. е. усвоении питательных веществ и кислорода) и диссимиляции (т. е. разрушении и выделении старых частей организма), является основным условием жизни, начи-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 81—82.

ная от простейших, невидимых даже в ультрамикроскопы существ (фильтрующихся вирусов) и кончая самыми сложными по строению видами растительного и животного мира.

Борьба и взаимное проникновение противоположностей — ассимиляции и диссимиляции вещества — является основой жизни и источником ее самодвижения и развития. «Из обмена веществ, совершающегося путем питания и выделения, как из существенной функции белка, и из свойственной ему пластичности выводятся все прочие простейшие факторы жизни...» (Энгельс)[1], в том числе и такой, как раздражимость.

Этот фактор — раздражимость — возникает вместе с жизнью, потому что он обнаруживается уже во взаимодействии между белком и его пищей. Благодаря раздражимости организм обладает возможностью реагировать (т. е. отражать, отвечать) на все раздражения, воздействующие на него из внешней среды.

Раздражимость есть первое, самое простое, зачаточное проявление чувствительности организма. Раздражимость организма есть та физиологическая основа, на которой образуются в процессе эволюции живых существ различные виды ощущений.

Ленин говорит, что «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением». И далее Ленин говорит, что можно «...предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...». Ясно, однако, что самое ощущение как «...превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания»[2] возникает только у живых существ, уже обладающих раздражимостью.

Для предположения о наличии ощущения у живых существ нет надобности искать его материальную основу в специализированных системах организма, например в нервной системе. Ощущения возникают у живых существ еще до того, как у них развивается нервная система. «Ощущение связано необходимым образом не с нервами, а с некоторыми до сих пор не установленными точнее белковыми телами» (Энгельс)[3].

Эволюция органического мира, начиная с простейших организмов, пошла далее двумя различными путями, приведшими к образованию двух различных царств органического мира — растительного и животного.

Раздражимость как свойство живой материи присуща растениям и животным. Растения тянутся к свету. Благодаря действию света в них совершается обмен веществ с внешней средой. Растения реагируют на химические элементы, находящиеся в почве, одни из них они ассимилируют, другие отвергают.

Гораздо сложнее обстоит дело с раздражимостью у животных. У них эволюция раздражимости привела к образованию ощущений

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 82.
[2] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 37, 75, 41.
[3] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 80.

как свойства особым образом организованной материи, являющегося основанием для более сложных форм психической деятельности, т. е. особой, высшей формы отражения животными и человеком внешнего мира.

Можно ли считать, что ощущения свойственны растениям? Вам известен пример с росянкой и стыдливой мимозой, которые реагируют на раздражения, напоминая некоторым образом животных. Если на росянку, у которой выступает капелька жидкости на поверхности листа, сядет муха, то особые волоски, выделяющие капельки клейкой жидкости, закрываются, и муха в теле росянки подвергается перевариванию. Затем волоски листа опять раскрываются, и непереваренные остатки пищи выбрасываются наружу. Когда на лист росянки падает капля дождя или какое-либо неудобоваримое твердое тело, то происходит точно такой же автоматический процесс. Волоски листа захлопываются, а затем это инородное тело выбрасывается наружу. Можно ли на основании этих наблюдений утверждать, что росянке свойственно ощущение в том смысле, как оно проявляется у животных? Для этого у нас нет никаких оснований.

Растительный мир и мир животных имеют общее происхождение. Об этом свидетельствуют помимо прочего сохранившиеся полурастения-полуживотные.

Мы можем допустить, что особо чувствительные белковые тела могут иметься у некоторых растений и таким образом давать им возможность производить такие действия, которые напоминают внешне реакции животных. Но это не есть ощущение в его подлинном смысле.

Проявление раздражимости в виде ощущения имеется только у животных. Незначительные исключения — особенные реакции на раздражения и у некоторых растений (стыдливая мимоза, росянка) — лишь подтверждают общее правило.

Простейшие организмы (как, например, амеба — еле видимый комок протоплазмы) отвечают на раздражения, воздействующие на них извне, движением всего организма. Если на пути амебы окажется съедобное вещество — капелька жира, кристаллик сахара или бактерия, то на поверхности амебы появляются выросты — ложноножки, которые затем удлиняются по направлению к питательному веществу. Протоплазма амебы переливается в ложноножки, и таким образом совершается перемещение амебы в нужном направлении. То же самое, только в обратном направлении, происходит тогда, когда на пути амебы встречается предмет, оказывающий на нее объективно вредное действие. Подобные реакции простейших животных говорят о наличии у них элементарного, но еще не специализированного, зачаточного ощущения.

Лишь на более высокой ступени развития, когда у многоклеточных организмов начинается диференцирование различных систем (органов питания, дыхания, кровообращения, выделения и размножения), появляется нервная система. Она воспринимает и про-

водит раздражения, действующие на организм животного извне, и отвечает двигательными импульсами, обусловливающими передвижение организма по направлению к источнику раздражения или в сторону от него.

Нервная система присуща только животным. Нет никаких данных о наличии нервной системы у растений.

Но и у животных нервная система появляется на сравнительно высокой ступени развития. В протоплазме простейших многоклеточных организмов находят отдельные нити, которые, по мнению гистологов, являются предшественницами будущих нейрофибрилл.

У таких более сложных организмов, как гидра, среди клеток наружного листка встречаются специальные клетки, обладающие особой чувствительностью к внешним раздражениям. У основания таких клеток, в их протоплазме имеется особая сократительная нить, или миофибрилла, которая сокращается в тот момент, когда чувствительная клетка получает какое-нибудь раздражение извне. Таким образом, в наружных клетках гидры имеются образования, выполняющие одновременно три различные функции — органа чувств, нервной системы и органа движения.

На следующей, еще более высокой ступени развития, как, например, у медузы, происходит разделение этих функций и специализация нервной системы. Нервные клетки перемещаются из поверхностных слоев оболочки медузы вглубь, где и образуют нервную сеть, посылающую отростки к чувствительным клеткам, расположенным на поверхности, и к мышечным, лежащим между листками.

У медузы отмечается разделение функций чувствительных и двигательных клеток, координацию действий которых осуществляют нервные клетки. Здесь же устанавливается и основная закономерность в деятельности нервной системы — восприятие раздражений и ответ на раздражение посылкой импульса к двигательной системе. Весь этот комплекс действий — мышечное сокращение в ответ на определенное раздражение чувствительных клеток — называется р е ф л е к с о м.

Этот термин, введенный в науку впервые еще в XVII веке Декартом, и в настоящее время является общепризнанным термином для обозначения основного механизма нервной деятельности.

Дальнейшая эволюция нервной системы шла в сторону все большего ее обособления от других систем организма наряду с большим усложнением и уточнением ее функций в регулировании жизнедеятельности организма в целом.

Так, например, у иглокожих (морской еж) отмечается автономное сокращение отдельных игл, подвергающихся раздражению, — своего рода защитный рефлекс, в то время как весь организм может оставаться в покое. Роль управления движениями отдельных игл выполняет определенный отдел нервной системы, координирующий все движения этого животного.

Значительно сложнее устроена нервная система у дождевых червей.

Благодаря более сложным условиям наземного существования организм дождевого червя подвергается более многочисленным и более многообразным раздражениям. Соответственно этому и нервная система дождевого червя устроена в виде скопления нервных клеток в разных члениках червя — нервных узлов, соединенных между собою нервными стволами. У дождевых червей происходит дальнейшее диференцирование клеток нервной системы на чувствительные и двигательные, выполняющие строго специальные функции наряду со специальными центрами — узлами, в которых происходит передача воспринятых чувствительными клетками раздражений на двигательные клетки. Так как каждый нервный узел связан со всеми остальными, то происходит объективно целесообразная координация движений всего организма дождевого червя. В отличие от более простых существ, перемещающихся пассивно в водной среде, дождевой червь перемещается активно. На его головной отрезок падает наибольшее количество раздражений. Поэтому головной нервный узел дождевого червя имеет значительно более сложное устройство, чем остальные узлы.

Все рассмотренные выше виды животных, начиная с простейших и кончая сложно устроенным организмом дождевого червя, воспринимают внешний мир лишь посредством осязательных ощущений.

Осязание является первичным видом ощущений у животных, как это гениально установил еще Аристотель. Конечно, качество осязательных ощущений различно в зависимости от разности строения этих организмов, от особенностей их нервной системы, от строения их органов чувств, являющихся материальной основой ощущений.

Кстати, уже у червей отмечаются особые светочувствительные клетки — предпосылка органа зрения у более высоких по развитию животных.

Лишь у таких сравнительно высокоорганизованных видов животных, как насекомые и ракообразные, в связи с разделением их тела на голову, грудь и брюшко и появлением конечностей значительно усложняется нервная система и получают развитие органы чувств, из которых на первом месте необходимо поставить (по биологическому значению) орган зрения и усики, воспринимающие тончайшие осязательные и, повидимому, обонятельные раздражения на расстоянии.

У этих животных происходит значительная централизация нервной системы, выражающаяся в слиянии ряда нервных узлов, регулирующих деятельность различных частей организма. Благодаря этому достигается более четкая координация всей деятельности, чем та, которая наблюдается у дождевых червей. Одновременно происходит и дальнейшая специализация нервных клеток, из которых часть начинает посылать импульсы только к мышцам, сгибаю-

щим конечности, а другая — к разгибателям. Такие же изменения происходят с клетками, воспринимающими раздражения. Они также специализируются в восприятии различных раздражений.

У насекомых и ракообразных обнаруживается еще одна замечательная способность к перераспределению возбуждений нервных центров, ведающих различными органами. Благодаря этой способности достигается значительная экономия затрачиваемой энергии и ее целесообразное применение.

Появление органа зрения и других органов чувств, воспринимающих раздражения на расстоянии, обеспечило и лучшую биологическую приспособленность этих животных к среде.

У позвоночных нервная система достигает еще более высокой централизации, чем у насекомых и ракообразных. Вместо цепи нервных узлов, соединенных перемычками, образуется единый орган — мозговая трубка, заключенная в костном или хрящевом футляре позвоночника. Этот тип строения нервной системы характерен для всего отдела позвоночных, начиная от рыб и кончая человеком. У низших позвоночных наибольшего развития достигает лишь спинной мозг, образующий в переднем конце утолщение в виде пузыря, из которого у высших позвоночных развивается головной мозг, достигающий наибольшего развития у человека. В зависимости от условий существования позвоночных (рыбы, рептилии, птицы, млекопитающие) в различной степени развиваются и органы чувств и способность нервной системы к различению тончайших раздражений.

У высших позвоночных спинной мозг имеет очень сложное устройство, включая в себя различные системы нервных клеток, воспринимающих разнообразные раздражения, воздействующие на организм извне и изнутри (от внутренних органов), наряду с системами двигательных клеток, посылающих импульсы к различным группам мышц. Значительная часть поступающих в спинной мозг раздражений передается по замкнутой рефлекторной дуге на двигательные клетки автоматически, обеспечивая тем самым необходимую координацию движений. По мере развития головного мозга деятельность спинного мозга принимает все более зависимый и подчиненный характер, передавая раздражения в головной мозг и проводя идущие от него импульсы ко всем органам и конечностям животного.

В головном мозгу происходит также сложное разделение функций. Нижний его отдел, граничащий со спинным мозгом,—продолговатый мозг — регулирует деятельность важнейших жизненных функций — дыхания, кровообращения, пищеварения, выделения и т. п. Средний мозг является коллектором чувствительности. Сюда поступают раздражения, идущие от всех органов чувств. Задний отдел — мозжечок — координирует мышечные движения и обеспечивает нормальное напряжение — тонус — мускулатуры. И, наконец, передний отдел — полушария головного мозга — является центром всей психической деятельности животного, перерабаты-

вающим все воздействующие на него раздражения и регулирующим все его поведение. Все ниже расположенные отделы головного и спинного мозга находятся во взаимодействии с полушариями головного мозга, точнее с корой полушарий, представляющей огромное скопление нервных клеток.

Современная цитоархитектоника располагает интересными данными о сложном и строго диференцированном строении различных участков (полей) коры больших полушарий головного мозга высших животных и человека, объясняющими изумительные проявления их разнообразной и многообразной психической деятельности.

Значительного развития и самостоятельности достигает у позвоночных вегетативная (автономная) нервная система, ведающая в координации с центральной нервной системой деятельностью внутренних органов — кровообращения, питания, выделения, желез внутренней секреции и т. п.

Таков схематический набросок пути, по которому развитие раздражимости привело к образованию нервной системы и органов чувств, являющихся материальным субстратом (основой) психической деятельности животных. К краткому рассмотрению последней мы сейчас и перейдем.

* * *

Рассмотрение эволюции психики от простейших животных до человека правильнее всего начать с анализа различных форм п о в е д е н и я животных, так как только такая объективная оценка внешних реакций животных позволяет нам с известной точностью судить об их психике. Другими способами проникновения в субъективный мир животных естествознание не располагает. Различные же антропоморфические догадки, т. е. предположения о психической деятельности животных по аналогии с человеком, остаются за пределами научного знания.

Рассматривая жизнедеятельность животных, начиная с простейших, биология устанавливает основную и наиболее характерную особенность всех видов в том, что организм животного всегда действует как ц е л о е. Чем сложнее организм животного, тем совершеннее специализация его различных систем и органов, тем сложнее его нервная система, органы чувств и их способность к восприятию и ответу на различные раздражения, другими словами, тем сложнее психическая деятельность животного. У амебы она выступает в виде недиференцированного ощущения и движения всего тела амебы в зависимости от характера раздражения. На гораздо более высокой ступени эволюционной лестницы — у насекомых и ракообразных—психическая деятельность выражается уже в довольно тонкой диференциации ощущений различного рода благодаря большей диференциации нервной системы и развитым органам чувств, а также в более сложных формах поведения.

Французский ученый Жак Лёб, вторую половину своей жизни

работавший в США, исследовал элементарные формы поведения животных, начиная от простейших и кончая насекомыми. Эти исследования привели его к выводу, что элементарные формы поведения — тропизмы и таксисы — определяются физико-химическими процессами, происходящими в организмах простых существ.

Повороты некоторых растений к свету, так называемые тропизмы (например, вращение подсолнуха за солнцем), или движения животных по направлению к падающему на них раздражителю или в сторону от него, так называемые таксисы, по мнению Лёба, — явления одного и того же порядка. Исходя из того факта, что большинство животных имеет симметричное строение тела, Лёб путем остроумных опытов пытался доказать, что раздражение одной половины тела животного, например лучами солнечного света, вызывает в соответствующей половине физико-химические процессы, вынуждающие животное повернуться и занять равномерное для обеих половин тела положение по отношению к источнику раздражения, в данном примере — к солнцу. Поэтому движения животных имеют вынужденный характер, обусловленный действием на разные стороны организма различных раздражителей.

И все же блестящие эксперименты Лёба не могли объяснить самых разнообразных форм поведения животных, даже низко стоящих по уровню своего биологического развития, ибо формы этого поведения настолько сложны, что их нельзя свести к физико-химическим реакциям.

Поведение каждого живого существа определяется **биологическими** закономерностями, которые на низшей ступени развития проявляются в безусловных реакциях, унаследованных данным индивидуумом в процессе эволюции вида. Эти реакции по принятой терминологии называются **инстинктами**.

Как уже было сказано, элементарный безусловный рефлекс имеется уже у медузы — с очень слабо развитой нервной системой; сильнее он выражен у иглокожих (морской еж). Чем выше мы будем подниматься по эволюционной лестнице, тем сложнее будут проявляться унаследованные в процессе эволюции вида безусловные рефлексы, образуя сложные комплексы или цепи, являющиеся физиологической основой более общего в биологическом смысле инстинктивного типа поведения животных.

Что такое инстинкт? Припомним некоторые инстинкты животных. Общеизвестны такие инстинкты, как весенний и осенний перелеты птиц или весенний нерест рыб, направляющихся из морских бассейнов в верховья рек для метания икры. Известно также, что птицы вьют гнезда, сообщая им иногда удивительную структуру, что так же ведут себя пчелы и муравьи, которые никогда не учились в архитектурных академиях, но строят такие сооружения, которые могли бы пристыдить иных архитекторов. Приведу примеры некоторых особенно интересных инстинктов, которые заставляют задуматься над сущностью этой формы поведения животных.

Академик А. Н. Северцов в своей книге «Эволюция и психика» приводит пример интересного поведения насекомого — роющей осы, сфекса, заботящегося о потомстве:

«Сначала оса роет норку, сообщающуюся узким коридором с ячейкой, в которой откладывается добыча, служащая пищей будущей личинке, затем эта добыча (сверчок) отыскивается и после некоторой борьбы крайне своеобразным способом делается неподвижной и беспомощной: сфекс перевертывает сверчка на спину, придерживает его лапками и своим жалом колет его в три совершенно определенные места, а именно в три передних нервных ганглия брюшной нервной цепочки; в результате добыча остается живой, но парализованной, так что не может двигаться. После этого сфекс приносит ее к норке, кладет у входа, влезает в норку, вылезает из нее, втаскивает туда добычу, откладывает в совершенно определенное место ее тела яйцо, из которого впоследствии вылупится личинка, и, наконец, заделывает ячейку; затем в другую ячейку откладывается другая добыча, совершенно так же парализованная, и т. д. Целесообразность (объективная — *В. К.*) этого инстинкта поразительна: слабая личинка снабжается свежей пищей, которая не портится в течение всей жизни личинки, и вместе с тем добыча неподвижна в такой степени, что не может сбросить с себя личинку — хищника, питающегося ее телом» [1].

Приведу еще один интересный пример, рассказанный мне покойным академиком Мензбиром. Одна из подмосковных синиц совершает свой весенне-осенний перелет по очень причудливой трассе. Не в пример другим птицам, которые летят с севера на юг, гонимые холодными массами воздуха, и совершают перелет по прямой, поселяясь на средиземноморских берегах Африки или Малой Азии, эта синица совершает следующий рейс: от Москвы по направлению к Рязани, затем через Куйбышев, Казахстан, Узбекистан, Бухару, Памир, Индостан и поселяется на берегах острова Цейлона. Весной она возвращается тем же путем обратно под Москву.

Спрашивается, где сумела эта синица обучиться такому искусству передвижения по сложной трассе? Такой же загадкой является передвижение угрей, совершающих сложный путь, длящийся три года, от Саргассова моря через весь Атлантический океан в Гибралтарский пролив, а затем через Средиземное море, Босфор, Дарданеллы, Черное море — в верховья Днепра, Днестра и Дуная.

Подобные «загадки» и послужили поводом для жрецов религии объяснять инстинкты животных «премудростью всевышнего», который наделил этих тварей способностью к столь разумному поведению. Ученые идеалисты в само понятие «инстинкт» вкладывали определенный смысл, объясняя эту форму поведения как проявление какой-то потусторонней, мистической силы.

Материалистическое естествознание объясняет инстинктивную

---

[1] Северцов, Эволюция и психика, стр. 26—28, М., 1922.

форму поведения животных, исходя из единственно научной теории эволюции — теории Дарвина.

Инстинкт — это наследственная сложная приспособительная реакция, которая вырабатывается у различных видов животных в процессе их биологической эволюции и сохраняет свое значение и объективную целесообразность при определенных условиях среды.

Как образовались «строительные» инстинкты у пчел, муравьев и бобров, забота о потомстве у сфекса, изумительные перелеты подмосковной синицы или морское плавание приднепровского угря?

Проследить в деталях процесс образования этих инстинктов естествознание не может, так как он длился десятки или сотни тысяч лет. Но можно с полной определенностью утверждать, что инстинктивные формы поведения, как и все остальные биологические признаки, могли образоваться случайно и, оказавшись объективно целесообразными, превратились в закономерность и обусловили выживание вида в процессе естественного отбора. При изменившихся условиях среды сохранившийся по наследству инстинкт оказывался объективно нецелесообразным и превращался в собственную противоположность, приводя вид к гибели. Сохранились лишь те особи данного вида, у которых столь же случайно появлялись новые инстинктивные реакции.

В пользу такого представления об инстинкте говорят и некоторые экспериментальные данные. Всем хорошо известен русский дятел. Он долбит кору деревьев, для того чтобы под ней найти для себя мурашки и личинки насекомых. Когда несколько таких русских дятлов с экспериментальной целью переселили в леса Южной Калифорнии, где на поверхности коры деревьев имеется обильная для них пища, дятлы все-таки продолжали попрежнему «догматически» долбить носом кору, не замечая того, что пища сама кругом сыпалась им в рот. Но затем произошло следующее: некоторые дятлы перестали вести себя таким образом, от них вывелось новое поколение дятлов, которое не затрачивало зря энергии на долбление коры. Те же из дятлов, у которых прежний инстинкт не изменился, оказались хуже приспособленными к новым условиям и вымерли. Когда же часть нового поколения дятлов с изменившимся инстинктом переселили обратно в Россию, то бо́льшая часть из них погибла, потому что инстинкт долбления был ими утрачен. Но у некоторой части возвращенных в Россию дятлов, начавших подражать своим сородичам, вновь возродился прежний инстинкт, и они уцелели. Инстинкт, следовательно, не вечен, он меняется, и это изменение происходит в результате взаимодействия данного вида с меняющейся окружающей средой.

Приведу еще один пример. Все вы знаете пословицу: «На то и щука в воде, чтобы карась не дремал». Физиологи проделали над щукой и карасем такой опыт: в водный бассейн, разделенный поперечной стеклянной перегородкой, помещали с одной стороны щуку,

с другой стороны — карася. Как только щука замечала карася, она стремительно нападала на него и при этом пребольно стукалась мордой о стеклянную перегородку, которая закрывала доступ во вторую половину бассейна. Карась, в свою очередь, в страхе отпрыгивал назад и забивался в угол бассейна. Так продолжалось на протяжении ряда дней по многу раз. Щука, оправляясь от удара, полученного за свою агрессию, вновь нападала на карася, и каждый раз с позорным для себя концом. В результате получилось явное изменение поведения щуки, которая прекратила безуспешные нападения на карася и плавала в своей половине бассейна, горделиво посматривая на своего недоступного соседа.

С другой стороны, карась перестал забиваться в угол и начал вести себя даже несколько нагло, свободно плавая возле перегородки и демонстрируя свое полное бесстрашие и презрение к агрессивной соседке. Когда вслед за изменившимся поведением обеих рыб экспериментаторы изъяли стеклянную перегородку из этого водного бассейна и щука и карась очутились в одной среде, не разделенной перегородкой, то и при отсутствии последней обе рыбы продолжали попрежнему спокойно плавать, каждая в пределах своей части бассейна. Но как только случайно щука переплывала тот условный барьер, который у нее был выработан в эксперименте, совершалась неизбежная развязка трагедии, жертвой которой становился бедный карась.

А. Н. Северцов приводит еще примеры, которые показывают, как меняется инстинктивная деятельность в естественных условиях. Путешественник-естествоиспытатель Рузвельт отмечает, что африканские слоны изменили свое поведение с тех пор, как охотники стали пользоваться дальнобойными винтовками. Слоны перестали пастись в открытых местах и переселились в леса, где они оказались лучше защищенными от пуль охотников. Точно так же поступили американские бизоны. Эта перестройка поведения произошла в течение одного поколения.

Наши русские охотники за оленями рассказывают о таком интересном факте. Раньше был принят такой способ охоты за оленями: их окружали, затем охотники, расположенные в одной части местности, поднимали шум, и когда робкие олени бросались в противоположную этому шуму сторону, их там поджидала вооруженная засада. И что же оказалось? По прошествии некоторого времени олени изменили свое поведение и, заслышав шум в одной стороне, стали бросаться в эту же сторону, на безоружную группу охотников, производивших шум, и прорывались благополучно. Охотники впоследствии перехитрили оленей и начали ставить вооруженную заставу на той стороне, где производился шум. В конечном счете олени были побеждены. Но замечателен самый факт изменения формы поведения животного под влиянием изменившейся обстановки.

Приведенные нами примеры изменения инстинктов в искусственной и естественной среде говорят не только об изменении этой

формы поведения в процессе эволюции животных, но также, — и это главное, — о появлении зачатков новой формы поведения, так называемой рассудочной деятельности животных.

Если поведение низших животных всецело определяется инстинктами, как унаследованными биологическими приспособительными реакциями, то у более высоко организованных животных мы встречаемся со способностью к образованию новых, индивидуально приобретаемых форм поведения.

Об этом свидетельствует богатейший опыт приручения и одомашнивания человеком диких животных — дикой кошки, собаки, лошади, тура, кабана, оленя и т. п., а также не менее богатый опыт дрессировки, воспитания животных, приводящий к изменению естественных инстинктов и образованию более высоких форм рассудочного поведения, дающего основания заключать об «уме» этих животных.

Современная зоопсихология располагает громадным экспериментальным материалом, разъясняющим механизм образования навыков, т. е. выученных, приобретенных форм поведения у животных, и проливающим свет на сложный характер высших приспособительных форм поведения этих животных в естественных условиях.

Разгадка физиологического механизма этой высшей нервной деятельности высших животных является величайшей заслугой русской физиологии, в особенности работ гениального классика современного естествознания — академика Ивана Петровича Павлова и созданной им школы.

* * *

В данной лекции нет возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать сущность и значение работ павловской школы, произведенных за тридцать с лишним лет. Поэтому лишь вкратце остановимся на рассмотрении некоторых важнейших фактов и выводов из этих замечательных исследований.

Прежде всего несколько слов об истории одного факта, послужившего толчком к созданию нового, важнейшего отдела естествознания — физиологии головного мозга.

Однажды в лаборатории произошел спор по поводу объяснения факта, который неоднократно до того наблюдался Павловым и его учениками. У собаки, у которой на протяжении многих месяцев изучали физиологию пищеварения, начала выделяться слюна в такой момент, когда она не имела пищи во рту, а только увидела на пороге лаборатории служителя, приносившего ей обыкновенно пищу. Этот факт сотрудники Павлова пытались объяснить тем, что собака, увидев служителя, догадалась, что он принесет ей пищу, обрадовалась, и у нее от радости «слюнки потекли». Павлов запротестовал: «Откуда вы знаете, что собака догадалась? Вы с ней разговаривали? Вы уверены, что она сообразила, поняла? Можно ли вообще так говорить о животном, субъективный мир

которого нам недоступен? Не пора ли заменить эти антропоморфические догадки и определения объективными, точными измерениями, какими должно пользоваться естествознание?»

Павлов обратился к житейской практике. Кто не знает такого факта, что слюноотделение происходит не только тогда, когда во рту имеется пища, но и тогда, когда о ней начинают думать или только проходят мимо столовой? Когда мы вспоминаем о пище или предвкушаем ее, у нас «слюнки текут». Отчего это происходит? Очевидно, в этих случаях речь идет не о слюноотделении как безусловном рефлексе, вызванном раздражением от пищи во рту, а о слюноотделении особого рода, так называемом «психическом» слюноотделении. Каков же его механизм?

Павлов решил эту задачу гениально просто: «Давайте заменим служителя, к которому собака привыкла, раздражителем, безразличным для собаки, например лампочкой или звонком. Попробуем этим раздражителем действовать на собаку до того, как она получает пищу, и посмотрим, что произойдет?».

Оказалось, что после нескольких сочетаний во времени светового раздражителя, т. е. света лампочки, с приемом пищи у собаки начала выделяться слюна в ответ на раздражение, вызванное светом лампочки.

Точно такие же результаты были достигнуты при действии других раздражителей — музыкальных звуков, раздражения кожи прикосновением предмета или электрическим током и многими другими.

Во всех этих опытах речь шла об образовании особого условного рефлекса, возникшего на основе безусловного рефлекса. Оказалось, что свет лампочки или звук метронома стали самостоятельно давать такой же эффект, какой прежде производила пища. Если же после того, как условный рефлекс выработан, его перестают подкреплять пищей, он угасает, т. е. у собаки разрушается та условная связь, которая была экспериментально выработана. Стоит, однако, вновь подкрепить ставший уже безразличным для собаки сигнал пищей, как условный рефлекс вновь восстанавливается.

Пользуясь механизмом выработки и угашения условных рефлексов, удалось выработать положительное и отрицательное отношение собаки к агенту раздражения, т. е. положительные и отрицательные условные рефлексы. С помощью метода условных рефлексов удалось установить способность собаки к тончайшему и точнейшему различению внешних агентов раздражения. Оказалось, что в некоторых отношениях собака изумительным анализом агентов внешней среды превосходит человека. Если, например, музыкальный человек различает $1/4$ и редко $1/8$ тона, то собака обладает способностью различать $1/64$ тона. То же самое в отношении белого и черного цветов. Если располагать эти цвета по оттенкам от абсолютно белого до абсолютно черного, то в пределах 50 от-

тенков человек способен различать лишь отстоящие друг от друга на один десяток, а собака различает два соседних оттенка.

Этими опытами был пролит свет на механизм аналитической способности собак, а следовательно, и других высших животных. Животные обладают способностью тонко различать внешнюю среду и те раздражения, которые для них биологически полезны или вредны.

Вслед за установлением аналитической способности животных удалось установить их способность к синтезу. У собак были выработаны положительные или отрицательные рефлексы не только на отдельные музыкальные звуки, но и на целые мелодии, не только на отдельные раздражители, но и на целые комплексы, сложные системы раздражителей. Далее было установлено, что если выработан условный рефлекс, допустим—на световой сигнал, то можно путем сочетания во времени присоединить к нему звуковой, затем осязательный или еще какой-либо сигнал, и таким образом можно выработать у собаки условный рефлекс второй, третьей степени. Этим была доказана способность животных к образованию сложных условных связей с окружающей их многообразной средой. Стало понятно, что животные с момента своего появления на свет образуют сложные системы условных связей на основе врожденных рефлексов. Одни из них играют объективно полезную роль, другие—вредную, и в зависимости от этого вырабатывается положительное или отрицательное отношение животного к разнообразным явлениям природы. Далее было доказано, что агент, имевший в одних условиях положительное значение, может стать отрицательным при изменившихся условиях. Тогда и происходит перестройка рефлекса. В этом факте, в частности, находит свое объяснение и изменение поведения оленей, бизонов и слонов, о которых была речь выше. Во всех вышеприведенных случаях налицо способность этих животных к образованию новых связей, изменяющая унаследованные ими инстинкты.

В бесчисленных вариациях по выработке условных рефлексов разного типа удалось выяснить основные закономерности высшей нервной деятельности животных. Таковыми являются два основных процесса — возбуждение и торможение—центральной нервной системы в зависимости от характера действующих на нее раздражений. По характеристике Павлова, возбуждение и торможение являются такого же рода противоположностями, как положительный и отрицательный заряды электрического тока. Иными словами, Павлов, не владевший диалектической терминологией, хотел выразить, что эти процессы взаимно проникают друг в друга, образуя единство высшей нервной деятельности животных. Между этими процессами существует сложная система переходов, взаимного положительного или отрицательного влияния (индукции), вызываемых иррадиацией, т. е. распространением, или концентрацией, т. е. сосредоточением, этих процессов в коре головного мозга. Удалось установить скорость протекания этих процессов в централь-

ной нервной системе, их подвижность, силу и интенсивность, обусловленные не только характером раздражителей, но и пластичностью самой нервной системы.

В исследованиях павловской школы получили физиологическое обоснование такие психические явления, как память, т. е. способность нервной системы давать ответ на раздражение не только в момент его действия, но и спустя продолжительное время. Уже самый метод выработки условного рефлекса разъяснял известный в психологии механизм образования ассоциаций между различными предметами. Отсюда шаг к пониманию ассоциаций между представлениями о предметах внешнего мира, что уже служит основной предпосылкой для понимания рассудочной и целенаправленной деятельности животных.

В этих исследованиях получила свое естественно-научное обоснование замечательная теоретическая формула Энгельса:

> «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно также абстракция... анализ неизвестных предметов... синтез... и, в качестве соединения обоих, эксперимент... По типу все эти методы... вполне одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени... они различны»[1].

Кроме того работы Павлова и его учеников пролили свет на механизм эмоциональной деятельности животных, на типы деятельности их нервной системы, или темпераменты, на сущность таких процессов, как сон и гипноз. Последние годы своей деятельности Павлов посвятил изучению нарушений высшей нервной деятельности, создавая экспериментальные неврозы у собак, а также добиваясь их излечения. Эти работы вплотную подвели Павлова к постановке исследования сначала патологической, а затем и нормальной высшей нервной деятельности человека. Но здесь Павлов столкнулся с трудностями, непреодолимыми для физиологии.

В 70-х годах прошлого столетия основоположник русской физиологии И. М. Сеченов высказал гениальную догадку, сформулированную им в труде «Рефлексы головного мозга». Мысль, которую в этом труде развил Сеченов, заключается в следующем: если в основе элементарных процессов нервной деятельности животных, в том числе и человека, лежит рефлекс, то не логично ли предположить, что и высшая нервная деятельность человека, т. е. деятельность, которая выражается в форме мышления, эмоций и воли, тоже является рефлекторной деятельностью, имеющей только некоторые специфические особенности, обусловленные большей сложностью этих процессов.

Эта мысль была необычайно смелой и революционной для естествознания и произвела огромное впечатление на передовую интеллигенцию последней трети прошлого столетия. Книга Сеченова была направлена против идеализма, уничтожая ту, казавшуюся не-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 430.

приступной, крепость, которую идеализм построил в такой сфере, как психология человека.

Небезынтересно отметить, что Ленин, который с исключительным интересом следил за развитием естествознания, отнесся к этой книге с большим вниманием. Не случайно в одном из первых крупнейших своих произведений — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»—Ленин солидаризируется со взглядом Сеченова [1], говоря, что «он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов...» [2].

Ленин подчеркнул значение той мысли, которая была стержнем всей книги Сеченова. Что в ней привлекало внимание Владимира Ильича? Здесь был дан ключ к материалистическому объяснению деятельности головного мозга, к материалистическому объяснению механизмов сложной психической деятельности человека.

Тем не менее физиология оставалась еще в большом затруднении до конца прошлого века перед вопросом о том, как же объяснить высшую нервную деятельность животных и человека.

Ученик и последователь Сеченова академик И. П. Павлов в одной из своих речей — «Естествознание и мозг» — ставил этот вопрос в такой плоскости:

> «Можно с правом сказать, что неудержимый со времен Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, или, общее говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. И казалось, что это — недаром, что здесь — действительно критический момент естествознания, так как мозг, который в высшей его формации — человеческого мозга — создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания» [3].

Однако причина затруднения не столько в том, что мозг должен изучать мозг, сколько в недостаточности средств, которыми располагает физиология для изучения психической деятельности человека, и в той ограниченности философского мышления гениальных в области естествознания ученых, которая не давала им возможности перешагнуть за пределы своей специальности и подняться на уровень тех теоретических обобщений, которые создает диалектический материализм.

И. М. Сеченов утверждал, что физиология может исчерпывающе объяснить психическую деятельность человека.

И. П. Павлов, будучи гораздо осторожнее своего предшественника, считал, что его исследования приподнимают завесу лишь над фундаментом высшей нервной деятельности животных и что при переходе к изучению человека необходимо внести некоторые прибавки на речевую функцию, внесшую новый принцип в дея-

[1] Хотя имя Сеченова Лениным не упоминается. — **В. К.**

[2] Ленин, Соч., т. I, стр. 65.

[3] Павлов, Двадцатилетний опыт, стр. 111.

тельность больших полушарий головного мозга, а также на «специально человеческое, высшее мышление, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец, и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в самом себе» [1].

Но эти качественные поправки уже выходят за пределы физиологии.

Таким образом, подойдя вплотную к изучению того, что для нас представляет величайший интерес — к психической деятельности человека, к его сознанию, — естествознание вынуждено искать союзника в соседней области, в истории общественного развития человечества, в тех общественных закономерностях, которые обусловили перестройку всей психики человека и определили развитие ее высших, специфических для человека форм — речи, мышления и сознания.

Таким союзником естествознания является марксизм.

* * *

В полном согласии с данными естествознания XIX века, опираясь на эволюционную теорию Дарвина, Энгельс высказал утверждение о том, что принципиальное различие между психической деятельностью людей и животных находит свое объяснение не столько в особенностях биологической организации человека, в более совершенном строении его тела, нервной системы и органов чувств, сколько в основных закономерностях, обусловливающих развитие человеческого общества.

В гениальном фрагменте Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» дан мастерский схематический набросок тех факторов, которые обусловили развитие специфических особенностей человеческой психики. Энгельс указывает на то, что основной предпосылкой для развития человеческого мышления и речи является т р у д. Именно труд, начинающийся в собственном его значении с изготовления орудий производства, был тем фактором, который создал самого человека.

Труд, потребовавший изменения четвероногого положения человека на двуногое, вертикальное, отразился на благоприятной в смысле совершенства перестройке скелета человека, в особенности на развитии его черепа. Столь же благоприятно труд отразился на развитии руки человека, которую можно рассматривать не только как орудие труда, но и как п р о д у к т труда. Развитие речи как следствие производственного общения людей произвело качественную перестройку человеческого мышления, так как посредством слов, отражавших значение предметов и связей между ними, образовывались вначале конкретные, а затем и абстрактные

---

[1] П а в л о в. Последние сообщения по физиологии и патологии высшей нервной деятельности, вып. I, стр. 23.

понятия, развилось теоретическое мышление. Несомненно, что и все материальные и духовные ценности, созданные людьми в процессе труда, должны были на протяжении тысячелетий отразиться благоприятно и на развитии их биологической организации и на развитии их психики.

Здесь мы позволим себе небольшое отступление в область современной зоопсихологии.

Мысль о труде как предпосылке развития мышления человека интересует и буржуазных ученых. С этой целью некоторые ученые — В. Кёлер, Иеркс и др. — поставили ряд интересных опытов над человекоподобными обезьянами.

Так, Кёлеру удалось показать, что эти животные, поставленные в условия, близкие к естественной обстановке (опыты производились на острове Тенерифе), обладают способностью пользоваться орудиями. Как это было доказано? Опыт ставился просто. В центре просторной клетки подвешивался банан — любимое лакомство обезьян — с таким расчетом, чтобы обезьяна при самом сильном прыжке не могла его достать. Обезьяна много раз пыталась достать плод — и безуспешно. Но тут она замечала палку, лежащую в клетке. Обезьяна хватала палку и сбивала банан. Но это она обычно проделывает и на свободе: обезьяны палками сбивают плоды. Тогда опыт усложнялся. Большая палка, которой обезьяна могла бы снять банан, была положена за пределы клетки, а в клетке была оставлена маленькая палка, которой обезьяна сбить банан не могла, но могла бы достать большую палку. После ряда безуспешных попыток сбить банан маленькой палкой обезьяна придвигала маленькой палкой большую и сбивала банан. Дальше в опыт вводились две полые бамбуковые палки, одна поменьше и другая побольше. Соединенные вместе, они были достаточны для того, чтобы достать банан, лежащий за клеткой. Обезьяна сначала делала ряд бесполезных попыток достать банан этими палками порознь, а затем начинала играть палками и случайно заостренный конец одной палки втыкала в другую. Палка неожиданно удлинялась, и обезьяна доставала ею банан. Затем опыт снова усложнялся. Маленькая палка не была уже заострена и не могла быть вставлена в большую. Тогда обезьяна обгрызала конец маленькой палки таким образом, чтобы потом можно было ее вставить в большую, и доставала банан.

Этот простой эксперимент, — а различных вариантов таких опытов было много, — свидетельствует о том, что у обезьян есть способность к пользованию орудиями труда. Этот факт сам по себе очень интересен, потому что биологические предпосылки мышления, несомненно, должны быть у животных. Опыты Кёлера и других это подтвердили.

Но следует заметить, что между пользованием орудиями труда, которое обнаружили обезьяны в опыте, и изготовлением орудий труда человеком — дистанция огромного размера.

Нельзя рассматривать занятия обезьян как подобие труда, хотя они обнаружили достаточно высокую сообразительность.

Дело в том, что для обезьян труд не является условием их существования. Они, как и другие животные, ограничиваются лишь пассивным приспособлением к природе с помощью своих естественных органов, тогда как существенное отличие человека от других животных заключается в активном подчинении природы его потребностям, в изменении самой природы при помощи орудий труда, результатом чего является и изменение самого человека. Именно в труде находит свое объяснение специфика человеческого мышления.

> «...Существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу» [1], — писал Энгельс.

Об этом с исчерпывающей ясностью говорит также классическая формула Маркса:

> «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [2].

В этой формуле, помимо ее общетеоретического значения для понимания человеческой истории и экономики, содержится также ключ к объяснению человеческой психики.

На ранней ступени своего исторического развития человек, выделившийся из животного мира благодаря труду, все еще продолжал оставаться во власти инстинктов и элементарной рассудочной деятельности. Лишь позднее, по мере развития общественной трудовой деятельности, произошел тот качественный перелом в психике человека, благодаря которому он начал определять свое отношение к окружающей его среде. Другими словами, у человека появилось сознание.

> «...Сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» [3].

Сознание людей первоначально имело характер «осознания ближайшей чувственной среды», поэтому оно являлось скорее осо-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 406.
[2] Маркс, Капитал, т. I, стр. 170, 1937.
[3] Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.

знанным инстинктом человека. Лишь впоследствии, по мере развития всей общественной практики, сознание стало **осознанием общественного бытия.**

Будучи высшей ступенью развития человеческой психики и производным от общественного бытия, сознание изменяет характер более элементарных психических функций. Так, например, к деятельности человеческих органов чувств присоединяется деятельность мышления, позволяющая человеку проникать в природу вещей гораздо глубже и полнее, чем это способны делать животные иногда с более развитыми, чем у человека, органами чувств.

«Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла» [1] — писал Энгельс.

Многообразная деятельность человека определяется не инстинктивными побуждениями, не биологическими импульсами, а руководящей силой его сознания. Так, например, вопреки инстинкту самосохранения человек нередко самоотверженно подвергает свою жизнь смертельной опасности, если такое поведение диктуется его классовым сознанием, выполнением общественного долга.

И, наконец, человеческие понятия представляют собою обобщения и, следовательно, осознание многообразных сторон бытия, в том числе и всей общественно-исторической практики.

Таков схематический, т. е. представленный в наиболее существенных чертах, огромный путь, который проделала в своем развитии материя до появления сознания.

Разумеется, что схема, пытающаяся отразить этот путь, насчитывающий даже в пределах земного шара миллионы лет, дает лишь самое приблизительное, далеко не полное представлние о диалектике перехода от материи к сознанию. В действительности же этот процесс неизмеримо сложнее, ибо каждый переход от любой элементарной психической функции к более сложной изобилует деталями, требующими обстоятельного изучения.

«Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли» — писал Ленин. Изучение диалектики этих переходов является одной из важнейших задач современной науки.

Однако тот материал, которым уже располагает современное естествознание, говорит со всей категоричностью о **первичности материи** и вторичности ощущений, представлений, понятий, сознания. Современное естествознание отметает религиозные и идеалистические представления о самостоятельности и божественном происхождении человеческого духа, мышления, показывая с абсолютной убедительностью, что мышление есть продукт материи, вещественного, телесного органа — мозга, что с прекращением деятельности мозга прекращается и деятельность мышления. Физиология высшей нервной деятельности и материалистическая психология утверждают, что все процессы психической деятельности высших животных и человека являются свойством их мозга,

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 456.

что сущность их заключается в высшей форме отображения внешней природы, у человека же — в особенности отображения его общественного бытия.

«В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях, — марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку» [1].

Это утверждение марксистского философского материализма является одним из важнейших итогов критического освоения всего исторического развития философии и обобщения данных современного естествознания.

* * *

В заключение естественно-научного рассмотрения вопроса о диалектическом переходе от материи к сознанию вкратце рассмотрим два из наиболее существенных философских вопросов данной темы.

Нередко ставится вопрос: материальна ли мысль, являющаяся свойством особым образом организованной материи, или же она идеальна, т. е. отлична от материи?

Вульгарные материалисты прошлого века — Бюхнер, Фогт и Молешотт — считали, что мысль материальна и выделяется так же мозгом, как желчь — печенью, а моча — почками.

Близкую к ним точку зрения разделял И. М. Сеченов, считавший также, что все психические явления целиком исчерпываются физиологическими процессами, происходящими в мозгу.

И даже диалектик-материалист Иосиф Дицген наряду с правильной характеристикой отличия мысли от предмета дополнял ее неверным заключением:

«Дух не больше отличается от стола, света, от звука, чем эти вещи отличаются друг от друга».

Во всех этих положениях выражена одна тенденция — противопоставить материалистическую точку зрения идеалистическим утверждениям о мысли как самостоятельной и независимой от материи субстанции.

Однако доказательство, выдвигаемое метафизическими материа-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 542.

листами», вульгарно, так как мысль относится к числу таких свойств материи, которые нельзя измерить обычными для материальных тел мерами, ибо мысль не протяженна, не является веществом.

Столь же неверно утверждение, что мысль можно свести к порождающим ее физиологическим процессам, ибо они не могут объяснить содержания мысли, определяемого общественной историей мыслящего человека.

Ошибку допускает также Дицген, на что указал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме»: «...назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом». Правильным является другое положение Дицгена: «Материя есть граница духа; он не может выйти за пределы материи». Другими словами, «Мысль не отделима от материи», но в то же время мысль отлична от нее.

> «Неправильно выраженная мысль Дицгена состоит в том, — замечает Ленин, — что и различие материи от духа **относительно, не чрезмерно**...»[1].

О том же говорит Маркс в «Послесловии ко второму изданию» «Капитала»:

> «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»[2].

Следовательно, мысль, будучи свойством материи, в то же время отлична от нее и, являясь преобразованием материи, идеальна.

Наконец, второй вопрос заключается в следующем: как нужно понимать психическую деятельность человека в свете ленинской теории отражения?

Известно, что Ленин считал логичным предположение, что всей материи свойственно отражение. Однако характер отражения различен в зависимости от того, какую из форм материи мы под этим углом зрения рассматриваем. Неорганической материи присущ характер механического, физико-химического отражения, которое выражается в определенного типа физико-химическом взаимодействии, т. е. реакциях неорганических тел.

Иной характер отражения присущ органическому миру. Организмы активно взаимодействуют со средой, обладая более или менее сложным характером биологических приспособительных реакций. Иначе говоря, в органическом мире выступает качественно новая форма отражения организмом объективного мира.

Эволюция раздражимости как одного из основных свойств жизни, приводящая к образованию психических явлений, порождает новую, высшую — психическую — форму отражения природы нервной системой организма, в частности организма человека.

«Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа»[3], — говорит Ленин.

---

[1] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 200.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 100.
[3] Ленин, Философские тетради, стр. 193.

Как же следует понимать это отражение?

«Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [1].

Если в свете ленинской теории отражения рассматривать любое из психических явлений, начиная от элементарного ощущения и кончая развитым сознанием, то окажется, что каждое из них не пассивно отражает объективную реальность, а воздействует на нее в процессе познания действительности и ее изменения.

Даже элементарное ощущение и восприятие человека, являясь результатом воздействия предметов на наши органы чувств, благодаря присоединяющейся к органам чувств деятельности нашего мышления открывают в предметах новые качества и свойства.

Память не только пассивно хранит раздражения от предметов внешнего мира, воздействовавших прежде на органы чувств, а через них на мозг человека, но и благодаря нашей воле воспроизводит образы этих предметов и мысли о них с довольно большой точностью.

Еще в более яркой форме действенный характер отражения выражен в мышлении и сознании человека.

Мысль, отражающая сущность предметов и явлений, закономерности их развития, связи и взаимодействия многообразных явлений действительности, противоречива, так как она отражает противоречия самой действительности. В то же время, обобщая общественно-историческую практику, мысль человека находит новые пути и средства для дальнейшего изменения объективного мира.

И сознание человека, будучи отражением бытия, не только отражает это бытие, но и активно участвует в его изменении.

Ленин так формулировал это положение:

«Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2].

Эта мысль необычайно глубока. Она исчерпывающе характеризует диалектическое понимание взаимодействия между материей (объективным миром) и сознанием, основанное на верной ленинской характеристике сути этой высшей формы субъективного отражения объективного мира.

По поводу второй части этой формулы иногда слышны робкие, недоуменные замечания: не может ли она привести к идеалистической трактовке происхождения мира как продукта сознания?

Подобные возражения основаны на том глубоком недоразумении, что вторая часть формулы Ленина произвольно и недопустимо отрывается от первой, тогда как Ленин дает единую диалектико-материалистическую формулу сущности сознания. Ведь прежде все-

---

[1] Ленин, Философские тетради, стр. 188.

[2] Там же, стр. 203.

го сознание есть производное от бытия, — и оно в процессе общественно-исторической практики способно это бытие изменять.

В работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» имеется прекрасная формулировка, которая развивает мысли Ленина:

«Что касается значения общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их роли в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества» [1].

Товарищ Сталин подчеркивает ту мысль, что сознание, общественные идеи не только есть функция, результат общественного бытия, но и обладают обратным и чрезвычайно активным действием на это общественное бытие.

«Так общественные идеи, теории, политические учреждения, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия, — сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь общества, создавая условия, необходимые для того, чтобы довести до конца разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие» [2].

Маркс говорит о том, что «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [3]. Почему это происходит? Потому что идеальное, первоначально возникнув из материи, в силу действенного характера отражения обладает способностью воздействовать обратно на материю, на бытие, влиять на него и его изменять.

Разве, наконец, вся та величественная практика, в которой мы все участвуем на протяжении последних 20 с лишним лет, практика переделки мира на одной шестой части земного шара, практика построения нового, социалистического общества не свидетельствует ярко о могучем влиянии передового сознания на изменение бытия?

Вся практика это подтверждает.

Когда наша партия, обобщая грандиозный опыт революционной борьбы и социалистического строительства, ставит перед трудящимися еще более величественную задачу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму, когда мы эту идею, эту великую цель — коммунизм, который был мечтой лучших умов человечества, ставим сейчас перед собой как ближайшую практическую задачу, то мы ведь поступаем не как идеалисты, а как диалектики-материалисты, понимающие активную роль сознания в преобразовании нашего бытия.

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 546.
[2] Там же, стр. 547.
[3] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 406.

Намечая великое построение коммунистического общества, XVIII съезд нашей партии указал как на решающую задачу на коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в их сознании. Этот факт также говорит о том, что наша партия в духе тех незыблемых теоретических положений, которые завоеваны диалектическим материализмом, марксистско-ленинской теорией, правильно оценивает роль общественного передового сознания в его подлинном значении.

Вот почему сейчас, перед лицом тех гигантских задач, которые перед нами стоят, мы особенно усиленно должны заботиться о том, чтобы поднять уровень коммунистической сознательности трудящихся.

И мы должны приложить всю энергию, все знания к тому, чтобы с честью выполнить эту задачу и оправдать доверие нашей партии, нашего великого вождя и учителя — товарища Сталина.

ДАРВИНИЗМ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Проф. И. М. ПОЛЯКОВ

При изучении в наших вузах IV главы «Краткого курса истории ВКП(б)» кафедры марксизма-ленинизма должны широко использовать данные современного естествознания. Учение гениального естествоиспытателя Чарлза Дарвина дает в этом отношении важный материал, который поможет нашему студенчеству овладеть основами диалектико-материалистического миропонимания.

Вышедшая в 1859 году книга Дарвина «Происхождение видов» и последующие труды гениального естествоиспытателя произвели подлинную революцию в области естествознания. Дарвин опроверг старые метафизические и идеалистические взгляды, согласно которым животные и растительные виды сотворены, не связаны друг с другом и неизменны, и доказал, что весь органический мир является связным единым целым, возникшим в процессе развития от простого к сложному. Иначе говоря, Дарвин обосновал учение об историческом развитии органического мира.

Великие открытия естествознания XVI—XVIII веков — эпохи вызревания в рамках старого феодального общества новых капиталистических общественных отношений, эпохи бурного развития производительных сил — нанесли ряд жестоких ударов религиозному, идеалистическому мировоззрению.

Гениальные труды Коперника, Галилея и Кеплера опровергли опиравшееся на религию геоцентрическое мировоззрение, согласно которому земля является центром вселенной, созданной богом, и обосновали научную гелиоцентрическую точку зрения, утвердили мысль о материальном единстве вселенной. Кант (а позже Лаплас) высказали гениальную гипотезу развития солнечной системы и образования земли. В 30-х годах XIX века Ляйелль обосновывает учение о постепенном изменении земной поверхности во времени. Установленный Лавуазье закон сохранения вещества и открытый Майером закон сохранения энергии явились предпосылкой к дальнейшему прогрессу во всех областях естествознания, способствовали укреплению позиций материализма. Синтез органических веществ из неорганических, впервые произведенный в 1828 году Ве-

лером, а позже — в большом масштабе Бертло и др., ликвидировал пропасть, казавшуюся непроходимой, между живой и неживой природой.

Все эти открытия знаменовали гигантский прогресс естествознания. В области же биологической науки картина была своеобразной. К середине XIX века во всех областях биологии был накоплен огромный фактический материал. Был сделан и целый ряд замечательных обобщений (достаточно сослаться, например, на учение о клетке). Однако общее понимание органического мира продолжало оставаться метафизическим. В биологии продолжала господствовать религиозная догма, рассматривавшая виды животных и растений как изолированные и неизменные создания творца.

Нельзя, конечно, утверждать, что господство метафизики в биологии было безраздельным. Уже в конце XVIII века и в еще большей степени в начале XIX века фактический материал, добытый биологией, с большим трудом укладывался в прокрустово ложе метафизики. Все чаще раздавались голоса естествоиспытателей и философов, пытавшихся сформулировать иную точку зрения на органический мир (Дидро, Бюффон и др.). Появились и предтечи новейшей теории развития — эволюционное учение французского натуралиста Ламарка и некоторых других. Однако вплоть до Дарвина господствовала, «задавала тон» в биологии религиозная, метафизическая точка зрения. Сокрушительный удар идеализму и метафизике в биологии и был нанесен гениальным английским натуралистом Чарлзом Дарвином, обосновавшим учение о развитии органического мира. Вот почему воззрения Дарвина получили необычайно высокую, положительную оценку Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Говоря о книге Дарвина «Происхождение видов», Маркс указывает, что «...эта книга дает естественно-историческую основу нашим взглядам» [1].

Энгельс характеризует теорию Дарвина как одно из величайших открытий естествознания XIX века.

Критикуя метафизический взгляд на природу, Энгельс пишет:

> «Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет» [2].

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 551.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 23.

В речи на могиле К. Маркса Энгельс указал, что

«Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории» [1].

Характеризуя значение теории Дарвина, В. И. Ленин пишет:

«...Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними...» [2]

Большое значение придает учению Дарвина товарищ Сталин. В воспоминаниях старых рабочих Закавказья описывается, как товарищ Сталин еще в 90-х годах прошлого века разъяснял ученикам семинарии и рабочим основы учения Дарвина. И спустя много лет, 17 мая 1938 года, товарищ Сталин, говоря о передовой науке, сказал:

«Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны» [3].

Столь высокая оценка дарвинизма обусловлена тем, что он является замечательнейшей, подлинно научной теорией. Основные положения этой теории необходимо усвоить для выработки целостного диалектико-материалистического мировоззрения.

Прежде чем приступить непосредственно к выяснению того вопроса, который является темой нашей лекции, — вопроса об отношении дарвинизма к диалектическому материализму, напомним, хотя бы в самых общих чертах, основные положения учения Дарвина.

Живая природа ставит перед исследователем два основных вопроса. Первый — чем объяснить поражающее нас многообразие органических форм? Зоологи насчитывают в настоящее время свыше одного миллиона видов животных (согласно одному из подсчетов 1 013 773 вида животных), ботаники — около 300 000 видов растений. Согласно некоторым данным, вымерших видов животных имеется около 7 000 000 и вымерших видов растений около 250 000. В этом огромном многообразии мы замечаем определенную градацию органических форм, начиная от простейших доклеточных и одноклеточных организмов и кончая высшими животными и растениями. В живой природе мы видим картину переходов от простого к сложному.

Огромное многообразие органических форм позволяет обнаружить в то же время единство, кроющееся под этим многообразием: мы замечаем, что различные виды обнаруживают определенные

---

[1] Энгельс, Речь на могиле Карла Маркса.

[2] Ленин, Соч., т. I, стр. 63.

[3] Сталин, Речь на приеме работников высшей школы в Кремле, 17 мая 1938 г.

ленные ступени близости друг к другу и эта близость простирается на особенности строения тела и жизнедеятельности, находит свое отражение в классификации организмов (об этом см. дальше). В чем же причина этого многообразия и этого единства в многообразии? Таков первый из наших вопросов.

Одновременно с разрешением этого вопроса необходимо разрешить и второй основной вопрос: почему все органические виды приспособлены к условиям существования? Можно приводить бесчисленное количество примеров этой приспособленности. Сравним, например, строение тела хищного и травоядного млекопитающего, хищной, водоплавающей и бегающей птицы, растения, произрастающего в болотистых местах, и растения пустынного и т. д. и т. п. Без труда мы обнаружим многочисленные приспособления к образу жизни, к условиям существования. Одним из замечательных примеров приспособления являются защитные окраски животных, в особенности насекомых. Покровы тела окрашены зачастую под цвет окружающей среды (сероватые и желтые тона у пустынных животных, зеленые — у насекомых, живущих среди трав, белые — у полярных животных и т. д.). Особенно разительный пример приспособления представляет мимикрия — явление, при котором беззащитное животное приобретает внешнее, поверхностное сходство с животным защищенным, получая таким образом защиту от врагов (например, некоторые съедобные бабочки по окраске сходны с ядовитыми бабочками).

Нет ни одного животного или растительного вида, который не был бы в большей или меньшей степени приспособлен к условиям существования, и надлежит разрешить вопрос, в чем же причина этой приспособленности. Таков второй основной вопрос.

Разрешая эти два основных вопроса, Дарвин обратился прежде всего к практике современного ему сельского хозяйства. Нужно было ниспровергнуть догму о неизменности видов, а для этого именно практическая деятельность человека давала замечательный материал. Ведь человеку удавалось при выведении новых пород домашних животных и новых сортов культурных растений коренным образом переделывать природу животных или растений, создавать новые формы организмов. Гениальный ученый понял, что именно изучение данной области практической деятельности человека прольет свет на важнейший вопрос об изменчивости видов.

Различие между культурными породами и сортами и их дикими предками необычайно велико. Например, дикая банкивская курица несет в год 6—10 яиц, а куры-рекордистки лучших культурных пород несут свыше 350 яиц в год. Молочная продукция коровы дикого тура (предка крупного рогатого скота), повидимому, не превышала 600 л молока в год, а лучшие современные коровы-рекордистки дают свыше 19 000 л молока в год. Зерновая продуктивность ближайших диких родичей пшеницы из пыреев и эгилопсов очень невелика, технологические качества зерна этих растений

вообще не могут удовлетворить человека. Качества пшеницы в этом отношении совершенно иные. Или сравним, например, маленький плод дикой яблони и мичуринскую 600-граммовую антоновку (средний вес одного яблока 600 г) и т. д. Таких примеров можно привести множество.

Дарвин, обдумывая относящийся сюда материал, говорит: «Мы не можем допустить, чтобы все породы возникли внезапно столь совершенными и полезными, какими мы видим их теперь: и действительно, во многих случаях мы знаем достоверно, что не такова была их история. Ключ к объяснению заключается во власти человека накоплять изменения путем отбора: природа доставляет последовательные изменения, человек слагает их в известных полезных ему направлениях». Дарвин показал, что основной силой, создавшей многообразные породы и сорта, приспособленные к хозяйственным потребностям человека, был искусственный отбор.

Среди организмов любого вида имеются по любому признаку многочисленные уклонения, изменения. Многие из этих изменений переходят из поколения в поколение, оказываются наследственными. Человек отбирает те из них, которые хотя бы в самой незначительной степени соответствуют поставленной им задаче получения новой породы или сорта. Проводя подобный отбор методически из поколения в поколение, человек усиливает нужные ему признаки, слагает их в определенном направлении и в конечном итоге коренным образом изменяет природу животного или растения. Проводя отбор в разных направлениях, человек от одного или немногочисленных диких предков получает разнообразные породы домашних животных и сорта культурных растений. Если в практической деятельности человека творческой силой, изменяющей старые виды, созидающей новые формы, является искусственный отбор, то какая же сила изменяет животные и растительные виды в природных явлениях? На этот вопрос отвечает дарвиновское учение о естественном отборе. Дарвин показал, что в природе мы имеем сложнейшие и многочисленные противоречия между организмами любого вида и окружающей их неорганической и органической средой. Эти противоречия принимают разнообразные формы борьбы за существование. Борьба, в самом широком смысле этого слова, идет между организмами одного и того же вида и между организмами, принадлежащими к разным видам; зачастую губительно действуют на организмы условия неорганической среды и т. п. В этой борьбе гибнет множество организмов и выживают немногие. А так как каждый организм чем-то, хотя бы незначительно, отличается от других организмов того же вида (изменчивость), то очевидно, что и гибель их в борьбе за существование окажется выборочной, т. е. в каждом поколении будут преимущественно погибать те особи, которые по своим признакам несколько хуже приспособлены к данным условиям существования, и будут выживать те особи, которые не-

сколько лучше к этим условиям приспособлены. Этот процесс выборочного выживания отдельных особей, случайно оказавшихся лучше приспособленными в борьбе за существование, Дарвин и назвал **естественным отбором**.

Наличие в природе процессов естественного отбора доказано огромным количеством наблюдений и опытов. Мы уже говорили о том, что ряд животных обладает интересным приспособлением — защитным сходством с окружающей их средой. Разработка учения о защитном сходстве организмов — одна из блестящих страниц дарвинизма. Ряд биологов-антидарвинистов пытался в последние годы показать, что эти особенности не эффективны и не могли произойти путем естественного отбора. В связи с этим было проведено много интересных экспериментов, которые, наоборот, доказали, что в природе идут очень интенсивные процессы естественного отбора. Один ученый изучал поедаемость маленькой рыбки гамбузии птицами и хищными рыбами. Оказалось, что в смешанной (по окраске) популяции гамбузии очень быстро происходит отбор: поедаются прежде всего те особи, окраска которых не соответствует окраске фона (например, в одном опыте в бассейне с черным грунтом было уничтожено 78% белых и лишь 22% черных гамбузий). Другой ученый исследовал поедаемость насекомых древесными лягушками. В одном из его экспериментов оказалось, что из 10 968 съеденных насекомых 10 848 не обладали защитным сходством, а из насекомых, обладавших защитным сходством, было съедено всего 120. Подобных экспериментов мы имеем в настоящее время десятки. В ряде случаев удается «подсматривать», как в природных условиях в результате естественного отбора образуются новые формы. Соответствующие исследования были проведены главным образом над растениями, насекомыми и ракообразными.

В результате естественного отбора в недрах старого вида зарождаются новые формы. Вначале эти новые формы представлены немногочисленными особями, затем число их увеличивается, признаки, отличающие их от особей исходного вида, усиливаются, и они образуют новую разновидность старого вида. А эти разновидности, обособляясь дальше, формируют новые виды: «Разновидности — это только виды, захваченные в процессе образования, или, как я их называю, зачинающие виды», — говорит Дарвин. От одного родоначального вида обычно возникает целый ряд новых видов. Одни из них приспособляются к одним условиям, другие — к другим, это помогает им занять различные места в природе, избегнуть взаимной конкуренции. Вновь возникающие формы все более и более отдаляются и от исходного вида и друг от друга (**явление расхождения в признаках**).

Жизнь началась с немногих, очень простых организмов, но в продолжение миллионов лет, в результате действия стихийных сил борьбы за существование, естественного отбора и расхождения в признаках, образовывались все новые и новые виды, приспособленные к разным условиям. Одни виды приходили на смену другим,

образовывались формы, все более и более сложные, и величественное родословное дерево органического мира является, таким образом, продуктом процесса развития, продолжавшегося, согласно современным данным, около одного миллиарда лет.

Учение Дарвина, изложенное здесь в немногих словах, было необычайно глубоко обосновано огромным фактическим материалом. Каждый тезис теории Дарвина был подкреплен многочисленными доказательствами. Учение Дарвина выдержало испытание времени и оказалось полностью подтвержденным дальнейшим развитием науки.

Победе дарвинизма и развитию идей Дарвина много способствовали труды ряда замечательных ученых.

С уважением вспоминаем мы имена славной плеяды ученых, активно боровшихся за дарвинизм, способствовавших его победе, — имена английских ученых Уоллэса, Гексли, немецких ученых Геккеля и Ф. Мюллера, американского ученого Аза-Грея, великих русских дарвинистов К. А. Тимирязева, братьев В. О. и А. О. Ковалевских, талантливых пропагандистов дарвинизма Антоновича, Писарева и др. Уоллэс разработал ряд важнейших сторон учения о естественном отборе. Гексли разрабатывал вопрос о происхождении человека от низших животных. Геккель заложил основы учения о филогении — науки об истории органического мира, о «родословной» современных организмов. Геккелю и Мюллеру вслед за Дарвином принадлежит заслуга разработки одного из замечательнейших научных обобщений — биогенетического закона. Этот закон говорит о том, что организм в своем зародышевом развитии кратко, упрощенно, «схематично» повторяет те основные этапы, которые данный вид прошел в своем историческом развитии.

Русский ученый В. О. Ковалевский перестроил на дарвинистических основах науку об ископаемых организмах — палеонтологию, а его брат А. О. Ковалевский с позиций дарвинизма разработал крупнейшие вопросы эмбриологии, создал сравнительную, эволюционную эмбриологию. Необычайно велики заслуги в борьбе за дарвинизм и в разработке основных проблем дарвинизма К. А. Тимирязева. Великий ученый-демократ мужественно и последовательно боролся со всеми силами реакции за победу дарвинизма и распространение идей Дарвина. Крупнейшую роль в борьбе за дарвинизм сыграли такие классические сочинения Тимирязева, как «Чарлз Дарвин и его учение», «Исторический метод в биологии» и др. Тимирязев показал, как следует с исторических позиций дарвинизма подходить к исследованию проблем физиологии (ибо сам Тимирязев был выдающимся физиологом растений), а также анатомии, систематики и других областей биологии. Тимирязев разработал и углубил такие важнейшие вопросы дарвинизма, как учение о приспособленности организмов к среде, учение о виде и т. д. Огромное научное значение имеют критические работы Тимирязева, в которых он, беспощадно парируя нападки антидарвинистов, в то

же время оттачивает отдельные положения дарвинизма; на некоторых аргументах Тимирязева мы еще остановимся в дальнейшем.

Не так давно умерший акад. А. Н. Северцов сделал серьезный вклад в дарвинизм разработкой таких вопросов, как выяснение путей эволюции низших позвоночных животных, исследование основных форм выработки приспособлений в эволюции, изучение основных путей эволюционного преобразования органов и т. д. О значении работ гениального ученого И. В. Мичурина и его последователей скажем дальше.

Восьмидесятилетнее развитие науки полностью подтвердило все основные положения теории Дарвина, во многом углубило дарвинизм. Это не означает, разумеется, что борьба вокруг учения Дарвина в наши дни прекратилась или смягчилась. Как раз наоборот, кризис, загнивание буржуазной культуры вызвали небывалый поход реакционеров против передовой научной теории. Об этом нам придется также говорить в дальнейшем.

Перейдем теперь к рассмотрению основного вопроса об отношении дарвинизма к диалектическому материализму.

Дарвинизм дает материалистическое истолкование живой природы. Подход Дарвина к изучению живой природы может быть назван стихийно-диалектическим. Мы говорим «стихийно-диалектическим» потому, что Дарвин не был сознательным материалистом-диалектиком. Однако гениальный натуралист объективно правильно познавал закономерности природы и сумел сделать глубокие и верные обобщения, высоко оцененные Марксом как «естественно-историческая основа наших взглядов».

Рассмотрим прежде всего, в чем сущность подхода Дарвина к познанию живой природы. В работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» подчеркнуто, что:

> «В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависимых друг от друга, — а как связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга» [1].

Мы уже говорили ранее, что свыше одного миллиона животных видов и свыше трехсот тысяч растительных видов населяют землю. В несколько раз нужно будет увеличить эти цифры, если учесть количество животных и растительных видов, населявших землю в далеком прошлом и ныне вымерших.

Дарвин показал, что понять строение тела и всю жизнедеятельность организмов любого вида мы не можем, рассматривая организмы в отрыве от окружающей их среды, от условий их существования. Виды могут существовать, только будучи приспособлен-

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 101.

вным к окружающей их среде, и если мы не учтем многообразных связей организма со средой, то ничего не поймем в устройстве любого организма.

Организмы очень тесно связаны со всей окружающей их природной средой, они находятся в сложном **взаимодействии** с другими видами, и **эти связи, эти зависимости** замечательно ярко выявлены Дарвином.

Дарвин приводит следующий любопытный пример сложного взаимодействия между организмами. В Парагвае не одичали ни лошади, ни рогатый скот, ни собаки, хотя южнее и севернее их в диком состоянии очень много. Исследования показали, что причина этого заключается в том, что в Парагвае имеется в большом количестве муха, кладущая свои яйца в пупки животных сразу после их рождения. Дарвин показывает дальше, что размножение этой мухи, несмотря на ее многочисленность, ограничено, повидимому, каким-нибудь препятствием, вероятно, другими паразитическими насекомыми. И если предположить, что число некоторых насекомоядных птиц убавилось бы в Парагвае, то это привело бы к увеличению количества паразитических насекомых, повлекло бы за собой уменьшение числа мух, кладущих яйца в пупки. Это, в свою очередь, привело бы к тому, что рогатый скот и лошади могли бы одичать, в результате чего, несомненно, сильно изменился бы характер растительности. Но характер растительности сильно влияет на состав и количество насекомых, это же обстоятельство опять-таки влияет на распространение и обилие птиц и т. д. и т. п.

Приведем еще один интересный пример. Сложную цепь взаимных зависимостей, сложную взаимную обусловленность природных явлений доказывает изучение тех случаев, когда меняется направление борьбы за существование, когда изменяется состав фауны и флоры в связи с климатическими сдвигами в той или иной местности. Проф. Кашкаров приводит описание такого рода изменений, происшедших в 1925 году в Перу. В характере береговой местности произошли сильные изменения потому, что проходившее здесь теплое течение Эль-Нино сдвинулось по каким-то причинам к югу; результатом этого явились глубокие изменения в море и на суше. Мелкие организмы, жившие в толще воды (так называемый планктон), служившие источником питания для рыб, погибли во вторгшейся сюда холодной воде, к тому же иного химического состава. Местные виды рыб погибли или удалились. Дельфины и тропические рыбы подошли к самому берегу или даже вошли в гавани. Среди птиц распространилось множество заболеваний и бесчисленное число трупов усеяло береговую полосу. Птицы из Северной Америки в связи с изменением климата передвинулись к югу. Вследствие сдвига теплой воды к югу изменились температура и другие климатические условия и прошли сильнейшие дожди. Эти дожди изменили, в свою очередь, всю поверхность суши. Пустыня превратилась в сад. Появилось множество насекомых и пауков,

которые здесь раньше не обитали. В озерах и заливах быстро росли разнообразные растения. Здесь смогли появиться стаи уток, которые раньше тут не водились. Пустыня покрылась высокой травой. Появились миллионы стрекоз, питавшихся москитами, а позднее появились и массы сверчков, живших за счет растительности. Одно изменение влекло за собой другое. Мы видим на этом примере, как все природные явления связаны друг с другом, обусловливают друг друга. Дарвиновское учение о борьбе за существование и об отборе показывает нам эти сложные связи и взаимодействия в природе.

Но это только одна сторона вопроса. Очевидно, что связь органических тел не ограничивается их взаимодействием. Мы имеем и другие, более глубокие формы связей. Великое множество животных и растительных видов, населяющих землю, не является хаосом, не является «случайным скоплением предметов». Наоборот, изучение органического мира показало, что различные виды находятся в связи друг с другом, обнаруживают разные степени близости друг к другу по строению своего тела, по своей жизнедеятельности. Эту связь мы отмечаем, объединяя наиболее близкие друг к другу виды в один род. Так, объединяются в один род собака и волк, клубника и земляника, твердая и мягкая пшеницы. Близкие роды объединяются, в свою очередь, в одно семейство, близкие семейства — в один отряд и т. д.

Органическая связь живых тел подчеркивается и теми фактами, которые свидетельствуют о единстве строения организмов. Например, в известных пределах животные обнаруживают замечательное сходство в строении. Если мы сравним строение скелета конечностей различных позвоночных животных — льва, кита, крокодила, летучей мыши, саламандры и др., приспособленных к жизни в разных условиях и различно устроенных, то обнаружим, что, несмотря на эти различия, все они обладают сходными чертами в строении скелета конечностей. Так, в передней конечности мы обнаруживаем у всех этих животных плечевую кость и кости предплечья (локтевую и лучевую), запястье, пястные кости и фаланги пальцев. Это единство в строении ученые обнаружили задолго до того, как Дарвин сумел это явление истолковать.

Глубочайшее единство живой природы, взаимную связь органических тел выявляет тот факт, что все организмы построены из сходных структурных элементов — из клеток. На это указывал Ф. Энгельс, говоря о значении клеточной теории для развития диалектического подхода к истолкованию живой природы. Действительно, разве не бьет по метафизике и не свидетельствует о единстве всей живой природы тот факт, что, например, слизистая оболочка поверхности нашего языка, кожица листа растения или ткань кишечника бабочки — все они построены из одинаковых структурных элементов, из клеток? Энгельс указывает в одном из своих писем, что:

«Как бы то ни было, изучая сравнительную физиологию, начи-

наешь испытывать величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над всеми другими животными. На каждом шагу натыкаешься носом на полнейшее совпадение строения человека с остальными млекопитающими; в основных чертах это совпадение замечается у всех позвоночных и даже — в более скрытой форме — у насекомых, ракообразных, червей и т. д.»[1]. Точно так же и изучение зародышевого развития животных говорит о природе, как о связном едином целом. Зародыши самых разнообразных животных — кролика, ящерицы, кита, курицы и др.— проходят сходные стадии развития и на ранних ступенях развития необычайно походят друг на друга.

Дарвин обратил внимание на глубочайшее единство, существующее не только в строении, но и в функциональных отправлениях различных организмов. И в этих отправлениях сквозь поражающее многообразие ясно видны черты глубочайшего единства. Дарвин показал, например, что процесс пищеварения у животных и у так называемых насекомоядных растений протекает во многом сходным образом. Дарвин показал также наличие сходных черт в выражении ощущений у животных и человека, сходство в работе мимической мускулатуры и т. п.

Наука после Дарвина сделала много открытий, углубивших наши представления о единстве органического мира. Биохимический анализ показал, например, сходство тех химических веществ, которые образуются в работающих мышцах животных. Интресно здесь то, что у самых различных животных возникают в процессе работы мышц сходные химические соединения (так называемые креатинофосфорные кислоты у позвоночных животных и аргининофосфорные кислоты у беспозвоночных). А разве, например, не свидетельствует о глубочайшем единстве природы и такой замечательный факт, что зеленое вещество растений (хлорофил) и красное вещество животной крови (гемоглобин) имеют сходную химическую основу!

Мы видим, таким образом, что многочисленные факты ярко свидетельствуют о **единстве живой природы**. Все эти факты совершенно невозможно понять с метафизической точки зрения. Действительно, если рассматривать природу как случайное скопление предметов, изолированных друг от друга, то чем объяснить указанные выше глубочайшие черты сходства, близости, единства в многообразии органического мира? Очевидно, что все эти явления могут быть поняты только в том случае, если мы подойдем к изучению их диалектически и учтем, что природа является единым целым, «где предметы, явления органически связаны друг с другом». Ученые подметили единство живой природы задолго до Дарвина, но объяснить это единство с метафизической точки зрения не могли. Впервые Дарвину удалось подойти к разрешению этого вопроса диалектически. Дарвин не только углубил

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 346.

наши представления о единстве органического мира, но одновременно и объяснил, что́ является основой, причиной этого единства. Дарвин показал, что «естественая» близость различных видов — это не что иное, как выражение разных степеней подлинного кровного родства этих видов. Именно потому, что современные виды произошли от общих предков в процессе развития, именно потому, что они связаны исторически, они и обнаруживают близость друг к другу. Единство строения или же биохимическое единство организмов полностью объясняется тем, что современные организмы развились в различных направлениях от единых общих предков, от которых они и унаследовали определенные черты сходства. Можно, например, полагать, что древнейшие наземные позвоночные животные, первенцы сухопутной фауны, обладали примитивной пятипалой конечностью, и этот тип строения, несмотря на многочисленные видоизменения, сохраняется у различнейших современных позвоночных животных. Дарвин научно истолковал причину этого единства, показав, что современные организмы исторически связаны друг с другом, являясь продуктом процесса развития.

Дарвин показал нам живую природу как процесс непрерывного изменения, развития. Наука сумела с достаточной полнотой восстановить в основных чертах путь этого развития — родословное дерево животного и растительного мира. В этом отношении особенно велики заслуги палеонтологии, которая, изучая ископаемые вымершие формы, помогает восстановить историю жизни на земле. Для ученых первой половины XIX века представлялся загадочным тот факт, что в древнейших земных напластованиях находятся остатки только просто устроенных организмов, а лишь затем, постепенно появляются в пластах земли остатки организмов более сложного устройства. Чем вообще объяснить смену форм на протяжении истории земли? Только Дарвин, научно подойдя к живой природе, сумел этот вопрос разрешить. Смена форм во времени была понята как картина, отображающая реальный процесс развития в природе, исторического развития от простого к сложному. Палеонтология показала, как постепенно развивался, усложнялся органический мир. Она выяснила основные этапы развития определенных групп животных и растений. Детально мы знаем, например, историю лошади, верблюда, слона и ряда других животных. Удалось обнаружить древнейших вымерших предков человека, показать, что человеческая ветвь развития началась от древнейших обезьян (возможно, от так называемых дриопитеков и рамапитеков). В эволюции мы имели целый ряд переходных промежуточных форм в развитии от обезьяны до человека. Остатки этих форм найдены. Это вымерший обезьяно-человек — питекантроп, синантроп, явантроп — и затем древнейшие виды того рода, к которому принадлежим и мы — рода человека (так называемый человек первобытный, или неандертальский, и др.). Отметим здесь,

что дарвинизм разрешил только одну сторону проблемы происхождения человека, доказав историческую связь человека с животным миром. Полностью же проблема антропогенеза была разрешена трудовой теорией происхождения человека, гениально сформулированной Ф. Энгельсом в его работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны».

Палеонтологии удалось установить связующие звенья между различными группами органического мира, обнаружить ряд исходных родоначальных форм. Такими формами являются, например, древнейшие наземные позвоночные животные — стегоцефалы, связующие наземных позвоночных с их водными предками — кистеперыми рыбами, рептилии (гады), давшие начало классу птиц (так называемые псевдозухии), а также своеобразные промежуточные формы между рептилиями и птицами — археоптерикс и археорнис, обладавшие признаками как птиц, так и рептилий. Обнаружены другие рептилии из группы так называемых иктидозавров, давшие начало млекопитающим животным, и т. д. Нужно упомянуть также об интереснейших находках псилофитов, первенцев сухопутной флоры, древнейших наземных сосудистых растений — родоначальников всех других наземных сосудистых растений.

История развития жизни на земле показывает, как вновь возникающие формы, пусть вначале слабые, непрочные и немногочисленные, в определенных условиях, в борьбе за жизнь, в процессе естественного отбора, вытесняют те формы, которые казались прочными, были господствующими. Весь мир организмов являет нам картину непрерывного развития и обновления, уничтожения старого и возникновения нового.

Как совершается процесс развития живой природы? Мы знаем, что

«В противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, — а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию...» [1].

Имеет ли место подобный подход в учении Дарвина?

Если говорить о взглядах самого Дарвина, то тут нужно подчеркнуть следующее. Известно, что Дарвин придерживался в корне ошибочной формулы: «природа не делает скачков». Идеологи буржуазии во времена Дарвина признавали идею развития, но развития медленного, постепенного, исключающего «скачки», революционные потрясения. «Социальное происхождение» теории Дарвина, а также философские традиции самого Дарвина, влияние

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 102.

беконианских и лейбницианских воззрений объясняют нам, почему он придерживался этой ошибочной формулы. Следует заметить, что это ошибочное представление привело Дарвина и к другим ошибкам, о которых мы здесь говорить не имеем возможности. И однако, если мы оценим учение Дарвина, взвесив фактический материал, на который Дарвин опирается, то увидим, что его учение и в этом вопросе находится в противоречии с его ошибочными формулировками и во многом стихийно приближается к диалектической точке зрения.

В процессе развития органического мира мы наблюдаем скачкообразные переходы из одного качественного состояния в другое. Мы обнаруживаем это, рассматривая и явления индивидуальной изменчивости, и процесс образования новых видов, и процесс изменения фауны и флоры в целом на протяжении прошедших геологических эпох. Мы говорили выше о наследственных изменениях. Эти наследственные изменения являются прекрасной иллюстрацией скачка. Дело в том, что характерное для каждого вида строение его клеточек, их структурные, физиологические, биохимические особенности обладают только временной, относительной стабильностью. Они изменяются в процессе жизнедеятельности организма, в процессе обмена веществ, и те из этих изменений, которые затронут воспроизводящие клетки организма, отразятся и на признаках организма, который из этих клеток разовьется. Подобные изменения материальной наследственной основы организма, приводящие к возникновению новых наследственных качеств, носят название мутаций. Мутации возникают у всех организмов с достаточно большой частотой в каждом поколении, затрагивают самые разнообразные признаки. Многие изменения этого рода были описаны самим Дарвином. У растений известны, например, мутации в форме листьев, форме кроны деревьев, окраске и т. д. Мутационным путем от нормальных растений возникают растения карликовые или, наоборот, значительно более крупные. Мутационным путем возникает ветвисто-колосость растений, изменяются содержание тех или иных веществ в их организме, длина вегетационного периода, засухо- или морозоустойчивость растений и т. д. У животных мутационно изменяются размеры, окраска, свойства шерсти, ряд физиологических признаков, плодовитость, яйценоскость и т. д.

Мутационные изменения наследственной основы организма происходят в теснейшем взаимодействии с внешними для организма условиями, которые включаются в процесс обмена веществ и ведут к изменению наследственной основы организма. В настоящее время определенными воздействиями можно экспериментально получать мутации, и ученые научаются даже вызывать нужные человеку мутации. Напомним, что процесс наследственной изменчивости доставляет неисчерпаемый материал для селекции.

Одной из самых характерных особенностей мутаций является форма их возникновения. От родителей, имеющих обычно харак-

терные признаки данного вида, породы или сорта, появляется потомство с новыми, скачкообразно возникшими, наследственными качествами.

Наследственные изменения возникают и в результате скрещивания различных организмов (гибридизации). И при гибридизации мы наблюдаем определенные изменения, которые могут быть названы качественными, появившимися в результате количественных изменений в составе плазмы (живого вещества). Ведь при гибридизации сливаются отцовская и материнская клетки и оплодотворенная яйцеклетка обладает новыми возможностями развития. Опыты показывают, что гибрид может сочетать в себе признаки обоих родителей, но может развить и совершенно новые признаки. Он не является простой механической смесью исходных форм. Многие признаки гибридов являются подлинно новыми качествами, которых не было ни у одной из исходных форм. Так, например, два растения белой окраски, лишенные пигмента, могут дать при гибридизации растение окрашенное, выработавшее определенный пигмент. И это новое качество будет сохраняться до тех пор, пока сохранится тот количественный состав биохимических веществ в плазме, который обусловил появление этого качества.

Точно так же и процесс образования новых видов говорит о единстве прерывности и непрерывности, о переходе количественных изменений в качественные. Естественный отбор накапливает отдельные наследственные изменения, имеющие положительное значение в борьбе за существование. До поры до времени эти изменения не выходят за пределы системы данного вида. В пределах вида образуются различные «местные формы», расы, разновидности и т. п., но по мере расхождения признаков, по мере накопления наследственных изменений различные части старого вида обособляются друг от друга, и, наконец, наступает момент, когда они перестают смешиваться друг с другом, становятся новыми, раздельными видами. Таким образом, вид является узловым моментом в эволюции, и видообразование служит примером перехода количественных изменений в качественные.

Это можно иллюстрировать конкретным примером. Имеется распространенный вид пшеницы — «мягкая пшеница». Эта пшеница распадается на ряд разновидностей, а эти разновидности — на ряд сортов. Широко известны культурные формы мягкой пшеницы — лютесценс, мильтурум, альбидум, эритроспермум и др.

Все формы, принадлежащие к этому виду, несмотря на ряд отличий, объединяются общими признаками в строении, легко скрещиваются друг с другом, дают плодовитое потомство. Но нам известны и другие виды пшеницы, например «пшеница Тимофеева» и др. Многие из этих видов, если и скрещиваются с мягкой пшеницей, то потомство их оказывается обычно бесплодным. Существует и целый ряд других важных различий между этими пшеницами. Например, «пшеница Тимофеева» отличается от пшеницы мягкой

своей невосприимчивостью к ряду паразитов и многими другими признаками. Нет никакого сомнения в том, что все пшеницы в далеком прошлом имели общего родоначальника. Первоначально все они были частями одного вида. Но в процессе эволюции они развивались в разных направлениях, все больше отдаляясь друг от друга, пока старый родоначальный вид не оказался «взорванным» и на его месте не возник целый ряд новых видов. Интересно, что в природе мы можем наблюдать среди различных организмов различные степени распадения старых видов, различные ступени формирования новых видов. Можно в ряде случаев наметить, где проходит качественная грань в формировании новых видов в природе.

Наконец, и развитие органического мира в целом, развитие фауны и флоры, знакомит нас также с картиной перехода количества в качество, скачкообразного перехода от одного состояния к другому. Развитие фаун и флор идет отнюдь не всегда плавно и постепенно; наоборот, в природе имеются периоды своеобразных «революций», когда фауна и флора сравнительно в короткое время перестраиваются коренным образом, когда многие виды, ранее господствовавшие на поверхности земли, вымирают или отступают на задний план, а их место заступают новые формы, более высоко организованные, лучше приспособленные, обладающие новыми возможностями покорения среды и образующие множество новых видов. Подобная перестройка органического мира произошла, например, в меловом периоде, когда вымерли тысячи видов низших растений и с огромной быстротой распространились покрытосемянные (цветковые) растения, оказавшиеся лучше приспособленными к новым условиям.

Скачки могут различаться по характеру, «размаху», продолжительности, но в целом процесс развития органической природы полностью подтверждает, что количественные изменения переходят в качественные. Процесс развития органического мира идет от простого к сложному, приводит к выработке высших, диференцированных форм.

Дарвиновское учение о борьбе за существование и естественном отборе идет в направлении стихийно-диалектического разрешения вопроса о движущих силах развития.

Огромной заслугой Дарвина является то, что он пытался вскрыть те внутренние противоречия, которые лежат в основе развития органического мира. Почему происходит процесс видообразования? Основой этого процесса являются те внутренние противоречия, которые возникают в системе самого вида между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся. Наследственность поддерживает в относительной стабильности основные характерные черты данного вида. Но изменчивость, неразрывно связанная с наследственностью, стремится эту относительную стабильность свести на-нет. Уже эти основные проявления жизни обнаруживают картину единства и борьбы противоположностей.

Изменчивость доставляет все новые и новые формы. Те из вновь возникших форм, которые получают новые возможности владения средой, оказываются неодолимыми. Коль скоро в пределах вида возникают отдельные изменения, обладающие теми или иными преимуществами перед основной массой старых, неизменившихся особей, из которых слагается вид, противоречия между новым и старым неминуемо приводят к очень ожесточенной внутривидовой борьбе за существование. В результате этой борьбы неизбежно старый вид будет взорван и на месте данного вида образуется новый или ряд новых видов.

Этот процесс протекает на основе единства и борьбы двух других противоположностей — **размножения и вымирания**. Необычайно велика сила размножения, стремящегося поддержать и распространить данный вид, но не менее велико и истребление органических форм в результате противоречий между организмами и окружающей их органической и неорганической средой. Вот несколько цифр, иллюстрирующих это положение. Одно растение щавеля дает в среднем 98 250 семян, коровяка 223 200, полыни 1 075 000; одна самка осетра мечет до 100 млн. икринок, а самка луны-рыбы — до 300 млн. Можно привести множество примеров подобного рода, которые покажут нам необычайно высокий темп размножения организмов. Однако если мы обычно не замечаем в природе чрезмерного увеличения особей какого-нибудь одного вида, то это происходит потому, что рука об руку с размножением идет жестокое истребление органических форм. Энгельс говорит о том, что можно

> «заметить в природе борьбу за существование, заметить противоречие между бесчисленным множеством зародышей, которых порождает в своей расточительности природа, и незначительным количеством тех из них, которые достигают зрелости; и противоречие это в действительности разрешается по большей части борьбой за существование, принимающей иногда крайне жестокий характер» [1].

Говоря о противоречиях, мы не ограничиваемся констатацией их наличия, а указываем тенденцию развития на основе борьбы этих противоречий. Подчеркиваем, что мы имеем во всяком явлении старое и новое, отрицательное и положительное, отживающее и нарождающееся, и именно новое оказывается неодолимым. Картина развития живой природы полностью подтверждает это положение.

Организмы живут в природе не изолированно друг от друга, а определенными группами, так называемыми биоценозами, состоящими из целого ряда связанных друг с другом животных и растительных видов. Лес, луг, пустынный оазис состоят из таких биоценозов. На основе внутренних противоречий в этих биоценозах развивается также борьба противоположных тенденций. Одни организмы питаются другими. Жизненные интересы различ-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 69.

ных видов находятся в противоречии друг с другом. Темп размножения организмов на фоне недостатков, а также неравномерного распределения жизненных ресурсов и ограниченности пространства обусловливает многочисленные противоречия в биоценозах, а на основе этих противоречий, а также борьбы противоположных тенденций, принимающих характер жесточайших антагонизмов, вырабатываются новые формы, происходит процесс развития.

Если в трактовке этого вопроса Дарвин занимает стихийно-диалектическую позицию, то это не означает, что его воззрения по этому вопросу свободны от ошибок. Дарвин не дал достаточно глубокого анализа противоречий в органическом мире, он переоценивал те формы борьбы за существование, которые вытекают непосредственно из факта перенаселения. Энгельс подчеркивает, что мы имеем формы отбора (например в связи с климатическими изменениями), для которых темп размножения организмов отнюдь не является определяющим. Энгельс возражал также против того, чтобы превращать учение о борьбе за существование в своего рода универсальный штамп, схематизировать это понятие, не давать углубленного анализа явлений:

> «Но совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше»[1].

Нужно, наконец, отметить грубейшую ошибку Дарвина, которая выразилась в его попытке применить законы биологической борьбы за существование и естественного отбора для объяснения социальных явлений. Дарвин не понимал, что человеческое общество является новым качеством, в котором господствуют особые социальные, а не биологические закономерности. Даже этот гениальный представитель буржуазной науки не мог в этом вопросе преодолеть ограниченности идеологии своего класса. Если по отдельным вопросам воззрения Дарвина и не свободны от ошибочных положений, то в основном его учение подтверждает правильность диалектического подхода к истолкованию явлений живой природы и наносит сильнейший удар метафизическому взгляду на природу.

Не нужно думать, что дарвинизму противостояла только примитивная метафизика библейского учения. Дарвинизму противостояли и противостоят и многочисленные теории современных антидарвинистов. Под «ученой» внешностью этих теорий прячется глубоко антинаучное, метафизическое содержание.

Против дарвинизма выступает сейчас целый ряд буржуазных биологов, выступает с поповских позиций, противопоставляя дарвинизму слегка замаскированную веру в сотворение.

Мы рассматриваем природу как связное единое целое, говорим

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 434.

о единстве в строении и жизнедеятельности организмов, говорим об исторической связи различных видов как об основе этого единства. Метафизики не хотят с этим согласиться. Американский зоолог Кларк выступил с теорией, названной им «теорией эогенеза», а другой известный зоолог Пржибрам опубликовал сходную теорию под названием «апогенез». Смысл этих обеих теорий заключается в утверждении, что все современные виды произошли в процессе развития от совершенно различных предков. Первые организмы, появившиеся на земле, дали, якобы, начало миллионам раздельных, обособленных друг от друга линий развития. Эти линии развития тянулись параллельно, нигде не перекрещиваясь, миллионы лет, и каждая из них привела к образованию одного из современных видов. Отсюда делается вывод, что современные виды друг с другом исторически не связаны, а являются обособленными созданиями природы. «Наша теория, — пишет Пржибрам, — не заставляет нас принять превращение одного вида в другой». Но чем же объяснить в таком случае естественную близость, сходство видов, замечательно глубокие черты единства в живой природе? Об этом Кларк, Пржибрам и прочие метафизики умалчивают или бормочут что-то неопределенное о «случайных совпадениях».

Для нас же очевидно, что мы придем к совершенному абсурду, если будем рассматривать живую природу как хаос случайных, обособленных друг от друга форм. Эта точка зрения, хотя и признает на словах «развитие», на деле является замаскированной формой поповщины. Только вместо того, чтобы сказать: бог создал каждый вид в отдельности, эти биологи говорят, что в отдельности «возникли» «первые зачатки» каждого из современных видов.

Впрочем, некоторые буржуазные биологи еще откровеннее. Они говорят, что нужно отказаться от идеи эволюции, ибо живая природа — это нечто стабильное и неизменное. Виды же растений и животных были от века такими, какими мы их знаем сейчас. Известный шведский биолог Гериберт-Нильсон прямо говорит, что дарвиновская эволюция — ««фикция» и что «положение Линнея о постоянстве видов является не догмой, а фактом».

Среди буржуазных ученых появилось сейчас множество «осторожных» метафизиков, готовых согласиться с тем, что виды изменчивы, но категорически отрицающих связь отдельных высших систематических категорий между собой. Эти метафизики готовы, например, признать, что одни виды рептилий могли возникнуть путем развития из других, но они отрицают, что, скажем, рептилии могли некогда дать начало другому классу животных, классу птиц. Классы являются для них обособленными творениями. На такой позиции стоят, например, реакционный французский анатом Виаллетон, английский зоолог Дюар и др. Все эти высказывания являются выражением самой мрачной реакции. Грань между подобными «учеными» мракобесами и мракобесами в рясах, также

пытающимися извращать науку «во славу божью», полностью стирается.

Метафизики в биологии иногда готовы говорить о развитии, понимая, однако, под этим простые количественные изменения, не ведущие к возникновению новых качеств, понимая под этим движение по кругу, повторение пройденного, «топтанье на месте». Именно в таком смысле говорили о развитии буржуазные ученые — генетики Бэтсон и Лотси, говорят сейчас их последователи — Пэннет и др.

Бэтсон сформулировал взгляд, согласно которому в основе эволюции лежит перекомбинация «наследственных зачатков», которые, якобы, в полном «наборе» существовали уже у первичных одноклеточных организмов. Подлинно нового ничего не возникает. Могут лишь разрушаться старые наследственные зачатки или они могут формировать в результате скрещиваний новые комбинации; таким путем могли возникнуть новые виды, так шла эволюция. На словах Бэтсон эволюции не отрицает, но подлинной эволюции — возникновения качественно нового — метафизик и антидарвинист Бэтсон не признает. Он делает дикое антинаучное предположение, что эволюция могла итти не от простого к сложному, а в обратном порядке. Его точка зрения приводит к выводу, что наследственные зачатки всего органического мира в полном комплексе существовали уже у первых организмов, а дальше шло лишь различное их комбинирование.

Один из видных сторонников аналогичного взгляда, голландский ботаник Лотси, писал в свое время: «Причину образования новых видов и я усматриваю только в новой перегруппировке предсуществовавших уже у родоначальных, а в конце концов, у первозданных организмов потенций или генов (наследственных зачатков). И в этом отношении я разделяю мнение Гагедорна, что, может быть, у парамеции (одноклеточный организм) передавалась из поколения в поколение генетическая вещь, обладавшая способностью сделать хвост животного вьющимся и зубы тупыми. Но за отсутствием хвоста и зубов эти вещи должны были дожидаться своего времени». Иначе говоря, Лотси делает здесь дикое утверждение, что в потенции даже наследственные зачатки, определяющие форму хвоста или форму зубов какого-нибудь копытного животного, имелись уже у одноклеточных организмов, но только... не могли проявиться.

Вот до каких чудовищных вещей договорились представители этого направления, отрицавшие возникновение новых качеств в эволюции, сводившие все к чисто количественным изменениям, комбинациям извечно существовавших наследственных зачатков, отрицавшие развитие от простого к сложному. Не могут современные метафизики согласиться с тем, что основой развития являются внутренние противоречия, присущие самим предметам, самим явлениям. Метафизики, антидарвинисты из школы так называемых ламаркистов изображают развитие как процесс плавного,

гармоничного изменения организмов. По их мнению, организмы гармонично, целесообразно перестраиваются в соответствии со средой, плавно превращаются из одной формы в другую. Противоречий развития, разрешающихся в борьбе за существование и в процессе отбора, ламаркисты не замечают.

Мы видим, таким образом, что метафизика в биологии еще жива и пытается бороться с дарвинизмом. Нужно здесь же указать, что чуждые нам реакционные идеи находят подчас поддержку и у отдельных советских ученых. Так, например, Л. Берг развивал у нас метафизическую и идеалистическую теорию номогенеза, по своим позициям аналогичную охарактеризованным выше теориям Кларка и Пржибрама. С идеалистической трактовкой понятия вида выступал зоолог Е. Смирнов. В корне ошибочные позиции занимал и ряд советских генетиков (Филипченко, Серебровский и др.). Они поддерживали метафизические представления о структуре наследственной основы организма, метафизически отрывали организм и его наследственную изменчивость от среды, от условий существования. Неправильность этих позиций была доказана в процессе дискуссии, которая прошла у нас по вопросам генетики [1]. Приведенный нами выше материал достаточно ясно говорит о том, насколько бесплодны все эти попытки метафизиков, в каком вопиющем противоречии находятся они с фактами.

Учение Дарвина рассматривает живую природу как нечто в основе своей материальное, развивающееся по законам движения материи. Историзм Дарвина — это историзм материалистический. Антидарвинистические теории рассматривают эволюцию организмов не как процесс, выявляющий закономерности развития материи, а как процесс, идущий под влиянием каких-то особых, таинственных «внутренних» сил, являющихся своеобразным видоизменением «мирового духа».

Идеалистическая школа в биологии (так называемых автогенетиков) считает, что развитие жизни на земле направляется какой-то особой «силой», заставляющей организмы усложняться и приспособляться к среде. Представители другой идеалистической школы (так называемой идеалистической морфологии — Тролл и др.) объявляют себя сторонниками философа-идеалиста Платона, считавшего наш материальный мир бледным отражением «светлого царства идей», полагавшего первичным не материю, а дух, идею.

Понятно, что эти теории не могут дать удовлетворительного объяснения процесса эволюции, процесса видообразования, не могут объяснить основной черты органического мира — приспособленности организмов к среде, их целесообразного устройства. Дарвин, исходя из материалистических позиций, сумел это сде-

[1] Подробнее об этом см. журнал „Под знаменем марксизма", № 10 и 11 за 1939 г.

лать. Наследственная изменчивость, борьба за существование, естественный отбор — все эти факторы эволюции живых существ материальны по своей природе. Закономерности естественного отбора, создающего новые формы, — это закономерности самой движущейся, развивающейся материи. Материализм Дарвина можно продемонстрировать особенно наглядно, показав, каким образом Дарвин разрешил проблему органической целесообразности, как он опроверг поповское, идеалистическое учение о целесообразности — телеологию. Маркс, характеризуя учение Дарвина, писал:

«Несмотря на все недостатки, здесь не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснено ее разумное значение» [1].

Что означают эти слова Маркса? Мы указывали уже выше, что метафизика и идеализм имели прочную опору в биологии именно в трактовке явлений органической целесообразности. Целесообразность истолковывалась как изначальное свойство живого, как произведение «мудрой божественной целенаправляющей силы». Естественно-научная и прежде всего биологическая литература до Дарвина была буквально пропитана «натур-теологией», «физико-теологией», воспевавшей премудрость творца, использовавшей факты естествознания для «обоснования» так называемого «телеологического доказательства бытия божьего». Много курьезного и неверного в истолковании органической целесообразности встречается в произведениях даже весьма почтенных натуралистов вплоть до начала XIX века. Еще в 1821 году ботаник Вильденау писал: «Мы находим чересчур много гармонии, чересчур много соответствия в природе, где все, как в механизме, прилажено одно к другому, чтобы не усомниться в том, что мудрый творец этого целого создал изначально все органические тела в той форме, в какой мы их находим сейчас». Напомним, что телеологическую точку зрения поддерживали такие выдающиеся умы, как Кант или Кювье. Ряд философов и естествоиспытателей выступал против этой телеологии (Ламеттри, Дидро и др.). Зло высмеял телеологию Вольтер в «Кандиде». Однако остроумие не решало вопроса; не решали его и глубокомысленные и подчас меткие замечания философов. Спиноза говорил, например, по адресу телеологов: «...видя устройство человеческого тела, они приходят в изумление, и из того, что они не понимают причин такого искусного строения, они выводят заключение, что оно сделано не механическим, а божественным или сверхъестественным искусством и устроено так, чтобы одна часть не вредила другой. Отсюда происходит, что всякий, кто ищет истинных причин этих чудес и старается понять вещи в природе, как ученый, а не просто удивляться им, как дурак, сплошь и рядом считается еретиком». Это замечание было совершенно справедливым, но наука до Дарвина не знала истинных причин заме-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, изд. 3-е, стр. 118.

чательной приспособленности организмов к среде. А это открывало широкие возможности для идеалистических спекуляций.

Впервые Дарвин научно, материалистически разрешил проблему органической целесообразности. Дарвинизм не просто отбрасывает понятие органической целесообразности. Это не было бы разрешением вопроса. Дарвин дает конкретную расшифровку этого понятия, «выясняет ее разумное значение», показывает, что под целесообразностью надо понимать конкретное, естественное приспособление организма к среде, показывает, что приспособленность эта в большой мере относительна. В каком смысле мы говорим об относительности целесообразности? Целесообразные приспособления не являются абсолютными, здесь невозможны идеалистические, телеологические толкования. Приспособление относительно в том смысле, что оно действует только в определенных, конкретных границах. Приведем несколько примеров. Защитная окраска насекомых, о которой мы говорили выше, делающая их незаметными на фоне окружающей среды, — прекрасное приспособление. Но ведь любые защищенные таким образом насекомые поедаются в известной мере птицами. Если одна птица не может найти такое насекомое, то другая способна его поймать. Однако это не делает эту особенность неприспособительной. Ведь от того, что броня может быть пробита снарядами, она не перестает быть броней. Но этот пример лишь подчеркивает, что всякое приспособление является всегда относительным. Возьмем другой пример: панцыри ракообразных и раковины улиток прекрасно защищают их от целого ряда животных, но абсолютной защиты нет и здесь. Например, некоторые рыбы (зубатки и др.) прекрасно «размалывают» эту броню и поедают раков, моллюсков. Любое приспособление является относительным, и очень важно, что дарвинизм подчеркивает эту относительность целесообразности в противовес идеалистическому представлению о чудесной абсолютной целесообразности, о предустановленной гармонии.

Во-вторых, диалектика вопроса заключается в следующем: то, что является приспособленным сегодня, становится неприспособленным завтра, и наоборот. Например, признаки, некогда бывшие целесообразными, становятся в дальнейшей истории нецелесообразными, теряют свое значение. Элементарнейшим примером этого могут служить остаточные, рудиментарные органы (в теле человека имеется, например, свыше 90 рудиментарных органов). Специализация организма, приспособление какого-либо вида к определенным, «узким» условиям существования на одном этапе эволюции выгодно, а на другом, как указал Энгельс, становится невыгодным, ибо фиксируется одностороннее развитие и организмы теряют зачастую свою эволюционную пластичность.

Сквозь представления Дарвина по этому вопросу также проходит красной нитью идея единства диалектических противоречий — специализированного и неспециализированного, приспособленного и неприспособленного, прогрессивного и регрессивного.

Далее Дарвин подчеркивает, и это главное, что эта относительная целесообразность является продуктом истории, чем-то исторически возникшим. Дарвин своей теорией естественного отбора дал, как мы видели, материалистическое объяснение возникновения этой целесообразности. Его теория не апеллирует к сверхъестественным силам. Борьба за существование, наследственность, изменчивость, отбор — вот те доступные анализу, доступные познанию силы природы, которые лежат в основе видообразования. Говоря о происхождении приспособлений, Дарвин стихийно-диалектически ставит вопрос о единстве случайности и необходимости в эволюции. Выработка приспособлений — это основная линия эволюции. Приспособление, «пригнанность» к среде — это необходимейшая черта жизнедеятельности организмов любого вида. Естественный отбор, создающий приспособление, — основная закономерность эволюции. Но как осуществляется эта необходимость? Отдельные наследственные изменения, возникающие путем мутации или в результате гибридизации, отнюдь не обязательно соответствуют «требованиям» среды — они могут быть и бесполезными, и полезными, и вредными. Они возникают в силу определенных причин физиологического порядка, а в отношении приспособления организмов к среде, они сами по себе, в сущности, индиферентны. Но если эти наследственные изменения случайно оказываются выгодными для организма, то естественный отбор вырабатывает из них необходимую линию эволюции, вырабатывает новый вид, и эти случайные особенности становятся особенностями приспособительными, особенностями характерными, необходимыми для данного вида. Это дарвинистское понимание приспособления исключительно ценно в методологическом отношении. Если считать, что организм в процессе индивидуальной изменчивости целесообразно «пригоняется» к среде, то этот взгляд уведет нас от материализма, приведет к идеалистическому представлению о том, что без отбора в силу таинственной «первичной целесообразности» организмы могут приспособляться к среде. Вот почему Дарвин явно избегал говорить о «прямой изменчивости» организмов под влиянием среды (без отбора) и всячески подчеркивал, что основой эволюции является отбор, использующий «неопределенную изменчивость» организмов, т. е. изменчивость, идущую в пределах данного вида в разных направлениях, не обязательно соответствующую приспособлению организмов к среде, изменчивость, которая с л у ч а й н о может совпасть с требованием отбора. Естественный же отбор, выделив те или иные наследственные изменения, этим самым в известной мере о п р е д е л я е т и характер дальнейших изменений организма. И видообразование реализуется в процессах отбора на основе единства случайности и необходимости.

Энгельс указывает поэтому, что в воззрениях Дарвина уничтожена противоположность, в плену которой находилась метафизи-

ка, — противоположность между случайностью и необходимостью. В «Диалектике природы» Энгельс пишет:

«Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии, усомниться в понятии вида, в его прежней метафизической неизменности и постоянстве» [1].

Подчеркивая это, Энгельс ставил задачу:

«Показать, что дарвинова теория является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью» [2].

В материалистическом разрешении проблемы целесообразности огромная заслуга Дарвина. Все другие эволюционные теории не выдерживают критики, прежде всего потому, что они не могут дать научного, материалистического объяснения органической целесообразности. Например, современные последователи Ламарка, так называемые ламаркисты (многие из них считают себя материалистами), утверждают, что изменчивость органических форм сама по себе идет в направлении целесообразной, приспособительной перестройки в соответствии с условиями среды. Конечно, изменчивость организмов теснейшим образом зависит от среды, от условий существования, и, обращая внимание на эту сторону вопроса, ламаркисты ошибки не делают, но они глубоко ошибаются, телеологически истолковывая эту зависимость. Ламаркисты не понимают, что, говоря словами К. А. Тимирязева, «изменяться не значит приспосабливаться, совершенствоваться». С этих позиций органическую целесообразность объяснить нельзя. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно задать вопрос: почему, действительно организмы обладают способностью целесообразно реагировать на изменение окружающих условий? Откуда у них способность вырабатывать иногда необычайно сложные приспособления? При этом нужно учесть, что подавляющая масса приспособительных признаков, как указывал Дарвин, относится к категории «взаимоприспособлений», т. е. приспособлений одних организмов к другим. А ведь если, например, съедобная бабочка приобретает внешнее сходство с ядовитой и этим защищается от поедания птицами, то ведь нелепо даже предполагать, что такие «факторы среды», как наличие других бабочек или птиц, могут непосредственно вызвать целесообразное изменение признаков данной бабочки. Предположить же, что организмы изначально обладают чудесной способностью приспособления, это значит стать на

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 505.
[2] Там же, стр. 521.

идеалистическую точку зрения, открыть двери поповщине. Вот почему, какой бы материалистической фразеологией ни прикрывались антидарвинисты-ламаркисты, как бы ни апеллировали они к среде, якобы направленно вызывающей формирование приспособлений, укрыть антиматериалистическую сущность своих воззрений им не удается. Только признавая творческое значение естественного отбора, который из отдельных, случайных в отношении приспособления к условиям среды, наследственных изменений создает приспособленные виды, мы можем объяснить процесс эволюции.

Укажем также, что дарвинизм, являясь теорией материалистической, помогает нам составить себе правильное представление и по краеугольному вопросу философии — вопросу о первичности материи и вторичности психики, сознания. Именно учение о развитии органического мира показывает нам, как по мере усложнения материальной структуры организмов, усложнения, дифференциации их нервной системы усложняется и их поведение, появляется и усложняется психика, достигая своего максимального и качественно нового развития у общественно живущего человека.

Если мы сравним, например, строение нервной системы различных классов позвоночных животных — рыб, земноводных, рептилий, птиц и млекопитающих, то увидим, что нервная система прогрессивно усложняется шаг за шагом. Все более усложняется центральная нервная система, прогрессивно развивается головной мозг и т. д. По мере усложнения центральной нервной системы все более усложняется и поведение животных. На определенной ступени усложнения центральной нервной системы появляются простейшие формы психической деятельности. Психика достигает значительного развития у высших млекопитающих, например у обезьян. Человек обладает самым сложным устройством нервной материи, мозга. У общественно живущего человека развивается и высшая качественно новая форма психики — сознание. Учение Дарвина показывает также, что совершенствование психических способностей в животном мире идет под влиянием естественного отбора. Биологи-идеалисты (так называемые психовиталисты), в противовес этому, полагают, что психика является чем-то первичным.

Марксистский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы. Теория Дарвина, вскрывающая действительные причины эволюции органического мира, объективно правильно познает этот мир, отвергая всякие ссылки на непознаваемые и таинственные «силы», якобы управляющие развитием организмов. Правильно познавая органический мир, дарвинизм помогает нам овладеть формообразованием организмов. В этом огромная ценность дарвинизма.

Актуальнейшие вопросы социалистического сельского хозяйства, вопросы селекции, создания новых пород домашних животных и культурных растений могут быть разрешены только в том случае, если наши селекционеры будут руководствоваться теоре-

тическими установками дарвинизма. Великолепно иллюстрирует это положение деятельность нашего гениального селекционера и генетика И. В. Мичурина. Мичурин — не просто выдающийся практик. Он является замечательным ученым-дарвинистом, во многом опередившим современную ему генетическую науку, обогатившим современный дарвинизм. Глубочайший знаток природы, ученый-революционер, Мичурин был величайшим мастером социалистического плодоводства. Мы говорим социалистического потому, что развернуть свой прекрасный талант в полной мере Мичурину удалось только после Великой Октябрьской революции. Мичурин поставил себе задачу — создать новые сорта плодово-ягодных растений, лучше отвечающие хозяйственным потребностям человека, лучше приспособленные к климатическим условиям, «передвинуть юг на север» — создать сорта, могущие произрастать на Севере, на Урале, в Сибири, покрыть землю нашей родины миллионами гектаров прекрасных садов. Основным путем созидания новых мичуринских садов была гибридизация и, в особенности, отдаленная гибридизация.

«На основании моих 60-летних беспрерывных работ по выводу новых сортов плодовых растений я нахожу, что путь нашего вмешательства в природу должен базироваться исключительно на искусственном скрещивании, т. е. гибридизации» — пишет И. В. Мичурин.

Для своих скрещиваний Мичурин брал разнообразнейшие культурные и дикие плодовые растения с различных концов земного шара. Он скрещивал их между собой и с местными сортами. Уссурийская груша и дикий уссурийский виноград, тибетские абрикосы, китайские яблоки и множество других форм привлекаются для этой цели.

«От такой гибридизации получалось, что южные сорта передавали своему потомству вкус, величину, окраску и т. д., а дикие морозоустойчивые виды — свою выносливость к нашим суровым зимним морозам» — пишет И. В. Мичурин.

Так создается, например, знаменитая груша бере зимняя, в которой удачно сочетаются признаки родителей — уссурийской груши и культурной бере рояль. Бере зимняя отличается прекрасной зимостойкостью и поздней созреваемостью, хорошей урожайностью, сочными, вкусными и сильно ароматичными плодами.

В некоторых случаях материалом для выведения новых сортов явились мутации (почковые изменения). Такая мутация дала, например, начало знаменитому мичуринскому сорту — 600-граммовой антоновке. На протяжении своей долгой творческой жизни Мичурин создал свыше 300 новых сортов плодово-ягодных растений. За 20 лет советской власти введено в стандартный ассортимент 55 лучших мичуринских сортов и выпущено более чем 4 млн. саженцев.

Таковы практические достижения Мичурина, но необычайно велико и теоретическое значение его работ для дарвинизма. Гени-

альный дарвинист с исключительной глубиной понимает взаимоотношение организма и среды, влияние внешних условий на формирование наследственных свойств организма. Прежде всего при подборе исходных пар для скрещивания Мичурин всегда учитывает приспособительные особенности растений, произрастающих в разных местах земного шара. Правильно оценивая эту, исторически выработавшуюся приспособленность разных растений, Мичурин уверенно сочетает в гибридах нужные ему свойства. Далее, Мичурин не просто гибридизирует, он изобретает ряд способов, облегчающих отдаленную гибридизацию. Он обращает исключительное внимание на условия существования, условия среды, которые необходимы для развития гибридов. Мичуринская теория воспитания гибридов учит, как подбором соответствующих условий существования можно направлять формирование наследственных свойств гибридов в нужную сторону. Мичурин показывает, как можно заставить у гибрида преобладать (доминировать) желательные свойства одного из родителей. Иначе говоря, Мичурин разрабатывает вопрос исключительной теоретической важности для дарвинизма — вопрос о том, каким образом внешние условия включаются в процесс развития растительного организма, влияя определенным образом на направление этого развития. Мичурин исследует основные стадии индивидуального развития растительного организма и обнаруживает «чувствительные периоды» в жизни растения, когда оно особенно доступно внешним влияниям. Мичурин показывает, что вегетативное сближение растений (прививка) может произвести глубочайшие изменения в сближенных растениях и что этот метод может и должен быть использован и практически.

Теоретические воззрения Мичурина в ряде пунктов определили взгляды его современников, работающих в области исследования наследственности и изменчивости (генетики). Гениальный ученый, поставивший своим лозунгом: «Не ждать милостей природы, а взять их у нее — наша задача», многим обогатил и теорию и практику дарвинизма.

Важные результаты получены также выдающимся советским ученым Т. Д. Лысенко. Теоретическое значение его работ очень велико. Изучая развитие растений, Лысенко обнаружил две основные стадии, два основных качественных этапа в развитии растения — так называемую стадию яровизации и следующую за ней световую стадию — и выяснил, что растение требует для прохождения каждой из этих стадий определенных внешних условий. Он показал тонкую приспособленность различных растений к условиям существования, показал, как, изменяя условия существования растений на разных стадиях, можно изменить направление их развития. Именно на основе замечательной теории стадийного развития растений Лысенко удалось добиться таких крупнейших практических достижений, как яровизация и летние посадки картофеля. Дальнейшие исследования Лысенко ведутся по пути изучения того, как изменением условий существования можно изме-

нять в определенном направлении формирование наследственных свойств организма. Эти работы представляют выдающийся интерес для селекции, для практики получения новых растительных форм.

В целом следует подчеркнуть, что опыт наших передовых селекционеров имеет огромное значение для разработки теории отбора, т. е. для дарвинизма.

И та часть учения Дарвина, которая говорит о борьбе за существование, имеет для нас не только теоретическое, но и практическое значение. Познавая проявления и закономерности борьбы за существование, мы научаемся этими закономерностями управлять. Весьма широко распространяются в нашем сельском хозяйстве так называемые биологические методы борьбы с вредителями, представляющие, в сущности, не что иное, как практическое приложение дарвиновского учения о борьбе за существование. Так, например, для борьбы с вредным клопом-черепашкой употребляется маленькое насекомое теленомус, для борьбы с непарным шелкопрядом и златогузкой — насекомые, поедающие яйца этих вредителей, — анастатус и птеромал; для борьбы с кровяной тлей, вредящей садам, используется насекомое афеликус и т. д.

На множестве примеров можно показать, каким образом познание закономерностей живой природы с позиций дарвинизма научает нас управлять теми или иными ее явлениями. И, с другой стороны, опираясь на практику и прежде всего на грандиозную практику социалистического сельского хозяйства, наши передовые советские ученые развивают и углубляют теорию дарвинизма.

В полной силе остаются слова Маркса, говорившего о дарвинизме, как о «естественно-исторической основе наших взглядов». Но мы должны помнить, что только на основе глубокого знания учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина мы сможем успешно разрабатывать актуальные проблемы дарвинизма, поднимать его на высшую ступень.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор **П. Шмелев**

Л79286. Подп. в печать 28/IV 1941 г. Тираж 25.000 экз.

Объем $22^5/_8$ п. л. 25,8 авт. л. Цена 5 р. 50 к. переплет 1 р. 50 к. Зак. 353.

Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.